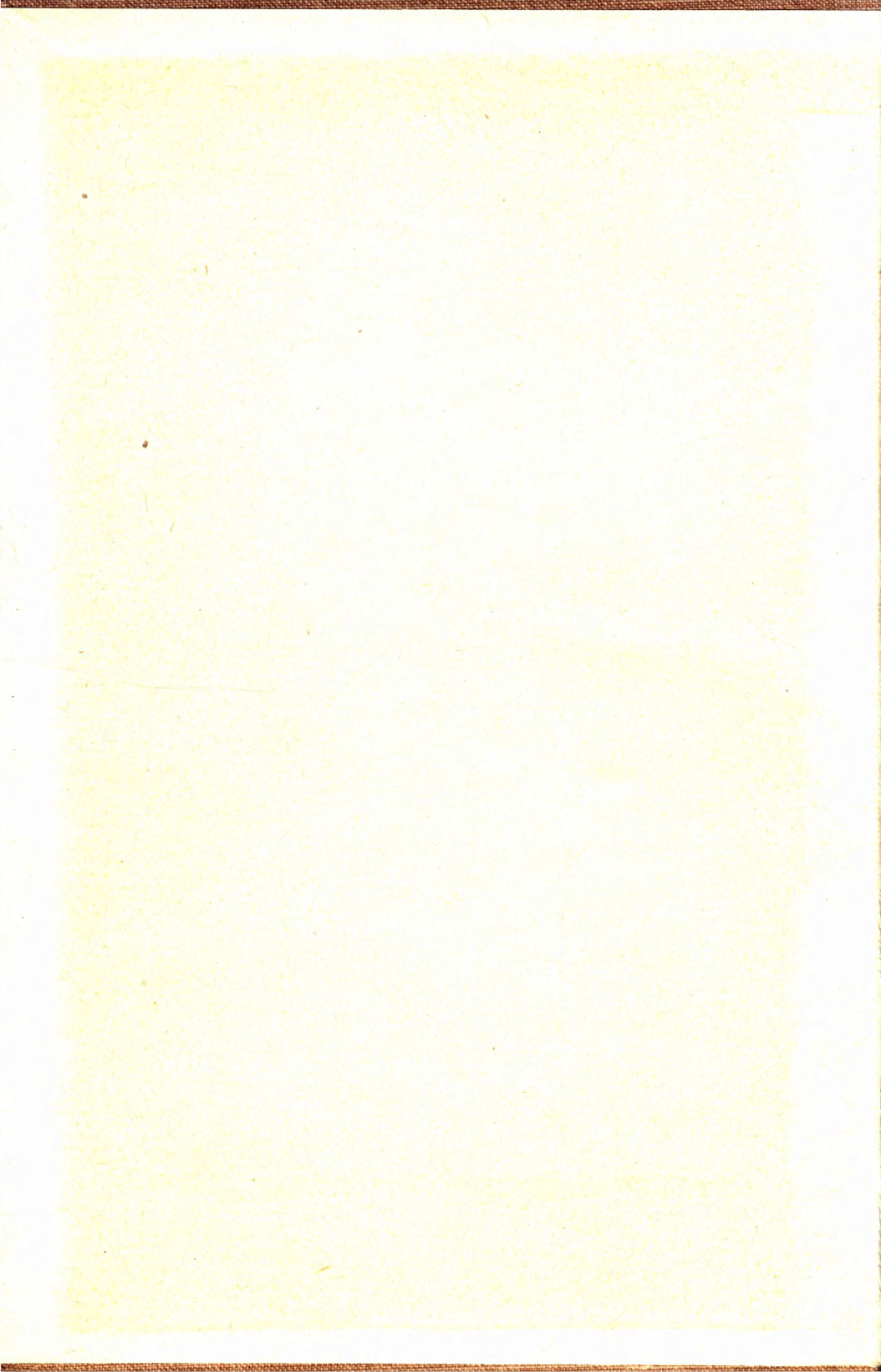

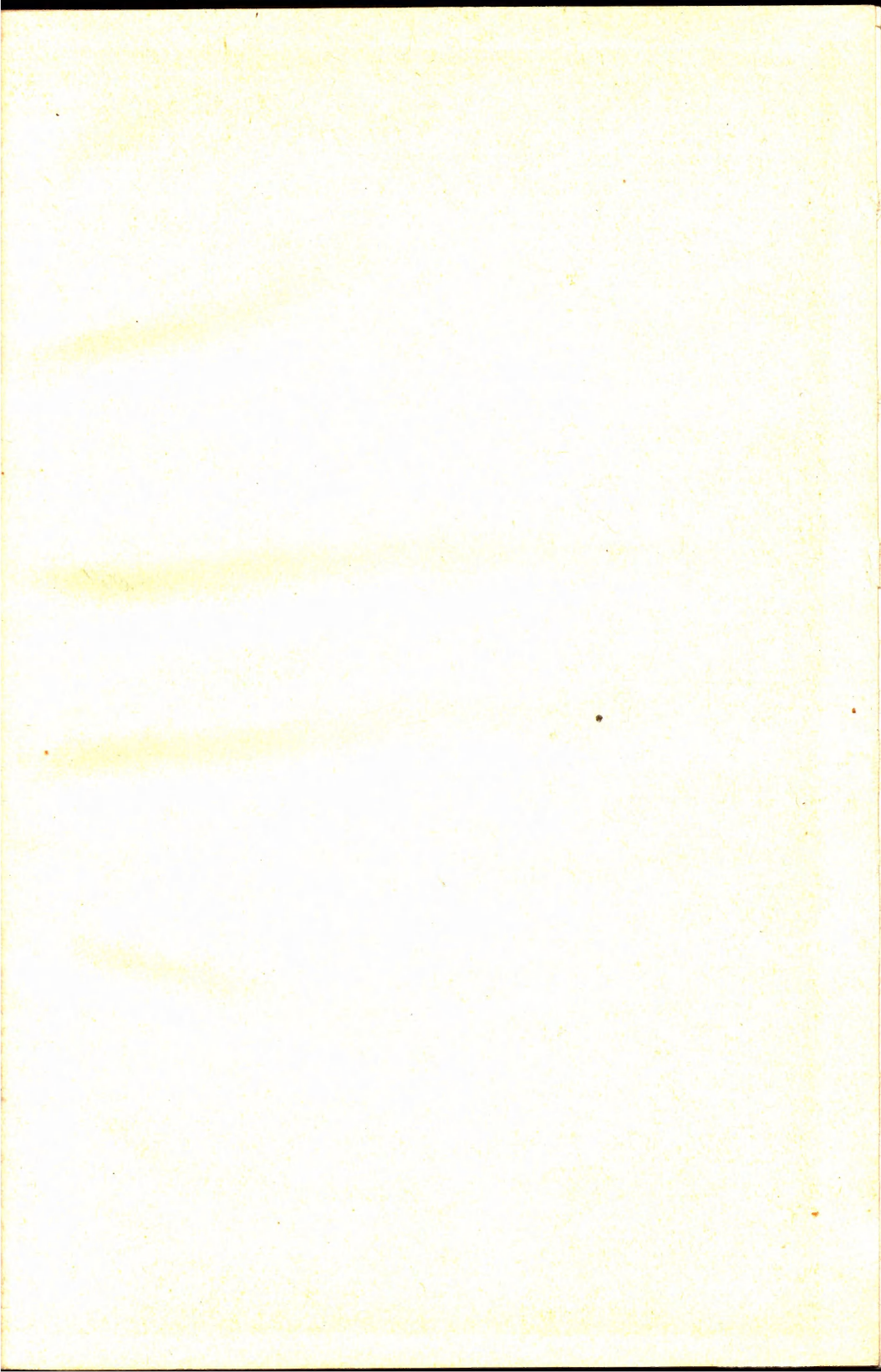
А. Ранович

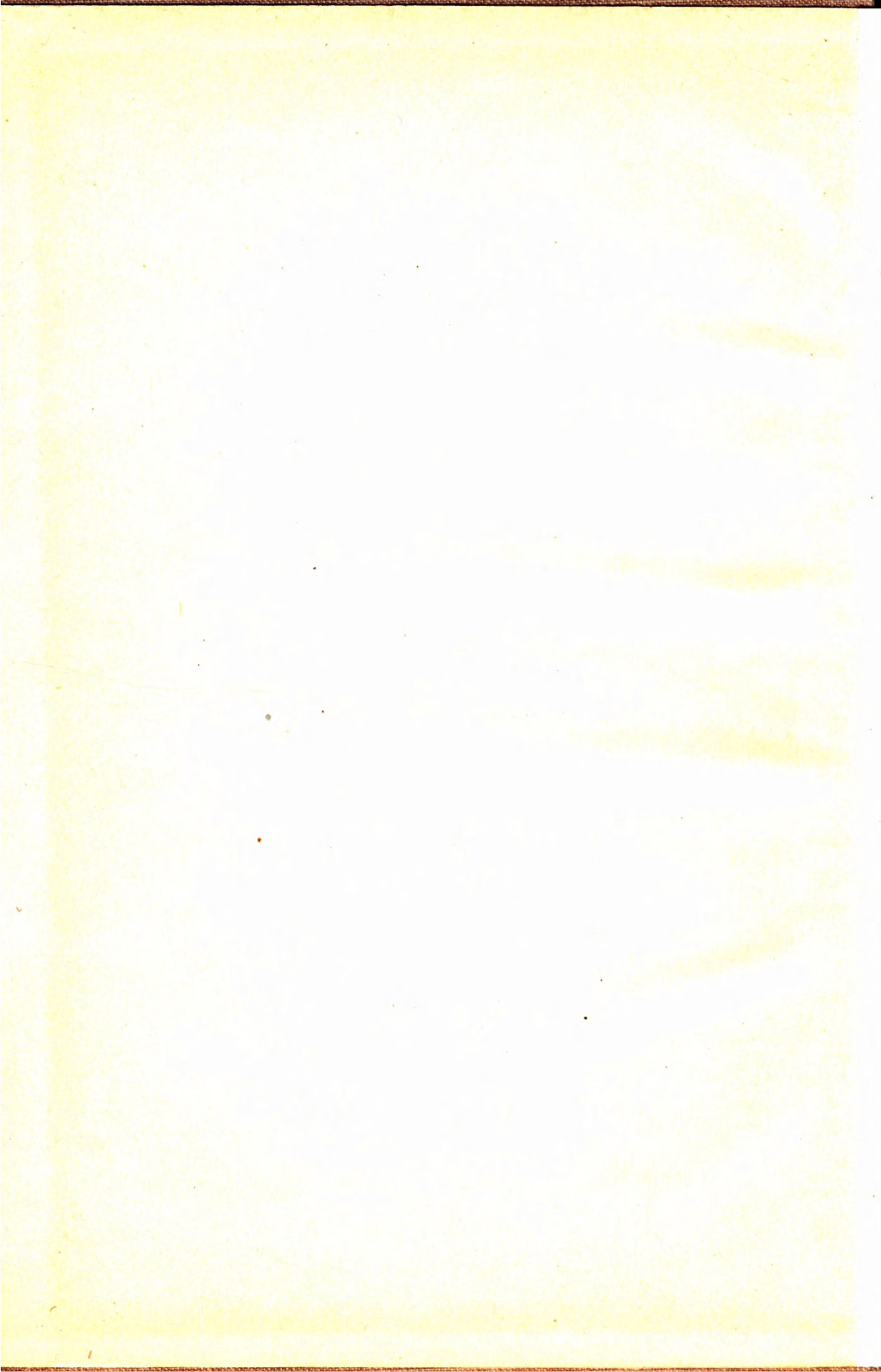
**ВОСТОЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

в I-III вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. РАНОВИЧ

ВОСТОЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
в I—III вв.

Издательство Академии Наук СССР

Москва · Ленинград

1949

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

проф. Н. А. МАШКИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восточные провинции Римской империи занимали весьма важное место в системе империи, и их изучение дает многое для понимания существа этого важного этапа всемирной истории. Но они представляют и специальный интерес как та область Средиземноморья, где складывалась выделившаяся впоследствии Восточная Римская империя и были заложены основы будущей Византийской монархии. Восточные провинции отличались не только своим географическим положением и господством греческого языка. Они имели свои исторически создавшиеся экономические особенности, обладали значительной социальной устойчивостью и культурной самостоятельностью. В то время как западные провинции полностью были романизированы, на Востоке не только романизация не сделала заметных успехов, но и эллинизация не захватила глубоко широких масс населения. Народы восточных провинций Римской империи пронесли через века эллинистического и римского владычества ряд социальных установлений и элементов культуры, унаследованных от древневосточной старины. В силу этого конкретные пути социального переворота на Востоке были иные и феодализм здесь получил иную форму, чем на Западе.

Изучение восточных провинций должно помочь не только уяснению общих закономерностей «величия и падения Рима», но и пониманию исторических судеб Восточной Римской империи, возникновения византийского государства. Но это тема особого специального исследования, которое должно охватить IV — V вв. истории Восточной Римской империи.

В настоящей же работе изложение доводится до конца III в., до разделения империи на Восточную и Западную. Хотя после

Диоклетиана империя еще не окончательно распалась и в течение IV в. не раз объединялась под властью одного правителя, но прежнего органического единства уже не было. Некоторые историки на этом основании начинают даже историю Византии с Диоклетиана. Такое деление истории Рима, игнорирующее социальный переворот, революционное свержение рабовладельческого строя общества, неприемлемо. Но в рамках истории римского рабовладельческого государства правление Диоклетиана — заметная веха.

В задачи настоящей работы не входит изучение политической истории восточных провинций Римской империи; она затрагивается лишь поскольку это необходимо для понимания их социально-экономической истории, для выяснения общих тенденций и закономерностей истории Римской империи, их конкретного выражения в условиях Востока, а также особенностей и специфических черт исторического развития восточных провинций.

ВВЕДЕНИЕ

Мало найдется проблем древней истории, о которых было бы столько споров, как о проблеме возникновения и гибели Римской империи. Особенно разноречивы мнения и представления о причинах падения Западной Римской империи. Уже в древности историки, сами бывшие свидетелями упадка империи, пытались осмыслить происходящие события. Зосим из Газы в своей «Истории», доведенной до 410 г., проводит мысль, что своим величием Рим был обязан покровительству отечественных богов и по мере того как древняя религия уступала место нечестивому христианству, империя падала все ниже. Напротив, Орозий, озаглавивший свой труд: *Historiae adversus paganos*, старается показать, что христианство не повинно в упадке империи, что оно скорее смягчило тяжесть ударов, под которыми трещала римская держава. Эти древние толкования исторического процесса относятся скорее к сфере богословия, чем науки.

Но и в наши дни буржуазные историки не могут дать сколько-нибудь удовлетворительного даже с их точки зрения решения проблемы падения Римской империи.

Современный буржуазный историк М. Ростовцев в своем обширном труде «*The social and economic history of the Roman Empire*», вышедшем в 1926 г. (итальянское издание вышло в 1933 г.), признает свое бессилие решить эту проблему. А в статье «*The decay of the ancient world*», написанной в 1930 г.,* Ростовцев пытается просто устранить самую проблему и отрицать факт падения империи. Для того времени, полагает Ростовцев, это было нормальным путем развития. Правда, империя распалась (что имело и свою положительную сторону, ибо привело к созданию европейских наций), зато консолидировалась церковь. Исчезла античная культура, но вместо нее создалась

* «*The Economic History Review*», II, 2, 1930.

христианская культура. Таким образом, потери и достижения балансируются.

Конечно, Ростовцев как историк не может не видеть факта упадка, но усматривает причины его в том, что, во-первых, Римская империя была слишком мала и бедна, чтобы создать железные дороги, фабрики и вообще крупную промышленность; во-вторых, Рим должен был отдавать все свои силы защите границ. Здесь же Ростовцев всерьез разбирает и критикует теорию некоего S. Hunnigton, объясняющего падение Римской империи истощением земли и климатическими изменениями («пульсирующий климат»).

На конференции классиков, состоявшейся в Оксфорде в сентябре 1942 г., Norman H. Baynes выступил с докладом «Об упадке Римской империи в Западной Европе».* Он последовательно разобрал и отверг одну за другой циркулирующие в буржуазной историографии теории Зеека, Т. Франка, Нильсона, М. Ростовцева и выдвинул свою собственную: падение Западной Римской империи объясняется полным расстройством коммуникаций на Западе и упадком Италии как источника доходов и резервуара людских ресурсов; на Востоке Малая Азия сохранила свое благосостояние и людей, дав, таким образом, Восточной империи силу простоять еще тысячу лет.

Эта теория не очень нова, ее выдвинул в 1938 г. Ф. Гейхельгайм в своей «Wirtschaftsgeschichte des Altertums». Но она, кроме того, ничего не объясняет, а лишь отодвигает вопрос; в самом деле, а чем объясняются расстройство коммуникаций и упадок Италии?

Бессилие буржуазных историков объяснить падение империи — результат их буржуазной ограниченности. Они подходят к античности с меркой современного капиталистического общества, некую модификацию которого они усматривают и в древнем Риме. Они не желают и не могут видеть в истории смену общественно-экономических формаций, в частности, не признают существования рабовладельческой формации с особыми присущими ей закономерностями.

Даже те историки, которым их историческое чутье подсказывает мысль о рабовладельческой основе античных обществ (например, Тарн, отчасти Эртель), не делают отсюда надлежащих выводов и в лучшем случае пытаются учесть «фактор рабства».

Много споров вызывал и вызывает также вопрос о возникновении империи и определение ее сущности и исторической

* См. Тоунбее. The classics in wartime, «Antiquity», XLII, № 63 (1943).

роли. Возникновение империи обычно изучается с формальной точки зрения. Был ли принципат видоизменением республики, или же мы имеем здесь дело с диархией (двувластием), или же, наконец, здесь перед нами завуалированная республиканской терминологией монархия?

Споры по этому поводу могут дать и дали очень интересные частные исследования и очень ценные побочные результаты, но по существу они остаются бесплодными. Возникновение империи было общественным переворотом, а переворот в том и состоит, что он порывает, в частности, с существующими правовыми нормами, из которых его, следовательно, нельзя вывести.

В истории не раз бывали случаи, когда лица и общественные группировки, совершившие переворот, пытались придать своим действиям легальную форму, но только неисправимый педант стал бы рассматривать всерьез подобного рода юридические фикции. И Октавиан, совершивший по примеру Цезаря государственный переворот, делал вид, будто он действует лишь на основании особых республиканских полномочий, а угодливые писатели и раболепные хвалебные надписи подхватили эту лицемерную установку, называя Августа «восстановителем республики», «защитником свободы» и т. п.

Гораздо ближе к истине греки, переводившие термин imperator словом αὐτοκράτωρ (самодержец), или египтяне, именовавшие императорскую землю по-старому: «царская земля». Тацит отмечает (Ann. XIII, 28), что даже при Нероне еще «оставался некоторый призрак (imago) республики»; но он ясно видит, что уже при Августе власть была единоличной (Hist. I, 1).

По сообщению Диона Кассия (LII, 14), перед окончательным переворотом Октавиан советовался со своими друзьями — Агриппой и Меценатом, причем Меценат, советуя Октавиану взять в руки власть, прямо говорит о монархии. Октавиан последовал совету Мецената. Речь Мецената, приведенная Дионом Кассием, выражает в первую очередь оценку событий, как они рисуются самому историку; но характеристика принципата как монархии — принадлежит ли она Меценату или Диону Кассию — правильна.

Если Август старался прикрыть свою военную диктатуру видимостью легальности, то вряд ли это кого-либо может обмануть, а еще меньше может историк принять всерьез комедию, разыгранную в сенате 13 января 27 г.

В перечне своих деяний Август лицемерно заявляет, что в 27 г. он передал власть в руки сената и народа; фактически же с этого времени прекращается власть сената и народа.

Август ссылается на то, что он в течение своего правления действовал на основании полномочий, полученных им в качестве республиканского магистрата, на основании *imperium* и трибунской власти; время от времени он делал великодушный жест, отвергая те или иные должности, которые ему раболепно подносил сенат. Но все эти республиканские должности и полномочия, какие Августу угодно было принять на себя, не были по существу республиканскими ни по характеру самой должности (неограниченные сроки, несменяемость), ни по источнику власти, связанной с должностью. Источником власти Августа была не комедия избрания, не волеизъявление народа, а военная сила, которая доставила власть Октавиану. Поэтому уже Тиберий упразднил комиции как совершенно ненужную фикцию. А сенат, от которого формально императоры получали власть, был фактически послушным орудием в руках императора, от которого зависели и личный состав, и функции, и права сената. Уже Август пять раз (в 29, 18, 13, 11 гг. до н. э. и в 4 г. н. э.) производил чистку и реорганизацию сената.

! Не сенат и народ были источником власти императора, а, наоборот, реальным источником власти сената и сохранившихся республиканских магистратур был император, и если ему иной раз угодно было играть в республику, это дела не меняет.

«Республиканский» характер принцепата столь же нереален, как и другая выдуманная сторонниками военной диктатуры фикция, будто императорская власть избавила народ от «тирании» тех или иных политических группировок и вернула народу «свободу». Эту мысль пустил в обращение еще Цезарь, объявивший себя защитником свободы римского народа (b. civ., I, 22). Август в тех же выражениях объявляет себя восстановителем свободы; о том же гласят надписи, статуи, воздвигнутые в честь свободы, монеты. Защитниками свободы объявляли и Клавдия, и Нерона, и Гальбу, и Веспасиана и других императоров, даже Требониана Галла. Но эта «свобода» в действительности означала прекращение политической общественной жизни, подчинение всех воле и даже самодурству диктатора.

Моральной опорой императорской власти было «всеобщее убеждение, что если не тот или иной император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью».* Это убеждение у покоренных римлянами народов и в широких массах было выражением бессилия в борьбе за сохранение своей свободы и независимости, а у высшего слоя правящего класса рабовладельцев — выра-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

жением жажды твердой власти, которая могла бы держать в узде угнетенные массы, в первую очередь — рабов.

Всеобщее отчаяние заставляло видеть в императоре посланного небом спасителя. В знаменитой приенской надписи 9 г. до н. э. (OGIS, 458) об Августе говорится: «Нам и тем, что после нас, он был послан как спаситель, чтобы положить конец войне, чтобы все упорядочить... он не только превзошел благодетелей, бывших до него, но и впоследствии никем не будет превзойден. День рождения этого бога был для всего мира началом евангелий, исходивших от него». Спасителем провозглашали Августа и последующих императоров не только в хвалебных надписях, но и в произведениях поэтов и писателей. Это было выражением не только раболепия перед всемогущим самодержцем, но и классовых воцелений рабовладельцев; народные массы искали спасителя не среди императоров, а в чисто религиозной сфере и нашли его в христианском учении.

Конечно, не во всей империи и не во всех слоях населения отношение к императорской власти было одинаковым, а исторически сложившийся в Римской республике новый монархический институт не был восточной деспотией, возникшей в иных исторических условиях, имевшей иные корни. Республиканские идеи, учреждения, методы управления, формы гражданской ответственности не были начисто отменены новой императорской властью. Ведь даже коренная революция многое сохраняет от прежнего режима. Империя многое унаследовала от республики. Да и республиканские фикции имели известное значение. Они в некоторой степени обязывали; они делали менее чувствительным переход от республики к монархии, поддерживали преемственность в области права, в организации управления на местах, в финансовой системе и т. д. Но необходимо отрешиться от взгляда на империю как на продолжение, хотя бы в других формах, республиканского режима. Империя означала политический п е р е в о р о т, бывший результатом серьезного и глубокого общественного кризиса. Если современники не замечали (или делали вид, что не замечают) насильственного характера переворота, то главным образом потому, что после Акциума Октавиан не прибегал к открытому применению силы: одной скрытой угрозы достаточно было, чтобы сделать сенат послушным воле победителя.

Да и кто мог оказывать сопротивление императорской власти? Неорганизованные, распыленные народные массы граждан, лишившиеся своего экономического и военного значения и потому политически инертные? Городской люмпен-пролетариат, развращенный политикой хлеба и зрелищ и поставлявший кадры для императорской армии? Рабы? Бесправные, они не были прямо заинтересованы в характере политического режима

и, по выражению К. Маркса, составляли лишь пассивный пьедестал для борьбы между свободными богачами и свободными бедняками. А «свободные богачи» как раз и были тем классом, во имя которого и установлена была диктатура. Противоречия между рабовладельцами и рабами, богачами и бедняками, Римом и провинциями в последний век республики достигли такой остроты, что господствовавший класс готов был отказаться от своих политических привилегий и отдаться под защиту военного диктатора. С середины I в. до н. э. борьба, собственно, велась лишь вокруг вопроса о том, кто осуществит эту диктатуру.

Общественный кризис, приведший к падению республики, — не случайность: он вытекает из самого рабовладельческого строя общества. Рабский способ производства может развивать производительные силы общества только до известного предела, притом довольно ограниченного.

Дело в том, что, во-первых, рабский труд сам по себе мало производителен и не только не стимулирует роста техники, но и препятствует ему. Это понимали уже в древности. Плиний Старший пишет: «Хуже всего обрабатывать землю при помощи рабов, находящихся в эргастулах, да и все, что делают отчаявшиеся люди, не годится» (NH XVIII, 6). Колумелла (г. г. 17) рекомендует в отдаленных имениях, которые владелец не может часто навещать, поручать обработку земли свободным колонам, а не рабам; при этом он подробно перечисляет различные виды вреда, приносимого хозяйству рабами. Плиний Младший, рачительный хозяин, также видел невыгоды рабского труда и никогда не применял труда закованных рабов (ер. III, 19). Делались попытки привязать рабов к господину представлением разного рода милостей и льгот (например Plin., ер. VIII, 16), заинтересовать их в результатах своего труда, выдавая им средства (пекулий) для самостоятельного хозяйствования, наконец, просто отпускали рабов на волю, чтобы извлечь незначительную, зато чистую и верную выгоду от вольноотпущенников, не только вносящих выкуп, но сохранявших и на воле некоторую зависимость от прежнего господина. Массовый отпуск рабов побудил Августа издать закон (Lex Fufia Caninia, Gai Inst., I, 42—43), ограничивающий право отпуска на волю рабов. Но все это были паллиативы; основой производства был рабский труд с его низкой производительностью и застойной техникой.

Невыгодность рабского труда возмещалась хищнической растратой труда раба, а поскольку рынок рабов не истощался, рабовладельцы не видели необходимости изменить существовавший способ производства. Конечно, численный рост рабов внушал рабовладельцам тревогу. Грозный призрак спарта-

ковского восстания постоянно носился перед их глазами; еще через полтора года после Спартака попытка гладиаторов бежать из казармы в Пренесте, пресеченная в корне, вызвала тем не менее панику; народ «толковал уже о Спартаке и о прежних несчастьях» (Тас., Анн. XV, 46). Но этот страх лишь толкал рабовладельцев в объятия военного диктатора.

Громадное число рабов использовалось для непроизводительного труда в качестве домашней челяди. Это вызывало иной раз моральные протесты, пропаганду умеренности и простоты нравов того времени, когда Цинцинат сам шел за своим плугом, когда «имели по одному Марципору или Люципору, которые входили в состав рода, все ели общую пищу и не было надобности дома беречься от рабов» (Plin., NH XXIII, 6). Но моральные увещания и утопические мечтания не могли, понятно, изменить положение вещей.

Рабский труд был для роста производительности труда шагом вперед по сравнению с первобытно-общинным строем общества. На почве рабского труда созданы великие цивилизации древности. Но рано или поздно наступает время, когда дальнейшему развитию производительных сил рабство уже становится помехой; а поскольку рабство все же сохраняется, упадок общества неизбежен.

Во-вторых, свободный труд, существующий наряду с рабством, неизбежно равняется по рабскому труду как ведущему. Создается отношение к труду как к рабской деятельности, недостойной свободного гражданина. Даже городские люмпен-пролетарии, ведя паразитическую нищенскую жизнь, питаются подачками богачей, бесплатными раздачами, случайными щедротами магистратов, считали унижением для себя заниматься физическим трудом. Поэтому и свободный труд (за исключением профессий, связанных с умственным трудом — скульпторов, архитекторов и т. п.) не мог сколько-нибудь серьезно содействовать росту и совершенствованию производства. Даже в сельском хозяйстве, занятии которым не считалось зазорным, техника была чрезвычайно низка. Маркс отмечает, что очень высокие цены на муку в Риме по сравнению с ценами на зерно объясняются «детским, несовершенным состоянием техники мельниц и вытекающими отсюда значительными издержками на помол».*

Расширение производства при рабовладельческом способе производства достигается в основном путем увеличения количества рабов, путем завоевания новых территорий. Этот количественный рост дает и качественные изменения: осваиваются новые виды сырья, возникают новые виды ремесла, расширяется

* К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 93, 1936 г.

круг потребностей, совершенствуются приемы строительства городов, устройства путей сообщения, судоходство, особенно техника военного дела. Но эти успехи не затрагивают существа самого производства, так как подневольный труд не создает необходимых условий для технического прогресса. «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен».*

Наступает, таким образом, рано или поздно неодолимое внутри рабского способа производства противоречие между растущими потребностями производства и его консервативной базой. «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время, как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество, гибнут от этого противоречия».**

В-третьих, рабовладельческое хозяйство, даже в периоды расцвета торговли, остается в основном натуральным; целью производства является создание потребительной, а не меновой стоимости. Здесь поэтому нет того стимула, который в капиталистическом обществе побуждает к непрерывному совершенствованию промышленной техники. Именно поэтому Аристотель и поэт Антипатр мечтают об орудиях-автоматах не как средстве увеличить производство, а как средстве избавиться от труда.*** По той же причине великие ученые древности не изобретали машин (кроме довольно грубых военных машин); производство не выдвигало этой задачи перед учеными. Бытие людей как товаропроизводителей играло подчиненную роль. Крупные рабовладельческие хозяйства обслуживали главным образом потребности самого рабовладельца, и по мере роста рабовладения росло не товарное производство, а возрастала потребность в роскоши, принявшей к периоду конца республики уродливые формы.

Далее, в процессе роста рабовладельческого общества нарастают противоречия внутри класса рабовладельцев, подтачивая основы, на которых покоилось это общество. В Риме

* К Маркс. Капитал, т. I, стр. 378.

** Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450.

*** См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 310—311.

расцвет рабовладельческого общества в его классической форме падает на III—II вв. до н. э. Но этот расцвет таил в себе зародыши упадка всей системы. Рост хозяйства вел к увеличению его товарности, к расширению роли денег, к возникновению богатства и его спутника в классовом обществе — социального неравенства, к разорению основной массы свободного населения и в результате — к гибели демократии. Издержки на раздачу римскому пролетариату составили в 73 г. до н. э. 10 млн. сестерциев, в 63 г. — 30 млн., в 56 г. — 40 млн., в 46 г. — 76 800 000. Цезарь резко сократил число лиц, пользовавшихся за счет казны дешевым хлебом, — с 320 до 150 тысяч, но уже Августу пришлось поднять это число до 200 тысяч. «Римский народ квиритов» разложился на богатых и неимущих, оптиматов и «чернь», владельцев латифундий и разоренных, большей частью обезземеленных крестьян.

При натуральном (в основном) характере хозяйства римская торговля, содействуя развитию городской жизни, не сопровождалась техническим прогрессом, даже в такой мере, как в греческих городах. То была посредническая торговля, сильно обогащавшая владельцев торгового капитала и истощавшая непосредственного производителя. А рядом с торговым развивался и ростовщический капитал, высасывавший все соки из населения, особенно в провинциях. Римские всадники были самыми беспощадными ростовщиками древности. Римское законодательство устанавливало ограничения для аппетита ростовщиков, но эти ограничения оставались фикциями и не мешали, например, «благородному» Бруту взимать 48% годовых и сложные проценты.

В соответствии с изменениями в социальном строе и экономической жизни должна была рухнуть политическая надстройка. «Город, занимающийся земледелием», — основа античной республики — перестает существовать вместе с падением экономической силы свободного крестьянства. В результате расширения территории римской гражданской общины и установления для италиков различных категорий гражданских прав и различных степеней бесправия с конца II в. до н. э. нарастали противоречия и конфликты, дошедшие до кульминационной точки в союзнической войне.

Если в пределах Италии был возможен компромисс в виде дарования италикам значительно потерявших свою цену гражданских прав, то выход Рима за пределы Италии создавал новые трудности. Рим фактически перерос рамки полиса и превратился в мировую державу, где провинции по своему экономическому значению превосходили Рим и Италию; поэтому политика ограбления провинций стала угрожать самому существованию римской державы. Только используя, а не расто-

чая ресурсы провинций, Рим мог сохранить свое положение мировой державы; но это не доходило до сознания государственных деятелей, продолжавших смотреть на провинции как на «добычу римского народа».

Противоречия между богатыми и бедными, римлянами и италийцами, Римом и провинциями дополняли собой основное противоречие — между рабовладельцами и рабами. Массовые восстания рабов в Сицилии, грандиозное восстание Спартака глубоко потрясли основу римского государства.

С начала I в. до н. э. Рим вступил в полосу глубокого социального, экономического и политического кризиса. Поражение спартаковского восстания делало революционный выход из кризиса в условиях того времени невозможным. В Греции, пережившей на другом этапе истории подобный кризис, разрешение его было дано тем, что она была покорена Македонией и было создано новое, более обширное экономическое и политическое единство в виде державы Александра и эллинистических монархий. Узкие рамки греческого полиса были прорваны, и в течение ста с лишком лет эллинистический мир, особенно Восток, получил возможность дальнейшего роста. Однако эллинизм не только не устранил внутренних противоречий рабовладельческого общества, но еще углубил и обострил их, и во II в. до н. э. начинается снова затяжной кризис, приведший к падению эллинистических государств.

В Риме кризис разрешился иным путем — установлением военной диктатуры. Демократия была подавлена в интересах господствующего класса. Новый режим — империя — был основан на насилии. Он сохранил все органические пороки рабовладельческого строя общества, вступившего в свой последний этап, за которым должна была последовать гибель или коренная революция.

Империя означала конец изжившей себя гражданской общины города Рима. В отличие от Римской республики империя, рассматриваемая на протяжении ее истории в целом, представляла единое государство, в котором было гораздо больше органического единства, чем в эфемерных «мировых» державах древнего Востока или даже в эллинистических государствах. Различия между Италией и провинциями постепенно сглаживались. Создавались условия для более рационального использования богатых экономических ресурсов провинций, для установления регулярных экономических связей Италии с провинциями, и провинций между собой. Это означало укрепление позиций господствующего класса, расширение экономической базы общества до границ тогдашней ойкумены.

Для эллинистического Востока включение в состав империи означало, несмотря на дорогую цену, какую народам Востока

пришлось заплатить за это объединение, выход из безнадежного кризиса, в который вновь, в силу внутренних пороков рабовладельческого строя общества, вступил эллинистический мир во II — I вв. Омоложенный римским завоеванием эллинистический Восток получил возможность заново повторить процесс своего развития на высшей ступени. Это важное обстоятельство обычно оставляется без внимания; образование Римской империи рассматривается лишь в аспекте истории Рима. Но это был громадного исторического значения поворот и в истории эллинистического Востока. В новом объединении, на этот раз под властью Рима, Восток получил новый толчок для экономического подъема, и в период всеобщего разложения, неизбежно наступившего в империи, Восток сохранил значительную устойчивость; переход к феодализму совершился здесь без завоеваний извне, сохранилась и формальная преемственность между Византией и Восточной Римской империей.

Политическое единство, созданное Римской империей, было гораздо более прочным и глубоким, чем единство, созданное эллинизмом. Александр не довел до конца задачи — «привести оба величайших материка к общему единомыслию и родственной дружбе» (Diod. XVIII, 4, 4; ср. Plut., de fort. Alex. VI), а в эллинистических монархиях эллинизация коснулась главным образом городского населения; правовое положение народных масс не только в Египте, но и в Азии и Сирии существенно не изменилось. Римская империя пошла гораздо дальше. По мере того как гражданские права превращались постепенно в формальное звание, за которым уже не оставалось реального содержания, они все шире раздавались провинциалам. Уже при Августе, как об этом свидетельствуют надписи из Киренаики и Розоская надпись, появляется система двойного гражданства (получивший римское гражданство остается вместе с тем гражданином своего города) — переход от гражданства отдельного города к гражданству общегосударственному. Римский гражданин, по старым понятиям — гражданин города Рима, становится гражданином, затем просто подданным Римской империи.

Расширение римского гражданства в период империи до сих пор еще не исследовано, так как материалы для этого недостаточны.* Но тот факт, что дарование гражданских прав всему

* Этому вопросу посвящена статья Н. А. Машкина «Из истории римского гражданства», «Изв. АН СССР, серия ист. и филос.», № 5 (1945), стр. 359—372. Работа Ch. E. Goodfellow, *Roman citizenship*, Lancaster, 1935, мало удовлетворительная, доводит исследование только до смерти Августа. Интересный, но слишком ограниченный

населению империи в 212 г. не произвело большого впечатления на современников, показывает, что к моменту издания эдикта Каракаллы римское гражданство не было ни особо ценной, ни особо редкой привилегией. Во всяком случае эдикт Каракаллы, несомненно, лишь завершил процесс расширения римского гражданства, неуклонно продолжавшийся в течение двух столетий.

Оборотной стороной подавления демократии, прекращения политической общественной жизни было уравнивание всего населения империи. Провинции постепенно поднимались до политического уровня Рима и Италии по мере того, как уровень этот понижался. Новое административное деление империи, проведенное Диоклетианом, не считавшееся со старым делением на сенатские и императорские провинции, включившее и Италию в общую административную систему, было выражением превращения всего населения империи в одинаково бесправных подданных.

Тенденция к всеобщему уравниванию проявлялась не только в сфере политически-правовой. Единая империя ломала и сметала во всех провинциях старинные установления, обычаи, местное законодательство, культурные традиции, предавала забвению даже местные языки. Многочисленные народности, еще связанные со старым общинным бытом, не изжившие естественно-родовых связей, растворялись в едином народе, в котором исчезли и сами римляне, *populus Romanus Quirritium*. Латинский язык на Западе, греческий на Востоке (хотя и не в такой степени, как латинский) стали господствующими, если не единственными языками. Интересно, что название «римляне» (ромеи) было присвоено восточным грекам. Даже в такой консервативной сфере, как религиозной, тенденция к уравниванию всего населения сказалась особенно отчетливо. Новая религия, христианство, не признававшая ни эллина, ни иудея, ни варвара, обращавшаяся ко всем без различия, захватывала все более обширные массы населения, вопреки сопротивлению императорской власти.

В этом процессе нивелирования заключалась прогрессивная историческая роль Римской империи, облегчившей таким образом возможность перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации и к образованию впоследствии европейских наций.

Но не следует забывать, что Римская империя представляла последнюю стадию рабовладельческого общества, стадию разложения формации, что связано с обострением классовых

материал собран в посмертном произведении У. Рамсэя — «The social basis of Roman power in Asia Minor», Aberdeen, 1941. См. также Scherwin-White, The Roman Citizenship. Oxf. 1939.

противоречий, усилением гнета над массами трудящихся; в это время вырываются элементы новых общественных отношений, нарастают силы, которым предстоит, при благоприятных исторических условиях, свергнуть рабовладельческий строй общества. Поэтому вызванный образованием единой империи экономический подъем сопровождался жестоким угнетением трудящихся. Политические кризисы принимают все более затяжной и тяжелый характер, запах гниения исходит от блестящих покровов, в которые облекается императорская власть; даже военная мощь, на которую опиралась диктатура, таит в себе элементы разложения императорского режима.

Конечно, объективная тенденция к нивелированию населения империи не была и не могла быть осознана римскими правителями, руководившимися лишь ближайшими целями и задачами — финансовыми, военными, административными. Правда, новые идеи единства, смутные и не облеченные в форму конкретного плана политических действий, унаследованные от философских учений эллинизма, проложили себе путь и в Рим. *Concordia Augusti* — прямое продолжение *брюноа*, единомыслия, которое пропагандировалось греческими философами.* Но на практике продолжало господствовать убеждение в превосходстве Рима, которому должны подчиниться другие народы. Лишь в религиозной области сознавалась необходимость «дополнить мировую империю мировой религией». Этой цели отчасти служил императорский культ, насаждавшийся сверху, а с III в. делались попытки ввести единую религию — Непобедимого солнца, Митры; наконец, религией империи было признано христианство, но к тому времени процесс уравнивания, отражением которого явилось христианство, был уже завершен.

Образование единой империи, уничтожение перегородок, какие ставили между народами старые общественные условия жизни, нивелирование населения, т. е. все то, что делало империю высшим этапом развития рабовладельческого общества, достигались средствами насилия, источавшими производительные силы, приведшими в конце концов империю к крушению.

Учреждение империи означало прежде всего фактическое упразднение республиканских магистратур в самом Риме. Они продолжали существовать номинально, но перестали быть выборными и, главное, лишились многих своих прерогатив, перешедших к императору. Консулат превратился в почетный

* См. об этом интересные замечания в статье W. T a r n, Alexander the Great and the unity of mankind, «Proceedings of the British Academy», v. XIX (1933), стр. 193.

титул, который императоры раздавали своим приближенным, и дошло до того, что в 189 г. было 25 консулов. Консулы продолжали оставаться эпонимами, по которым велось летоисчисление, но никаких административных функций у них не осталось. Характерно, как это исчезновение реального значения консульства отразилось в арамейском языке; в Талмуде греческое *hypateia* («консульство») встречается в значении «эра»; так живой язык реагировал на изменившееся положение вещей. Звание трибуна, по словам Плиния Младшего, «пустая тень, звание без почета». Преторы были лишены инициативы в разработке и изменении норм частного права. Составленный Сальвием Юлианом по распоряжению Адриана *edictum perpetuum* заменил раз навсегда преторские эдикты, а источником права становится nova auctoritas — император.

Параллельно со старыми, республиканскими по названию магистратурами создается центральный административный аппарат, состоявший вначале из вольноотпущенников и рабов, постепенно превращавшийся в бюрократический правительственный аппарат. Хотя провинции при Августе были поделены между императором и сенатом, но фактически император распоряжался провинциями по своему произволу. Так, хотя провинция Понт и Вифиния была сенатской, императоры назначали туда своих прокураторов либо наряду с сенатским проконсулом (49 г.), либо вместо проконсула (Плиний, Юлий Корнут, Юлий Север). То же было и в провинции Ликия и Памфилия. В проконсульской провинции Азия наряду с финансовыми агентами проконсула засвидетельствованы, начиная со времени Августа, императорские прокураторы, собиравшие налоги в доход императорской казны (*fiscus Asiaticus*). Эти прокураторы имели обширные штаты служителей и отодвигали на второй план сенатских уполномоченных. Даже управители личных имений императоров обладали в провинциях настолько большой властью, что, как видно из жалоб провинциалов, позволяли себе применять военную силу для насилия над населением.

Римский сенат, который оставался при империи как бы символом республики, уже при Августе лишился ряда прерогатив и превратился в совещательное учреждение, рабственно подтверждавшее все повеления императора. После убийства Калигулы сенат попытался было организовать власть, но его предупредили солдаты, провозгласившие императором Клавдия, и кратковременный пыл сенаторов улегся. Наряду с сенатом действовал личный «совет принцепса», который обсуждал важнейшие государственные дела и готовил решения по ним. Дело было не в злой воле того или иного императора. Как раз Адриан, подчеркивавший свое уважение и благо-

склонное отношение к сенаторам, нанес тяжелый удар сенату, отняв у него даже ту тень власти, которая еще у него оставалась. Не сенатское постановление, а рескрипт императора сенату становится наряду с императорскими эдиктами основной формой законодательства. Если сенат постепенно превращался в мало значащий пережиток республики, то это было закономерным выражением политического переворота, приведшего к военной диктатуре.

Август завершил процесс превращения народного ополчения в профессиональную армию. Разорение крестьянства, лишившее его и политического значения, привело к созданию нового типа войска, оторванного от народа, способного стать антинародной силой. В организации военного дела единоличная верховная власть императора выступала совершенно открыто, без республиканских фикций. Здесь не могло быть и видимости компромисса, ведь армия была опорой монархии. Преторианские когорты и личная гвардия императора стали новой силой, не только поддерживавшей императора против народа, но и диктовавшей свою волю императорам. Отныне и Рим и Италия получили, как и провинции, гарнизоны. Вопрос о власти решается не в римских учреждениях, а в ставках легионов, в тесном кругу преторианских вожakov. В связи с провозглашением Гальбы императором Тацит отмечает раскрытие «тайны императорской власти, — что императором можно стать не только в Риме, но и в другом месте» (Hist. I, 4). Преторианский режим вначале прорывался наружу лишь в моменты кризиса, а с конца II в. стал уже нормой.

В силу инерции в первое столетие империи в Риме и Италии продолжали существовать элементы общественной жизни, яркую картину которой дают Помпеи. Императорам приходилось считаться с некоторыми вековыми традициями, поскольку они, не затрагивая существа верховной власти, облегчали задачу управления городами и вместе с тем скрашивали реальную действительность, создавали иллюзию у современников (и у некоторых нынешних историков), будто ничего особенного не произошло. В действительности участие в политической жизни государства было заменено суррогатом общественной жизни, заполнявшейся местными будничными делами.

Если таково было положение в Италии, то еще хуже обстояло дело в провинциях, где римляне по праву завоевателей не только лишали покоренные страны политической независимости, повсеместно подавляли демократию, но и вообще стремились изменить старый общественный уклад, подвести его под одну общую для всей империи мерку. Империя систематически уничтожала остатки автономии, какие еще сохранились в провинциях. «Свободные города» (civitates liberae) все более умень-

шались в числе; даже такой крупный город, как Эфес, резиденция проконсула Азии, утратил свободу к концу I в. Местные органы самоуправления в провинциях, как, впрочем, и в Италии, лишаются политического значения. Народные собрания, советы, герусии занимаются вопросами благоустройства города, организацией культа императора, устройством игр и зрелищ, посылкой делегаций к императорам с прошениями или, чаще, с поздравлениями. Эти организации вырождаются в жалкие учреждения, члены которых пользовались подачками богачей. Местная знать, потеряв свою политическую власть, вынуждена была довольствоваться всякого рода общественными должностями по заведыванию гимназиями, театрами, банями и другими общественными предприятиями, по устройству игр и т. п. Римляне охотно предоставляли провинциалам забавляться пышными титулами, не дававшими реальной власти, но возлагавшими на их носителей обязанность тратить свои средства на городские нужды. Но даже в этих ограниченных пределах римское правительство не позволяло проявлять инициативу и проводить самостоятельные мероприятия значительного масштаба. Переписка Плиния с Траяном показывает, до какой мелочности доходил надзор императорской власти над местными учреждениями. Даже такой вопрос, как постройка бани, местные власти не могли разрешить без согласия императорского наместника. Институт кураторов, римских чиновников, контролировавших финансы провинциальных городов, засвидетельствованный, по крайней мере, со времен Нервы (Dig. XLIII, 24, 3, 4), сводил на-нет даже призраки самоуправления в них.

При таких условиях старые сословные деления, какие существовали в отдельных провинциях и городах, стирались. Императорская власть с ними не считалась, руководствуясь своими интересами. «Хотя муниципальный закон предусматривает, чтобы при назначениях на должности предпочитались люди известного общественного положения, однако необходимо иметь в виду, что это надо соблюдать лишь постольку кандидаты пригодны; это указано в рескрипте божественного Марка. Если оказывается недостаток людей, которые могут принять на себя магистратуру, то иммунитет нарушается, как это предписали божественные братья» (Dig. L, 4, 11, 1—2). Таким образом, в законодательстве II в. фиксируется отмена старинных общественных делений, поскольку они вступают в противоречие с интересами правительства. Официально признавалось лишь деление на граждан и неграждан. А со временем и это деление теряло реальное содержание.

Упразднению старых общественных условий жизни содействовала налоговая политика Римской империи. При завоева-

нии провинций они обычно подвергались жестокому разграблению и отдавались на дальнейшее расхищение алчным проконсулам, публиканам и ростовщикам. При империи был положен предел хищничеству римских всадников, грабеж принял более закономерный и систематический характер, но действовал он гораздо беспощаднее. Римский налоговый аппарат действовал жестоко и не считался со старинными местными привилегиями различных социальных групп. Освобождение от налогов и повинностей давалось отдельным категориям населения (например, врачам, архитекторам, учителям, угольщикам, гладиаторам и т. д.) или целым городам по воле императора,* но не в силу их прежних привилегий. Перед лицом государственной казны все были равны.

Большое количество литературных и эпиграфических памятников свидетельствует о том, как все туже завинчивался налоговый пресс по мере того, как общее разложение рабовладельческого общества заходило все дальше. Налоговые сборщики — «мытари» — самая ненавистная категория людей. В евангелиях мытари — закоренелые грешники. Лукиан ставит сборщиков налогов на одну доску с содержателями публичных домов, доносчиками и мошенниками. Талмуд приравнивает их в отношении форс-мажор к разбойникам. В конечном счете административный аппарат империи превратился в машину для выкачивания последних соков из населения.

Немалое значение в процессе нивелирования империи имел также римский суд. Силу имели лишь судебные решения, вынесенные на основе римского права; поэтому местные законы и обычное право теряли силу. Создаваемые в провинциях судебные округа не совпадали часто со старыми политическими делениями. Разрабатывавшееся в период империи римское право имеет дело с отвлеченными собственниками, в отличие от других систем древнего права, тесно связанных с естественно сложившимися народностями и этническими индивидуальностями. Римское право не считается ни с какими исторически сложившимися особенностями, за исключением различия между свободными и рабами. Оно упраздняет специфику законодательств разных стран, как и само римское *ius Quiritium*. Римское право — одно из ярких выражений процесса всеобщего уравнивания.

Нивелирование и жестокие приемы, которыми оно достигалось, были результатом и средством органического включения провинций в состав единой империи, что было (для восточ-

* Относящиеся сюда законоположения собраны в 50-й книге «Дигест»: § IV, de muneribus et honoribus; § V, de vacatione et excusatione munerum; § VI, de iure immunitatis; § XV, de censibus.

ных провинций) исторически необходимым этапом. Тягостный и все более мучительный для трудящихся, этот процесс на первых порах пошел на пользу рабовладельческому классу. Оживилась экономика восточных провинций, создавалась возможность большего развития общественного разделения труда. В городах Малой Азии и Сирии производство и торговля достигли высокого, в масштабах античности, уровня. По сравнению с разорением и ограблением провинций в период гражданских войн конца республики можно говорить о процветании городов в наиболее передовых провинциях благодаря длительному миру и налаженному транспорту, позволившему гиерапольскому купцу Зевксису совершить 72 раза путешествие из Фригии в Рим, о чем он сообщает в своей надписи. Но это процветание означало углубление классовых противоречий, накопление богатств и усиление роскоши в верхах общества и обнищание масс, обогащение богатых и разорение бедных. Для понимания движения римского рабовладельческого общества необходимо видеть его двойственность и противоречивость; тогда окажется, что крах империи не был случайностью, что его причины заложены в самом существе рабовладельческого общества, переживавшего в период империи свою последнюю стадию.

Конечно, процессы, протекавшие стихийно в Римской империи, не могли совершаться планомерно и прямолинейно. При политической тенденции к всеобщему уравниванию, к превращению всего населения в бесправных подданных, к созданию бюрократической монархии практически были различия в зависимости от места и времени, были и возвраты назад и крутые повороты. История конкретна, и общие закономерности проявляются в ней лишь как общая равнодействующая, порой в своеобразных формах. Полное уравнивание не было достигнуто в Римской империи, хотя оно зашло дальше, чем в период эллинизма. Не только греки и эллинизированные народы, но и некоторые народы Востока сохранили свой язык и свою культуру. Сирия, как показывает сохранившийся частично «Сирийско-римский законник», сохранила элементы местного права. Практически римским управителям провинций приходилось считаться с местными особенностями, и видные юристы издавали руководства *de officio proconsulis*, где давались соответствующие указания. В некоторых случаях юристы предписывают считаться с муниципальным законом (*Dig. XLIII, 24, 3, 4*), хотя Ульпиан указывает (*Dig. XLVII, 12, 3, 5*), что *rescripta principalia, imperialia statuta* имеют силу повсюду и отменяют местные законы. В другом месте (*Dig. XLVIII, 3, 4*) Ульпиан предоставляет решение управителю провинции, если нет установившегося обычая. В начале III в. Септимий Север

из фискальных соображений дарует городам самой бесправной провинции, Египта, самоуправление. Каприз Нерона возвращает Афинам «свободу». Как показывают папирусы, в частности «Гномон идеолога», римское правительство закрепляет в Египте деление населения на различные категории, чтобы извлечь больше доходов для казны.

Таких примеров разнообразия и непоследовательности в административной практике можно привести множество. И это вполне понятно. Ведь Рим вначале не обладал аппаратом для управления всей политической и экономической жизнью провинций и на первых порах — в одних провинциях дольше, в других короткое время — использовал существовавшие на местах органы власти. Иногда оставались на местах местные династы и царьки, в некоторых случаях, после попытки установить непосредственное управление провинцией, вновь восстанавливали династа, тетрарха или царя. Наконец, различные провинции оказывали разной силы сопротивление нивелирующей силе Рима. Поэтому картина провинциальной жизни периода империи получается довольно пестрой. Но это как раз позволяет глубже исследовать и обогатить конкретными чертами общую тенденцию, которая привела в конце концов к политической системе домината, а затем к краху империи.

Разложение рабовладельческого способа производства сказалось, конечно, прежде всего в экономической жизни империи. Важнейшим признаком разложения является вызревание в недрах рабовладельческой формации нового способа эксплуатации непосредственного производителя. Для периода империи характерно развитие колоната, постепенно превратившегося из свободной земельной аренды в систему, близкую к крепостничеству. Ставшая очевидной невыгодность рабского труда толкала рабовладельцев на поиски новых типов эксплуатации трудящихся в сельском хозяйстве. Наряду с латифундиями, основанными на рабском труде, все больше места начинает занимать мелкое хозяйство. Крупные имения разбиваются на мелкие участки, которые сдаются в аренду. Кадры арендаторов представляло разоренное и обезземеленное крестьянство, вынужденное при заключении арендных договоров принимать все условия, какие диктовал землевладелец. Кабальные условия этих договоров закреплялись в законодательстве. Колон, сам собой разумеется, был лишен права владения арендуемым участком. Дигесты (XLI, 3, 33) подчеркивают, что колон ни при жизни, ни после смерти господина не имеет никакого права владения (*nec vivo nec mortuo domino ullam possessionem habet*). В этом отношении «нет никакой разницы между колоном и рабом» (Dig. XLI, 2, 25, 1). Но и то, что произведено трудом колона (урожай с земли, постройки), ввезенный колоном ин-

вентарь и личное имущество (*investa illata*) уже не принадлежат ему, так как «урожай молчаливо признается в закладе у хозяина сданного в наем имения, если даже это особенно не было оговорено» (Dig. XX, 2, 7; ср. XIX, 2, 24, 1), а для *investa illata* делается лишь оговорка, что колон, может быть, вправе распоряжаться вещами, какие он привез для временного личного пользования. Поэтому колону не дается даже право иска за кражу у него плодов или урожая на корню — ведь урожай до расчета с владельцем земли еще не принадлежит колону. По той же причине колон, вывезший часть своего урожая, не только подлежит имущественной ответственности, но может быть привлечен к уголовной ответственности за кражу! (Dig. XLVII, 2, 62, 8).

Тяжелые условия аренды приводили к тому, что колон не вылезал из долгов. Плиний Младший, собираясь купить имение, колеблется: колон в нем очень уж маломощны. «Прежний владелец слишком часто подавал заклады и, уменьшая таким образом недоимки колонов, вконец истощил их силы, а в результате этой немощности их недоимки вновь возросли» (ер. III, 19). Недоимки колонов (*reliqua colonorum*) стали неизменной статьёй инвентаря имения; они закрепляли зависимость колона от землевладельца, фактически прикрепляли его к земле.

Рядом с колонами, вышедшими из среды обнищавших свободных крестьян, работали посаженные на землю хозяином рабы. Получив некоторую свободу (ее степень и срок зависели от воли и прихоти рабовладельца), получив инвентарь, семена и т. д. в качестве пекулия, раб фактически превращался как бы в колона (*quasi colonus*). Он, конечно, довольствовался обычно самым низким жизненным уровнем, на который вынужден был равняться и свободный колон.

Быстрее и последовательнее всего колонатные отношения развились в крупных императорских имениях. Эти имения были изъяты из ведения общей администрации; да и практически прокуратор императорского сальтуса был настолько важной персоной, что местные власти не решались вмешиваться в его дела, даже если они противоречили закону. В этих императорских имениях, занимавших иногда, по свидетельству Фронтин, территорию иного государства, вырабатывались практикой примерные уставы — *lex, condicio*. Один такой устав, *lex Manciana* существовал уже в I в. и по его образцу составлен дошедший до нас в надписи устав *Villa Magna* в Африке. Здесь между прочим предусмотрена обязанность колонов работать на поле хозяина несколько дней в году — при пахоте, севе, уборке урожая. На эти уставы оказали влияние условия работы земледельцев в присоединенных к Риму восточных зем-

лях, где местами еще сохранились древневосточные отношения. Но по существу это было принципиально новое явление: колонны явились предшественниками средневековых крепостных.

Рабы, попавшие в положение «как бы колоннов», оставались попрежнему рабами, и их социальное положение не менялось. В основном же колонат означал превращение свободного земледельца в зависимого, полукрепостного, фактически лишенного гражданских прав. Колонат облегчил правительству империи, постоянно вынужденному бороться с угрожавшим финансовым крахом, превращение крестьянства в податное сословие.

К крестьянам применялось и внеэкономическое принуждение. Эдикт префекта Египта Тиберия Юлия Александра (OGIS 669; § 1) в 68 г. выступает против «насильственного привлечения людей против их воли к откупам и аренде имения». Император Адриан в одном из своих рескриптов указывает: «Очень не гуманен этот обычай, по которому арендаторы государственных налогов и земель задерживаются на следующий срок, если нельзя сдать эти статьи (другому съемщику) за ту же сумму; ведь легче будет найти съемщиков, если известно будет, что после истечения *lustrum* (пятилетний срок) они могут отказаться, и их не задержат» (Dig. XLIX, 14, 3, 6). Как видно из этого указа, уже в то время вошло в обычай насильственное навязывание аренды земли — во всяком случае крупным съемщикам (*conductores*), в свою очередь перелагавшим эту повинность на мелких арендаторов. А в Египте ἐπιβολή, принудительное присоединение к арендуемому участку еще участка пустопорожной земли, было правилом.

Правительство было заинтересовано не столько в том, чтобы земля не оставалась пустой, сколько в регулярном поступлении налогов и податей. Поэтому, издавая указы о льготах при обработке пустопорожных земель, оно, с другой стороны, все больше нажимало на земледельцев, не считаясь с последствиями. Дошедшие до нас жалобы крестьян свидетельствуют о той бездне беспросветной нужды, в которую ввергали крестьян гнет налогов, произвол и вымогательство чиновников и разнузданной солдатчины. Нищета земледельцев стала официально признанным фактом, и указ императора Константина говорит о продаже детей в рабство.

Резкое падение экономического уровня свободного мелкого земледельца сопровождалось падением товарности сельского хозяйства, прекращением технического прогресса, даже в тех ограниченных пределах, в каких он совершался в рабовладельческом обществе.

Процесс превращения вольного землепашца в зависимого колона получил свое официальное признание в указе Константина от 30 октября 332 г. (C. Theod. V, 17, 1), предписывающем

«заковать в железо, как рабов, колонов, замышляющих бегство со своего участка».

Положение свободных крестьян, даже в такой благодатной стране, как Египет, вряд ли было лучше положения колонов; оно толкало на сопротивление давлению налогового пресса и вымогательствам властей. Сопротивление было прежде всего пассивное: крестьяне бросали свое жалкое хозяйство и уходили, куда глаза глядят. В Египте такого рода «забастовки» были обычным явлением и привели, в частности, к введению особого налога, засвидетельствованного уже для начала II в., — *peristos anaxiphorkoton*: раскладка недоимок беглецов на их односельчан. Как видно из Филона (de special. leg. III, 162 Cohn), уже и в его время практиковалась круговая порука родственников и соседей за недоимки налогоплательщиков; в результате «целые селения и города скоро опустели и лишились жителей, выселившихся и рассеявшихся всюду, где рассчитывали остаться неразысканными». Бегство с земли — явление не только египетское, о нем сообщают документы и из Фракии и Фригии.

Другим, тоже пассивным видом сопротивления гнету императорского режима позднее стал патронат: крестьяне отдавали себя под покровительство могущественных крупных землевладельцев, против которых правительственные чиновники были бессильны. Уже в III в. Клавдий II установил уголовную ответственность для лиц, отдающих себя под покровительство (*patrocinium*) магнатов. Но такого рода правительственные меры не давали существенных результатов. Нужда заставляла обходить императорские указы или прямо нарушать их, а при общем разложении и все усиливавшейся тенденции к децентрализации правительство не имело реальной силы для борьбы с системой патроната. Мало того, пытаясь, с одной стороны, бороться с патронатом, оно, с другой стороны, использовало его для облегчения задачи сбора податей, к чему в конце концов сводились задачи внутреннего управления. В результате в недрах империи складывались обширные поместья с зависимыми от него мелкими хозяйствами — прообраз будущего феодального поместья. Здесь опять возродилось натуральное хозяйство при очень низком уровне сельскохозяйственной техники.

Но крестьяне и закрепощенные колоны не ограничивались формами пассивного протеста. С III в., помимо единичных выступлений, принимавших в глазах современников характер «разбоя», разворачиваются широкие социальные движения. Исключительным по размаху было революционное движение багдаудов, начавшееся в середине III в. и продолжавшееся в IV и V вв. Оно охватило Галлию и Испанию. К нему примыкали и восстания рабов. Вообще в последние века империи колоны

и рабы выступали обычно совместно. Так было и в движении циркумцеллионов, или агонистиков, которые в религиозной форме ереси донатистов нашли не только средство для выражения своих революционных настроений, но и арену для классовой борьбы.

Наконец, уже на закате императорской эпохи одним из видов активного протеста против империи было присоединение колонов и рабов к варварским племенам, все упорнее наседавшим на империю. Так было при поражении готами римского войска при Адрианополе, так было при разгроме Рима Аларихом. Сальвиан в V в. пишет, что у простолюдина единственное желание — жить с варварами, единственное опасение — снова попасть под владычество римских законов. Римляне «ищут у варваров римской гуманности, не будучи в силах переносить варварскую бесчеловечность у римлян. Они предпочитают жить свободно под видимостью рабства (captivitatis), чем под видимостью свободы быть рабами (captivi)». Революционное свержение рабовладельческого строя общества подготавливалось, таким образом, ходом развития внутренних противоречий, и основы этого революционного переворота были заложены в самом строе этого общества.

Закрепощение коснулось не только колонов. Поскольку все население уравнивалось в бесправии и превращалось в объект обложения налогами и повинностями, императорская власть распространяла принцип прикрепления и на провинциальную муниципальную администрацию, и на коллегии ремесленников и предпринимателей, и ко всем вообще сословиям.

Римляне охотно воспользовались институтом литургий, который они застали в провинциях, чтобы переложить бремя управления на местные цензовые элементы, особенно при взыскании налогов. Возлагая на сборщиков имущественную ответственность за поступление налогов, римляне сделали литургии чрезвычайно тяжелым бременем, от которого приходилось спасаться бегством. Об этом свидетельствуют многочисленные египетские папирусы начиная с I в. Так, в папирусе 55 г. (SB 7462) шесть сборщиков подушного налога обращаются с прошением к префекту Египта, указывая, что в отведенных им округах обнищавшее население частью разбежалось, частью вымерло; они просят стратега проверить на месте реальное положение вещей. В папирусе 186 г. (P. Gen. 37) сельская община докладывает о бегстве четырех кандидатов на должность сборщиков и выставляет взамен бежавших других кандидатов, обладающих надлежащим цензом и пригодных. В другом документе (P. Rain. 20) лицо, недавно исполнявшее должность космета и потерявшее на этом посту значительную часть своего состояния, предлагает отдать две трети оставшегося у него

имущества, только бы его сын не был назначен на ту же должность.* В прошении на имя императоров Септимия Севера и Каракаллы (Р. Оху. IV, 705, 202 г.) некий Горцион предлагает учредить капитал, проценты с которого пойдут на вспомоществование лицам, разоренным литургиями фиска. Но и бегство не всегда спасало злополучного чиновника поневоле. В заявлении получившего римское гражданство Аврелия Пакисиса (BGU I, 159, 216 г.) жалобщик пишет: «После того как я был назначен на очень тяжелую литургию, я ушел из села, не будучи в состоянии выдержать тяжесть литургии. Но когда сиятельный префект Валерий Дат приказал всем находящимся на чужбине вернуться в свои владения, я возвратился. Ввиду того, что... Аврелий Сотерих, будучи цензором в нашем городе, нажал на меня, взыскивая с меня вдвое против причитающегося, я подаю заявление и прошу выслушать меня и распорядиться, как тебе будет угодно».

Таким же образом, в порядке принуждения, императорская власть использовала провинциальные муниципальные учреждения. Все более суживая их компетенцию, правительство одновременно стало заставлять их представителей принимать на себя общественные обязанности, связанные с расходами. Если раньше муниципальные руководители за честь стоять во главе управления охотно делали взносы на городские нужды при вступлении в должность и жертвовали значительные суммы на содержание гимнасиев, театров, бань и т. д., то по мере упадка муниципальной жизни провинциалы стали уклоняться от сомнительной чести весьма обременительной общественной службы. Принадлежность к сословию куриалов, из которого вербовались провинциальные магистраты и местные советы и сенаты, стала слишком тягостной. Декурионы рады были избавиться от своего «почетного» звания. Императорская власть приняла серьезные меры против абсентеизма декурионов. С одной стороны, расширялся круг лиц, привлекаемых к провинциальным магистратурам. Уже Август снизил возрастной ценз для этих магистратур с 32 до 23 лет. Марк Аврелий, как мы видели, отменяет сословные ограничения для декурионов в тех случаях, когда «оказывается недостаточно людей, которые могут принять на себя магистратуру». Постепенно в декурионы стали принимать всех без разбора, даже вольноотпущенников, лишь бы они обладали необходимым имущественным цензом для несения служебных расходов. С другой стороны, стал вводиться принцип принудительного привлечения к муниципальной службе. По уставу испанских муниципиев, при недо-

* Материал об этом собран и освещен в статье Н. Льюиса «Из истории римского гнета в Египте», ВДИ 1 (6), 1939, стр. 19 сл.

статке кандидатов на городские должности их назначали. На попытки декурионов уклониться от своих обязанностей правительство ответило формальным прикреплением декурионов к месту жительства. «Декурионов, о которых будет доказано, что они, оставив местожительство в городе, к которому они относятся, переселились в другое место, управитель провинции пусть позаботится вернуть в родное место и заставит выполнять соответствующие повинности» (Dig. L, 2, 1, Ульпиан).

Иммунитет, свобода от привлечения к провинциальным магистратурам, давался императорами в виде особой милости, но круг лиц, пользовавшихся иммунитетом, все более сужался. После податной реформы Диоклетиана, когда на декурионов была возложена имущественная ответственность за поступление налогов, декурионы попали в положение настолько отчаянное, что иной раз декурион готов был продать себя в рабство, только бы избавиться от чести быть представителем местного «самоуправления».

Закрепощение распространялось на все существовавшие в империи организации и объединения. Так, созданная в III в. корпорация навикуляриев — судовладельцев, принимавших на себя перевозку хлеба для продовольствования Рима, была превращена в наследственную, а их профессия — в повинность (munus). В таком же положении оказались и мелкие торговцы (negotiatores) и ремесленники. В конце концов даже чиновничество превратилось в сословие официалов и государственная служба стала повинностью, хотя и привилегированной.

Процесс нивелирования коснулся и опоры империи — войска. Военный устав, выработанный Августом, оформил окончательно превращение народного ополчения в профессиональную армию. Но еще действовали республиканские традиции. Войско первоначально вербовалось из италиков, а преторианцы — даже преимущественно из жителей Рима и его окрестностей. Но по мере падения гражданства в армию начинают принимать провинциалов, вольноотпущенников, варваров. Со времени Северов варвары становятся основным ядром даже преторианской гвардии. Это было неизбежным результатом перехода к системе профессиональной армии. Длительный срок военной службы — до 25 лет, несмотря на жалование и льготы, не привлекал даже пролетариев, и императоры вынуждены были обращаться за контингентами ко всем категориям населения. Эта система, невозможная при расцвете рабовладельческого общества, когда военная служба — долг и привилегия гражданина, стала естественной, когда армия из гражданской и народной превратилась в императорскую и антинародную, в армию ландскнехтов.

Цезарь, по сообщению Диона Кассия (XII, 49) говорит, что есть две силы, подготавливающие, оберегающие и укрепляющие власть (δυναστείας), — солдаты и деньги, причем эти две силы поддерживают одна другую. Но вскоре обнаружился источник слабости императоров как раз в этих двух силах. Солдаты, по мысли Цезаря, позволяют добыть деньги, а деньги дают возможность набрать войско и обеспечить его верность императору. Но если в этой системе равновесие нарушается, потрясается основа императорской власти. Когда солдаты перестали добывать деньги, пришлось усилить налоговый гнет, истощавший экономические силы страны, пришлось перейти к натуральной оплате наемников путем, в частности, организации военных поселений, составивших новую угрозу существованию империи.

Войско было связано с личностью императора, что хорошо выразил Гальба, сказавший солдатам: «Я ваш, а вы мои» (Suet., Galba, 20). Вполне понятно, что Тиберий строго обошелся с сенатором Юнием Галлионом «за то, что он, как ему казалось, убеждал солдат быть преданными скорее государству (τῷ κοινῷ), чем ему» (Dio Cass. LVIII, 18). Но в этом тесном единении императора и его ландскнехтов сила была на стороне последних, и они скоро это поняли. Преторианцы и армии возводят на трон императоров, они же смещают их. Обе стороны старались держать друг друга в страхе. «Солдаты будут тебя бояться, пока ты не будешь бояться их», — сказал Септимий Север.

Императорская армия — бич населения и угроза для императоров — вместе с тем была все менее способна не только к завоеваниям, но и к защите империи. Уже во II в. империя переходит к обороне. Но ни система почти сплошных пограничных укреплений, ни заселение границ варварами, которые должны были защищать империю от тех же варваров, ни реформы в организации войска, проведенные Диоклетианом и его преемниками, не могли обеспечить оборону империи. Кончилось дело тем, что, как известно, «варвары с громом опрокинули Рим». И это было не случайной катастрофой, а неизбежным результатом всей системы императорского режима.

Блестящие страницы труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», посвященные анализу состояния Римской империи к концу ее существования, как и столь же глубокий анализ империи в ранний ее период в работе «Бруно Бауэр и раннее христианство», показывают отчетливо основную тенденцию развития Римской империи. «Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его

порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали, как спасителей». «Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства».*

Этот конечный результат не был случайным. Он вытекает из самого существа империи, как последней стадии рабовладельческого общества, стадии разложения рабовладельческой социально-экономической формации. Кризис, к которому неминуемо пришло общество после периода подъема, вызванного созданием мирового государства, не мог больше разрешиться в рамках рабовладельческого строя, и крах был неизбежен. Рим сыграл свою историческую роль в прогрессивном развитии человечества. Он создал предпосылки для новой социально-экономической формации и стал, таким образом, тормозом для дальнейшего движения вперед; он поэтому должен был быть сметен революцией. А революционные силы создавались в самой империи в результате нарастания и углубления внутренних противоречий.

Мрачная картина последних веков империи так же, как и, наоборот, достижения первых веков — распространение греко-римской культуры, строительство дорог, рост городов, расширение международных связей, улучшение и безопасность путей сообщения на суше и на море, — не должны закрывать перед нами основную линию развития. С точки зрения мировой истории падение Римской империи означает переход к более прогрессивной форме производственных отношений, а возникновение империи — начало конца рабовладельческого строя. Историк у поэтому нечего сокрушаться по поводу разложения и упадка в III — V вв. или восторгаться «римским миром» и его результатами в I — II вв. Дело не в моральной или эстетической оценке, а в анализе исторической закономерности, приведшей к падению Рима, в определении места империи в истории европейского человечества.

В вышедшей недавно популярной книге R. W. Мооре автор сетует, что под влиянием Гиббона в Римской империи до сих пор продолжают видеть лишь падение нравов, упадок культуры, восточный деспотизм; между тем «люди жили гордые своей принадлежностью к Римской империи, своими привилегиями, трудились для ее цивилизации, создавали законы, общество,

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 175.

дороги, города, администрацию, мир».* Если автор имеет в виду трудящихся, то он прав в том отношении, что непосредственные производители при всех условиях были созидательной силой, и в процессе разложения рабовладельческого общества они были страдающей стороной. Но дело ведь не в том, чтоб вынести обвинительный или оправдательный приговор, а в объективном исследовании материальных условий жизни, производственных отношений, совокупность которых представляет общество. Только с этой точки зрения можно понять и объяснить крушение империи.

При марксистско-ленинском понимании исторического процесса падение Римской империи перестает быть неразрешимой проблемой. Скорее требует объяснения то обстоятельство, что империя просуществовала (формально во всяком случае) пятьсот лет. Тому было несколько причин.

Во-первых, как мы видели, образование единого государства, охватившего весь средиземноморский мир, оживило пришедший снова в упадок эллинистический мир, позволило более рационально использовать резервы, таившиеся в провинциях, расширило экономическую базу общества. Во-вторых, имело значение то обстоятельство, что на обширной территории от Двуречья в Азии до Гибралтара и от Нубии до Британии Римская империя была единственным государством, не имевшим серьезных соперников. Образование Новоперсидского царства Сассанидов на Востоке и передвижения варварских племен нарушили устойчивость империи, и здание, воздвигавшееся веками, рухнуло.

Необходимо также иметь в виду медленность темпов развития общества в древности, особенно при слабости и распыленности тех общественных сил, которые могли бы выступить как организаторы нового способа производства, как носители прогрессивных идей.

Одной из основных причин, по которым империя могла продержаться долгое время, было, по словам Энгельса,** отсутствие современного пролетариата — организованного класса, способного не только вести организованную классовую борьбу, но и взять власть в свои руки и совершить революционное переустройство общества. Рабы и колонны вели борьбу против рабовладельческого строя общества стихийно, их силы распылялись, не было у них ни единой программы, ни единого политического и идейного руководства. Поэтому революция рабов

* R. W. Moore, The Roman commonwealth, Bristol, 1943, p. 252 сл.

** Письмо к Марксу, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 303.

и колоннов тянулась столетия и ее силы были скованы. Понадобилось вторжение варваров, чтобы революция завершилась ликвидацией рабовладельческого строя общества. Но и после этого потребовались столетия для утверждения новой, более прогрессивной социально-экономической формации — феодальной. При таких условиях понятно, что болезненный процесс разложения империи затянулся и принес трудящимся неисчислимые страдания.

Понятно, общие закономерности движения проявлялись в конкретных формах живой действительности. Это — не прямая, а зигзагообразная линия. Развитие было неравномерным как в подъеме, так и в падении. Силы сопротивления Риму также распределялись неравномерно и проявлялись в самых разнообразных формах. По мере разложения империи эта неравномерность нарастала и приводила к тому, что и конечные результаты были различны в различных областях империи.

С этой точки зрения восточные провинции Римской империи представляют особый интерес. Не только история Восточной Римской империи, а затем Византии, но и история средневекового Ближнего Востока, иранской и арабской культуры не могут быть поняты до конца без учета тех условий, в которых протекала история Востока в составе Римской империи.

Одним из первых дал систематический обзор истории римских провинций, как западных, так и восточных, С. В. Ешевский в специальном курсе, прочитанном в 1858 г. в Московском университете и изданном в 1866 г. под названием «Центр римского мира и его провинции». Истории провинций от Цезаря до Диоклетиана посвящен том пятый «Истории Рима» Моммзена. Из работ, появившихся в последнее время, истории восточных провинций посвящены второй (целиком), третий и четвертый томы серии Т. Франка «An economic survey of ancient Rome», две специальные работы А. Н. М. Jones («The cities of the eastern Roman Empire» и «Greek cities from Alexander to Justinian»); обширные главы отведены восточным провинциям в «Кембриджской древней истории» (т. XI). Эти работы дают главным образом сводку материала, но исторические обобщения и социальный анализ даются с модернизаторских позиций. Особенно характерно это для труда М. Ростовцева «The social and economic history of the Roman Empire», содержащего большой фактический материал, но написанного с реакционных позиций и с точки зрения анализа движущих сил исторического процесса не удовлетворяющего даже буржуазных ученых.*

Исследование истории римских провинций затрудняется не-
удовлетворительным состоянием источников. Литературных

* См., например, рецензию Hugh Last в JRS, XVI (1936).

материалов совершенно не достаточно. Основным источником служат надписи, папирусы, нумизматика и археологические материалы. При чрезвычайном обилии этих материалов, которые стало уже трудно обозреть, они несут все же случайный характер. Огромное достоинство надписей и папирусов в том, что они — подлинные документы, рисующие реальную повседневную жизнь, что они дают нам возможность подойти вплотную к действительной жизни давно ушедших времен. Но в этом их конкретном индивидуальном характере — их недостаток. Они не позволяют с полной уверенностью делать общие выводы, даже на основании большого числа документов. Не раз случалось, что вновь открытый документ опрокидывал прочно установившееся в науке положение. Документы же общего характера, как «царица надписей», Monumentum Ancyranum (и недавно найденные новые копии), «Гномон идеолога», эдикт Диоклетиана de pretiis, насчитываются в лучшем случае десятками. Но хотя громадное количество документов само по себе мало выразительно, в совокупности они дают возможность установить большое число фактов из экономической, политической, общественной жизни, восстановить быт и культуру народов Римской империи, проследить как основные линии и общие тенденции развития империи и своеобразие их проявления в отдельных провинциях, так и местные особенности, меру устойчивости и степень сопротивления провинций нивелирующей силе Рима.

Восточные провинции были включены в состав римского государства в разное время разными способами, политика римского правительства по отношению к ним также была различна в зависимости от соотношения сил в данное время. Даже по отношению к одной и той же провинции политика римлян не раз менялась. Границы провинций подвергались многократным изменениям, отдельные территории включались то в одну, то в другую провинцию, менялось и административное деление и характер управления провинциями; иногда конституирование провинции продолжалось десятилетиями. Поэтому само название «провинции» — иногда лишь условное обозначение. Более или менее устойчивыми провинции стали лишь в начале II в.

Одной из самых старых и самых важных римских провинций была Азия.

А З И Я

Границы провинции Азия не были постоянными и не поддаются точному определению. В основном она заключала всю западную часть Малой Азии (кроме северного и юго-восточного побережья). В период империи в нее входили Троада, Иония, Мисия, Лидия, Кария, Фригия и прилегающие к западному берегу Малой Азии острова, в том числе Самос, Лесбос, Хиос, Родос.* В составе провинции находились такие крупные эллинские города, как Смирна, Эфес, Пергам, Милет, Лаодикея (на Лике). Эта богатая провинция была присоединена к Риму в 133 г. до н. э. по завещанию пергамского царя Аттала и после того, как было подавлено движение рабов и свободной бедноты под руководством Аристоники, стала не только источником больших доходов для Рима, но и средством наживы для алчных римских магистратов и предпринимателей. По lex Sempronia Кая Гракха 123 г. Азия должна была отдавать Риму десятину; кроме того, были введены пошлины и косвенные налоги. Налоги были отданы на откуп публиканам. В Азию устремились богатые ростовщики и денежные люди из всаднического сословия, которые хищнически эксплуатировали ресурсы провинции и подвергали ее прямому грабежу. Через 50 лет после смерти Аттала в Азии было уже 100 000 римлян, но многие римляне, не выезжая в Азию, помещали там свои деньги.

Митридатовы войны, когда Азия и ее население подвергались жестокому разгрому со стороны обеих воюющих сторон, сильно истощили страну. Сулла в 85—84 гг., заключив мир с Митридатом, навел «порядок» в провинции. Города, сохранившие верность Риму, получили некоторые привилегии, и территории их были расширены. Города, подерживавшие Митридата, были разграблены, в частности Милет, Клазомены, Самос. Свою сорокатысячную армию Сулла по-

* См. V. Ch a p o t, La province Romaine proconsulaire d'Asie, P. 1904, стр. 70 сл.

местил на постое в городах Азии, причем граждане обязаны были не только содержать и кормить всю армию, но и платить каждому солдату 16 драхм в день, каждому командиру — по 50 драхм и выдать им по два комплекта обмундирования. За шесть месяцев одни денежные выдачи составили 20 000 талантов. Кроме того, Сулла наложил на Азию контрибуцию в 20 000 талантов. По сообщению Аппиана (Mithr. 63), города вынуждены были для расплаты с победителем, под давлением наглых солдат, занимать деньги под высокие проценты, закладывая «театры, гимнасии, стены, гавани и всякое другое общественное имущество».

Во время гражданских войн первого и второго триумvirата Азия была объектом жестокого грабежа со стороны представителей различных группировок и подверглась нашествию парфян. К 27 г., когда сконструировалась сенатская проконсульская провинция Азия, она была совершенно истощена и разорена, и Августу пришлось аннулировать долги азиатских городов. Наступивший, наконец, длительный мир позволил Азии вновь начать свое хозяйственное развитие, использовать в новых условиях богатые ресурсы страны.

Наши источники по истории провинции Азия в период империи довольно скудны. После Страбона литературные данные об Азии сводятся главным образом к случайным упоминаниям в речах Диона Хризостома и Элия Аристиды, у историков Аппиана и Диона Кассия, в юридических текстах. Основной материал дают надписи и отчасти монеты. Но подавляющее большинство надписей представляют либо эпитафии, либо посвяtitельные надписи в честь императора, того или иного магистрата или общественного деятеля. Монеты содержат важные сведения о политической истории городов, но почти ничего не дают для изучения экономики общества. К тому же сведения о провинции Азия, имеющиеся в нашем распоряжении, распределяются неравномерно как во времени, так и в пространстве и не могут претендовать на полноту. Не только частности, но и многие общие вопросы истории провинции остаются невыясненными. Все же имеющийся материал позволяет восстановить общие черты политической и экономической жизни Азии в первые века империи, главным образом в I — II вв.

Провинция Азия при известных различиях, обусловленных разнообразием ее поверхности, обладала умеренно теплым климатом и значительными природными богатствами. Здесь сеяли преимущественно пшеницу, сажали figовые и оливковые деревья. Леса давали хороший строительный материал. Большое место занимало в хозяйстве разведение овец и коз. Страбон особенно хвалит качество и красивый черный цвет

шерсти тонкорунных овец, разводимых в окрестностях Лаодикеи (на Лике); эта шерсть, превосходившая даже милетскую, давала «прекрасный доход, какой получают от той же окраски обитающие по соседству оттуда колоссяне» (Str. XII, 8, 16). Шерстяные ткани Лидии и Фригии славились в империи, милетскую шерсть воспевали поэты. Широко распространено было виноделие. Вина Лидии, Кари и особенно островов пользовались прекрасной репутацией. Хиосское вино Страбон называет одним из лучших, и римляне старались его акклиматизировать у себя. Не менее славились вина Родоса, Коса, Лесбоса. В Азии добывали, хоть и в незначительных количествах, медь и серебро, в районе Пергама разрабатывался свинец, в Троаде — железо и цинк. Каменоломни давали прекрасный строительный материал, белый мрамор Кизика был использован, в частности, для Галикарнасского мавзолея. Каменоломни в Докимиуме во Фригии представляли государственную монополию. Рыболовство было значительно менее развито, чем на понтийском побережье Малой Азии и на берегах Пропонтиды, но все же доставляло средства к жизни тысячам людей.

Азиатский пурпур конкурировал с финикийским. Производство пергамента играло значительную роль в экономике не только Пергама. В многочисленных приморских городах было развито кораблестроение. Азия производила высококачественную керамику; писатели и поэты восхваляют, в частности, самосские вазы.

Население провинции было сосредоточено главным образом в приморских городах и в бассейнах рек Герма и Меандра и их притоков. О количестве населения данных нет, и о нем можно составить себе только приблизительное представление. Со времени «Bevölkerung» Белоха наши сведения по этому вопросу существенно не пополнились. Имеются лишь косвенные сведения о населении отдельных городов: контингенты выставленных для того или иного похода войск, количество членов совета, вместимость театров и т. п. По словам Галена (V, 49), в Пергаме было 40 000 граждан, «а если прибавить их жен и рабов, ты найдешь, что ты обладаешь больше чем 120 000 людей».

Таким образом, население Пергама, включая детей, должно было составить 200 000 чел. Население Эфеса Белох исчисляет в 225 000. По приблизительным наброскам Broughton'a,* главным образом на основании общих соображений, Азия, занимавшая

* T. R. S. Broughton, Roman Asia, «An economic survey of ancient Rome», v. IV, 1938, стр. 815.

48 969 кв. миль (ок. 125 000 кв. км) имела 4 600 000 чел. населения, а именно:

Острова	300 000	Кария	700 000
Мисия и Троада . .	1 000 000	Фригия	1 200 000
Лидия и Иония . .	1 200 000	Кибира	200 000

Густота населения составляла, следовательно, по Broughton'у, 94 чел на 1 кв. милю, или 37 чел. на 1 кв. км. Белох считает 44 чел. на 1 кв. км. Италия, имевшая площадь в два с половиной раза бóльшую, имела население (при Августе) в 20 млн. и была, следовательно, населена значительно гуще.

Азия была населена различными племенами, стоявшими на различной ступени культурного развития. В то время как лидийцы имели за собой длительный период цивилизации и собственной государственности, владели своей письменностью, имели старые крупные города, северо-восточные районы Фригии населены были племенами, еще не изжившими условий первобытно-общинного строя. На побережье были расположены крупнейшие греческие города — Милет, Смирна, Клазомены и т. д., а в глубине страны сохранились мелкие поселения, почти не затронутые ни греческой, ни римской культурой. Освоение глубинных районов Римом было процессом длительным; выразилось оно в дальнейшей эллинизации провинции.

При Селевкидах Малая Азия подверглась усиленной эллинизации. Страбон пишет: «Границы областей, лежащих к югу от Тавра, до такой степени перепутаны, что фригийские, карийские и лидийские земли и, наконец, мисийские трудно различать, так как они совпадают одна с другой» (XIII, 4, 12; ср. XII, 4, 5). Страбон объясняет это перемешиванием населения, переселениями и завоеваниями. Это обстоятельство позволило римлянам при административном делении провинции не считаться с этническими различиями.

Но эллинизация и романизация захватили преимущественно города, притом привилегированные группы. Как и в период эллинизма, в римскую эпоху эллинизация (романизация) была внешним выражением включения эксплуататорских групп местного населения в состав господствующего класса. Эти группы, повидимому, сознавали, что включение провинций в состав империи соответствует их классовым интересам, и если знатный гражданин города Нисы, Херемон, при походе Суллы против Митридата пожертвовал римской армии 600 000 модиев пшеницы (SIG³, 741), то за этим жестом кроется реальная заинтересованность в победе Рима. Митридат также это понимал и потому так жестоко расправился с представителями знати в ряде городов и, наоборот, старался опереться на городскую бедноту и рабов. Об этом прямо сообщает Аппиан (Mithr. 48):

«... он освободил эллинские города, объявил им кассацию долгов (χρεὼν ἀποκοπής), метэков в каждом городе сделал гражданами, а рабов — свободными, понадеявшись, что, как это и случилось, задолжавшие, метэки и рабы, полагая, что под властью Митридата дарованные им привилегии останутся в силе, будут его поддерживать» (εὐνοὺς αὐτῷ γενήσεσθαι). А императоры, как известно, во всех провинциях подавляли демократию и делали ставку на богатые верхи общества. Рамсэй сделал даже попытку проследить знатные фамилии в Азии от времен империи вплоть до XX в.* Эти фамилии сумели извлечь выгоды для себя из всех политических перемен в судьбах Азии. Интересен также эпиграфический материал о карьерах новых граждан в Азии, слившихся с эллино-римскими высшими условиями.**

Что касается масс населения, то они видели в новых эллинах и римлянах прежде всего эксплуататоров, и эллино-римская культура прививалась им туго. Вдали от крупных центров долгое время еще продолжали жить местные языки, особенно в Карии, Лидии и Фригии. В составленном Колдером собрании новофригийских надписей (эпитафий) I — III вв.*** (всего 72 надписи) мы находим 64 двуязычных, где текст надгробия написан по-гречески, а заключительная формула заклинания — на грецизированном фригийском языке. Таков, например, № 11: Ἀντίπατρος καὶ Βάβουρ Πασιῶνος Λεωντίῳ ἀδελφῷ ἰδίῳ καὶ Ἀφίᾳ γυναικὶ αὐτοῦ καὶ Γλύκῳ μνήμης χάριν ἵος τὰ μακάρι κακοῦν ἀδδᾶκεττε εἰσιτετιμενός εἶστος («кто эту могилу нарушит, да будет проклят»).

Колдер отмечает, что фригийская часть надписей не представляет застывшей традиционной формулы, а обнаруживает изменения и в строении и в синтаксисе; это свидетельствует о том, что мы имеем здесь дело с живым языком. Холл доказал, что даже в V — VI вв. фригийский язык еще существовал как разговорный.

Да и вообще не следует ожидать, что нивелирующая сила империи сказалась сразу и до конца. Старые традиции изживались медленно и с трудом. Римляне долгое время держались в провинции особняком, не смешиваясь с местным населением, не вступая в его организации. Они называют себя οἱ κατοικοῦντες Ῥωμαῖοι (римские поселенцы) или οἱ ἐργαζόμενοι, πραγματούμενοι (negotiatores). Даже участвуя в тех или иных решениях местных органов, они отмечают себя особо: ὁ δῆμος καὶ οἱ πραγ-

* The social basis of Roman power in Asia Minor, Aberdeen, 1941, стр. 1—6.

** Ibid., стр. 7—48.

*** W. M. Calder, Corpus inscriptionum neophrygicarum, JHS XXXI (1911), стр. 161—215; XXXIII (1913), стр. 97—104.

ματεύμενοι ἐνταῦθα Ῥωμαῖοι (IGRR IV, 904 и мн. др.)*. Надпись из Лаодикеи (IGRR IV, 860) οἱ ἐπὶ τῆς Ἀσίας Ῥωμαῖοι καὶ "Ελληνες καὶ ὁ δῆμος ὁ Λαοδικέων... позволяет думать, что существовало объединение римлян всей провинции (ср. IGRR IV 908: οἱ ἐπὶ τῆς Ἀσίας Ἕλληνες).

Основная причина обособленности римлян и римских граждан заключается в том, что в начале существования Римской империи римское гражданство еще составляло существенную привилегию и римляне не могли и не желали смешиваться с бесправными провинциалами. Кроме торговли, ростовщичества и эксплуатации земельных угодий, римляне занимались государственной службой, им принадлежали высшие должности — административные, фискальные и судебные, что также создавало отчужденность в отношениях с населением. Долгое время сказывалось презрение к «варварам», которое должно было служить идеологическим оправданием всем гнусностям, которые творились над коренными провинциалами. В своей речи в защиту Флакка, проконсула Азии в 62—61 гг., Цицерон отводит обвинение тем, что всячески унижает и поносит народы Азии: «Наша или ваша поговорка гласит, что фригиец от побоев делается лучше? А что сказать о Кари? Разве не вы же сами утверждаете, что, если хочешь произвести опасный опыт, это надо сделать на карийце? Далее, есть ли в греческом языке более ходкое выражение для обозначения презрения, чем «самый последний из мисийцев»? А о Лидии и говорить не стоит. Есть ли такая греческая комедия, где бы рабом не выступал в первую очередь лидиец?» (Cic., Pro Flacco 27, 65). Апулей, желая резче подчеркнуть безобразие Марсия, говорит о нем Phryx cetera et barbarus (Flor. III). Даже христианский писатель, «муж апостольский», Юстин свысока смотрит на азиатов: «Мы не презренное отродье, не варварское племя, не карийцы какие-нибудь или фригийцы» (Dial. с. Tryph. 99, 4). Филострат вкладывает в уста Аполлония Тианского такие слова: «... здесь можно купить только понтийских, лидийских и фригийских рабов; они сюда прибывают во множестве, так как эти народы, как и все варвары, находясь под чужой властью, не видят позора в состоянии рабства. Во всяком случае у фригийцев в обычае продавать своих близких и не тревожиться об обращенных таким образом в рабство» (V. Ap. VIII, 7, 42). Трудно сказать, в какой степени в этом тексте Филострата отражена реальная историческая действительность; скорее всего этот софист просто применяет в сочиненной им защитительной речи

* Ср. ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος καὶ οἰκατοικοῦντες Ῥωμαῖοι у Рамсэя — «Cities and bishopries of Asia Minor», v. II, № 298, 299, 511, 533 и др.

Аполлония избитые общие места в изящной литературной форме, которая больше всего его интересовала. Но здесь интересно другое: фригийцы, оказывается, продают своих детей не потому, что им есть нечего, а потому, что не доросли до понимания позора рабства!

Однако тенденция ко всеобщему уравниванию, присущая империи, постепенно сглаживала этнические различия, подчеркивая и углубляя классовые противоречия, противоположность между богачами и бедняками, рабовладельцами и рабами.

Эллинизация Азии вела к распаду старых общественных отношений. Это, в частности, сказалось в пестроте обозначений для сельских поселений: «село», «поселение» (*κτοικία*), «дем», «местечко» (*τόπος*), «округа», и для объединения нескольких поселений: «союз» (*κοινόν*), «народ» (*δῆμος*), «трехселье» (*τριχωρία*) и т. д.

Освоение провинции, ее органическое включение в состав империи проводилось вначале теми же методами, какие практиковали эллинистические правители: главным образом путем насаждения городов и поощрения городской жизни в античном значении этого слова. Хотя полис как, форма государства, давно утратил свое значение и стал тормозом для развития общества, эллинистические монархи использовали именно полис как средство эллинизации — территории городов расширялись путем присоединения к ним общинных земель или путем принудительного синойкизма, строились новые города. К моменту образования римской провинции Азия все западное побережье и острова представляли городские территории. Но, понятно, полисы существовали лишь по форме, так как они были лишены основных признаков — независимости и автаркии, они стали составными частями более обширного политического и экономического единства, какое представляли собой эллинистические государства. Римская империя, создавшая на развалинах царств Атталидов и Селевкидов еще более обширное единство, продолжала ту же политику, ориентировавшуюся на города, а в городах — на имущие группы.

Уже Август проявил заботу об Азии, где он провел зиму после битвы при Акциуме. Разоренная после гражданской войны провинция нуждалась в посторонней помощи, чтобы восстановить свое хозяйство. Август восстановил произведенные Антонием разрушения, делал крупные подарки городам и заставлял сенаторов следовать его примеру. Один раз он даже из собственных средств уплатил причитавшуюся с Азии подать за год. Август и его ближайшие преемники заботились об украшении городов храмами, портиками, гимнасиями и другими общественными зданиями. После землетрясения 17 г. Сарды получили субсидию в 10 млн. сестерциев и свободу от нало-

гов в течение пяти лет. Льготы получили также Филадельфия, Эги, Тмол, Аполлонида и др.

Создавались, хотя и в небольшом количестве, римские колонии. Так возникли в Мисии — Юлия Анкира, Тибериополь, Синай, в Лидии — Кесария Трокетта, Гиерокесария, во Фригии — Себаста и т. д. Расширялись и обстраивались некоторые старые города, в первую очередь Эфес, резиденция проконсула, Пергам, Смирна. Наряду с этим растут основанные еще при Селевкидах города Апамея, Евмения, Лаодикея, Стратоникея, Алабанда, Тиатира.

Рост одних городов и упадок других (например, старинных городов, как Милет, Галикарнас и Клазомены) определялся внутренними причинами; то, что Азия включилась в состав империи не как объект грабежа, как это было при республике, а как интегральная часть ее, открыло более широкие просторы для предприимчивости азиатских дельцов, для торговли и мореплавания. При этом в новом объединении экономические центры, естественно, переместились. В системе империи в целом Милет уже не занимал такого благоприятного положения, как в те времена, когда он служил важным звеном в торговле с Востоком. Уничтожение политических границ между независимыми раньше областями делало лишней посредническую роль многих торговых городов. Родос потерял свое значение крупнейшего центра морской торговли и после разгрома, которому он подвергся в 42 г., не мог уже больше оправиться. Зато втягиваются в экономическую жизнь империи глубинные районы долины Меандра, восточной Лидии и бывшие пограничные районы Вифинии, Ликии, Каппадокии.

О росте городов можно судить по выпуску монеты. Мы не знаем, какое количество монет выпускалось, и, следовательно, не можем судить о размерах денежного обращения; но сам факт выпуска монет многими городами свидетельствует об экономическом оживлении. По данным Head'a получается, что более ста городов Азии чеканили монету в I в., хотя почти исключительно бронзовую; во II—III вв. прибавилось еще около тридцати городов.

Перемещение экономических центров, упадок старых, появление новых были одним из проявлений нивелирующей силы империи и вместе с тем содействовали ликвидации старых общественных связей, их замене новыми, более широкими. В этом направлении действовала и римская политика в провинции, в частности, немалое значение имел здесь римский судебный аппарат; он не только вводил всюду римские законы, постепенно упраздняя таким образом местные законы и обычное право, но и создал новые судебные округа, считаясь не столько со старым политическим делением страны, сколько с удобствами

римских администраторов, состоянием путей сообщения. Судебные округа (*Conventus iuridici*) были организованы в Адрамиттии, Пергаме, Смирне, Эфесе, Сардах, Алабанде, Синнаде, Апамее, Лаодикее, Кизике, Филадельфии, позднее (при Каракалле, OGIS 517) в Тиатире. Подробное перечисление городов и племен, входивших в юрисдикцию девяти *conventus*, данное Плинием Старшим (NH, 103—126), показывает, что малоизвестные *populi* и *civitates* выдвинулись, тогда как многие крупные города у него не упомянуты.*

О росте городов говорят и сообщения о строительстве храмов, театров, гимнасиев, бань, о перестройках портов, рынков, проведении водопроводов, дорог. Элий Аристид рисует город Смирну в самых ярких красках: ее центральная «золотая улица» красивее, чем ее название; город представляет красиво чередующиеся храмы, гимнасии, гавани, рынки, театры; бань столько, что не знаешь, где лучше; всюду есть фонтаны и проточная вода; прекрасные театральные зрелища, игры, состязания, философские диспуты привлекают множество людей, город наилучшим образом приспособлен для привольной жизни (Or. XVII). Для благоустройства Смирны Адриан отпустил не меньше 1 000 000 драхм. Огромные суммы тратились на благоустройство Эфеса. Городской рынок здесь занимал площадь в 7 гектаров. По словам Филострата, город славился любовью к танцам, играм и развлечениям (V. Ar. IV, 2). В меньших городах, конечно, траты на строительство были меньше, но и в них внедрялись греко-римские бытовые навыки, требовавшие немалых расходов.

Основным источником средств на строительство городов, кроме ассигнований императоров, были частные пожертвования местных Меценатов и Иродов Аттиков; об этом говорят многочисленные благодарственные надписи. В городах, крупных и мелких, появляются богачи, сумевшие использовать длительный мир и налаженный транспорт для развития торговых и денежных операций. Громадные средства накопились в казне храма Артемиды Эфесской. «Вы знаете, вероятно, — пишет Дион Хризостом (Or. XXXI, 54 сл.), — про эфесян, что у них вложено в храм Артемиды много денег частных лиц, не только эфесян, но и иностранцев и людей откуда угодно, а также деньги, принадлежащие народам и царям. Все помещающие вклады помещают их ради верности (*ἁσφάλεια*), так как никто никогда не осмелился обидеть это место, хотя были бесчисленные войны и город не раз был взят. Ясно, что деньги

* Подробный анализ текста Плиния см. A. H. M. Jones, *The cities of the eastern Roman provinces*, Oxf., 1937.

лежат просто на счете (ἐν λογῶν), но обычно их дают займы эфесянам под заемные письма (ἀπογραφαι). Элий Аристид (XVIII, 24) говорит, что Эфес — «общая казна Азии... убежище в нужде».

Накопление богатств во владениях частных лиц и храмов отнюдь не означает еще общего подъема благосостояния в сего населения. У нас нет данных о положении народных масс в начальный период империи. Можно предположить, что более рациональное использование ресурсов провинции в системе имперского хозяйства должно было привести к некоторому подъему. Но не подлежит сомнению, что классовые противоречия должны были углубиться. Возрастающая потребность в деньгах в связи с ростом товарности хозяйства и особенно под давлением беспощадной налоговой политики Рима вела к обнищанию масс и обогащению ростовщиков и торговцев. Самые методы и приемы вовлечения провинции в единую систему римского мира неизбежно приводили к разложению укоренившихся форм общественной и экономической жизни. В политической жизни период процветания городов был вместе с тем периодом упадка их как самоуправляющихся общественных организаций. А поскольку провинция в составе империи продолжала оставаться рабовладельческой и лишь повторяла прежний процесс развития на новом этапе, классовые противоречия здесь стали глубже и многообразнее.

Мы имеем сведения о существовании около тридцати свободных городов в Азии. Но, во-первых, эта свобода не была постоянной, многие города приобретали свободу лишь на короткое время. Так, Кави, который у Плиния числится свободным, у Диона Хризостома оказывается уже лишенным автономии. Кизик потерял свою свободу уже при Тиберии. Некоторые города получили временную свободу за участие в Митридатовой войне на стороне римлян, но вскоре утратили ее. Даже Эфес, резиденция проконсула и крупнейший город Азии, оставался свободным самое большее до конца I в. Во-вторых, «свобода» городов зависела от воли и даже настроения императора. Клавдий даровал городу Кос иммунитет ради врача Ксенофонта, уроженца Коса. Кизик за бичевание и казнь нескольких римлян, участвовавших в мятеже (ἐν στάσει) был лишен свободы на пять лет (Dio Cass. LIV, 73), а в 25 г. он окончательно потерял свободу за неуважение к культу императора (заложный храм Августу не был достроен) (ibid. LVII, 24). В-третьих, и это главное, само содержание этой свободы было весьма ограничено.

Монеты и надписи титулуют города αὐτόνομος, ἐστῆς, ἄσυλος, ἐστῆς καὶ ἄσυλος и т. п., но право убежища было присвоено собственно не городам, а храмам, и если «свобода» Коса сво-

дилась к праву убежища, то фактически он никаких привилегий не имел.

Право суда было отнято у большинства автономных городов еще в период республики, и это собственно разумелось само собой. Хиос за заслуги в войне с Митридатом по особому постановлению сената 80 г. до н. э. сохранил судебную автономию, но проконсул Антистий Ветус ее отменил; по жалобе хиосцев другой проконсул, имя которого не сохранилось, восстановил, повидимому, привилегию Хиоса (IGRR IV, 943). Но независимо от административных распоряжений римское право и римский суд вытесняли местное право и суд уже по одному тому, что только решения римского суда опирались на реальную силу государственной власти. В первом послании к коринфянам (VI, 1 сл.) апостол негодует по поводу того, что верующие по своим тяжбам судятся «у нечестивых, а не у святых». Цицерон (Att. VI, 1, 15) смеется над греками в Киликии, торжествовавшими по поводу предоставления им права иметь своих судей: пусть тешатся, думая, что обладают автономией.

Весьма существенной для городов была привилегия свободы от налогов. Но эта привилегия исчезла раньше других. Как видно из Dig., L, 15, 8, дарование *ius italicum* или прав римской колонии не освобождало от налогов, если это не было специально оговорено.

Что касается самоуправления, то оно постепенно превращается в фикцию, местные учреждения вследствие разрушения местных политических порядков либо вовсе упраздняются, либо лишаются какого бы то ни было политического значения. В Апамее, судя по надписи в честь Л. Атилия Прокла (IGRR IV, 783), герусия была разрешена по специальному ходатайству Прокла, именуемого в надписи *φιλογέρων* и *συγγήρορ τῆς ἑρρουσίας*. «История упадка герусии отражает упадок самой городской общины. Превращение государственного учреждения, лишенного функций управления, из политического организма в мертвый орган возвещает преобразование полиса».* Герусия превратилась, по выражению Моммзена, в нечто вроде клуба, обслуживавшего только своих членов.

В столь же жалком положении оказались и советы (*βουλῆ*). Одновременно с сужением их компетенции умалаялось и их право решения даже в ограниченной сфере их компетенции. Город не имеет права освобождать от городских повинностей своих граждан сверх установленных норм. В рескрипте к *κοινὸν Ἀσίας* Антонин указывает, что города поменьше могут даровать иммунитет только пяти врачам и трем софистам,

* Levy, Etudes sur la vie municipale de l'Asie Mineure sous les Antonins, REG VIII (1895), стр. 242—243.

города побольше — семи врачам и четырем учителям и т. д.; «превысить это число не разрешается ни по решению βουλή, ни каким-либо ухищрением (παρευρέσει), но уменьшить можно» (Dig. XXVII, 1, 6, 3).

Народные собрания в тех редких случаях, когда они существовали еще, равно как герусии и буле, занимались вопросами благоустройства города, организацией культа императора, посылкой делегаций к императору с прошениями или с поздравлениями и выражением верноподданнических чувств. Любой римский магистрат имел больше реальной власти, чем представитель местного самоуправления. Согласно инструкции, зафиксированной в Дигестах (L, 3, 2), в списке (album) на первом месте помещали чиновников, назначенных принцепсом, а уж затем выборных муниципальных магистратов. В надписи в честь Филастра (IGRR IV, 914) демос Кибиры между прочим восхваляет его за то, что он добился от Клавдия устранения некоего Тиберия Никифора (судя по имени — вольноотпущенник императора), ежегодно требовавшего от Кибиры 3000 драхм. Даже низший полицейский чин (παρὰ φύλαξ) настолько нагло требует от комархов «венки», что гиерапольская βουλή считает нужным принять специальное постановление по этому поводу (OGIS 527).

Право распоряжения городскими доходами фактически было отнято у местных учреждений после установления института кураторов (λογισταί), контролировавших городские финансы. Куратор засвидетельствован для Азии раньше, чем в других провинциях, — до 92 г.* Кураторы, возможно, имели право не только контроля. В надписи 155 г., приведенной Рамсеем (Cities, 1, 462, № 297=IGRR IV, 788), Апамея (ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος καὶ οἱ κατοικοῦντες Ῥωμαῖοι) прославляет гимнасарха Тиберия Клавдия Граниана, который пожертвовал на гимнасии в общей сложности 34 000 драхм и тем сэкономил для города большую сумму, проценты с которой пойдут на уплату ежегодного штрафа (ἐπιζήμιον) куратору «так что впредь не будет больше кураторов согласно постановлению полиса, во веки веков». Из этой надписи видно, что куратор мог налагать штраф или контрибуцию или что для взыскания наложенного кем-то ἐπιζήμιον назначался специальный куратор. Институт кураторов должен был оздоровить местные финансы, но в первую очередь он означал фактическое уничтожение права местных самоуправлений распоряжаться местными доходами.

* T. R. S. Broughton, ук. соч., стр. 810, со ссылкой на S ardis VII, 1, 45; Gsell, Essai sur le règne de l'empereur Domitien, P. 1894, стр. 146.

Доходы городов складывались из сборов за водопровод и бани, из арендной платы за городскую землю, не находившуюся в частном владении, из торговых пошлин и торговых сборов, из штрафов. В частности, в Азии практиковалось в надгробных надписях назначать штраф за нарушения покоя могилы; штраф этот устанавливался в пользу βουλῆς, где хранилась в архиве копия эпитафии. Однако родственники покойника, повидимому, не считали βουλῆς авторитетным хранителем, способным взыскать штраф; поэтому часто штраф устанавливается в пользу императорской казны (τῷ κατὰ καιρὸν ταμίᾳ, τῷ φίσκῳ, τῷ ἐρωτάτῳ φίσκῳ, τῷ κυριακῷ φίσκῳ, τῷ ἐρωτάτῳ ταμίᾳ и т. п. в бесчисленных надписях).

Эти доходы не могли покрыть текущие расходы по благоустройству, по содержанию театров, гимнасиев, бань, библиотек, культурных учреждений. Дефицит покрывался частными пожертвованиями магистратов, исполнявших свои обязанности как литургии. Количество надписей, свидетельствующих о дарениях и пожертвованиях, настолько велико, что, по общему мнению, эти частные щедроты составляли основу бюджета городов.

Местная провинциальная знать, конечно, пыталась выйти из этого ограниченного круга провинциальной жизни и, добившись римского гражданства, проникнуть в римский «высший свет»; но таких удачливых людей были единицы. Большинство довольствовалось суррогатом общественной деятельности, занимая всякого рода общественные должности, функции которых заключались в организации культа, в финансировании гимнасиев, игр, театров и т. п., в заботах об общественных сооружениях. От кандидата на городские должности ждали в первую очередь щедрых пожертвований, и кандидаты не скупились. Многочисленные надписи говорят о щедрости магистратов, даривших на масло для умащений, на общественные бани, театры, на устройство игр и состязаний, на постройку храма в честь императора, снаряжавших за свой счет делегации в Рим для поздравления императоров по случаю торжественного события и т. п.

Вполне понятно, что общественные должности при таких условиях были по плечу только богачам. В начале периода империи таких людей было немало. О городе Траллы Страбон пишет, что он «густо населен зажиточными (εὐπόρων) людьми, как немногие азиатские города, и некоторые из них занимают важнейшие должности в провинции и назначаются азиархами. В числе их был Пифодор, родом из Нисы, но переселившийся в Траллы как город знаменитый; в числе друзей Помпея он пользовался почестями подобно немногим. Он обладал царским богатством более, чем в 2000 талантов» (XIV, 1, 42). По-

сколько должности давали носителям их влияние и почетное положение среди своих соотечественников, их домогались, несмотря на связанные с ними расходы. Богатые слои населения извлекали из этого положения вещей и кое-какую выгоду для себя; щедрыми дарами они покупали себе у римлян право свободной эксплуатации своих сограждан и вместе с тем умеряли недовольство бедноты. В большом количестве дошедших до нас надписей перечисляются многочисленные титулы честолюбцев, занимавших ряд должностей, часто по несколько лет подряд, иногда пожизненно. В сильно фрагментированной надписи из Колосс (IGRR IV, 870) фигурирует лицо, исполнявшее должность стратега, председателя буле, секретаря, казначея, эфебарха, номофилака, надзирателя городских земель, наблюдателя за строительными работами и др.; честолюбец не брезговал и полицейскими должностями иринарха и парафилака; был он также экдиком (адвокат); во время голода он отпустил городу хлеб по пониженной цене. Интересна надпись из Нисы (Лидия):* ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος καὶ ἡ ἑρωςία καὶ οἱ νέοι καὶ ἡ σύνοδος Μ. Ἀπολλώνιον γ' τὸν γραμματέα τῆς πόλεως καὶ πανηγυριάρχην καὶ στρατηγὸν καὶ παραφύλακα ἀγορανομήσαντα δ' ἀργυροταμιεύσαντα δῖς, ἐπιδόντα δὲ καὶ τὸν υἱὸν Ἀπολλώνιον εἰς τε γραμματείαν καὶ γυμνασιαρχίαν καὶ παραφυλακὴν καὶ σείτωνίαν, ὁμοίως καὶ τὸν ἕτερον υἱὸν Ἀττάλον ἐπιδόντα εἰς τε γραμματείαν καὶ εἰρηναρχίαν καὶ γυμνασιαρχίαν καὶ ἀγορανομίαν καὶ ἀργυροταμίαν, καὶ ἐπὶ φθάνουσας λειτουργίας γενόμενον τὸν Ἀπολλώνιον πρῶτον ἄρχοντα καὶ στεφανοφόρον ἑνδοξον («совет народ, герусия, молодежь и сход — Аполлония трижды ** секретаря города, панегирнарха, стратега, парафилака, бывшего агораномом четыре раза, казначеем дважды, отдавшего и сына своего Аполлония на секретарство, гимнасиархию, парафилакию и ситонию, равно и второго сына, Аттала приставившего к должности секретаря, иринарха, гимнасиарха, агораномом и казначея, и при предшествующих литургиях ставшего первым архонтом и славным стефанофором»). Здесь отец заблаговременно наделяет своих двух сыновей различными должностями.

Высшим органом, объединявшим всю провинцию, был κοινὸν Ἀσίας, во главе которого стоял азиарх. По разъяснению Модестина (Dig. XXVII, 1, 6, 14), азиархия, как и вифиниархия, кашпадокиархия — εὐνοὺς ἱεραρχία, т. е. высшая жреческая должность, так как основная функция самого объединения — κοινὸν Ἀσίας — заключалась в организации императорского культа. Формально это было представительное собрание всей провинции; практически оно занималось делами культа. Оно

* BCH, VII, «Unedited inscriptions of Asia Minor», № 15.

** Т. е. его отца и деда также звали Аполлоний.

принимало постановления о постановке статуй, устройстве празднеств, освящении храмов в честь императора, о посылке делегаций. *Κοινόν* имело право петиций; но это право имели все города и даже любая сельская община и отдельные лица. В надписях часто упоминается о том, что такой-то благодетель на свои деньги ездил с делегацией в Рим и выполнил свою задачу блестяще и не жалея расходов (*λαμπρῶς καὶ πολυδαπάνως*); очевидно, существовало что-то вроде соревнования между городами, видевшими особую честь, чтобы их делегат посрамил своей роскошью и тратами делегата соседнего города. В период республики *κοινόν* имел право сделать представление о привлечении к ответственности проконсула за вымогательство.

Существовали и местные *κοινά*, культовые объединения, охватывавшие иногда несколько поселений; не всегда, впрочем, *κοινόν* означает организацию, иногда это просто обозначение совокупности граждан данного поселения.

Упадок общественной жизни в Азии констатируют все исследователи Азии. Его не могут скрыть даже славословия ораторов. В одной из своих речей Дион Хризостом рисует картину преуспевания города Апамеи во Фригии (Or. XXXV, 14 сл.): «Вы стоите во главе Фригии, Лидии и Карики, вокруг вас обитают другие, весьма многочисленные народности — каппадокийцы, памфилы, писиды, и для всех вы представляете рынок и место для встреч в вашем городе. Вы имеете под своим влиянием множество малоизвестных местечек и богатых селений. Вернейший же признак вашей силы — высота подати; ибо, я думаю, как из выючного скота наиболее сильной является та скотина, которая тянет больше всех, так и из городов естественно считать наилучшими те, которые уплачивают больше всего денег. Судебные заседания происходят у вас каждый год, и на них стекается множество людей — адвокаты, судьи, юристы, правительственные чиновники, низшие магистраты, рабы, погонщики мулов, торговцы, ремесленники, так что кто имеет товары на складе, продает их по наивысшей цене. Среди вас нет праздных. А там, где собирается много людей, деньги больше всего оборачиваются и возрастают богатства». В этом панегирике, вопреки напыщенной фразеологии и явным преувеличениям, вроде того, что Апамея «стоит во главе Фригии, Лидии и Карики», сквозят черты далеко не утешительные для преуспевающего города. Обширная торговля Апамеи сводится к ярмарке в связи с заседанием суда раз в год. А процветание города выражается в том, что римская казна больше всего его грабит.

Конечно, в системе империи города Азии подняли, надо полагать, свою торговлю не только благодаря лучшему состоянию путей сообщения, благодаря длительному миру, но и

вследствие расширения спроса в результате распространения греко-римской культуры в отсталых районах, вовлечения в среду цивилизованных народов варваров из соседних с Азией стран. Но это не означает, что благосостояние масс населения поднялось в такой же мере, как доходы богачей; напротив, пропасть между классами эксплуатируемыми и эксплуатирующими должна была углубляться. Этому способствовал особый характер торговли. Города Малой Азии «платили древнему Риму ежегодную дань. На вырученные деньги Рим покупал у них товары, и покупал по вздутым ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей путем торговли часть углаченной ими дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им во всяком случае платили их же собственными деньгами».* Таким образом, торговля служила каналом, по которому часть взимаемых со всего народа податей перекачивалась в карманы богатых торговцев.

У. Рамсэй опубликовал остающуюся до сих пор загадочной надпись III в. о так называемых ξένοι τεκμωρεῖοι (Рамсэй полагал, что то была антихристианская организация):** здесь приводится список взносов разных лиц в императорском имении на приобретение статуи и разной утвари для культа императора. Эти взносы в отдельных случаях достигают внушительной цифры в 6000 денариев. Отсюда пытались делать вывод о высоком жизненном уровне населения. Но у нас нет данных о том, что эти зажиточные ξένοι τεκμωρεῖοι — рядовые крестьяне. Помимо того, как предполагает Рамсэй, здесь могли быть показаны, как это в таких случаях бывает, фиктивные цифры (например, вместо 100 пишут условно 1000). Наконец, необходимо учесть, что в результате общего кризиса империи в III в. стоимость денария резко упала. В надгробиях, где назначался штраф нарушителю покоя могилы обычно 300—500, максимум 1000 денариев, появляются цифры 5000 (IGRR IV, 872 и добавл.). Поэтому надо признать слишком поспешным вывод М. Ростовцева из надписи Рамсея, что положение сельского хозяйства в Азии было вполне хорошим.***

Упадок муниципальной жизни несколько не ослабил соперничества между городами Азии, принявшего в условиях упадка нездоровый характер и производившего на современников комическое впечатление. Дион Хризостом (Or. XXXVIII, 144) открыто смеется над погоней за пустыми титулами. Эфес на монетах отмечает, что он κατὰ πόλιν Α, т. е. город, где прежде

* К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 106.

** W. M. Ramsay, Studies in the history and art of the eastern provinces of the Roman Empire, 1906, стр. 319 сл.

*** M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, Lpz. 1910, стр. 301.

всего должен высадиться проконсул. Многие города на монетах и в надписях называют себя ἀρίστη, μεγίστη, λαμπρότατη, πρώτη (Head полагает, что πρώτη означает просто, что депутация данного города занимала первое место в шествиях в честь императора; поэтому Магнесия именует себя на монете седьмой).^{*} Особенно великую честь для себя видели города в том, чтобы иметь у себя храм культа императора и носить, таким образом, титул неокора. Эфес в правление Луция Вера стал дважды неокор, при Каракалле — трижды, при Гелиогабале — четырежды (при Максимине снова появляется на монетах Эфеса τρίς νεοκóρος, повидимому, в результате extinctione memoriae).^{**} Неокорат настолько крепко привился как почетный титул, что Сарды в надписи 459 г. при господстве уже христианства продолжают называть себя δις νεοκóρος (Le Bas — Waddington 628).

Высшим должностным лицом был азиарх; повидимому, должность ἀρχιερεὺς Ἀσίας — верховного жреца императорского культа — совпадала с азиархией. Во главе совета отдельных городов стоял стратег, в надписях и на монетах встречается также в качестве эпонима стефанофор: иногда во главе управления стояла коллегия — συναρχία.^{***} Должности стратега и прῶτοι ἄρχοντες были особенно почетны. Но и прочие магистратуры привлекали охотников. Римляне использовали эту тщеславную тягу к литургиям, чтобы создать свой административный аппарат в провинции. Избрание в магистраты и связанные с этим добровольные дары и пожертвования превратились в принудительную службу с обязательными расходами из личных средств магистратов на городские нужды. Эта установка правительства получила официальную формулировку в рескрипте Марка Аврелия и Луция Вера: «Установление, которым предусмотрено, что, если кто избран в декурионы, он получает магистратуру, надо соблюдать лишь постольку, поскольку дело касается всех пригодных и достаточных людей. Если же некоторые из них настолько немощны и истощены, что не только общественные должности им не под силу, но они едва могут жить на свои средства, то бесполезно и неприлично поручать таким людям должности, тем более когда есть такие, которых можно назначать, с удобством для должности, для их благосостояния и для блеска общины» (Dig. L, 4, 6, pr.). От каждого маги-

^{*} Под это объяснение, однако, не подходит легенда на смирнской монете: πρῶτων Ἀσίας γ' νεοκóρων τῶν Σεβαστῶν κάλλει καὶ μεγέθει — «первых в Азии, трижды неокоров Августов, по величине и красоте».

^{**} Head, Historia numorum, стр. 507—508.

^{***} Ibid., стр. 609.

страта, независимо от характера его должности, ожидали денежных раздач и участия в расходах подведомственного ему учреждения, и эти ожидания оправдывались. Своеобразную литургию в Азии представлял выпуск монет от имени города отдельным лицом, получившим магистратуру от города или от императора. В этом случае на монете указано ἀνέθηκε: Πολέμων στρατηγῶν ἀνέθηκε Σμυρ[ναίοις]. В одном случае таким лицом оказалась даже женщина: ἐπὶ στεφανηφόρου Οὐλπίας Κλαυδιανῆς ἀνέθηκε.* Вступительный взнос при вступлении в должность (summa honoraria) стал правилом, и даже при занятии незначительной должности агораном в Филадельфии ее обладатель вносит крупную сумму в 10 000 денариев. Но римляне превратили обычай в закон, honos (магистратуру) в munus (повинность) и тем положили начало закреплению сословий.

Римляне имели в Азии и свой аппарат. Кроме прокопсула и его свиты, канцелярии, судейских и финансовых агентов и помощников, существовал аппарат императорского фиска, который все расширялся. Взыскание податей и налогов — в этом заключалась главная функция римского государственного аппарата в Азии.

Уже Цезарь заменил десятину твердой денежной податью с крестьян. О размерах этой подати у нас нет прямых данных. По сообщению Аппиана (b. civ. IV, 75), проконсул Азии представил Бруту сумму в 16 000 талантов, собранную из податей (ἐκ τῶν φόρων τῆς Ἀσίας). Антоний, по Аппиану (b. civ. V, 4—6), взыскал в Азии подать за девять лет вперед и, кроме того, наложил контрибуции на царей и вольные города. По Плутарху (Ant. 24,4), Антоний взыскал в итоге 200 000 талантов, что согласуется с аппиановой цифрой — 16 000 талантов в год. Если принять численность сельского населения в Азии 3 млн., то это дает 32 денария на душу, считая и грудных младенцев, — цифра высокая, но вполне правдоподобная. В Египте подушная подать местами составляла 40 египетских драхм и, кроме того, крестьяне платили за землю аренду.

Кроме stipendium, население Азии платило и другие налоги — таможенные и портовые пошлины в размере 2,5% стоимости товаров (quadragesima), налоги на наследство, на отпуск рабов на волю (взимался только с римских граждан). Существовал и подушный налог (ἐπιχεφάλιον, ВСН XVII, стр. 553—554, № 56), хотя размеры его и принцип его взимания неизвестны. Взыскание налогов поручалось декапро-

* Head, Historia numorum, стр. LXVIII, 611.

там («десять первых»), отвечавшим своим имуществом за поступление денег в казну. Наряду с этим в надписях имеются указания на правительственных агентов, занимавшихся взысканием налогов (*exactores*).

Поскольку Азия была сенатской провинцией, налоги должны были поступать в *aerarium*. Однако императоры постепенно прибирали к рукам финансы провинции. Уже начиная с Августа засвидетельствованы в литературе и в надписях прокураторы фиска, императорской казны — *procurator Augusti provinciae Asiae*, *procurator provinciae Hellesponti*, *procurator provinciae Phrygiae*.^{*} Эти прокураторы, как и прокураторы с более ограниченными функциями, ведавшие специальными сборами и налогами, имели обширные штаты чиновников из вольноотпущенников и рабов — *adiutores*, *tabularii*, *a commentariis* и др. Все вместе они обслуживали *fiscus Asiaticus* — азиатский отдел императорской казны, существовавший долгое время параллельно с финансовыми органами сената. Этот параллелизм неизбежно увеличивал тяготы населения.

Для взыскания земельной подати (*stipendium*) велся земельный кадастр, от которого сохранились фрагменты, относящиеся к позднему периоду империи. Списки земельных участков с подробным описанием и оценкой хранились в архивах, обслуживаемых в значительной части также императорскими вольноотпущенниками и рабами — *tabularius*, *argarius*, *dispensator* и др.

Немалое бремя для провинции составляли всякого рода выражения верноподданнических чувств. В частности, довольно дорого обходился культ императоров, в котором мировая империя пыталась осуществить мировую религию. Храмы и статуи в честь императоров, всякого рода торжества и делегации по случаю тех или иных официальных дат из жизни императоров занимали немалое место в бюджете городов. Эфес и Пергам уже в 29 г. до н. э. учредили у себя культ императора. Август именуется в надписях того времени «сыном божьим» и «спасителем». В Эфесе в двуязычной надписи 5 г. до н. э. упоминается *Augustaeum* — *Σεβαστήιον* (CIL III, 6070). Конечно, в первую очередь эти расходы покрывались жертвоприношениями магистратов, но далеко не целиком. Да и щедроты магистратов в конечном счете оплачивались трудом массы населения.

Жестоким бичом населения были военные постои. Из 138 надписей в Евмении (Фригия) 11 принадлежат солдатам и ветеранам. Из 10 500 латинских надписей здесь 545 (5,4%) при-

^{*} Перечень прокураторов см. V. С h a r o t, ук. соч., стр. 337.

надлежат солдатам. «Ничего подобного мы не встречаем ни в одной другой области Малой Азии», — пишет Рамсэй.* Жалобы на произвол солдат — один из лейтмотивов в прошениях населения. Вымогательством прославились и полицейские. «Официальные охранители мира и порядка, — пишет лучший знаток Азии У. Рамсэй, — легко перерождаются в бандитов; признанные разбойники становятся друзьями угнетенного населения. Ведь легче вымогать у законопослушного населения, чем охотиться за преступниками... Императорская полиция и тайные агенты в III и даже в конце II в. внушали больше страха, чем преступники, своими вымогательствами под видом κολλητιῶνες».**

Римское владычество в Азии внесло существенные изменения в аграрные отношения. В Азии при господстве персов сохранялись еще древневосточные формы землевладения и землепользования, при которых земля считается собственностью царя или бога (храмов), а работающие на земле крестьяне платят за нее дань и обязаны личными повинностями «на дом царя» (или бога). Селевкиды, расширяя и укрупняя старые полисы, приписывая к ним прилегающие земли, тем самым содействовали в значительной мере ликвидации древневосточных отношений. Римляне и в этой области вели политику уравнивания, стремясь превратить всех землепользователей либо в землевладельцев, либо в арендаторов и колонов.

Интересна в этом отношении надпись IGRR IV, 571 из Эзан. Авидий Квиет, проконсул Азии 125/6 г., обращается к «правителям, совету и народу эзанитов» с письмом по поводу возникших у них споров о разделе земельных участков на территории храма, которые земледельцы получали (предположение Диттенбергера, OGIS 502) в наследственную аренду. Квиет передал спор на рассмотрение императора Адриана и на основании решения императора дал соответствующее распоряжение прокуратору Августа Гесперу. В заключение Квиет приводит латинский текст письма Адриана к нему, свое письмо к Гесперу и ответ последнего. «Копия письма Цезаря, написанного Квиету. Если не известно, на какие участки, именуемые клерами, была поделена царями земля, посвященная Юпитеру Эзанскому, то лучше всего, как ты и сам думаешь, применять меру, которая в соседних городах считается ни слишком большой, ни слишком малой. И если в то время, когда Меттий Модест*** установил, чтобы за них

* «Cities...». II, стр. 379—380.

** W. M. Ramsay, *Anatolica quaedam*, JHS, L(1930), стр. 283.

*** Проконсул Азии за несколько лет до Квиета.

платили подать (vestigial), известно было, каковы эти клеруховы земли, то справедливо, чтобы подать платили с того времени; если не было известно, то уж во всяком случае надо платить отныне. Если, впрочем, требуется некий срок, пока все заплатят, пусть будет дан срок.

Копия письма, написанного Квиетом Гесперу. Так как я узнал, что размеры клеров различны, а святейший император в соответствии со своим решением показал принять не слишком большую и не слишком малую меру в том районе, который считается посвященным Юпитеру Эзанскому, поручаю тебе, дражайший Геспер, разведать, каков размер наибольшего и наименьшего клера по соседству и в самом этом районе, и об этом поставить меня в известность письмом.

Копия письма, написанного Геспером Квиету. Некоторые дела, господин мой, нельзя довести до конца иначе, как через лиц, имеющих благодаря практике опыт в таких делах. Поэтому, когда ты мне предписал, чтобы я доложил тебе, каков размер клеров в районе Эзаны, я тотчас послал...

Науке, к сожалению, в данном случае не повезло: надпись почему-то осталась неоконченной, и мы так и не знаем, каков был размер клеров; это тем более обидно, что вообще данных о размерах земельных владений в Азии нет. Но надпись дает важное указание на то, что полузависимые храмовые крестьяне превращаются в клерухов, уплачивающих определенную сумму vestigial храму и, вероятно, фиску (поэтому дело поручается прокуратуре).

Процесс изменения аграрных отношений в Азии со времени книги Ростовцева «*Studien zur Geschichte des röm. Kolonats*» трактуется в буржуазной историографии неверно. Ростовцев и его последователи неправильно представляют себе земельные отношения на древнем Востоке как феодализм и крепостничество. Они не дают себе труда анализировать существо этих отношений, ограничиваясь формальной аналогией. Своеобразие древневосточного землевладения и землепользования, прекрасно раскрытое в работе К. Маркса «*Формы, предшествующие капиталистическому производству*», определялось тем, что в силу особых исторических условий на Востоке не было частной собственности на землю * и еще в эллинистическое время сохранялось общинное землевладение. В римское время эти старые отношения разложились и господствующей стала

* Это хорошо знал, в частности, Александр Македонский; в надписи из Приены (Inscr. von Priene № 1) он заявляет: ... *χωραν γειγώσχω ἐμὴν εἶναι τοὺς δὲ κατοικοῦντας ἐν ταῖς κώμας ταύταις φέρειν τοὺς φόρους* «землю я признаю своей, а живущие в этих селах должны платить (подати)».

частная собственность на землю, как она существовала в Римской империи. Это создало возможность возникновения колоната, формы эксплуатации, предшествующей крепостничеству.

При завоевании азиатских провинций римляне сначала оставляли в неприкосновенности храмовые территории, считая, что храмы лучше всего сумеют обеспечить интересы завоевателей; в частности, так действовал Помпей. С течением времени, однако, римляне упразднили храмовые территории за малыми исключениями или же изменили их статус, как это видно из надписи о храме Зевса в Эзанах.

На территориях, принадлежавших полису, работали прежние крестьяне-общинники, превратившиеся в наследственных арендаторов *ager publicus*; на землях, принадлежавших отдельным гражданам, применялся труд либо рабов, либо арендаторов, или же сами горожане работали на своих пригородных участках. В одной надписи из Коса (IGRR IV, 1087) перечисляются следующие категории населения: *τοὶ κατοικοῦντες ἐν τῷ δῶμῳ τῶν Ἀλευτιῶν καὶ τοὶ ἐνεκτημένοι καὶ τοὶ γεωργοῦντες ἐν ᾿Αλευτι καὶ Πέλῃ, τῶν τε πολειτᾶν καὶ Ῥωμαίων καὶ μετοίκων*. Здесь мы имеем катэков дема ᾿Αλεις, землевладельцев, земельных арендаторов (*γεωργοῦντες*) из двух демов, граждан Коса, римлян и метэков.

Кроме городских земель, были в Азии крупные земельные владения императоров и членов их семей и владения частных лиц. Императорские имения известны благодаря надписям, большей частью лишь косвенно указывающим на наличие в той или иной местности земельного владения члена императорской фамилии. Иногда дается прямое указание; таков пограничный камень, указывающий, что земля «справа принадлежит сагалассийцам, слева — селению Тимбрианасс, Нерона и Клавдия Цезаря Августа Германика».* На другом камне сохранилась надпись *finis Caesaris n(ostri)***.

Но особенно часто мы узнаем об императорских имениях по упоминаниям в надписях должностных лиц — прокураторов, диспенсаторов и т. д. — или арендаторов (*μισθῶται*). По сообщению Тацита (Ann. IV, 15), прокуратор Азии Луцилий Капитон был привлечен к ответственности по жалобе провинции на злоупотребления. Император Тиберий по этому поводу заявил: «Я дал ему право только на рабов и личное имущество; а если он узурпировал права претора и пустил в дело солдат, то он в данном случае злоупотребил моими распоряжениями». Очевидно, значение прокуратора императорских имений было

* W. M. Ramsay, *Cities...*, стр. 336.

** BCH VII, «Unedited inscriptions of Asia Minor», № 39.

настолько велико, что он мог позволить себе использовать военную силу для насилий над гражданами. После Тиберия количество и размеры императорских имений возросли в результате конфискаций. По случайным эпиграфическим данным можно установить, что в одной Фригии было не менее десяти императорских имений, которыми управлял «прокуратор провинции Фригии. Ряд надписей посвящен прокураторам, имевшим резиденцию в Синнадах.* При Нероне императорскими имениями ведали вольноотпущенник Гелий и всадник П. Целер; то обстоятельство, что прокуратором был всадник, свидетельствует об эволюции этой должности в смысле расширения функций прокуратора, распространения его влияния на общедминистративные дела сенатской формально провинции.

Если верно предположение Рамсэя, что упоминаемая в надписи *Cities...I*, стр. 287, Фаустина Уммидия Корнифиция — племянница Марка Аврелия, то к императорским имениям надо отнести группу надписей (IGRR IV, 887—892) Ормелы во Фригии. Население этой территории именуется *δῆμος Ὀρμηλέων*; в посвяtitельных надписях «за благо наследников Фаустины Уммидии Корнифиции и народа ормелийцев» и других упоминаются прокуратор, *πραγματευταί* (*negotiatores, actores*), помощники прокуратора, *μισθοταί* (*conductores*), крупные съемщики, от себя сдававшие в субаренду землю мелким земледельцам. Последние именуются *ὄχλος* (*plebs*), и прокуратор с его штатом и *conductores* их благодетельствуют, как магистраты в городах «благодетельствуют» граждан: жертвуют деньги «народу» (хотя не очень щедро — в надписи 887—200 денариев), сооружают жертвенники; в надписи 892 дается перечень 29 лиц, пожертвовавших небольшие суммы деньгами (50 денариев) или натурой (7 секстариев масла). Упоминаются и жрец Юпитера Савазия с женой. Во главе селений стоят *πρόχοιτες* (*magistri vicorum*). Эти надписи, относящиеся к концу II — началу III в., дают представление об организации императорского имения. Кроме прокуратора и эконома, засвидетельствована должность помощника прокураторов: «Север, вольноотпущенник Августа, помощник прокураторов Филадельфийского района» (IGRR IV, 1651).

Наряду с императорскими существовали и частные крупные земельные владения. Тацит, например, сообщает о Плавте, что он имел обширные вотчины в Азии (Ann. XIV, 22). Знаменитый софист и оратор Элий Аристид имел несколько крупных владений в Азии. Множество надписей говорит о крупных вла-

* W. M. Ramsay (The social basis of Roman power in Asia Minor, стр. 266 сл.) собрал 14 таких надписей.

дениях частных лиц, среди них встречаются видные римские аристократы. Организация этих частных имений строилась по тому же типу, что и императорские имения.*

В период республики существовало еще большое количество мелких крестьянских хозяйств, сохранивших остатки общинной организации; они именовались *ἔδνη* или *δῆμοι*. Но общинные порядки пришли в упадок, и объединение крестьян (*κοινά*) базировалось на общности культа местного божества и его храма. В период империи эти свободные сельские общины, поскольку их земли не были захвачены императорами и другими крупными владельцами, в значительной части были присоединены к территориям городов, и *ἔδνη* и *δῆμοι* и их *κοινά* встречаются в источниках редко.

Разложение общинного землевладения под влиянием роста торговли и роли денег в хозяйстве приводило к задолженности крестьян, ставившей их в зависимое положение по отношению к крупным землевладельцам. Варрон указывает (г. г. 1, 17, 2), что для крупных работ в поле применяют труд наемных работников; «сюда же относятся и те, которых у нас называют *obaerati* и которых так много теперь в Азии, Египте и Иллирике». *Obaerati* — это «обремененные долгами», вынужденные отрабатывать свой долг, не имея возможности расплатиться с кредитором. Эта категория *obaerati* существовала, надо полагать, и позднее, и отсюда возник обычай, обязывающий должника отрабатывать несколько дней в году на земле крупного владельца; обычай этот закрепился в уставах, определяющих обязанности колонов в африканских сальтусах. Нет оснований думать, что в азиатских имениях порядки были существенно иные, чем в африканских.

Случай сохранил нам часть интересной надписи начала III в. (Keil u. Premerstein, Reisen durch Lydia, III, № 55), характеризующей положение колонов в императорском имении близ Филадельфии. Это жалоба, поданная крестьянами императорам: «... А чтобы создать видимость оправдания такой их наглости, они захватили девять человек и заключили их в оковы, заявляя, что отправят их к превосходительным вашим прокураторам, так как превосходительный Элий Аглай исполняет также обязанности проконсула. У одного из этих девяти они исторгли как выкуп за спасение более 1000 аттических драхм и отпустили, прочих же они оставили в оковах, и мы не знаем ясно, божественнейший из императоров, отошлют ли они их живыми к превосходительному Аглаю или поступят с ними, как с прежними. И вот мы, несчастные люди,

* Подробный перечень сведений о частных земельных владениях в Азии см. T. R. S. Broughton, ук. соч., стр. 663 сл.

лишенные средств к жизни и своих близких, сделали единственное, что было в наших возможностях — заявили об этом вашему прокуратору, надзирающему за порядком, Аврелию Маркиану, и вашим превосходительным прокураторам в Азии. Мы молим ваше божественное непревзойденное величество, о божественнейший из бывших когда-либо императоров, обратить внимание на страдания крестьянства (γεωργίας), так как нам чинят препятствия сборщики налогов (κολλητιῶνες) и их представители, угрожающие нам, оставшимся, смертельной опасностью, и мы не можем из-за чинимых препятствий ни землю обрабатывать, ни выполнять платежи и повинности (ψήφους) в будущем. Мы просим вас милостиво внять нашей молитве и предписать управителю народа (ἐξουχούμενῳ τοῦ ἔθνους) и превосходительным вашим прокураторам учинить суд за содеянное преступление, запретить им доступ в господские имения и [прекратить] притеснения, применяемые к нам сборщиками и теми, кто под предлогом выполнения должности и литургий притесняют и терзают нас; ведь все наше [имущество], унаследованное от предков, подлежит контролю и ведению священного фиска по уставу земельному (τῆς γεωργίας δικαίῳ). Скажем правду вашей божественности: если от вашей небесной десницы не будет возмездия за наглые деяния и помощи на будущее, мы, оставшиеся, не в силах снести алчность κολλητιῶνες под вышесказанными предлогами, вынуждены будем бросить отчие очаги и могилы предков и ради спасения жизни переселиться на частновладельческую землю (ιδιωτικὴν γῆν): они, эти злодеи, больше щадят живущих там, чем ваших крестьян; [придется нам] стать беглецами с господских земель, на которых мы родились и выросли, и, оставаясь земледельцами со времен предков, верой служили за счет господина».

Из надписи видно, что на императорской земле сидели наследственные колонны, обязанные, согласно «земельному уставу», не только платить за аренду земли, но и выполнять другие повинности; что, будучи лично свободны (их привлекают к несению литургий и исполнению разных должностей) и пользуясь правом передвижения, они фактически бесправны, и сборщики могут измываться над ними и чинить над ними расправу. Бороться против гнета колонны могли лишь слезными прошениями императорским прокураторам или самим императорам или бегством с земли. Этот последний метод борьбы хорошо известен по египетским папирусам и засвидетельствован также надписями для Азии и Фракии. Интересно, что «эти злодеи больше щадят живущих» на частновладельческой земле. Повидимому, уже тогда крупные землевладельцы стали приобретать некоторую независимость от государственного аппарата.

Другая надпись, характеризующая положение колонов в Азии III в., дошла до нас из Фригии (OGIS 519). Это жалоба, направленная к императору Филиппу Арабу от имени *κοινοῦ τῶν Ἀραγούηδων* через некоего Аврелия Эглекта. Если принять дополнение Диттенбергера к стр. 10, то арагвенцы не имели средств послать делегацию к императору за свой счет, и им пришлось на помощь соседи — *δῆμος κοινοῦ Τόττανδων Σοηνῶν*. М. Ростовцев в итальянском издании своей книги «*Storia sociale e economica dell' impero Romano*», стр. 556 сл., дает другую конъектуру, по которой получается, что арагвенцы жили на земле, входившей в территорию упоминаемого в тексте *Ἀππιανῶν κλήμα*, населенного «народом объединения тоттеанов и соенцев».

Как это было принято в древности, впереди текста помещена резолюция Филиппа и его соправителя: «В добрый час. Импер. Цез. М. Юлий Филипп Август и М. Юлий Филипп, благороднейший Цезарь, М. Аврелию Эглекту через солдата фрументария* Дидима: проконсул, сиятельный муж, убедившись в верности заявленных мне обвинений, если окажется, что совершаются какие-либо обиды, обратит на это свое внимание». Далее следует текст жалобы:

«Императору Цезарю М. Юлию Филиппу благочестивому, счастливому Августу и М. Юлию Филиппу, лучезарнейшему Цезарю, прошение от Аврелия Эглекта по поручению общины арагвенских поселенцев и колонов (*κοινοῦ τῶν Ἀραγούηδων παροίκων καὶ γεωργῶν*) ваших [входящих в Аппианский] дем объединения (*κοινοῦ*) тоттеанов и соенцев** через Т. Виния Дидима, воина. В то время как в ваши блаженнейшие времена, о благочестивейшие и безупречнейшие из когда-либо бывших царей, все ведут спокойную и мирную жизнь, только мы терпим противное [нынешним] блаженнейшим временам и направляем к вам это наше моление, ручаясь за справедливость нашей просьбы о следующем. Мы — ваше священнейшее имяние (*χρῆριον*) и как бы целостный народ (*δῆμος ὁλόκληρος*), прибегающие к вам и ставшие просителями вашей божественности, угнетаемы сверх невообразимой меры (*παρὰ τὸ ἄλογον*) и являемся объектом вымогательства со стороны тех, кому надлежит охранять общественные интересы. Живя в глубине страны и не находясь под властью военной, мы, однако, терпим бедствия, несовместимые с вашими счастливейшими временами. Нас притесняют те, которые, будучи посланы в Аппианский округ (*κλήμα*), уклоняются от больших дорог; к тому же солдаты

* В тексте непонятное *miigeneum*.

** Соа в конце III в. имела городское устройство, так как в надписи IGRR IV, 605 Соа имеет буле.

и вельможи из правящих в городе и ваши цезарианцы,* прибывающие сюда, отклонившись от проезжих дорог, оторвав нас от работ и забирая на ангарии наших рабочих волов, взыскивают то, что им не следует, и выходит, что мы угнетены и терпим немалую обиду. Обо всем этом мы уже обращались к вашему величеству, Август, когда ты был в должности префекта претория, и о том, как твоя божественность была тронута этим, явствует из приводимой твоей резолюции: «Я предписал правителю провинции, чтобы он расследовал то, что вы излагаете в прошении, и он примет меры, чтобы больше не было места для жалоб». Так как от этой резолюции нам не было никакой пользы, и нам приходится в деревне платить, что с нас не причитается, и к нам являются какие-то люди, вопреки справедливости попирающие нас ногами, равно как и цезарианцы немало нас притесняют, выходит, что мы губим урожай и земля пустеет...»

Жалоба арагвенских колонов не единичное явление. Шультен обратил внимание на то, что вводная часть надписи совпадает с текстом такой же жалобы скаптопаренцев во Фракии. Повидимому, такие жалобы писали часто, и выработался уже некий шаблон для них.**

Что касается положения мелких землевладельцев и арендаторов частных земель, их положение вряд ли было много лучше положения императорских колонов. Хотя в Азии римляне не считали всю землю царской, как это было в Египте, но, вероятно, не стеснялись нарушать права старинных владельцев земли. Крупные земельные владения императоров и частных лиц вряд ли образовались только путем «законной» конфискации. В этом отношении интересно сообщение Элия Аристиды (Or. L, 105—108), владевшего по крайней мере тремя имениями в Мисии. Когда он в 142 г. был в Египте, его семья приобрела имение в Мисии; но «некоторые мисийцы пытались присвоить его... собрав сколько могли рабов и арендаторов (μισθωτάι), они явились, вооруженные чем попало»; проконсул должен был вмешаться и ввести Аристиду во владение землей. Очевидно, в данном случае мелкие земледельцы пытались отстоять свои права на землю.

При чтении литературы I—III вв., где имеются кое-какие данные об Азии (Дион Хризостом, письма Аполлония Тианского, Филостратово жизнеописание его) чувствуется, что за внешним благополучием скрывается глухая ненависть к

* Представители фиска по управлению конфискованными имуществами и взысканию налогов. Адриан называет их тиранами.

** A. Schulten, *Libello dei coloni d'un dominio imperiale in Asia*, Röm. Mitth. XIII (1898), стр. 240.

угнетателям, порою прорывающаяся в открытых выступлениях. В письме к Пергаму (IGRR, IV, 351) Адриан выражает надежду, что там не будет больше беспорядков.

Как и везде, самым тяжелым был труд на рудниках и каменоломнях, служивших местом ссылки и наказания. Они составляли собственность императора. Для крупнейших каменоломен в Докимиуме это засвидетельствовано надписями от 68 г. до III в. При Марке Аврелии здесь был специальный прокуратор.

В городах Азии издревле были развиты ремесла, преимущественно в прибрежных городах. В римское время создаются центры ремесла в глубине страны — в Тиатире (Лидия), Гиерополе (Фригия), Лаодикее (на Лике) и др. О ремесле в Азии мы знаем по сохранившимся в литературе (и в эдикте Диоклетиана о ценах на товары) наименованиям товаров — шерстяных и льняных тканей, предметов одежды, ковров, вышивок, разного рода посуды и т. д. — и косвенно по многочисленным корпорациям ремесленников, известным из надписей.* Конечно, эти надписи открыты и открываются случайно; однако при большом числе их можно сделать некоторые выводы.

Чаще всего встречаются коллегии (*συντεχνία, συνερχασία, συνβίωσις, σύστημα, συνέδριον*) шерстобитчиков, валяльщиков, красильщиков тканей, ткачей, работников по изготовлению одежды; второе место в надписях занимают работники кожевники. Другие ремесла упоминаются редко. Гончары упоминаются только один раз в надписи из Тиатир, хотя, например, самосская столовая посуда пользовалась большим спросом за пределами Азии. Все же мы вправе считать, что товарное производство охватило главным образом отрасли, связанные с изготовлением тканей и одежды. Металлами провинция Азия была бедна, и работы по металлу сводились прежде всего к производству предметов роскоши и искусства. В «Деяниях апостолов» 19, 24—28 рассказывается, что «некто серебреник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья, вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше» и т. д. Производство таких храмов Артемиды Эфесской, как и статуэток и других подношений богам и богиням, занимало, надо пола-

* Так, из Тиатир известны коллегии горшечников (IGRR IV, 1205), изготовляющих гиматии—*ἱματεύμενοι* (ibid. 1209), красильщики — *βαφεῖς* (1213, 1239, 1342), изготовители шерстяных и льняных тканей — *λανάριοι* (1252), *λινουργοί* (1226), пекари — *ἄρτοκόποι* (1244), кузнецы — *χαλκεῖς* (1259) *προξενηταὶ σωματῶν* (1257) шорники — *σχιτοτόμοι* (BSN 1886, 422, № 31). Из надписи в Пергаме стала недавно известна коллегия факелонсцев — *λαμπαδῖται*; см. JHS LX (1939), стр. 274.

гать, немало рабочих рук, как и строительство храмов, портиков и других общественных зданий. Производство было мелкое, домашнее, и продукция продавалась в портиках, где были мелкие лавчонки и мастерские.

Коллегии объединяли лиц одной профессии для религиозных и благотворительных целей; только такие коллегии и допускались римской властью (*collegia licita*). Такие культовые объединения по принципу общности профессии или землячества существуют и в наше время, в частности у евреев. Если коллегии именуют себя в надписях *ιερός*, *ιερωτάτος*, *σεμνότετος*, то это, вероятно, не только дань тщеславию, но и выражение «священного» характера объединения. Но поскольку члены коллегий объединялись, хотя и для культовых целей, но по профессиональному признаку, у них неизбежно возникали и общие профессиональные и экономические интересы.* При отсутствии экономических и политических организаций трудящихся коллегии могли в отдельных случаях стать очагом волнений во время массовых движений. Недаром римские власти не раз запрещали коллегии или гетерии. Имеются данные, что в Азии коллегии иной раз устраивали «забастовки»; это слово приходится брать в кавычки: речь идет о забастовке не столько наемных рабочих, сколько самостоятельных ремесленников и, может быть, даже работодателей.

По всей вероятности, забастовка наемных рабочих послужила поводом для надписи IG XII, 5, 129: агораном улаживает какой-то спор и принимает меры «относительно работающих за плату и их нанимателей, чтобы ни те, ни другие не были в обиде».** О забастовке, связанной с беспорядками, говорит надпись из Магнесии конца II в.*** В начале сильно испорченной надписи речь идет, повидимому, о соглашении, нарушение которого привело к «смуте»: ... δὲ κατὰ συνθήκας αἰτέω... Дальше мы читаем: «...так что иногда случается, что народ производит беспорядок и смуту вследствие дерзновенных дурных речей хлебопексов во время волнений (στάσεων) на рынке. За это их следовало привлечь к уголовной ответственности. Но так как интересы народа следует ставить выше, чем [желание] их наказать, я решил образумить их настоящим декретом.

* В надписи ILS II, II 7266 (Рим) коллегия рыбаков и водолазов выражает благодарность всему покровителю Северу за то, что его стараниями приобретено и утверждено право плаванья лодок.

** См. W. H. Buckler, *Labour disputes in the province of Asia*, «Anatol. Studies», Manch. 1923, стр. 28 сл.

*** BCH VII, стр. 564, № 10; W. H. Buckler, ук. соч., стр. 30 сл. Надпись приведена под № 709 в сборнике «Античный способ производства в источниках», Л. 1933, но не полностью и в не совсем точном переводе.

Посему я запрещаю хлебопекам организоваться в коллегиию и быть зачинщиками в дерзновении [и приказываю] всячески повиноваться распоряжениям, имеющим в виду общественную пользу, и неукоснительно предоставлять городу необходимую работу [по выпечке] хлеба. Поэтому кто из них впредь будет уличен либо в том, что участвует вопреки распоряжению в собрании, либо в том, что явился зачинщиком беспорядков или возмущения, тот будет арестован и понесет надлежащее наказание. А если кто, злоумышляя против города, решится спрятаться, то на ногу его будет выжжен [знак] «декурия»; тому же наказанию подлежит и тот, кто дал ему убежище».

Далее следует декрет эфесской буле по поводу постановления римского правителя: «При притоне Модесте в месяц кларион, четвертого дня, на экстренном заседании буле Марцеллин сказал: безумия руководителей мастерских (ἐργαστηρίων) ярчайший пример [показал] вчера Ермий».

То обстоятельство, что надпись, касающаяся забастовки хлебопек в Э ф е с е, найдена в М а г н е с и и на Меандре, показывает, что речь идет не о случайном местном явлении и что указ проконсула имеет в виду не только эфесских хлебопек.

Нечто подобное мы имеем и в надписи из Пергама (по эпиграфическим данным — середина II в.), сильно, к сожалению, испорченной. Проконсул разбирает дело и делит виновников смуты (речь идет о работах по постройке какого-то общественного сооружения) на две категории: «те, которые явились, чтобы я видел их перед моими глазами... проявил человеколюбие... а те, кто не имели, что возразить... пусть знают поэтому, что если...» Из сохранившихся в дальнейшем отдельных слов и обрывков фраз видно, что проконсул улаживает какие-то денежные споры (речь идет о «процентах с того времени»), о заработной плате, о надзирателях за работами — ἐργετιστάται) и предлагает под новыми угрозами довести работу до конца.*

Источники не сохранили нам прямых данных о численности рабов и об их роли в хозяйстве; рабовладельцы, конечно, не удостаивали рабов посвящением им надписей. Поскольку ремесло носило по преимуществу домашний характер, вряд ли большое число рабов было занято в ремесле. Возможно, что в состав коллегий входили и рабы, что допускалось законом (Dig. XLVII, 22, 3, 2) и уставами коллегий (ILS II, II 7212). В крупном сельском хозяйстве владельцы, судя по имеющимся документам, предпочитали сдавать землю в аренду колонам.

* W. H. Buckler, ук. соч., стр. 33 сл.; Athen. Mitth. XIV (1899), стр. 188, № 62.

Однако не следует недооценивать роль рабского труда в Азии. Включение провинции в состав империи означало переход не только старых прибрежных городов, но и отсталых районов в глубине страны к расширенным формам рабовладельческого хозяйства. Имеющиеся скудные данные позволяют говорить о большой численности рабов в Азии. Из приведенного выше текста Галена видно, что в Пергаме в его время было, по его расчетам, 40 000 рабов. Если даже многие из них работали в домашнем услужении, это все же внушительная цифра. В Эфесе был невольничий рынок, и местные работоторговцы поставили памятную доску своему собрату, работоторговцу Александру (OGIS 524); *συναγέμετος* упоминается и в надписи из Тиатир (IGRR IV, 1257). По свидетельству другой надписи (IGRR IV, 1236), *κοινὸν Ἀσίας* ходатайствовал об облегчении тяжести пятипроцентного налога при отпуске рабов на волю (*visesima manumissionum*); надо думать, что число манумиссий и, следовательно, рабов было достаточно велико, если сочли нужным по этому поводу беспокоить императора. В надписи (не совсем ясной) из Кибиры восхваляется некий Филагр между прочим за то, что он возвратил городу 107 рабов (IGRR IV, 914). Предполагают, что речь идет о рабах, которые, воспользовавшись сумятицей после землетрясения, объявили себя свободными.* Общее число городских рабов было, конечно, гораздо больше 107; а ведь Кибира — далеко не крупный город. Рабы, как и во всех греческих городах, использовались в Азии для черных работ и как низшие полицейские агенты.** В надписи IGRR IV, 522 из Дориля местный магистрат говорит о себе, что он с утра до ночи подавал масло в гимнасии через «собственных свободных и рабов». Из эпизода с Элием Аристидом, приведенного выше, мы узнаем, что против него с оружием в руках выступили рабы и колоны, что свидетельствует о применении рабов в сельском хозяйстве. Вероятно, пастухами были в первую очередь рабы, на что прямое указание содержит надпись середины III в. из Гиераполя во Фригии.***

Те случайные и разрозненные материалы, которыми мы располагаем, позволяют сделать общий вывод об углублении классовых противоречий в Азии, что было неизбежным результатом вступления в последнюю стадию рабовладельческого общества.

* L. Robert (Etudes Anatoliennes, стр. 375 сл.) выдвинул более правдоподобное предположение, что Филагр в качестве эдикта высылал для города *κτῆσις* с 107 рабами. В этом случае надпись свидетельствует о большом числе рабов в частном имении. Этому предположению противоречит в тексте *δημοσίους δούλους*; но это могло быть сказано пролептически.

** V. Chapot, о. с., стр. 176—177.

*** L. Robert, Etudes Anatoliennes, P. 1936, стр. 104

Broughton, склонный скорее переоценивать преуспеяние Азии, отмечает, что низшие классы в городах получили мало выгод, что за благополучным фасадом скрывалось много тревог и что щедрость богатей в городах в значительной мере надо квалифицировать, как социальную страховку.* Арним из сопоставления речей 50 и 43 Диона Хризостома приходит к заключению, что в Азии «существовали тайные общества с антиправительственной тенденцией. Их ненависть была направлена против лиц богатых и привилегированных, представленных в советах».** Джонс в своей цитированной выше последней работе о греческих городах приходит к общему выводу, что греческие города в период империи «имели слишком узкую классовую базу». Концентрация богатства в руках немногих и пролетаризация масс привела, по Джонсу, к тому, что образовалась малочисленная клика зажиточных семей, в конце концов потерявших интерес к развитию своей цивилизации и культуры.***

При всем этом народы Азии сохранили устойчивость против нивелирующей силы империи, а трудящиеся сумели найти формы для выражения протеста против римского гнета. Народы Азии не только усвоили греко-римскую культуру, но и внесли в нее свой вклад; в Смирне и Эфесе музеи были очагами культуры, медицинские школы в Пергаме и Эфесе пользовались мировой славой. Уроженец Пергама Гален — один из величайших медиков древности. Философ перипатетик Александр, софист Антоний Полемон, писатель Ксенофонт Эфесский, знаменитый ритор Элий Аристид, Александр из Магнесии на Меандре, творец статуи Афродиты Мелийской, и менее видные представители науки и искусства **** свидетельствуют об интенсивной культурной жизни Азии.

Но, усвоив греко-римскую культуру, города Азии пытались сохранить кое-какие местные черты. Местный патриотизм и возникавшее на этой почве соперничество между городами принимали в условиях полного упадка политической жизни уродливые формы, и Дион Хризостом справедливо над этим смеется; но в этих смешных и порой унижительных формах сказывалось и стремление к сохранению хотя бы видимости самостоятельности. Города, фактически приведенные к одному уровню, сохраняли, однако, различные названия высших магистратур (*στρατηγός*, *στέφανηφόρος* и др.). На монетах Приены

* Ук. соч., стр. 842.

** H. v. Arnim, *Werke und Leben des Dion von Prusa*, B. 1898, стр. 372.

*** A. H. M. Jones, *Greek cities from Alexander to Justinian*, Oxf. 1940, стр. VI.

**** В надписи Le-Bas — Waddington 1618 упоминается неизвестный поэт К. Юлий Лонгиан.

мы находим Бианта, одного из семи мудрецов, уроженца Приены, на монетах Самоса — Пифагора, на монетах Коса — Гиппократ, на монетах Книда — изображение шедевра Праксителя, Афродиты Книдской; этим города подчеркивают свою связь с прежней славной историей. Может быть, выражение стремления к установлению местных связей позволительно видеть в обычае совместной чеканки монет несколькими городами — Эфес, Пергам, Смирна, Сарды, Гиераполь, Лаодикея; Адрмиттий, Кизик, Апамея и др.; Милет, Эфес, Смирна, Кос и др.

У нас нет данных о прямых выступлениях против римской власти в Азии; да вряд ли они и были возможны.* Пожалуй, одним из видов протеста против существующего строя мог быть «разбой», под которым в древних источниках часто имеется в виду мятеж. Приключения и похождения разбойников были излюбленным мотивом в античном романе и новелле. Недалеко от древней Трои имел свою резиденцию разбойник Тилобор, до такой степени прославившийся, что Арриан считал для себя интересным написать его биографию.

Для борьбы с разбоем и внутренними смутами существовали специальные военные посты (*stationes*). Характерна малограмотная надпись, посвященная солдату с такого поста (IGRR, IV, 886): «Привет, прохожие. Авр. Ириней, воин, воевал славно, многих разбойников истребил своими руками, умер в Лимирах в Ликии с волей смертию. Братья его Папий и Тимий, сыновья Аполлония... поставили этот кенотаф на память». Для борьбы со смутами в Азии учреждена была особая должность иринархов, в других провинциях неизвестная. Функции иринархов были определены Антонином Пием, когда он был проконсулом Азии (Dig. XLVIII, 3, 6); они не только боролись против разбоя, но были также представителями политической полиции. Поэтому, хотя полиция находилась в ведении муниципальных органов и содержалась за их счет, иринарха назначал проконсул из кандидатов, представленных городским управлением, преимущественно из римских граждан или императорских вольноотпущенников и даже рабов.

Но в основном оппозиция против Рима и существующего строя проявилась в области идеологии. По всей вероятности, в Азии впервые зародилось христианство, во всяком случае то его течение, которое было проникнуто ненавистью к Риму, революционно-демократическим духом. Автор «Откровения

* В надписи IGRR IV, 914 из Кибиры (I в.) Вераний Филагр восхваляется между прочим за то, что он «подавил крупный заговор, принесший величайшее горе городу: καταλύσαντα συν[ω]μοσίαν μεγάλην τὴν μάλιστα λυποῦσαν τὴν πόλιν.

Иоанна», древнейшего христианского произведения, обращается к семи церквям в Азии — в Эфес, Смирну, Пергам, Тиатиру, Сарды, Филадельфию, Лаодикею. Среди павловых посланий есть адресованные эфесянам и колоссянам. Под именем Игнатия дошли до нас послания к эфесянам, магнезийцам, траллийцам, филадельфийцам, смирнянам. «Откровение Иоанна» проникнуто духом борьбы и верой в близкую победу, оно рисует картину жестокой небесной расправы с вавилонской блудницей — Римом — и миром зла, после чего настанет тысячелетнее царство справедливости и блаженства для верующих. Здесь нет слащавой проповеди любви и всепрощения; напротив, все дышит чувством ненависти и жаждой мести, притом скорой; «се гряду скоро» (III, 11), «се гряду скоро и возмездие мое со мной, чтобы воздать каждому по делам его» (XXII, 12). Знаменательно, что именно в Азии, во Фригии, в середине II в., когда оформляется церковная организация, склонная найти пути примирения с империей, возникает ересь монтанистов (катафригйская ересь), сохраняющая и развивающая революционно-демократическую линию раннего христианства. Монтанисты отвергали новый принцип организации епископальной церкви, не желали мириться с существующим порядком и ждали скорого пришествия спасителя. Монтанисты сохранили демократическую организацию общины и совместные трапезы (*συσβίτια* и *συνήβισια*). Монтанизм, не приемлющий мира, объявляющий ему войну (хотя только при помощи сил небесных), мог стать при благоприятных условиях знаменем активного движения против Рима. Поэтому христианские императоры впоследствии в борьбе против ересей издают против монтанистов особо суровые указы (Cod. Iust. I, 5, 5; I, 5, 20; Cod. Theod. XVI, 5, 65).

Но не только в христианском движении выражался протест против римского гнета. Восточная пророческая и апокалиптическая литература выражает мечты о гибели Рима и возрождении Востока. По сообщению Светония (Aug. 31), Август, получив звание Pontifex maximus, собрал отовсюду и сжег бывшие в обращении греческие и латинские пророческие книги, анонимные или неподходящих авторов (*pagum idoneis auctoribus*) и произвел чистку Сивиллиных книг. Юстин рассказывает (Апол. I, 20, 1; I, 44, 12), что римляне под страхом смерти запретили чтение книги Гистаспа, апокалиптического произведения, возникшего в Азии, вероятно, в I в. до н. э.* Лактанций, сильно использовавший Гистаспа (он называет его «Гидасп»), приводит его предсказание о гибели Рима (Inst. div.

* О Гистаспе см. F. Cumont, La fin du monde selon les mages orientaux, RHR CIII (1931), стр. 29—96.

VII, 15): «Римская империя, владывающая ныне над всей землей, столь сильная и могущественная (ужасно сказать, но я скажу, ибо это должно случиться), истребится, запад подвергнется рабству, а восток получит власть повелевать».

Подобное пророчество имеется и в сивиллинах: «Сколько Рим получил от данников Азии, трижды столько золота получит Азия от Рима и отомстит ему за губительную заносчивость. Сколько рабов из Азии было в домах италиков, двадцать раз столько рабов италиков будут служить в Азии в нищете» (Or. Sib., III, 350 сл.). В таком же духе написано видение об орле (символ Рима) и его гибели в IV кн. Ездры, 11.

В Азии, таким образом, сохранялись живые силы, не мирившиеся с угнетением; поскольку Римская империя защищала интересы правящих классов, антиримские настроения были вместе с тем выражением классовой ненависти эксплуатируемых к угнетателям.

Провинция Азия в первые три века империи обнаружила своеобразные черты, объясняющиеся ее предшествующей историей и местными условиями. В системе империи Азия заняла важное и прочное место, так же как соседняя с ней и во многом с ней сходная провинция Понт и Вифиния.

П О Н Т И В И Ф И Н И Я

Провинция Понт и Вифиния — искусственное соединение. Вифиния отошла к Риму, как и начальное ядро Азии, «по завещанию». В 74 г. до н. э. вифинский царь Никомед IV оставил Рим наследником своего царства. После победы над Митридатом Помпей, по словам Страбона (XII, 3, 1), «то, что относится к Армении и Колхиде раздал династам, воевавшим на его стороне, остальное он разделил на одиннадцать городских общин (πολιτείας) и присоединил к Вифинии, так что из обеих областей образовалась одна провинция. Часть лежащих посредине внутренних областей Пафлагонии он передал царям из потомков Пилэмена, как и галатов — родовым тетрархам. Позднее римские правители производили все новые и новые переделы, назначая царей и династов, освобождая одни города, подчиняя другие династам, а иные оставляя в непосредственном подчинении римского народа».

Учрежденная в 65 г. до н. э. новая провинция при Августе досталась сенату. Но императоры активно вмешивались в управление провинцией, занимавшей важное стратегическое положение, и назначали туда своих представителей либо наряду с сенатским проконсулом (так, в 49 г. Юний Цилон был прокуратором Понта одновременно с проконсулом Кадием Руфом), либо вместо проконсула; такими были Плиний Младший (legatus Augusti consulari potestate), вскоре после него Юлий Корнут Тертулл (legatus Ponti et Bithyniae), Юлий Север после победы над Бар-Кохбой (136—137 гг.). Помимо того, императоры назначали прокураторов для выполнения специальных поручений — по заготовке провианта, по надзору за транспортом и др. В правление Марка Аврелия провинция Понт и Вифиния окончательно стала императорской и управлялась *legatus pro praetore* до реорганизации ее при Диоклетиане.

Мы не знаем деталей *lex Rompeia*, на который ссылается Плиний в своих письмах к Траяну (79, 80, 112, 114, 115).

По словам Диона Кассия (XXXVIII, 20, 3), Помпей в общем при конструировании нового порядка в Азии считался с местными законами и государственным устройством. Но постепенно и здесь проводилось уравнивание населения. Первоначально римляне опирались на существующие на местах установления; Помпей насаждал царьков и династов, оставляя в неприкосновенности храмовые территории, прочие земли распределил между одиннадцатью городами (ἐνδεκα πολιτεῖαι), которых, к сожалению, Страбон не перечисляет. По всей вероятности, это были важные стратегические пункты и экономические центры; важную роль, надо полагать, отвел Помпей новым городам — Помпейполь, Магнополь (б. Евпатория), Неаполь (б. Фаземон) и др. Но в основном эллинизированные и эллинизирующиеся города были опорой римской власти, как и в других восточных провинциях. Ведь именно города получили в первую очередь выгоду от включения в состав империи, а «величие Рима» зиждилось на блеске городов.

Города распределялись в основных частях провинции неравномерно. В суровой, малонаселенной и отсталой области Понта их было относительно меньше, чем в Вифинии. Главным городом, метрополией провинции и резиденцией проконсула и легата была Никомедия. С ней соперничала Никея, также именовавшая себя на монетах «первой». Речи Диона Хризостома, уроженца и общественного деятеля города Прусы в Вифинии, свидетельствуют о серьезных конфликтах на почве соперничества между Никомедией и Никеей, Апамеей и Прусой. В Понте значение имели города приморские или связанные с популярным храмом — Гераклея, Синопа, Амиса, Зела. Судебные округа (*conventus iuridici*) существовали в Никее, Апамее, Гераклее, Амастриде, Амисе.

Некоторые города сохранили или получили вновь кое-какие формальные привилегии. В Дигестах (L, 15, 1, 10) указывается, что Апамея и Синопа пользовались *ius italicum*. Ряд городов — Халкедон, Никомедия, Никея, Киус (*Prusias ad mare*), Гераклея Понтийская, Синопа, Амис, Кесарея — чеканили монеты с самого начала их включения в империю. Некоторые города были частично колонизованы римлянами (Гераклея, Апамея), другие преобразованы (Гордиу Кома превратилась в Юлиополь, Кабира — в Себасту, а затем в Неокесарию).

Роль городов и городской жизни в Понте и Вифинии до их включения в состав римского государства была не всюду одинакова. Понт представлял отсталую страну, населенную в некоторых местах еще варварскими племенами. В горах восточной части Понта, прилегавшей к Малой Армении и Колхиде, «все горцы — совершенные дикари, но больше всего — гепта-

кометы; некоторые из них живут на деревьях и в башенках... Они питаются звериным мясом и жолудями, нападают на путешественников, прыгивая на них со своих подмостков» (Str. XII, 3, 18). При описании Понта Страбон чаще всего говорит об укрепленных местечках (χωρία ἐρυμνά XII, 3, 16; ἐρυμνὸν πόλιν, XII, 3, 17; καὶ τὸν χωρίον, XII, 3, 31; φρούριον ἐρυμνόν, XII, 3, 38; в одном месте названо χιλίοικον (тысячеселье», XII, 3, 39). Помпей распорядился разрушить фρούрия, он же начал политику создания городов греческого типа в Понте. Таким образом, даже после Митридата VI, за исключением районов прибрежных городов, втянутых в морскую торговлю, и древних греческих колоний, Понт представлял еще полуварварскую страну с «нерасчлененным единством города и деревни» по типу неразвитых древневосточных обществ. Включение Понта в состав Римской империи означало для него движение вперед. Что касается Вифинии, то здесь успела создаться в эпоху эллинизма городская жизнь, как и в других эллинистических странах Малой Азии.

В системе империи провинция Понт и Вифиния занимала очень важное место, так как являлась естественным путем связи между Азией и Европой, что символизировалось между прочим тем, что Византий на европейском берегу входил в состав провинции Понт и Вифиния. Вместе с тем эта провинция занимала важную стратегическую позицию по отношению к Армении и Парфии. Поэтому римляне уделяли провинции особое внимание, строили в ней дороги, содержали гарнизоны, назначали туда императорских легатов.

Понт и Вифиния не сохранили большого количества надписей, да и сохранившиеся мало выразительны — большей частью надгробия. Но зато дошла до нас переписка Плиния, в бытность его легатом Понта и Вифинии, с императором Траяном и речи Диона Хризостома из Прусы. Эти два источника позволяют близко ознакомиться с подробностями городской жизни в провинции в начале II в.

В провинции Понт и Вифиния, как и в других провинциях, городам были присвоены различные почетные звания. Никомедия в надписи III в. (IGRR III, 6) титулуется: «Величайшая метрополия, первая в Вифинии и Понте Адрианова Северова Никомедия, дважды неокор, священная, азийская, друг и верный союзник исстари римского народа». Некоторые города — Халкедон, Византий, Гераклея, Амис, Киус — считались «свободными», но, повидимому, недолго; это видно из того, что Византий вторично получил свободу от Нерона, отнятую затем Веспасианом. Но все эти привилегии были иллюзорны. Когда Плиний захотел взять под свой контроль финансы «вольного» города Апамен, апамейцы заявили протест, ссылаясь на свои

старинные привилегии; но Траян отклонил протест, и Плиний стал осуществлять надзор над внутренними делами города.

Вообще Плиний, как видно из его переписки с Траяном, вмешивается во все мелочи городской жизни. Едва вступив в управление провинцией, он принимается за взыскание долгов частных лиц городу Прусе; даже вопрос о постройке бани в этом городе и об изыскании средств на эту постройку Плиний считает относящимся к его компетенции. В Никомедии Плиний вмешивается в постройку водопровода, в которую вложены уже большие средства, и наместник опасается, как бы здесь не было затрачено слишком много денег. В Никее он предлагает законсервировать строительство театра, на которое затрачено уже больше 10 млн. сестерциев; между тем театр строился, повидимому, за счет частных пожертвований; здесь же, в Никее, Плиний приостанавливает постройку гимнасия взамен сгоревшего, находя проект гимнасия слишком роскошным для Никей. В Клавдиополе наместник вмешивается в вопрос о постройке бани, находя выбор места для бани неудачным.

О всех таких случаях мы знаем потому, что Плиний считал их важными и заслуживающими консультации у императора. А сколько, надо думать, было случаев вмешательства в повседневные мелочи городского быта, о которых Плиний не видел надобности запрашивать императора!

Как и в других провинциях, в Понте и Вифинии местные органы управления либо упраздняются, либо лишаются реальной власти. Народное собрание, повидимому, перестало существовать как регулярно действующее учреждение. В Прусе оно было, надо полагать, запрещено, и Дион Хризостом считает нужным выразить благодарность проконсулу Варену Руфу «как вообще за проявленную им благосклонность к этому городу, так и за то, что, когда захотели устроить народное собрание, он вновь (πάλιν) разрешил это не только с готовностью, но и удовольствием» (Or. XLVIII). Из речей Диона мы узнаем, что для созыва собраний требовалось предварительное разрешение римских властей, которые могли запретить на неопределенное время всякие собрания. Но в тех случаях, когда собрание созывалось, оно представляло митинг, на котором выслушивали риторы, но не принимали обязательных для кого бы то ни было решений.

Постоянно действующими учреждениями оставались буле (советы) и герусии (сенаты).

О жалком состоянии буле свидетельствует одно из писем Плиния к Траяну (117): «Кто принимает мужскую тогу, устраивает свадьбу, вступает в должность или освящает общественное сооружение, созывает обычно всю буле, а также немалое

количество людей из плебса и раздает каждому по два или по одному денарию». Интересно при этом, что такие чисто семейные торжества представляются Плинию подозрительными, и он запрашивает Траяна, можно ли разрешать такие опасные сборища.

Что касается функций герусий и буле и городских магистратов, то, во-первых, самое их существование, конечно, зависело от воли императора. Во-вторых, от воли императора и его представителей зависит конституция и состав выборных учреждений. В Вифинии руководствовались конституциями Помпея и Августа, но и Плиний активно вмешивается в дело пополнения местных герусий, руководствуясь положением, что «лучше пополнять ряды сенаторов детьми почтенных граждан, чем допускать в курию выходцев из народа» (ер. X, 79). Наконец, как и всюду в провинциях, функции сенатов, советов и магистратов сводились к заботам о благоустройстве, финансировании и содержании гимнасиев, бань, театров, организации культа, посылке делегаций к императорам для выражения верноподданнических чувств. Впрочем, даже и в этом последнем пункте права городов были ограничены. В интересах экономии Плиний и Траян запрещают посылки делегаций в Рим, предлагая ограничиться поздравительными письмами.

Должности носили характер литургий, должностные лица выполняли свои функции не только бесплатно, а с конца II в. даже в обязательном порядке, но и несли расходы, связанные с их должностью. В первый период империи литургии для высшей знати не были обременительны; напротив, местные богачи домогались общественных должностей, обильно жертвовали на всякого рода сооружения; ведь в этом был единственный выход для их честолюбия. При вступлении в должность магистраты и члены герусии или буле вносили обычно пожертвование (*summa honoraria*), за что удостоивались более или менее пылких похвал, в зависимости от размеров пожертвованной суммы. Для богатых людей литургии были даже желанны, поскольку давали им почетное положение, популярность и смягчали ненависть к ним бедноты. Но для людей среднего достатка литургии становились все более тяжелым бременем по мере того, как римские власти превращали должности в повинности. Из письма Плиния к Траяну (112) мы узнаем, что как раз проконсул Вифинии, Аниций Максим, впервые, по-видимому, сделал *summa honoraria* обязательным взносом. Как показывает текст Dig. L, XII (de pollicitationibus), по крайней мере с Траяна всякого рода обещания магистратов пожертвовать на нужды городского строительства рассматриваются как обязательства, по которым, в случае их невы-

полнения, взыскание производится даже с детей и внуков неосторожного жертвователя. С середины II в. начинается складываться сословие декурионов, несущих службу и связанные с ней расходы в обязательном порядке. Так совершается сначала уничтожение традиционного жизненного уклада и упразднение политической жизни провинции, а затем превращение населения в бесправных подданных, в податные и обязанные повинностями сословия.

В Вифинии существовало обычное в восточных провинциях объединение — *κοινόν*; резиденцией главы объединения — вифиниарха — была Никомедия. Понт имел свое отдельное *κοινόν* в Амастриде. Возможно, что в Понте было несколько таких организаций, так как надписи называют понтарха в Амисе и в Гераклее. Функции этих объединений заключались главным образом в обслуживании культа, особенно императорского, в представительстве по случаю каких-либо торжеств, в подаче петиций императорам.

Римская власть была в провинции гнетущей силой. Римляне здесь принимали меры к строительству дорог, благоустройству городов, «римский мир» содействовал подъему торговли; но все это достигалось за счет эксплуатации трудящихся и проводилось путем подавления всяких попыток к самостоятельности, а тем более — к протесту. Плиний был человек образованный и порядочный, а его владыка Траян — человек гуманный. Но и его рука тяжело давила провинцию. А ведь Плиний или Юлий Север были приятными исключениями. Дион Хризостом, очень богатый человек, будучи членом буле у себя в Прусе, естественно, держал руку римлян против своих сограждан и не склонен был выступать с обличением римских правителей. Но и из его речей можно видеть, сколь жестоким было владычество римлян. В одной из своих речей он защищает себя от обвинения в потворстве тирании: «Дион-де виновен в том, что не почитает богов ни жертвоприношениями, ни гимнами, нарушает отечественные праздничные процессии, склонил злодея правителя * мучить народ, изгнать кого только может, а некоторых убить, вынудив их наложить на себя руки, так как они, будучи стариками, не могли уйти в изгнание и перенести разлуку с родиной» (Or. XLIII, 11). В другой речи, уговаривая никомедийцев прекратить спор с никейцами, Дион говорит: «А как обстоит теперь с правителями, надо ли вам напоминать? Ведь вы это сами хорошо знаете»; он указывает, что распрями между городами умело пользуются правители,

* Имеется в виду, вероятно, Юлий Басс или Варен Руф (между 100 и 105 гг.), привлеченные затем к суду по жалобе населения.

чтобы безбоязненно осуществлять тираническую власть (Ог. XXXVIII, 36).

Притеснения проконсулов и их вымогательства иной раз приводили к судебным процессам. Между 100 и 105 гг. были привлечены к ответственности Юлий Басс и Варен Руф. При Тиберии к суду привлекли Марцелла Грания, при Клавдии — Кадия Руфа. Но добиться отдачи проконсула под суд можно было только в редких случаях и лишь по истечении срока его полномочий, когда от этого населению было уже мало пользы.

Немало притеснений чинили провинциалам расквартированные в провинции и проходившие через нее войска, фуражиры, сборщики налогов. В этом отношении интересно письмо Плиния и ответное письмо Траяна (77, 78) по поводу просьбы маленького города-колонии Юлиополя поставить там отряд воинов во главе с центурионом. Как видно из ответного письма Траяна, юлиополиты хотели иметь регулярную воинскую часть для защиты от произвола солдат, проезжающих через город.

Вифиния и особенно Понт принадлежат к районам Малой Азии, позднее других подвергшимся эллинизации и не имевшим, следовательно, длительных традиций самостоятельного полисного устройства. Поэтому здесь Риму было легче проводить последовательную политику подавления политической и общественной жизни. Характерно, что до сих пор не найдено в провинции надписей коллегий ремесленников, столь частых в Азии. Две надписи — из Никомедии (IGRR III, 4) и Аматриды (BSN XXV, 36, № 184) касаются имущества (участка и дома) судовладельцев (ναύκληροι).

Именно вследствие относительной отсталости Вифинии и Понта их включение в состав Римской державы означало для внегородских территорий переход на более высокую ступень общественного развития, а для городов — возможность более полного и рационального использования производительных сил страны. Но все возрастающий гнет римского государства довольно быстро положил предел вызванному новой фазой развития росту и подъему.

Понт и Вифиния была провинция, богатая естественными ресурсами. Основными занятиями населения были земледелие, садоводство, разведение оливок, виноградарство. Страбон так описывает равнину, орошаемую Ликом и Ирисом и прилегающую с одной стороны к морю, с другой — к горам: «Равнина постоянно изобилует влагой и зеленеет и способна прокормить стада быков и коней; она обильно, скорее даже непрерывно, растит ἔλκος и просо; ибо хорошее орошение преодолевает всякую засуху, так что голод никогда не пости-

гает тамошних людей; к тому же горы доставляют такое множество самородных дикорастущих плодов — винограда, груш, яблок, орехов, что входящие в лес могут в любое время года набрать их вдоволь; плоды висят на деревьях или лежат на толстом слое опавшей листвы или под ней. Благодаря обилию корма здесь и охота на разного рода дичь очень богата» (XII, 3, 15).

Хорошие пастбища давали возможность практиковать в широких размерах скотоводство. Особенно хорошие пастбища были в районе Клавдиополя (Вифиниум); здесь разводили коз. Страбон хвалит производившийся здесь салонский сыр, лучший и дорогой сорт (XII, 4, 7). Синопа славилась своими садами и обильными уловами рыбы. Прекрасные леса Понта доставляли строительное, в частности корабельное, дерево. Амастрида славилась судостроением. Рыба и лес составляли основной предмет вывоза из провинции. *Ναὺκληροι* и *κυβερνῆται* из Никомерии встречаются в надписях Ликии, Киликии и даже в Неаполе.* В эдикте Диоклетиана о ценах на основные товары упоминаются понтийские ковры и краски.

В провинции были и полезные ископаемые. Правда, медные копи Халкедона, от которых город, повидимому, получил свое название, были уже исчерпаны во времена Плиния Старшего. Но Понт был богат железом. Плиний Младший (ер. X, 41) упоминает мраморщика (*marmarius*), в надписи из Пиченума упоминается *λιθέμφορος*, в надписи из Рима — *πρώτος λιθέμφορος*.**

Включение Вифинии и Понта в состав Римской империи оживило и укрепило связи городов провинции с тогдашней ойкуменой. Рост городов особенно сказался в Вифинии, население которой, по исчислению (довольно, впрочем, проблематичному) Broughton'a, составляло 1 500 000 при общем населении провинции примерно 2 500 000.*** Никомерия — величайший город провинции — и его окрестности были, по словам Плиния Младшего, густо населены. Местоположение Никомерии на пути, связывающем Азию с Европой, ее значение как порта побудили Плиния, вообще очень осторожного и скуповатого, разработать проект сооружения канала, который расширил бы порт Никомерию и соединил ее с внутренними районами (письма к Траяну 41, 42, 61, 62). Город непрерывно застраивался общественными зданиями и после постигавших его стихийных бедствий — землетрясения, пожары — вновь отстраивался и украшался. Диоклетиан сделал Никомерию

* L. Robert, *Hellenica*, Journ. Phil. XIII (1939), стр. 171.

** Ibid., стр. 170.

*** T. R. S. Broughton, *ук. соч.*, стр. 815.

своей резиденцией. Никомедийцы имели обширные связи, и их надписи встречаются в самых отдаленных от Вифинии городах Римской империи.*

С Никомедией соперничала Никея, где в 325 г. император Константин созвал первый христианский вселенский собор. Небольшой сравнительно город Пруса также тянулся за крупными городами и благодаря щедротам богачей, в частности Диона Хризостома, обзавелся портиком, водопроводом и различными общественными сооружениями, что вызвало, впрочем, протест населения, нуждавшегося больше в хлебе насущном, чем в разукрашенных портиках.

Города Понта развивались и росли не столь быстро, но и здесь сказались новые условия, сложившиеся в империи. Римское правительство уделяло большое внимание строительству дорог, связывающих Восток с северными пределами империи. Об этом строительстве свидетельствуют многочисленные милевые столбы, начиная с Нервы. Л. Робер, обследовавший перед войной участок дороги от Тиея до Амастриды, обнаружил здесь милевые столбы и надписи Антонина Пия и Септимия Севера.** Это строительство содействовало росту прежде всего старых городов. В частности, Гераклея Понтийская, тесно связанная не только со своей колонией, Херсонесом Таврическим, но и с другими городами Северного Причерноморья, расширила, повидимому, свой порт. По убедительному предположению Л. Робера, на монетах Гераклеи периода Гордиана и Галлиена изображение многоэтажного пирамидального сооружения с пылающим огнем наверху представляет не костер, как полагают все нумизматы, а маяк;*** таким образом, Гераклея построила в своем порту маяк. Кое-какое строительство происходило в Амастриде (Плиний, Письма к Траяну, 98, 99), в Синопе (*ibid.*, 90, 91).

Но в глубине страны городская жизнь в Понте не развивалась. Да и в Вифинии наряду с крупными приморскими городами вдали от побережья возникали лишь небольшие торговые пункты (*ἐμπόρια*); например, в надписи указывается «проживающий в эмпории Прекрасное Поле» (*οἰκῶν ἐν ἐμπορίῳ Καλῇ Ἀγρῇ*).**** Об известной самостоятельности сельских поселений свидетельствуют надписи IGRR IV, 11, 14 и др., где штраф за нарушение покоя могилы устанавливается в пользу

* См. список W. Ruge в RE под словом «Nikomedeia», стр. 483—485, и дополнение L. Robert, *ук. соч.*, стр. 170.

** L. Robert, *Etudes Anatoliennes*, стр. 291 сл.

*** *Ibid.*, стр. 249 сл.

**** *Ibid.*, стр. 243 сл. В соответствии с этим *ἐμπορίαρχης* (BCH, 1900, 407, № 91) надо понимать как титул высшего должностного лица в эмпории.

фиска, Никомедии, а также сельской организации *κώμη λεγ-
σανδών* и т. п.).

О внешних связях городов провинции можно судить по сравнительно малочисленным эпитафиям чужеземцев, похороненных в провинции, и по вифинским и понтийским монетам, найденным в других областях империи.* Естественно, наиболее тесные связи существовали с городами Северного Причерноморья, о чем свидетельствуют надписи, упоминающие Никею, Халкедон, Прусу, Амис, Синопу, Амастриду, Гераклею, Никомедию, Византий (IOSPE I² 35, 40, 41, 174, 79, 351, 352, 357, 359, 362, 364, 544, 545; II 42, 21, 39, 44, 43, 2, 285, 286, 287, 298, 299). Интересна надпись IOSPE I², 40, где перечисляются города, увенчавшие ольвиополита Феокла: Ольвия, Никомедия, Никея, Гераклея, Византий, Амастрида, Тией, Пруса, Одесс, Томи, Истра, Каллатис, Милет, Кизик, Апамея, Херсонес, Боспор, Тира, Синопа. Очевидно, Феокл был дельцом крупного масштаба, имевшим солидные связи во всех городах Понта и Вифинии.** Некоторые дельцы этого рода были даже известны лично императорам, и в Прусиаде у Ипия (Бруса) отмечено даже прозвание *σεβαστόγνώστος* (ср. IOSPE I², 42: *προγόνων σεβαστόγνώστων*; 43: *γένους σεβαστόγνώστου*; II, 43: *σεβαστόγνώστ...*; I, 79: *μέχρι τῆς τῶν Σεβαστῶν γνώσεως προκόψαντος*).

В Бриксии, в Цизальпинской Галлии, найдена посвятельная надпись (CIL V, 4206) богу Surgastes; Zeus Surgastes был богом города Тиум в Вифинии. Очевидно, здесь были выходцы из Вифинии.***

Конечно, из таких единичных случаев было бы неосторожно делать общие выводы. Изменения коснулись главным образом городов; страна в основном оставалась земледельческой, и это отчасти послужило одной из причин некоторой устойчивости этой части Малой Азии в период великих потрясений IV—V вв.

Аграрные отношения в провинции не были одинаковы во всех ее районах. Страбон передает сообщение о мариандинах, что «милетцы, первые основатели Гераклеи, заставили мариандинов, ранее владевших этими местами, стать у них илотами, так что они могли быть проданы ими, но не за границу (на этот счет состоялось соглашение), как на критяны работали так называемый класс мноитов, на фессалийцев — пенесты» (XII, 3, 4). Сохранилось ли такое примитивное рабство позднее, мы не знаем. Поскольку сельские территории по воз

* Материал собран у Broughton, ук. соч., стр. 372 сл.

** L. Robert, ук. соч., стр. 228.

*** C. E. F. Chilver, *Cisalpine Gaul*, Oxf. 1941, стр. 194—195.

возможности приписывались к городам, в них устанавливались обычные для полиса отношения; городская земля сдавалась в аренду (Π λ и н и й, Письма к Траяну, 108). Но еще во II в. были не замиренные племена, ἔθνη, не приписанные к полисам и сохранившие, вероятно, общинный строй.

Существовали и храмовые земли, на которых работало зависимое население, которое Страбон называет ἱερόδουλοι — храмовыми рабами. В Комане их было не менее шести тысяч в самом городе (Str. XII, 3, 34). Джонс справедливо возражает против преувеличения Рамсэем роли храмового землевладения.* На первых порах римляне в Понте опирались на местных династов и храмы, и Помпей сохранил строй Команы без изменений, посадив лишь на место верховного жреца своего ставленника Архелая. Такая политика имела и экономическое значение ввиду того, что храмы служили экономическими центрами. «Комана, — пишет Страбон (XII, 3, 36), — густо населена и представляет знаменитый торговый пункт (ἐμπόριον) для прибывающих из Армении. К выходам богини сюда стекаются на процессию отовсюду из городов и из деревень мужчины и женщины». Но с течением времени римляне брали бразды правления в свои руки и к середине I в. почти повсеместно отказались от услуг местных правителей. Возможно, что храмовые земли частично были конфискованы.

Надписи с упоминанием прокураторов или императорских вольноотпущенников или рабов свидетельствуют о наличии императорских имений. Интересна надпись IGRR III, 17: ...ὁ δῆμος Хармидеων ἐξείμησεν Αὐρήλιον Διόδωτον Σεβαστῶν ἀπελευθερον κтл. Повидимому, здесь императорское имение расположено было на земле, принадлежавшей раньше некоему Хармиду и от него получившей свое название.

Крупные частные землевладения засвидетельствованы надписями, упоминающими экономов. В одной надписи (середина II в.) мы читаем: Δι' Ὀλυμπίῳ καὶ Ἀστραπαίῳ καὶ Δῆμητρι Καρποφόρῳ Φίλητος εὐχὴν περὶ τῶν δεσποτῶν κтл. Здесь интересно, что местные боги — земледельческие боги: Зевс Грозовой и Деметра Плодоносица.** В надписи SEG VI, 673 землевладелец из Λυρβῶτῶν κώμη завещает матери в пожизненное пользование, а после ее смерти — богу Аполлону μονάχριον и скот в разных местах. Вообще здесь, как и в Ликии и Азии, землевладельцы приобретали землю одновременно в разных районах. Дион Хризостом владел, по его словам, обширным имением, на котором тяготел крупный долг, не менее 400 000 де-

* A. H. M. Jones, Greek cities from Alexander to Justinian, 1940, стр. 309.

** L. Robert, Etudes Anatoliennes, стр. 243.

нариев; но в Прусе было много землевладельцев богаче Диона (Or. XLVI, 5 сл.).

У нас нет данных о том, в какой мере в сельском хозяйстве применялся труд рабов. В городах рабов было, повидимому, много. Городские рабы выполняли черные работы, несли обязанности полицейских и тюремной стражи (Plin., ep. X, 31, 32). Проблему составляло положение так называемых *дректой*, т. е. подобранных подкидышей, обращенных в рабов. Плиний в письме к Траяну (65) указывает, что это «важный вопрос, относящийся ко всей провинции».

Литературные памятники свидетельствуют, что жизнь в провинции далеко не была спокойной и внушала тревогу римским властям. Римское владычество и вытекающие из него изменения в материальных условиях жизни порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до нищеты бедных. Этим создавались напряженные отношения к римской власти и острая борьба между богатыми и бедными. Гетерии — разного рода объединения граждан — внушали императорской власти страх. Когда Плиний захотел учредить в Никомедии пожарную дружину в 150 человек, Траян ему написал (письмо 34): «Мы помним, что эта провинция и, особенно, эти города были взбудоражены подобного рода партиями. Какое бы название по какому бы то ни было поводу мы ни дали тем, кто объединится в одно целое, они вскоре превратятся в гетерию». Траян поэтому запретил организацию пожарной дружины. Плиний боится (и его опасения разделяет Траян) разрешать устройство больших приемов с раздачей подарков по случаю какого-либо семейного торжества. В письме к Траяну (92) Плиний передает на усмотрение императора прошение вольного города — *civitas libera et foederata* — Амиса разрешить ему организацию кассы взаимопомощи (*ἐρανος*). Траян отвечает (письмо 93), что поскольку Амис пользуется особыми привилегиями, ему можно разрешить *ἐρανος*, «если собираемыми таким образом средствами они пользуются не для организации мятежей или каких-либо неразрешенных собраний, а для поддержания наиболее бедных своих сограждан. Однако ничего подобного не следует разрешать ни в каком другом городе, живущем по нашим законам». Как видно из письма Плиния по поводу христиан (96), он по распоряжению Траяна издал декрет, запрещающий гетерии. Из речей Диона можно заключить, что гетерии действительно иной раз давали организационную форму для выражения «мятежных» настроений.

Классовая борьба между богатыми и бедными приняла резкие открытые формы. Дион Хризостом сам принадлежал к эксплуататорскому классу, наживался на голоде, взвин-

чивая цены на хлеб, спекулировал торговыми помещениями. Он, однако, не отказывался от демагогических речей, выстав-
ляя себя другом народа. И вот даже этой лицемерной демаго-
гии ему не хотели простить его классовые друзья. Дион
оправдывается перед ними: «Если я пожалел народ (δημο-
σίους), когда он был достоин сожаления, и пытался на-
сколько возможно успокоить его, то это отнюдь не доказывает,
что он мне ближе» (Ог. L, 3).

Обращаясь к демосу, Дион убеждает его, что «камни и огонь
никому не страшны», что «сила народа — в другом, прежде
всего в разумном поведении и справедливости». Дион сам едва
не испытал на себе действия «каменной и огня». Городская бед-
нота в Прусе, возмущенная дороговизной хлеба, еще более
взвинчиваемой спекулянтами, выступила против богачей и
привилегированных групп населения. В частности, она пы-
талась поджечь дом Диона, а его самого побить камнями.
Дион возмущается: «Чтобы разгневанные (справедливо или
несправедливо — об этом умолчу) не давали и не требовали
объяснений, а прямо стали бросать камни и поджигать дома,
чтобы, если удастся, сжечь их вместе с детьми и женами, —
какого рода люди способны на это?» (Ог. XLV, 11). К счастью
для Диона, толпа, попав в узкий проход (στενός), испугалась,
что ее легко можно будет поодиночке разбить, и разбежалась.
Дион, впрочем, заблаговременно скрылся с женой и детьми.

XXIX речь Диона озаглавлена: «О согласии в Никее
вследствие прекращения мятежа»; подробностей и обстоя-
тельств этого мятежа мы не знаем, но дело, повидимому, было
серьезное, так как Дион, льстя по своему обыкновению ни-
кейцам, говорит, что, «когда настает мятеж и смута (στάσεως
καὶ ταραχῆς), то опасность тем больше, чем сильнее и резвее
кони» (XXIX, 15). Речь XLVIII также произнесена по слу-
чаю мира после подавления народных волнений, на этот раз
в Прусе. В Прусиаде у Ипия (Бруссе) существовала особая
полицейская должность филарха для поддержания внутрен-
него мира и согласия (οἱ τῆς ὁμονοίας ἡρήμενοι — или ἀποδε-
δειγμένοι — φύλαρχοι, IGRR IV, 60, 65, 67, 68, 1421).

Неоднократное назначение в сенатскую провинцию импе-
раторских легатов также служит показателем того, что внешнее
процветание провинции в период «римского мира» скрывало
под собой углубление классовых противоречий, обнищание
масс трудящихся, которые выражали иной раз свои револю-
ционные настроения в прямых действиях.

Повидимому, христианство получило широкое распростра-
нение в Понте и Вифинии. Плиний в знаменитом письме к Трая-
ну (X, 96), если даже учесть, что это письмо подверглось впо-
следствии христианской обработке, свидетельствует, что в его

время христиан в его провинции было много.* Из Понта вышел один из крупнейших христианских деятелей середины II в., «штурман Эвксинского моря» Маркион. К началу IV в. Никомедия была наполовину христианским городом. Когда в 305 г. Диоклетиан и Галерий издали указ против христиан, некий знатный христианин в Никомедии, резиденции Диоклетиана, сорвал указ со столба и уничтожил его. В те же дни возник пожар в императорском дворце, и в поджоге заподозрили христиан — возможно, не без основания, так как вскоре дворец был подожжен вторично.

В замечательном произведении Лукиана «Александр, или лжепророк», рассказывается, что когда этот шарлатан и лжепророк в Абонутейхе, небольшом городке Понта, приступал к своим мистериям, которыми успешно морочил людей, он возглашал: «христиан — вон», а толпа отвечала: «вон эпикурейцев». Отсюда мы узнаем, что в небольшом городе Абонутейхе были и эпикурейцы; можно думать, что греческая культура проникла и в далекие углы провинции. Из Вифинии вышли философ и оратор Дион Хризостом, софист Квирин, историки Арриан и Дион Кассий.

В течение III в. провинция сильно потерпела от военных действий, происходивших на ее территории. Уже в конце II в. ряд городов, примкнувших к Песценнию Нигеру, были сурово наказаны Септимием Севером. Крупные земельные владения были конфискованы, и таким образом возросли императорские имения. На города были наложены тяжелые контрибуции; отдельные лица и целые города должны были внести вчетверо против того, что они дали Нигеру (Dio Cass. LXXV, 8, 4; SHA, Sev., 9, 7). Византий был разграблен и разрушен. Никея, открыто примкнувшая к Нигеру, также пострадала, хотя вскоре оправилась. Зато Никомедия, не признавшая Нигера, пользовалась милостями Северов.

В середине III в. нашествия скифов и готов обрушиваются на Понт и Вифинию. В 257 г. готы опустошили Понт, в 258 г. они взяли, сожгли и разорили Халкедон, Никомедию, Никею, Прусиаду морскую, Апамею, Прусу (Zos. I, 31—35). Римская власть оказалась уже неспособной оказать реальную защиту городам, которые начинают вновь возводить стены (Никея IGRR IV, 39, 40). Возрастающая угроза со стороны новопер-

* Конец письма от слов «зараза этого суеверия» представляется мне явно христианской интерполяцией. Преувеличение численности христиан (прекращение жертвоприношений богам, запустение храмов) вполне в духе христианской пропаганды того времени, но совершенно немыслимо и неуместно в официальном письме к императору такого осторожного политика, как Плиний.

сидского царства, хотя не затрагивавшая непосредственно Вифинию и Понт, отражалась на тяготах, какие несла провинция от военных постоев и поборов.

Для этого периода кризиса, охватившего всю империю, источники, освещающие историю провинции, иссякают. Отсюда было бы неосторожно делать какие-либо выводы. Такие источники, как надписи, могут быть еще обнаружены в ходе дальнейших археологических исследований. Все же симптоматично, что, по имеющимся материалам, исчезают надписи, восхваляющие щедроты магистратов; повидимому, закрепощаемое сословие декурионов не видит больше интереса в трудах на муниципальные нужды, да и строительство замирает. С середины III в., как видно по описаниям монет у Head'a, все большее количество городов, выпускавших ранее свою монету, не представлено в имеющихся собраниях; надо полагать, сокращение торговых оборотов, все возрастающая натурализация хозяйства делали чеканку монеты ненужной.

Первые три века существования империи произвели в провинции Понт и Вифиния существенные перемены. Исчезли пережитки общинного строя и формы древневосточных аграрных отношений; этому содействовал рост крупных императорских имений, где, надо полагать, утверждались колонатные отношения. Благоприятное положение приморских городов в системе империи дало возможность некоторым из них (Никомедия, Никея) укрепиться и сохранить кое-какую торговлю, о чем свидетельствует тариф Диоклетиана. Римское владычество, приводившее все к одному уровню, и здесь сыграло свою историческую роль, подготовив почву для ликвидации рабовладельческого строя общества. Те три рычага, которые, по выражению Энгельса, действовали с огромной силой, — военная власть, налоговый пресс, судебный аппарат — действовали и здесь, и общественные отношения в провинции приближались к типу отношений, существовавших в других частях империи. Но провинция сохранила в неприкосновенности свои богатые естественные ресурсы, и в период наступившей к концу империи разрухи это дало ей некоторое преимущество перед областями бедными, нуждавшимися в привозе жизненно необходимых товаров извне.

ЛИКИЯ И ПАМФИЛИЯ

Провинция Ликия и Памфилия была создана не сразу. Заняв в Митридатовой войне лояльную позицию по отношению к Риму, Ликия сохранила свободу и благоволение римского правительства. Антоний и Август подтвердили свободу Ликии. Лишь в 43 г. Клавдий из-за каких-то внутренних раздоров в этой стране лишил ее автономии и создал из нее императорскую провинцию, присоединив к ней соседнюю Памфилию. Границы области Памфилии были довольно неопределенны. До 36 г. до н. э. Памфилия, полуварварская Писидия и Ликаония составляли одну провинцию, которую триумвир Антоний включил вместе с Галатией в эфемерное «царство» Аминты. В состав Памфилии входили в разные времена также части соседней Киликии. Еще в 50 г. она имела отдельного прокуратора. Окончательно провинция конституировалась в 74 г. при Веспасиане (Suet., Vesp. 8). В 135 г. император Адриан сделал провинцию сенатской, управляемой проконсулом. Однако и в 139—141 и в 149—155 гг. мы встречаем здесь в качестве управителя *legatus Augusti pro praetore*; очевидно, и здесь императоры не считались с конституцией, посылая в сенатские провинции своих уполномоченных. Мало того, одна надпись, относящаяся ко времени Адриана, называет некоего Карпа, вольноотпущенника императора, прокуратором провинции Ликии (IGRR III, 675; CIL III, 14179). Во многих надписях упоминается императорский фиск, куда должны поступать штрафы за нарушения покоя могилы. Территория провинции Ликия и Памфилия занимала около 12 000 кв. км с населением (по довольно проблематическим исчислениям) в 1 млн. (Ликия — 200 000, Памфилия — 800 000).

О жизни этой провинции имеются очень скудные литературные данные. Ликия сохранила довольно много надписей — надгробные и посвятельные надписи в честь императоров, римских чиновников и местных деятелей. Памфилия даже таких надписей сохранила очень немного.

Ликия создала некогда свою самобытную культуру; до периода эллинизма (IV в. до н. э.) она не подвергалась греческой колонизации, сохранила свой язык и независимость. После Александра Македонского Ликия эллинизуется, ее города получают греческие имена (древняя Арна — Ксанф, Габес — Антифелл и др.); сам народ стал себя называть ликийцами, забыв свое прежнее имя — термилы.

К началу н. э. Ликия представляла, по Страбону, объединение 23 городов, из которых главные (метрополии) — Ксанф, Патары, Пинары, Тлос, Миры, Олимп. В период империи выдвинулись и другие города, пользовавшиеся правом чеканки монеты (Термесс, Балбура и др.). Воспоминание о бывшей свободе и единстве городов Ликии выразилось между прочим в том, что на своих монетах города отмечали не только свое имя, но указывали на свою принадлежность к Ликии (ΛΥΚΙΩΝ). Когда Клавдий лишил Ликию свободы, ликийское объединение (κοινόν) посылало делегацию в Рим ходатайствовать о сохранении свободы и автономии (IGRR III, 563), а город Сагаласс (в Писидии) еще при Антонинах продолжает называть себя «другом и союзником» Рима (IGRR III, 348, 350—353). В некоторых надписях говорится о каком-то судилище (ibid. 680, 736; ср. Str. XIV, 3, 3), во главе которого стоит местное выборное должностное лицо (ibid. 563: *πρόσταυτα τῆς δικοδικίας*). Повидимому, римляне предоставляли ликийцам самим разбирать свои дела чести или передоверяли местным благонадежным магистратам маловажные судебные дела.

Как и в других провинциях, римские власти проводили политику усиления городов путем приписки к ним сельских территорий. Мелкие поселения включались в более крупные полисы (симполития, IGRR III, 640). В надписи из Поглы восхваляется Публий Целий Лукиан, который «в годы общинного строя (κοινοῦνίας) судил местные судебные дела» и «давал раздачи в годы гражданственности» (IGRR III, 409). Очевидно, сельская территория Поглы незадолго до этого была организована вокруг полиса, ликвидировав сельскую общинную организацию. Ликия имела свою верховную организацию, которая обозначается в надписях (как это было и в других провинциях) κοινόν (община, «коммуна»), ἔθνος (народ), κοινόν τοῦ ἔθνους (община народа). Эта вселикийская община делилась на две группы (συντέλειαι).

Во главе ликийского κοινόν и его совета (κοινοβούλιον, ibid. 556) стоял ликиарх, «архонт народа», при нем состоял секретарь объединения. В отличие от азиарха, вифиниарха и т. п. ликиарх не был только руководителем культа императора; должность архиерея, в частности верховного жреца Августа, существовала отдельно от ликиархии и считалась

столь же почетной; в одной надписи из Эноанды (IGRR III, 1506) верховный жрец культа императора назван «вождем народа» (ἡγέτωρ τοῦ ἐγγαίου). Ликий архонт председательствовал на ежегодном выборном народном собрании (ἀρχαίρεσις αἰ ἐκκλησία, IGRR III, 474, 649 и др.), в котором участвовали, помимо магистратов, депутаты от членов ликийского объединения — архостаты (ibid. III, 473). Выборы должностных лиц, присуждение тех или иных почестей заслуженным гражданам, посылка делегаций к императорам с поздравлениями, выражением верноподданнических чувств или прошением — таковы основные функции народного собрания.

По образцу ликийского *κοινόν* были организованы органы самоуправления в отдельных городах, где были свои советы (буле) и те же должностные лица. В отдельных крупных городах (метрополиях) существовали также герусии, которые представляли нечто вроде клуба и не имели ни судебных, ни административных функций; упоминаются в надписях казначей, секретарь, гимнасиарх герусии.

По существу все многочисленные выборные должности представляли лишь почетные звания, обязывавшие их носителей тратить свои средства на общественные нужды; незаметно они переходили в повинность, так как римские власти использовали честолюбие и тщеславие местной знати и богачей, чтобы иметь даровых агентов, выполняющих полицейские функции, за свой счет обеспечивающих благоустройство городов, устраивающих игры и зрелища, отвечающих своим имуществом за регулярное поступление податей и налогов. Архифилак не только был почетным лицом, он также вносил авансом причитающийся с народа налог и потом уже взыскивал его по раскладке с населения (IGRR III, 488, 738); в этом ему помогали парафилаки и гипофилаки, выполнявшие также полицейские функции. Так как от кандидата на должность требовалось (во всяком случае с точки зрения римских властей) только богатство, то часто различные должности занимали женщины. Мы встречаем в надписях женщин гимнасиархов, декапротов, демиургов, пританов.

Многочисленные должности, несмотря на связанные с ними расходы, привлекали богатых людей, искавших выхода своему честолюбию в этих суррогатах власти и значения. Буле охотно вотивовали всякого рода почести благодетелям, которые тешили свое самолюбие, увековечивая в надписях соответствующие постановления. С наивной откровенностью указывается, что награждаемый «взял на себя расход на статую и портрет» (ibid. III, 738, II, 85). Рекорд побил Опрамой из Родиаполя, оставивший надпись в 1900 строк! Здесь приводятся все постановления, одно на другое похожие, о присуждений ему тех

или иных почестей в течение 30 лет (124—153 гг.), переписка по этому поводу с легатами и с императором.

Вот образчик одного из таких постановлений. «В архиеписто Клавдия Маркиана* ... месяца 8 дня. Постановление общего выборного собрания ликийцев. Так как Опрамой, сын Аполлония дважды Каллиада, гражданин Родиаполиса, муж знаменитейший и великодушнейший, украшенный всякой добродетелью, происходящий от предков ликиархов и занимавших первое положение в народе, многократно награжденных не только своими родными городами, но и ликийским объединением за сделанные им дары, получивших гражданство во всех ликийских городах, стратегов и гиппархов, от отца Аполлония дважды Каллиада, мужа славного и великодушного, награжденного за должности, которые он выполнял для отечества и народа за себя самого и за детей, пятыми почестями и председательствованием на играх,— а сам Опрамой, с ранней юности усердно занимаясь прекрасным, развив в себе благосмыслие, образованность и всякую добродетель, соревнуется с достоинствами предков, постоянно оказывал отечеству много благодеяний как должностное лицо тратами и управлением, в ликийском объединении исполнял должность архифилака с издержками несравненно, а в поручениях, доверенных ему тогдашним правителем Юлием Фруги, проявил всякое тщание и усердие, так что за все это он был награжден почестями в каждом городе, а всем народом уже раньше— первыми, вторыми и третьими почестями, города же почтили его и гражданством, и народ просил опять наградить его и в этом году четвертыми почестями, и посланной делегации архиепископ превосходительный правитель дал согласие,— в добрый час постановлено наградить его и в настоящем году нижеуказанными почестями: Ликийское объединение наградило 1, 2, 3 и 4 почестями, золотым венком, медной статуей и писаным портретом золоченым Опрамой, сына Аполлония дважды Каллиада, Родиаполита, прекрасного гражданина, благородного, великодушного, выдающегося разумом и всякой добродетелью, неоднократно получившего одобрение от ~~кого-то~~, от городов в отдельности, от правителей и прокураторов» (IGRR III, 738, V, 1—56).

Чтобы сохранять за собой и членами семьи высокое место в полисе, честолюбивые должностные лица жертвовали крупные суммы на благоустройство городов и на раздачу населению. Так, Опрамой, как сообщает его надпись, сделал следующие пожертвования, не считая подачек отдельным лицам и группам:

* 131 г.

Ликийскому объединению .	55 000	денариев
Патарам разновременно . .	38 000	
Тлосу на общественные сооружения	60 000	
Олимпу на устройство тор- жеств	12 000	
Коридалле на хлеб	60 000	
Мирам	22 000	(кроме того, возвел здесь ряд построе- ек)
Телмессу	35 000	
Кадланде	15 000	
Пинарам	5 000	
Ксанфу на постройку те- атра	30 000	
Эноавде на постройку бани	10 000	
Калинде	9 000	
Бубону	2 000	
Балбуре	7 000	
Арнеям	6 000	
Хомату	7 000	
Ариканде	10 000	
Лимирам	20 000	
Феллу	5 000	
Антифеллу	5 000	
Фазелиде	10 000	
Кианам	15 000	
Аперлам	30 000	
Гагам	8 000	

и несгольким другим городам, для которых сумма пожертво-
вания в надписи не сохранилась.

В Силлиуме демиург Менодора, помимо раздач населению, пожертвовала 300 000 денариев на воспитание детей (алимен-
ты), соорудила храм и его святыни, возвела портики и мн. др.
(IGRR III, 801—802). А в городе Аспенде декапрот и гимна-
сиарх Эримней пожертвовал 2 млн. денариев (ibid. III, 804)
на устройство водопровода (его развалины сохранились).
Публий Целий Луккиан из Поглы, не ограничившись почетным
положением в родной Ликии, пожелал прославиться и за гра-
ницей и послал в голодный год хлеб в Александрию (ibid.
409).

При отсутствии настоящей политической жизни, которой
положило конец римское владычество, соперничество из-за
пустых, притом дорогостоящих титулов принимало уродли-
вые формы. Так, некий Молей опротестовал перед прокура-
тором Юлием Пэтом постановление о награждении ликиарха
Язона в 145 г. По этому поводу ликийская буле послала де-
легацию к императору Антонину Пию, который подтвердил

постановление буле (ibid. 704). В 138 г. город Ксанф заявил протест перед римским правителем Сенекой против чрезмерных почестей, декретированных Опрамою; дело опять-таки дошло до императора, и в 139 г. легат Ликии Корнелий Прокул сообщает, что император дал свое согласие (ibid. 738, VII). Но и при отсутствии протеста ликийский сенат представлял свои постановления на утверждение римскому наместнику и самому императору. Рескрипт императора об утверждении присужденных тому или иному общественному деятелю почестей сам по себе был почетным документом, и Опрамой приводит в своей надписи семь таких императорских рескриптов в его пользу.

Конечно, ликийские магистраты понимали, что все эти почести — лишь блестящая мишура. Они в своих надписях вспоминают, что происходят от лиц, некогда занимавших высокие должности, дававшие реальную власть, — должности стратегов, гиппархов, навархов. Теперь, при римском владычестве, почести и слава были связаны не столько с должностью, сколько с богатством. Рядовые должностные лица, не имевшие средств на щедроты и подарки, находились в жалком положении прихлебателей своих богатых сограждан. В надписи из Балбуры прославляется Троил, раздавший архостатам, булевам и должностным лицам ликийского *κοινόν* по два денария (ibid. 473). Лициний Лонг из Эноанды раздавал 500 членам герусии ежегодно по 4 модия хлеба и по 2 денария (ibid. 492). Опрамой учредил фонд в 55 000 денариев, проценты с которого должны были идти на раздачу архостатам, булевам, должностным лицам *κοινόν* и «другим получающим по обычаю».

Таким образом, в Ликии и Памфилии, как и в других азиатских провинциях, политическая жизнь замерла, лишь богачи могли тешиться призрачными почестями по общественным должностям, постепенно превращавшимся во все более обременительные литургии.

О Памфилии данных, касающихся общественной жизни, очень мало. В одной надписи упоминается памфилиарх — вероятно, возглавляющий организацию культа императора. Памфилия не имела тех традиций независимости и свободы, которые были еще живы в воспоминаниях ликийцев; поэтому здесь не развился даже тот суррогат общественной жизни, какой наблюдается в Ликии.

Ликия и Памфилия различались между собой и по природным богатствам и климату. В Ликии климат суровее, разница в температуре лета и зимы резче, чем в Памфилии, которая ограждена с севера горами и открыта в сторону моря к югу; климат здесь субтропический, вызревают даже бананы.

Помимо зерна, Памфилия производила сезам, оливки, пальмы, стираксу (Селга в Писидии). Гален хвалит целебные свойства местного вина. Памфилийская шерсть славилась своей мягкостью и белизной; желая дать читателю представление об индийском хлопке, Филострат сравнивает его с памфилийской шерстью (V. Ар. III, 15). Ликия была беднее Памфилии природными ресурсами; зато здесь был прекрасный строевой лес (кедры), что способствовало развитию в Ликии кораблестроения. В Ликии в качестве основного занятия сельского населения преобладало земледелие, в Памфилии значительное место занимало скотоводство.

О том, как распределялась земельная собственность, имеется очень мало данных. Возможно, что упомянутый выше Карп, вольноотпущенник Адриана, был прокуратором императорского имения; такое же заключение можно вывести из другой надписи (BSN XXIV, 1900, 337), где упоминается *rationalis* августа. Больше сведений имеется о частных имениях. В надписи из Сидимы (IGRR III, 584) восхваляется ликиархисса, отдавшая доход со своих земель для раздач гражданам. Водной сильно фрагментированной надписи, перечисляющей ряд селений на территории Эноанды, Бальбуры и Бубона, речь идет, по видимому, о крупных частных владениях.* Крупная земельная собственность обозначается обычным термином *οὐσία*, или же *μονάχυρον*, или *κτῆσις*, земельный собственник называется *κτῆτωρ* (собственник). Диотим завещает городу Ариассу свое имение «в виноградниках и пахотной земле, на равнине и в горах, со всеми постройками» (IGRR III, 422). В других надписях говорится об имении (*χωρίον*) Тиберия Клавдия Агриппы (ibid. 451), об *οὐσία* Мелеагрида (ibid. 499).

По всей вероятности, в Ликии и Памфилии рабский труд на земле применялся мало, а земля сдавалась в аренду крестьянам. В Пинарах, в честь землевладельца (*κτῆτορα τῶν χωρίων*) Лициния Музея воздвиг надпись Зосим, называющий себя *ἐκφοριαστής* — сборщик натуральных взносов (ibid. 576). Отсюда можно заключить, что крестьяне платили, по крайней мере частично, аренду натурой.

Источники содержат некоторые сведения о различных категориях населения. Мы и в этой провинции встречаем организацию римских граждан (*οἱ κατοικοῦντες Ῥωμαῖοι*); в Комане и Олбасе упоминаются колонии (двуумвир колоний). В трех надписях уже упоминавшейся Менодоры и ее сына (ibid. 800—802) перечисляются в нисходящем по рангу порядке разные категории городского населения. Речь идет о ее раздачах: «Каждому члену буле по 20 ден., старейшинам и членам

* L. Robert, *Études Anatoliennes*, P. 1936, стр. 382 сл.

экклесии по 18 ден.; гражданам по 2 ден.; вольноотпущенникам и парэкам * по 1 ден.»; «каждому булевту (члену буле) по 85 ден., каждому старшине — 80 ден., каждому члену экклесии 77 ден., женам их по 3 ден. каждой, каждому гражданину 9 ден., виндиктариям (некоторая категория вольноотпущенников), вольноотпущенникам и парэкам по 3 ден.»; «каждому булевту 88 ден. и 1 модий зерна, каждому старейшине 81 ден. и 1 модий зерна, каждому члену экклесии 78 ден. и 1 модий зерна. Женам их по 3 ден. каждой, виндиктариям и вольноотпущенникам по 4 ден.».

Как видно из этих и подобных надписей, отдельные лица владели крупными богатствами, а масса населения бедствовала, питаясь подачками богачей. Надпись из Эноанды (*ibid.* 493) говорит об «очень тяжелых временах», восхваляя Гая Лициния, отпустившего населению хлеб и раздавшего, кроме того, всем гражданам по 10 ден., «так что все жители города получили долю в этом благодеянии». В надписи из Ксанфа (ТАМ II, 1, 291) Марций Аполлоний учреждает фонд помощи беднякам, которые не в состоянии уплатить земельный налог. Опрамой роздал в Патарах всем мужчинам на хлеб по 1 ден. Как видно из большой надписи Опрамой, существовала целая категория «получающих по обычаю». Тяжесть налогов усугублялась злоупотреблениями при взыскании их. Надписи не раз восхваляют архифилаков, которые внесли авансом в «священный фиск» причитающуюся в Ликии подать, потом взыскали ее с отдельных городов справедливо. Но это были, очевидно, исключения, особо отмеченные.

Приходилось терпеть и от военных постоев, и город Суры благодарит Антигона, жреца Аполлона, в частности, за то, что он взял на себя прием проходящих воинских частей (IGRR III, 714).

У нас нет данных о классовой борьбе в провинции; ведь только славословия и раболепную лесть властям предрежащим и богачам сохранили нам надписи. Случайно Филострат в своем «Жизнеописании Аполлония Тианского» (I, 15) дает нам картину народных волнений в Аспенде в Памфилии. Во время голода, когда хлебные спекулянты придержали хлеб, народ с факелами устремился к правителю города, грозя поджечь город, если не будет положен конец хлебной спекуляции. Правители вынуждены были искать убежища в святилище, но возмущенный народ — люди всех возрастов — проник и туда.

* *παρόικοι*, по всей вероятности, представляют прежних сельских жителей, переселившихся в город после присоединения к нему сельской территории, но не получивших прав гражданства.

В биографии Адриана (SHA, Hadr. 5) сообщается, что в начале правления Адриана «Ликия... обнаруживала мятежные настроения».

В Ликии и Памфилии существовали коллегии актеров, красильщиков, ткачей, кожевников, «великое содружество» (μέγα συνέργιον, IGRR, III, 810). О деятельности коллегий данных нет.

В условиях общего упадка античного общества ликийская самобытная культура не могла получить развитие, она погибла вместе с политической независимостью; но, даже судя только по надписям, можно отметить у ликийцев сохранение культурных традиций. Эллинистическая культура хорошо привилась в Ликии. В надписях мы встречаем интерес к философии. Мы находим в надписях софиста Модеста, гиперболически приравниваемого к «семи мудрецам» (Атталея); философа платоника (Термесс); ученого, поэта, эпикурейца и прославленного врача Гераклита (Родиаполь), получившего почести от эпикурейской философской школы в Афинах. Гераклит был «писателем и творцом произведений по медицине и философии, которого называли Гомером медицинских произведений» (IGRR III, 733). Диоген из Эноанды начертал на стенах колонного зала своего замка изречения и фрагменты из писем и произведений Эпикура, представляющие значительный вклад в наши сведения об эпикурейской философии. Язык ликийских надписей, хотя и страдает орфографическими и грамматическими ошибками (многое надо отнести на счет резчика надписей), в общем чище и грамотнее, чем обычно в провинциальных надписях.

Религия ликийцев носит следы синкретизма. «Отечественным богом» надписи называют Аполлона. Наряду с ним почитанием повсеместно пользовалась Артемида под именем Eleuthera («Свободная»). Зевс упоминается редко. Зато встречаются жрец «великих богов кабиров», типичного синкретического эллинистического бога Сараписа, Исиды, Пессинунтской Великой матери богов; встречается жрец муз.

Императорский культ появился в Ликии рано, задолго до образования провинции. Культ воздавался не только императорам, но и членам их семьи. В Патарах засвидетельствован пожизненный жрец «видимых богов Германика и Друза и всего дома их»; речь идет о близнецах, внуках Тиберия, умерших в юном и даже младенческом возрасте. Отдельно почиталась богиня Рома (Рим), имевшая своих отдельных жрецов и жреческие коллегии. Часто жрец совмещает функции служителя культа императора с культом старых богов; встречаются жрецы Августа и Диониса, Афины Полиады и богов августов, богини Ромы и Диониса, богини Ромы и Зевса Солимского.

Христианство в Ликии появилось сравнительно поздно — вероятно, эллинское просвещение оказывало здесь сопротивление христианскому «суеверию». Некоторые города Памфилии и Писидии упоминаются в «Деяниях апостолов». Может быть, не случайно дошедшая до нас в надписи петиция к императору Максимину Дазе против христиан происходит из Ариканды в Ликии.

По сравнению с соседними провинциями — Киликией, Азией — провинция Ликия и Памфилия занимала в системе Римской империи небольшое место; но и здесь сказывалась нивелирующая сила империи, разрушавшая старый жизненный уклад; это вело, с одной стороны, к росту городов и вовлечению новых слоев населения в городскую жизнь, с другой — к углублению кризиса рабовладельческого общества.

Нам почти ничего не известно об истории провинции в III в. после Северов. Об императоре Пробе известно, что ему пришлось вести форменную войну с разбойничьими исаврскими племенами, фактически подчинившими себе Ликию и Памфилию. О тревогах в провинции говорит не вполне ясная по смыслу надпись из Термесса возле Эноанды, относящаяся ко времени правления Валериана: «Валерия Статилия Коста, превосходительного союзника августов, командира частей (*πραιπόσιτος βιξιλαντίων*) = *praepositus vexillationum*), — совет и народ и герусия Термесса у Эноанды, благодетеля, озаботившегося о мире на море и на суше, пребывавшего в нашем славном городе со всяким благолепием 12 дней» и т. д. (IGRR III, 481). Повидимому, какой-то независимый «союзник» Рима наводит порядок в провинции, и местное население восхваляет его как благодетеля. М. Ростовцев полагает, что здесь мы имеем проявление некоторого сепаратистского движения: население пытается обеспечить свою безопасность без помощи римского правительства.* Это, однако, трудно согласовать с концом надписи, где речь идет об установлении «священного изображения» императора Валериана.

* «Storia economica e sociale dell'impero Romano, стр. 555.

КИЛИКИЯ

Киликия в качестве римской провинции не сразу нашла себе место в системе империи. В этой обширной области, связывающей Сирию с Малой Азией, можно было встретить ряд контрастов. В то время как восточная равнинная часть (Pedi-as), хорошо орошаемая тремя большими реками (Пирам, Сар и Кидн), была страной изобилия, западная горная часть с единственной рекой Каликадн вполне заслужила свое название — «Суровая Киликия» (Cilicia Tracheia). Наряду с городами эллинского типа здесь были глухие районы, в которых еще сохранился родо-племенной общественный быт и разбойничьи племена жили в соседстве с крупными экономическими центрами, игравшими видную роль в торговле.

Киликия — страна древней культуры. Она упоминается под разными названиями (Hilakku, Kedi, Kode, Que) в древнеегипетских и ассирийских источниках. По сообщению Библии, Соломон закупал лошадей в Куде (I Цар. X 28; mqwh!). Гомер упоминает киликийцев и их город, «высоковратную Фиву» в Мизии (Il. VI, 397, 415), а упоминание Kelekesh среди «народов северных стран», напавших на Египет, наводит на мысль, что киликийцы — ближайшие родственники эллинов и осели в Малой Азии в очень давние времена. Традиция связывала основание киликийских городов с героями греческого эпоса: Тарс считал своим основателем Триптолема, Персея, Аякса; Мопсуестия — Мопса, сына Тирезия; Олба — Аякса, и еще в римское время здесь правила династия Тевкридов; Солы у Гесиода (по Страбону) связываются с Амфилохом, сыном Амфиарая.

Конечно, легенды и традиция об основании городов могут, как это часто бывает, не содержать никакого исторического ядра, но во всяком случае правдоподобно, что многие киликийские города восходят к героическому периоду истории эллинов или по крайней мере к раннему периоду греческой

колонизации.* Даже под персидским владычеством некоторые города — Тарс, Солы, Голмы и др. — чеканили монету с греческой легендой. Но в горах жили варварские племена, вероятно, местного происхождения. Об одном таком племени — клиты — Тацит сообщает, что когда Архелай, царь Каппадокии, к владениям которого римляне причислили часть Киликии, попытался провести по римскому образцу ценз и установить подати, племя ушло в горы Тавра и оказывало серьезное сопротивление войскам Архелая (Ann. VI, 41). Позднее, при Клавдии, те же племена клитов,** как это уже не раз бывало и в других случаях, под водительством Трособора укрепились в горах и стали оттуда совершать нападения на земледельцев и горожан, на торговцев и моряков (XII, 45).

Наряду со старыми возникали и новые города. Селевкиды, в царстве которых большей частью находилась Киликия, построили (или обновили) ряд городов: Александрию на Иссе, Солы, Селинунт, Зефирий; Селевкия на Каликадне в Суровой Киликии стала одним из важнейших центров эллинистической культуры на южном побережье Малой Азии, о чем свидетельствуют еще сохранившиеся величественные могильники. Птолемеи, временно владевшие частью Киликии, также строили здесь города (Птолемаида, Арсиноя).

В период распада царства Селевкидов города приобрели автономию и возникли полунезависимые династы — топархи, царьки. Теократия в Олбе, во главе которой стояли верховные жрецы Зевса Олбийского, носившие имена Зенофан или Тевкр, сохранялась и в римское время.

С конца II в. до н. э. Киликия была центром пиратства, бывшего грозным бичом не только для морской торговли, но и для Равнинной Киликии, которой тоже не щадили пираты. Борьба с пиратами послужила поводом для римского вмешательства, и в 102 г. Марк Антоний получил в качестве провинции (в старом смысле слова) Киликию. В 92 г. Сулла в качестве претора получил провинцию Киликию, в 88 г. — Оппий. В 83 г. часть Киликии захватил Тигран, выселивший между прочим жителей города Солы, чтобы заселить новую армянскую столицу Тигранокерту. Помпей после разгрома пиратов и победы над Митридатом и Тиграном восстановил провинцию. Солы были восстановлены и приняли название Помпейополь.

* A. H. M. Jones, *The cities of the eastern Roman provinces*, Oxf. 1937, стр. 192 сл.

** Диттенбергер, следуя А. Вильгельму, полагает, что в обоих случаях у Тацита надо читать не *clitarum*, а *ciltarum*, ссылаясь на надпись OGIS. 574.

Однако организация провинции затянулась на двести лет. Киликия была слишком сложным конгломератом разнородных частей, чтобы ее можно было без труда организовать как единую провинцию. Если в прибрежных городах, организованных по типу греческих полисов, можно было ввести обычное римское провинциальное управление, то с глубинными районами дело обстояло гораздо сложнее. Здесь Помпей предпочел оставить местных династов под наблюдением легата провинции Сирии.

В Гиераполе—Кастабалах—сидел Таркондимот, носивший вначале титул топарха, затем царя. Его династия довольно хорошо известна благодаря упоминаниям у историков (Тацит, Дион Кассий), в надписях и на монетах; после смерти Филопатора в 17 г. его владения были, повидимому, непосредственно включены в провинцию.

Суровая Киликия, в значительной части входившая в состав владений Аминты, царя Галатии, после его смерти в 25 г. до н. э. частью отошла к новой провинции Галатии, частью была отдана во владение каппадокийскому царю Архелаю, а после превращения Каппадокии в провинцию (17 г.) оставалась сначала за его сыном, а в 38 г. отдана Антиоху IV, царю Коммагены. Веспасиан окончательно присоединил эту область к провинции.

Наконец, в Олбе династия Тевкридов — верховных жрецов — продержалась до 41 г., когда Олба была отдана Полемону II, лишившемуся своего Боспорского царства. Опять-таки Веспасиан положил конец призрачной самостоятельности и этой области.

Одно время (между 58 и 47 гг. до н. э.) к провинции Киликии был причислен о. Кипр. С другой стороны, Равнинная Киликия в 27 г. до н. э. была включена в состав Сирии — Финикии. Веспасиан объединил и Равнинную и Суровую Киликии в одну провинцию. Но на этом процесс ее конституирования не закончился. Антоний Пий присоединил к ней Ликаонию и Исаврию, входившие ранее в состав Галатии.

Вообще там, где римляне не заставляли уже установившуюся городскую жизнь, они долгое время опирались на местных династов, создавали эфемерные «царства», перекраивали многократно провинции, иногда по временным военным соображениям, пока, наконец, не находили наиболее, как казалось, удобного способа размежевания провинций. Это перекраивание провинций, при котором не считались с местными связями и традициями, в конечном счете немало содействовало нивелированию населения, забвению традиций, утрате старых и приобретению новых связей, укреплению представления у покоренных племен и народов о принадлежности их не столь-

ко к той или иной народности, племени, старому государственному объединению, сколько к единой Римской империи.

Как и в других провинциях, римская власть, упраздняя старые общественные условия жизни, опиралась по преимуществу на города, сохранившие в той или иной мере призрак муниципальной автономии. Некоторые города преуспевали, благоустраивались. Развалины киликийских городов, больших и малых, сохраняют остатки храмов, театров, цистерн, водопроводов; надписи сообщают о периодически устраиваемых играх с раздачей призов. Построенный после аннексии Олбы небольшой город Диокесария имел большую центральную улицу, окаймленную портиком с колоннами, театр и другие общественные сооружения. Главный город провинции, резиденция римского легата Тарс, расположенный по обоим берегам реки Кидн, был крупным экономическим центром. «Нигде, — пишет Филострат (V. Ар. I, 7), — так не велика роскошь, как здесь. Высокомерие и насмешливость здесь в чести, а изящное одевание ценят выше, чем в Афинах мудрость». В надписи в честь Александра Севера Тарс именуется «Александрина, Севериана, Антониниана, Адриана, первая, величайшая и прекраснейшая метрополия, стоящая во главе трех провинций — Киликии, Исаврии, Ликаонии, дважды некор, единственный удостоенный демиургией и киликархией из префектов, свободным общим советом (κοινοβουλίῳ) и другими многочисленными, величайшими и изысканными дарами» (IGRR III, 879, 880).

С Тарсом соперничал Аназабр, который также титулуется «метрополию, стоящая во главе трех провинций, дважды некор» (ibid. 898), Мопсуестия — *ἱερὰ καὶ ἐλευθέρᾳ καὶ αὐτόνομος πόλις καὶ σύμμαχος Ῥωμαίων* (ibid. 915), Эги, «вольный город» с почитаемым храмом Асклепия и др. Дион Хризостом (Or. XXXIV) много потешается над соперничеством городов. При общем упадке муниципальной жизни это соперничество принимало уродливый характер; города нагромождали титулы один на другой, не брезгая и такими сомнительными, как *Maximiniana* или *Mascriniana*, наперерыв учреждали игры, притом обязательно «вселенские» (*οεσιμενίσι*).*

Вначале, при организации провинции Помпеем, было, должно быть, немало *civitates liberae*; но римляне, как и всюду, отнимали постепенно у городов свободу; ее сохранили только Тарс, Эги, Мопсуестия. Буле засвидетельствована в надписях для ряда городов: Иотапа (IGRR III, 833), Сиедры (ibid. 830), Анемурий (ibid. 839), Солы (ibid. 875, *ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος*, в других — просто *δῆμος*), Тарс, Гиераполь — Кастабалы, Мопсуестия, Эги.

* Head, *Historia numorum*, № 745 сл.

Рядом с организацией полисов продолжала существовать, как и в Галатии, племенная организация. Надписи в честь «великого первосвященника» Зенофана в I в. до н. э. составляются от имени Ὀλβέων ὁ δῆμος καὶ κοινῶνται (МАМА III, 64, 65), т. е. город Олба выступает рядом с племенем кеннатов; и в римское время на монетах фигурируют племена кеннаты и лассеи. Города иногда сохраняли между собой родственные связи,* и на монетах фигурируют иной раз имена метрополий не городов, а племен. В Канителидах некоторые надгробия говорят о связях между этим городом и Элеессой Себастой: за нарушения покоя могилы налагаются штрафы «в казну господ Цезаря 10 000 денариев, городу Себасте 8000 денариев и народу Канителидов 2500 денариев» (Wilhelm, Denkschr. Ak. Wien. XLIV, № 123), «фиску тысячу денариев и городу Себасте тысячу денариев» (ibid., № 129).

Администрация городов мало чем отличалась от администрации в других провинциях. Неясно, что разумеется в приведенной выше надписи из Тарса под «демиургиями и киликархиями из префектов» (δημιουργίαις τε καὶ κίλικαρχίαις ἐπαρχικῶν). Во главе муниципального управления стоял демиург (IGRR III, 844, 851, Олба; 883 и др., Тарс; 901 и др., Кастабалы). Из других должностей и литургий встречаются декапроты (ibid. 834), ситоны (ibid. 833, 834, Иотапы), ἐργετόπτης (надзиратель за работами, ibid. 849, Олба), гимнасиархи (ibid. 831, 833, 834, 883), парафилаки (834), принархи (830), агораном (833). Особенно обильно все эти должности и литургии представлены в надписях из Иотапы.

Объединение городов провинции вокруг императорского культа (κοινόν) прямо не засвидетельствовано, но в метрополии, Тарсе, существовал общий совет (κοινοβούλιον, IGRR III, 879, 880) наряду с местным городским (883); упоминается киликархия и киликарх (883, 912). При городских буле была должность секретаря. При вступлении в должность магистрат вносил *summa honoraria* (в Олбе — 1000 драхм, МАМА III, 103).

Функции буле, судя по дошедшим надписям, сводились, как обычно, главным образом к вотированию тех или иных почестей заслуженным общественным деятелям и благодетелям. О *cursus honorum* и щедротах магистратов может дать представление несколько испорченная довольно длинная надпись из Иотапы (IGRR III, 833): «Совет и народ почтили Кендея, сына Апатурия, благообразнейшего мужа из сословия (τάγματος) булевтов, отца Кендея Филопатрида, мужа многозаслуженного перед родиной... исполнявшего обязанности демиурга ревностно, притана непорочно, агораномла благопристойно, ситона

* А. Н. М. Jones, ук. соч., стр. 243.

неослабно... который на свои средства соорудил отечеству храм бога Посейдона вместе с его изображением и относящимися к нему статуями, дав и для сооруженной общественной бани из своих средств 1025 денариев, проявив и другие большие щедроты, дав также на гимнасий вместе с Ма, дочерью Моиса, женой своей, 15 000 серебряных денариев и на раздачу буллетам и на раздачу вина и на гимнасиархии граждан; а эта самая Ма, будучи верховной жрицей богини Августы Фаустины,* еще соорудила отечеству на свои средства храм богини Мойры вместе со статуей».

Как ни жалка становилась под давлением бюрократизирующейся империи общественная жизнь городов, граждане дорожили своим гражданством, которого, повидимому, домогались. В Тарсе, по словам Диона (Or. XXXIV, 23), за прием в число граждан уплачивали 500 драхм. Возможно, что местный патриотизм коренился в старых племенных связях. Граждане Лама, проживающие в Харадре, в посвяtitельной надписи отмечают свое происхождение: οἱ κατοικοῦντες Χάραδρον ἐπίγειον Λαμωτῶν (IGRR III, 838).

Римляне в Киликии имели свои организации (например, в Малле, CIL III, 12 223). При организации провинции их было, надо полагать, немало, и Цицерон, управлявший провинцией в 51—50 гг., сумел даже произвести здесь набор войска. В надписи близ пещеры у Корики на остатках храма Зевса имеется список, содержащий около тридцати римских имен (IGRR III, 861).

Киликия была императорской провинцией, управляемой легатом. Население было обложено податью в размере 1% стоимости имущества. Но больше всего угнетали провинцию поборы и военные постои. Цицерон хвалится (ad Att. V, 21, 7), что за шесть месяцев своего управления он ничего не вымогал и не докучал постоями (ср. ad Qu. fr. I, 1, 26). Это, впрочем, не помешало Цицерону вывезти из Кипра, входившего тогда в состав Киликии, 2 200 000 сестерциев (ad fam. V, 20, 9; ad. Att. XI, 1, 2). О тяжести постоев можно судить по тому, что Кипр заплатил 200 талантов за избавление от постоя. В период империи ограбление провинций было, как известно, упорядочено, но вряд ли было облегчено положение местного населения.

Об организации сельских поселений сведения чрезвычайно скудны. На территориях, приписанных к полису, организация в сельских поселениях, вероятно, в некоторой степени копировала городскую. Надпись в селении близ Тарса (IGRR III, 886) устанавливает штраф в 2000 денариев в пользу казны и 1000 де-

* Жена Марка Аврелия, умершая в 176 г.

нариев комарху (главе селения). В отдаленных районах сохранилась племенная организация и даже пережитки родовой.

О финансовом положении городов нет сведений; надо думать, что финансовое благополучие городов зависело от щедрот литургов и частных жертвователей. Даже штрафы за нарушение покоя могилы взимались в первую очередь в доход казны. Куратор (λογιστεύων) засвидетельствован в Олбе (IGRR III, 849).

Интересна надпись, найденная возле Канителиды (IGRR III, 264): «Решено: если будет обнаружен кто-либо меряющий киликийской мерой, он уплатит в фиск двадцать пять денариев; мерить же надлежит мерами, которые применяются в городе» (т. е. римскими).

Наряду с полицейскими, исполнявшими обязанности в порядке литургии (парафилаки, иринархи), охрану порядка несли солдаты (στασιωγάριος, *ibid.* 812). Вообще в Киликии стояло много солдат, судя по эпитафиям и другим надписям.

Об экономике Киликии в период империи сведений мало. Окончательно сконструированная провинция занимала большую территорию в 13 945 кв. миль (ок. 35 000 кв. км) с населением по предположительному расчету Broughton'a * в 900 000 чел., распределенным крайне неравномерно. В то время как Равнинная Киликия (Педияс) представляла плодородную, хорошо орошаемую страну с субтропическим климатом, Суровая Киликия была безводной областью с суровым климатом; ее основное богатство — леса, поставлявшие прекрасный строительный материал, в частности для пиратских судов. Только береговая полоса была богата естественными ресурсами. Кроме леса, Киликия славилась своими лошадьми.

В плодородной Равнинной Киликии, поразившей Ксенофонта изобилием, сеяли просо, разводили виноград, сезам, сорго, пальмы. Особенно важной отраслью хозяйства было разведение пеньки и льна. Дион Хризостом называет массу населения Тарса λινοουργοί (Or. XXXIV, 21). В эдикте Диоклетиана о предельных ценах названы происходящие из Тарса и его окрестностей далматики, плащи, ленты, пояса, головные уборы, каракаллы (цветные плащи). Климент Александрийский сообщает, что в его время (начало III в.) римляне закупали лен не в Египте, а в Иудее и Киликии. Открытые недавно в Афинах монеты города Солы ** косвенно свидетельствуют о торговых связях Киликии с материковой Грецией. Через Киликию пролегал основной путь из Сирии к западному берегу Малой Азии. Римское правительство заботилось о проведении дорог и со-

* «An economic survey of ancient Rome», IV, стр. 815.

** «Hesperia», V (1936), стр. 131 сл.

держании их в порядке. В 77 или 78 г. Веспасиан соорудил мост через Каликадн в Селевкий (IGRR III, 840). Надпись CIL III, 12 119 сообщает о восстановлении (ex integro restituit) дороги и моста у Киликийских ворот; о том же сообщает надпись CIL III, 21 118 (Марк Аврелий); дорожные столбы у Аназарба (IGRR III, 898) и Тарса (ibid. 882) говорят о том же. В напыщенной стихотворной надписи (ibid. 387) восхваляется Авксентий, построивший новый мост через Кидн, взамен старого, неспособного выдержать натиск бурной реки. С течением времени дороги и мосты пришли в упадок, и только Юстиниан вновь их отстроил (Просор., de aedif. V, 5).

О существовании императорских имений Киликии говорят, может быть, надписи IGRR III, 928 (Арс) — ἐπίτροπος Траяна — и CIL X, 8261, где местожительство некоего Валерия Фронтина указано vico Asseridi d(omini) n(ostri).

Как и в других городах Малой Азии, в городах Киликии существовали коллегии, от которых сохранились кое-какие надписи. Так, в Тарсе надпись на статуе Каракаллы гласит, что она воздвигнута средствами συνέργιον τῶν ἐν τῇ σειτικῇ ἀγορῶν (коллегии носильщиков хлебного рынка).^{*} В Аназарбе надпись упоминает συντεχνία λινοουργῶν (IGRR III, 896), в Корике — σύστημα τῶν λημευητῶν λινοπόλων (организация портовых льноторговцев).

То немногое, что сообщают наши источники о Киликии, рисует обычную картину постепенного затухания общественной жизни, внешний временный блеск городов, покупаемый ценой потери самостоятельности, рост богатств в руках немногих за счет обнищания масс. Даже Джонс вынужден признать: «Мы не можем исключить возможность того, что низшие классы в городах мало чем воспользовались, что внешнее благополучие скрывало много тревог и что щедроты богачей в городах в значительной степени надо рассматривать как социальную страховку».^{**}

Города Киликии сохранили высокую культуру. Страбон (XIV, 3) отмечает, что жители Тарса обнаруживают ревностную любовь к философии и наукам, и в этом отношении превосходят Афины, Александрию и другие места, где находятся философские школы и учебные заведения. Если верить Филострату (V. Ар. I, 7), то даже в незначительном городе Эги были представлены все философские школы: платоники, стоики, перипатетики, эпикурейцы, пифагорейцы.

В религиозном отношении Киликия представляет пеструю картину. Греческие «отечественные боги» здесь держались проч-

^{*} AJA 42 (1938), стр. 55—57.

^{**} А. Н. М. Jones, ук. соч., стр. 812.

но, но и местные боги пользовались почитанием. Иудейство было широко распространено,* а христианская традиция выводит апостола Павла из Тарса; в «Деяниях апостолов» Павел совершает пропагандистскую поездку в Киликию. Судя по надписям, правда, вообще очень малочисленным, императорский культ имел здесь меньшее значение, чем в провинции Азия; архиерей упоминается редко.

* * *

Рассмотренные провинции Малой Азии представляют области, подвергшиеся длительному эллинскому влиянию. В системе эллинистических государств здесь развилась городская жизнь, завязались обширные деловые связи, поднялось производство. Но упадок эллинистических государств, вызванный новым кризисом рабовладельческого общества, сделал Малую Азию добычей римлян, сильно истощивших вначале накопленные Малой Азией ресурсы, но создавших затем условия для перехода на новый этап в новом политическом и экономическом целом, какое представляла собой, в тенденции во всяком случае, Римская империя.

Но не все области Малой Азии в одинаковой степени испытывали на себе влияние имперского единства — результаты этого нового объединения зависели от исторических условий прошлого, от внутренней и внешней политики Рима, от конкретных задач, какие ставили себе римские власти при эксплуатации той или иной провинции. В этом отношении показательны несколько особняком стоящие провинции центральной и восточной части Малой Азии — Галатия и Каппадокия.

* E. Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes*, 4 изд., III, 22; ср. IGRR III, 858 (Корин) — эпитафия «Александра иудея».

ГАЛАТИЯ

Галатия как римская провинция конституировалась чрезвычайно медленно. В течение двухсот лет римляне всячески перекраивали ее, и только при Антонине Пие она приняла окончательные границы, в которых оставалась до реформы Диоклетиана. Само название провинции долго не могло установиться. В надписи ILS1017 (Iv.) назван легат Августа пропретор *Provinciae Galatiae Pisidiae Phrygiae Lycaoniae Isauriae Ponti Galatici Ponti Polemoniaci Armeniae*. В греческой надписи времени Адриана (OGIS 535 = IGRR III, 316) назван пропретор *ἐπαρχείας Γαλατίας Πισιδίας Παφλαγονίας*. В состав провинции одно время (при Веспасиане) входила также Каппадокия, которую Траян сделал отдельной провинцией. Как показывает довольно убедительно Сайм,* в самом начале организации провинции Галатия она была объединена с Памфилией и, в частности, М. Плавтий Сильван был одновременно правителем Галатии и Памфилии (25 г. до н.э.). Во всяком случае еще Гальба, по свидетельству Тацита, передал управление провинциями Галатией и Памфилией Кальпурнию Аспренату (Hist. II, 9); повидимому, объединение этих двух провинций представлялось естественным и удобным, и весьма правдоподобно, что северная, не прибрежная часть Памфилии входила в состав Галатии. Только при Антонине Пие встречается в надписи (IGRR III, 290) пропретор Киликии, Исаврии и Ликаонии; это значит, что последние две области отошли от Галатии к Киликии.

В сущности Галатия долгое время представляла не целостный политический организм, а скорее лишь географическое понятие. Характерно, что в «Деяниях апостолов» Галатия, в отличие от Фригии, называется лишь «страной галатийской» (τῇ Φρυγίᾳ καὶ Γαλατικῇ χώρᾳ, XVI, 6; τῇ Γαλατικῇ χώρᾳ).

* R. Syme, Galatia and Pamphilia under Augustus, «Klio», XXVII (1934), стр. 122 сл.

καὶ Φρυγίαν, XVIII, 23). Название «галаты» также установилось не сразу. Первоначально римляне называли осевшие в Малой Азии кельтские племена галлами; у Цицерона под 56 г. впервые встречается название Gallo-Graeci.* Страбон (XII, 5, 1) говорит о стране, которая «ныне называется Галатией и Галло-Грецией». Это название дало повод к анекдоту о Калигуле: осудив в один день несколько галлов и греков, он хвастал, что «покорил Галло-Грецию» (Suet. Gai. XXIX). Но уже у Цицерона (ad Att. 6, 5, 3; 50 г. до н.э.) встречается термин «Galatae», а позднее название «провинция Галатия» чередуется с названием «провинция галатов».

Галатия подпала под римское влияние, как только римляне стали твердой ногой в Азии. Еще в 167 г. до н. э., по сообщению Полибия (31, 2), галаты направили посольство к римскому сенату, который «предоставил им автономию при условии, что они останутся в собственных поселениях и не будут воевать за пределами своей границы». В то время галаты еще сохраняли племенной строй и делились на три племени: толистобогиев (толистоагиев), тектосагов и трокмов. Каждое племя делилось на четыре тетрархии, все двенадцать тетрархий (союз племен) имели общий совет из трехсот членов, собиравшийся в местности, называемой у Страбона (XII, 5, 1) δρυῦμετον (дубовая роща). Племя толистобогиев было самым западным, его центром был фригийский Пессинунт с его знаменитым святилищем Великой матери богов; тектосаги концентрировались к северо-востоку от толистобогиев вокруг Анкиры; трокмы жили за рекой Галис, их центром было поселение Тавиум.

Галаты проявляли постоянство в сохранении верности римлянам; Митридат поэтому убил тетрархов и конфисковал их имущество. Помпей сохранил за царьками (reguli) власть над их областями, но тетрарх Дейотар постепенно прибрал к рукам владения остальных двух и с 44 г. признан «царем». После смерти Дейотара (41 г.) Антоний передал Галатию Аминте, владевшему также Писидией, частью Ликаонии и Памфилии. За услуги в гражданской войне Октавиан после Акциума дал ему еще Суровую Киликию. Аминта выразил свою преданность Риму, подавляя местные разбойничьи племена, воюя с пиратами. Август охотно пользовался услугами Аминты, но когда в 25 г. Аминта погиб в борьбе с племенем homonadenses, Август объявил себя его наследником и превратил владения Аминты в императорскую провинцию.

Галатия в тесном смысле слова (область трех племен) представляла для Рима сама по себе небольшую ценность. Это гор-

* См. F. Stählin, Geschichte der kleinasiatischen Galater, 1907, стр. 7.

ное плато, мало пригодное для земледелия. Климат континентальный, с суровыми зимами. Центральное плато безводно, только в очень глубоких колодцах можно найти воду. Озеро Татта настолько солено, что, по словам Страбона, птица, задевшая крылом воду озера, тяжелеет от осевшей на крыле соли и падает. В Соатрах, отмечает Страбон (XII, 6, 1), вода п р о д а е т с я. Условия жизни здесь были примитивны. Война еще была промыслом. Городская жизнь не развилась. «Невдалеке от Пессинунта, — пишет Страбон (XII, 5, 3), — течет река Сангарий. Подле нее находятся другие места жительства фригийцев — Миды, а еще раньше Гордий и некоторые другие. Теперь они не представляют и следов городов; это — деревни, несколько обширнее прочих». Даже Анкиру Страбон не называет πόλις, а лишь φρούριον — укрепленное местечко. Соатры — κωμόπολις, обе Исаврии (Новая и Старая) — κῆμαι; «есть и другие, все они — разбойничьи поселки» (ἀγροτῶν ἄπασαι κατοικίαι). Исаврия вообще упорно держалась первобытной старины. Еще Аммиан Марцеллин говорит о исаврах (XIV, 2, 1), что «им привычно часто усмиряться и столь же часто неожиданными набегами вносить всюду смутнение».

Писидия в северо-восточной горной своей части, входившей в состав Галатии, также была населена еще полуварварскими и варварскими племенами, жившими в небольших селениях, сохранивших общинную организацию; «города» здесь были скорее убежищами, чем политическими или экономическими центрами.*

Но эта полудикая страна — Галатия — была важна для римлян как форпост в борьбе с Парфией и Арменией. Прежде дорога от Боспора к Евфрату шла от Никомедии, пересекая Сангар, через Вифинию, Кратею, пересекала Амний и Ирис при слиянии с Ликом и только после этого отходила от побережья Понта и направлялась на юг к Никополю и затем к Евфрату. После замирения (при помощи галатов) непокорных варварских племен путь от Никомедии шел через Юлиополь в Анкиру, откуда открывались дороги на север к Понту, на восток — к границе, на юг — к Киликии. Строительство дорог здесь было одной из важных забот римского правительства. В 6 г. до н. э. проложена дорога от Апамеи Киботос до Икония. На севере в 122 г. прокладывалась дорога, от которой сохранились столбы с надписью: «7 миль» и «16 миль» (IGRR III, 138, 145).

Перипетии борьбы на восточной границе империи определяли и изменения в территориальных границах Галатии. В 5 г. до н. э. к ней присоединена Пафлагония, во 2 г. до н. э. — Pontus

* См. А. Н. М. Jones, The cities of the eastern Roman provinces, стр. 127, 411.

Galaticus, в 64 г. — Pontus Polemoniacus, в 65 г. — Малая Армения. Веспасиан в 74 г. присоединил и Каппадокию, так что провинция называлась Галатия — Каппадокия — Армения — Пафлагония — Понт — Ликаония — Фригия. Но для борьбы с Востоком не было надобности оставлять в пределах провинции Галатии внутреннюю область Писидии, и Веспасиан присоединил ее к Ликии — Памфилии. Траян возложил задачу обороны против Востока на Каппадокию, выделив ее в отдельную провинцию; наконец, Антонин Пий около 138 г. отделил от Галатии Ликаонию и Исаврию, вошедшие в состав Киликии. «История провинции Галатии — это история политики римлян в их постепенном продвижении к границе на Евфрате, длительный, медленный процесс, в котором римский ум до крайности изоощрялся, чтобы влиять и давить, воспитывать и дисциплинировать население разнородных областей, включенных в провинцию Галатию».*

Присвоив наследство Аминты, Август, надо полагать, считал, что освоение новой провинции, замиренной благодаря энергичной деятельности Аминты, не представит затруднений. Верность галатских вождей выдержала все испытания, и императоры получили в них верных подданных. Вряд ли можно считать случайностью, что все три величайшие надписи, содержащие завещание Августа, — Monumentum Ancyranum, Monumentum Antiochenum, Monumentum Apolloniense — найдены на территории провинции Галатии. Здесь же найден интересный текст присяги (OGIS 532 = IGRR III, 137): «На третий год после двенадцатого консульства императора, сына бога Цезаря, Августа накануне мартовских нон ** на (общем собрании [π]α[ρ]ηγῶρεῖ ἀ[ρ]χωρεῖ) в Ганграх, присяга, совершенная населяющими Пафлагонию и торгующими у них римлянами: Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, всеми богами и богинями и самым Августом быть преданным Цезарю Августу, его детям и потомкам в течение всей жизни и словом, и делом, и мыслью, считая друзьями тех, кого они сочтут, и признавая врагами тех, кого они признают таковыми, и за их интересы не щадить ни тела, ни души, ни жизни, ни детей, но всячески претерпевать любую опасность ради их пользы. И если я узнаю или услышу, что говорят, замышляют или совершают противное им, донести об этом и быть врагом говорящему, или замышляющему, или делающему что-либо в этом роде. А кого они сочтут врагами, тех (клянусь) преследовать и поражать на суше и на море оружием и желе-

* W. M. Ramsay, Studies in the Roman Province Galatia, JRS XII (1922), стр. 164.

** 6 марта 3 г. до н. э. О датировке см. Dittenberger, ad locum.

зом. Если же я совершу что-либо противное клятве или не точно (στοιχοῦντως!) в соответствии с клятвой, я сам призываю проклятие на себя, на мое тело, душу, жизнь, детей и весь мой род, гибель и пагубу на все преемство мое и всех моих потомков; и пусть ни земля, ни море не примут тела моего и моих потомков и не приносят им плодов. Подобным образом принесли присягу все в стране в храмах Августа по районам (κατὰ τὰς ὑπαρχίας)—вряд ли здесь имеется в виду какое-то административное деление) у жертвенников Августа. Подобным образом Фазимониты, населяющие (город), ныне называемый Неаполем,* все принесли присягу в храме Августа у жертвенника Августа».

Культ императоров принял в Галатии необычайный размах. Судя по приведенной надписи, уже при Августе страна покрывалась храмами и жертвенниками Августа. Народ галатов в целом, в лице его κοινόν объявляет себя жрецами Августа (CIG 4039: τὸ κοινόν Γαλατῶν ἱερασάμενον θεῷ Σεβαστῷ). На том же храме в Анкире, где высечена «царица надписей», имеется также надпись в честь императора и богини Румы: Γαλατῶν [τ]ὸ [κοινόν] ἱερασάμενον θεῷ Σεβαστῷ καὶ θεῇ Ρῶμῃ (OGIS, 533). Культ был обставлен особенно торжественно, выработаны сложные церемонии. В составе жреческой коллегии имеется σεβαστοφάντης ** (IGRR III, 173, 194, 195, 204, 225, 230, 232) и σεβαστοφάντισσα (III, 162), выполнявшие, повидимому, какую-то мистерию, где жрец и жрица играли роль Августа и его жены или богини Румы. Особенно интересен конец надписи IGRR III, 162: τὴν εἰκόνα τοῦ κυρίου Σεβαστοῦ καὶ τὸν τίτλον σὺν ταῖς γραφαῖς τοῖς ἱεροῦργοῖς — «поставил на свои средства Тиб. К. Стратоник». Отсюда мы узнаем, что существовал какой-то письменный богослужебный устав (γραφαί) культа императора, во всяком случае в 101—102 гг.***

Как мы видим из надписи IGRR III, 230, а также по монетам, галаты в целом именовались Σεβαστηνοί; такой же титул приняли отдельные племена: ὁ δῆμος Σεβαστηνῶν Τολιστοβωγίῳ Πεσσινουντίῳ (ibid. 226); Σεβαστηνοί были и анкирские тектосаги, и трокмы в Тавии.**** Галаты иногда принимали имя даже императорского легата.

При таком положении вещей кажется удивительным, что Галатия совсем почти не получила от римского правительства никаких «благоденствий», а собственно Галатия, область трех

* Фазимон был переименован в Неоклавдиополь.

** Себастофант встречается также в некоторых вифинских надписях IGRR III, 22, 63, 69.

*** Датировку надписи см. W. M. Ramsay, ук. соч., стр. 166—168.

**** H e a d., Historia numorum, стр. 629, 630.

племен, — меньше всего. Плиний насчитывал в провинции Галатии 195 *populi ac tetrarchiae* (NH V, 146—147); лишь несколько десятков из них известны по монетам, остальные нам совершенно не известны; по всей вероятности, плиниевы *populi ac tetrarchiae* в подавляющем большинстве были незначительными сельскими общинами. Но мы не видим усилий со стороны Рима создать здесь городскую жизнь. Лишь несколько городов получили звание колонии: Антиохия (Strab. XII, 8, 14), Герма (Head 748), Иконий (с Адриана), Листра и несколько других поселений на *via Sebaste* — Палаис, Олбаса, Кремна, Романа (Strab. XII, 6, 5; CIL III, 6974, 14410a, b, c). И только Антиохия получила *ius italicum* (Dig. L, 15, 8, 10). Даже Анкира, резиденция легата провинции, долгое время продолжала оставаться *procurio*; лишь с 80 г. она чеканит монету, но не от своего имени, а от имени *Σεβαστῶν Τεχνοσάχοι* (вообще *κοινόν* чеканило монету от Клавдия до Траяна).

Такое отношение к Галатии было в порядке вещей. Римляне на Востоке использовали греческие полисы в интересах управления и в интересах государственно-хозяйственных. Лишая их, с одной стороны, реальной свободы и самоуправления и награждая их, с другой стороны, пустыми титулами, римское правительство находило в них опору для своей власти и финансовую базу. Объективный смысл единства империи ускользал от внимания римских правителей; они еще в меньшей мере, чем Селевкиды, делали ставку на урбанизацию провинций. Египет оставался при римлянах страной без городов в античном смысле этого слова; Египет был в первую очередь доходной статьей, и даже реформа Севера преследовала прежде всего фискальные цели. И в Галатии римские правители поддерживали только существовавшие до них города в юго-западной части провинции, тяготевшие к более развитым экономическим провинциям Фригии, Киликии, Ликии и Памфилии; вместо того чтобы поднять Галатию до уровня этих провинций, римляне в конце концов просто отторгли от нее наиболее развитые области Писидии, Ликаонии, Памфилии и другие и ввели Галатию в ее естественные границы.

Управлял провинцией *legatus Augusti pro praetore* (πρεσβευτῆς Σεβαστοῦ ἀντιστράτηγος IGRR III, 184, 186; πρεσβευτῆς καὶ ἀντιστράτηγος *ibid.* 223, 273; πρεσβευτῆς, *ibid.* 262; ἀντιστράτηγος *ibid.* 221 и т. д.). Иногда он в надписях именуется в более общем виде *ἡγεμὼν* (IGRR III, 154, 162, 171, 189). Правитель провинции был консуляром, когда приходилось вести военные действия; пропретор не имел в своем распоряжении легионов; созданное Дейотаром войско по образцу римского было преобразовано в легион (*legio XXII Deiotariana*), стоявший в Египте. Таким консуляром был Тиберий Юлий

Север во время парфянского похода 114—115 гг. (IGRR III, 123).

При легате состоял прокуратор, ведающий, надо полагать, специально финансами. Он именуется ἐπίτροπος Γαλατικῆς ἐπαρχείας (IGRR III, 264, 54 г.), ἐπίτροπος τῶν Σεβαστῶν Γαλατίας (ibid. 181), ἐπίτροπος τοῦ Σεβαστοῦ (ibid. 317, 318). О канцелярии прокуратуры свидетельствует надпись IGRR III, 168 (Анкира), «вольноотпущенника трех августов» (Севера, Геты и Каракаллы), табулярия, в честь своего патрона «превосходительного прокуратора трех августов Авфидия Юлиана» (ср. ibid. 169, 170). В надписи из Тавии (ibid. 238) назван δι'ορθωτῆς [ἐπα]ορθωτῆς (т. е. corrector) Γαλατῶν Τρόχμων (III в.). В Иконии в 54 г. был πρίνκεψ καὶ λοτιστῆς-princeps et curator; куратор упоминается и для Антиохии (IGRR III, 264, 304). Ἐπίτροπος τῶν κυρίων ἡμῶν ἐπὶ λούδων (a muneribus) упоминается ibid. 187.

В собственно Галатии и под римским владычеством сохранилась племенная организация, и мы находим титул ἐπίτροπος Γαλατικῆς ἐπαρχείας καὶ τῶν σύνεγγυς ἔθνων («прокуратор галатской провинции и соседних племен», Ath. Mitt. XII, 182). Τὰ ἱερὰ ἔθνη — три племена — продолжают фигурировать в источниках. В большой Анкирской надписи (OGIS 533) с перечислением благодеяний городу со стороны местной знати говорится между прочим о благодетеле, который раздавал угощение и масло «трем племенам»; другой «выдавал масло (для натирания) двум племенам целый год»; дальше говорится о всенародных угощениях двум г о р о д а м (Пессинунт и Анкира); очевидно, ἔθνη и πόλεις совпадают здесь по значению, все же термин ἔθνος сохраняет еще реальное содержание не только при Тиберии, но и позднее, во II и III вв. Анкира — город тектосагов, Тавий — трокмов, Пессинунт — толистобогиев. Старые племенные традиции были устойчивы благодаря сохранению сельского общинного уклада; κομπολεις, о которых говорит Страбон, не исчезли и позднее. В Галатии можно найти объединение нескольких селений с центром в μεσοχώριον (IGRR III, 154).

Нивелирующая сила империи сказывалась в отсталых районах слабо, ибо они имели мало выгод от включения в состав мировой империи. Единства между разнородными племенами не получалось. В Аполлонии существовавшая там колония фракийцев, выходцев из Ликии, имела собственную организацию ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος Ἀπολλωνιατῶν Λυκίων Ὀρχαίων κολωνῶν, сохранявшуюся веками (IGRR III 314, 317, 318, 324). В Кесарее Адрианополе βουλὴ и δῆμος не забывают именовать себя προσειλημμενῖται — «присоединенные» к Галатии из Вифинии (ibid. 148).

Даже внутри владений «трех племен» существовало племенное соперничество. В Пессинунтском храме высшие пять жреческих мест принадлежали, повидимому, местному жреческому роду, а галатам предоставлены были следующие пять мест. Только этот смысл может иметь текст надписи (OGIS 540 = IGRR III, 230), по которой знатный галат Гера был «десятым после верховного жреца, пятым же из галатов пожизненным жрецом Великой матери богов в Пессинунте и Мидэе». Здесь долго сохранялись местные языки. Еще Иероним («к Галатам» 2, 3) застал в живых галатский язык, сходный с диалектом, на котором говорили в Трире. В «Деяниях апостолов» XIV, 11 народ в Листре «возвысил свой голос, говоря по-ликаонски». В IV в. встречается еще эллинизированный кельтский бог Reus Boussaurigios.* Галатская знать не забывала своего происхождения от вождей и «царей». Конечно, вполне естественно, что в надписи времен Тиберия (OGIS 533) сын последнего царя Аминты — Пилэмен — напоминает о своем царском роде. Но и в середине II в. надпись в честь Юлия Севера подробно перечисляет его родственные связи: «Потомок царя Дейотара и тетрархов Аминты Бригата и Аминты Дориала, царя Азии Аттала» и т. д. (IGRR III, 173). Потомком царей названа и жена Юлия Севера, носящая галльское имя Каракилая (ibid. 190). В стихотворной эпитафии, возможно, III в. покойник говорит о своем отце, что он ἐν δῆμοις ἄρχειν πέλεν ἐκ βασιλῆος (ibid. 146, стр. 7).

В Анкире было двенадцать фил (IGRR III, 208: αἱ δώδεκα φυλαί), имевших своих филархов. Соблазнительно думать, что это — двенадцать тетрархий Страбона. Но они именуются либо по номерам (IGRR III, 192), либо трафаретными прозвищами (Nea Olympia и т. п.), лишь четыре имеют местного происхождения имена: (первая) Μαρουραῖη (ibid. 194, 199), (седьмая) παρακα... λινῇ (ibid. 173), (третья) Μηνοριξειτῶν (ibid. 202), (пятая) Διαγέξων (ibid. 191; CIG 4020). Эти имена не поддаются ясному толкованию. Фила Μηνοριξειτῶν, вероятно, связана с именем бога Мена; Мен был «отечественным богом» Антиохии (IGRR III, 303). Судя по посвянительным надписям, филы играли в Анкире значительную роль.

Превращение «городов» собственно Галатии в города римского типа было процессом медленным и длительным. Как на монетах, так и в надписях города продолжают оставаться центром племен, а не организованной по римскому образцу территории. Анкира называется в надписи (IGRR III, 180) «метрополия Галатии Σεβαστή Τεκτοσάγων», и даже просто пишут: ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος Σεβαστηῶν Τεκτοσάγων (CIG 4010).

* JHS 1910, стр. 164.

В Пессинунте называется в надписи (IGRR III, 226) ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος Σεβαστηνῶν Τολιστοβωγίων Πεσσινουντίων. О Тавии ничего не известно как о городской организации; в надписи (IGRR III, 238) назван «корректор Γαλατῶν Τρόκιων», т. е. город даже не назван, а только племя трокмов. Анкира с течением времени (во II в.) получила обычную городскую конституцию — ведь это была метрополия, резиденция легата. Но не βουλὴ καὶ δῆμος, не политическая организация и муниципальные интересы, а императорский культ был организующим началом в создании городского строя Анкиры. Κοινόν, бывшее в провинциях с давно установившейся системой полисов объединением этих полисов, в Галатии было, наоборот, исходным пунктом для организации Анкиры как римского города. Судя по монетам и ранним надписям, κοινόν Γαλατῶν (или κοινόν Σεβαστηνῶν Γαλατῶν), имевшее свой центр в Анкире как резиденции легата, играло руководящую роль в общественной жизни Анкиры;* κοινόν было проводником эллинизации; галатарх, архиерей получал иной раз титул элладарха (IGRR III, 244, 202), «первого из эллинов» (ibid. 173).

В датированной надписи βουλὴ καὶ δῆμος в Анкире встречается лишь с середины II в. Во II—III вв. Анкира приобретает городскую конституцию и получает соответствующие титулы «славнейшая метрополия» (IGRR III, 206), «метрополия Галатия, дважды неокор» (ibid. 237) и т. п. Аналогичные титулы имеют Антиохия, Листра и др. В городах Писидии, Ликаонии, Пафлагонии, тяготевших больше к Фригии, Ликии, Вифинии, в основе организации городского управления лежали эллинистические традиции. В Анкире эта организация насаждалась искусственно.

Что касается κοινόν, оно, судя по спискам в надписях (OGIS 533; IGRR III, 162), состояло из отпрысков царского рода, земельной знати и богачей, и вполне справедливо предположение W. M. Ramsay (ук. соч.), что члены κοινόν назначались Августом и его легатами, да это и вообще соответствовало римской политике подавления демократии в провинции.

Состав βουλῆ определялся, вероятно, цензом и служебной карьерой, как это мы знаем по переписке Плиния для Вифинии. Списки булевтов составлялись и проверялись булографом (IGRR III, 179, 206). Гражданством в Анкире пользовалось не все городское население. Здесь существовала должность полито-

* Вряд ли галатское κοινόν включало какие-нибудь области вне собственно Галатии. Но нет данных о κοινόν вне собственно Галатии. Пафлагониарх IGRR III, 134 — конъектура; в надписи сохранилось только ... αρχης. Вышеприведенная присяга пафлагонцев в Гангре принята без участия κοινόν. Позднее метрополией Пафлагонии называет себя Помпейополь.

графа (ibid. 179, 204), обязанность которого состояла, надо полагать, в ведении списка граждан, в периодической проверке и пополнении его. Диттенбергер в связи с этим приводит (к 547) надпись CIL suppl. III, 6928, в которой завещатель оставляет денежный фонд civitati Nacolensium с тем, чтобы проценты с него шли на ежегодные раздачи гражданам politographia facta, т. е. после проверки списков.

В надписи OGIS 534 упоминается γερουτεία, но идет ли речь здесь о почетном звании или о членстве в герусии, по этой надписи нельзя установить. Упоминания эkkлeсии (IGRR III, 192, Анкира: τιμηθέντα ἐν ἐκκλησίᾳ; ibid. 226, Пессинунт: τιμηθέντα ἐν ἐκκλησίαις) не говорят о том, что в Галатии функционировало народное собрание: речь идет о публичном провозглашении постановлений о награждении того или иного магистрата.

Городские должности в Галатии те же, что и в других провинциях: ἄρχοντες во главе с πρῶτος ἄρχων, агораном, гимнасиарх, эпимелет, принарх; в надписях не встречаются названия должностных лиц, руководивших βουλή: πρόεδρος, γραμματεὺς и т. п.; отсюда, конечно, рискованно было бы делать какой-либо вывод, тем более что надписей из Галатии вообще дошло мало; но если принять во внимание, что в посвяtitельных надписях обычно подробно перечисляются все honores чествуемого лица, отсутствие упоминания о руководящих должностях в βουλή позволяет думать, что βουλή не было постоянно функционирующим авторитетным учреждением.

Самыми почетными были должности, связанные с культом императоров: галатархи, архиереи (мужчины и женщины), себастофанты и т. п.

Как и в других провинциях, почетные магистраты жертвовали значительные суммы на раздачи хлеба, умашений, устройство игр, содержание общественных зданий. Щедроты магистратов были базой городских финансов.

Скудость источников о Галатии особенно чувствительна при попытке изучения ее экономики. Степной район собственно Галатии был не очень богат естественными ресурсами. Земледелие могло приносить мало выгод в безводных районах вокруг соленого озера Татты; зато здесь, по Страбону (XII, 6, 1), водились «изумительные овцы», правда, с жесткой шерстью. Некоторые лица составили себе из них огромные богатства; так, Аминта содержал в этих местах более 300 стад овец (ποίμνας). На обширных пастбищах еще бродили дикие ослы. Галатских мулов Плутарх (de cupid. div. II) называет в числе предметов роскоши, которые доводят богачей до разорения. Наряду со скотоводством большое место занимали в хозяйстве земледелие и садоводство; вина здесь было мало, оливок не было,

зато было много фруктовых деревьев (яблони, груши, орехи). В Пессинунте засвидетельствован союз садоводов ([σ]υ[σ]τῆμα-
[τ]ος κηπουρῶν). * Земля и скот были основным богатством
галатских царей. Если Аминта имел триста стад, то и Дейо-
тара Циперон называет «прилежнейшим земледельцем и ското-
водом».

В соответствии с природными условиями население Галатии
было, надо полагать, редким. Никаких статистических данных
в нашем распоряжении нет. Исходя из общих соображений,
Broughton ** предлагает следующие цифры народонаселения
провинции:

Писидия и Памфилия, площадь 8 515 кв. миль (пло- дородная равнина, несколько значительных городов)	800 000
Собственно Галатия, площадь 15 625 кв. миль (го- родов мало, преобладают пастбища)	500 000
Ликаония	16 015 » » 400 000
	40 155 1 700 000

Наличие шерсти, которую хвалит Плиний (NH 29, 13),
содействовало развитию текстильного производства и торговли
готовым платьем. В сильно фрагментированной надписи (IGRR
III, 228) Траян благодарит пессинунтцев за подарки: два
φιβλάτορια (fibulatoria — плащи с застежками, ср. эдикт Дио-
клетiana de pretiis XIX, 16), два воза τριτίων (trilix, «тройная»
ткань из двух тонких и одной грубой нити, ср. эдикт Диокле-
тиана XIX, 28). В Expositio totius mundi (ок. 350 г.) говорится,
что в Галатии много торгуют платьем.

Но основным занятием населения было сельское хозяйство.
О том, как распределялось земельное владение и каково было
положение непосредственных производителей, мы имеем мало
данных. У рачительного «земледельца и скотовода» Дейотара
и у владельца стад Аминты были, надо полагать, обширные
земли, на которых сидели λαοὶ βασιλικοί. Август, получив
«наследство» от Аминты, сохранил, по всей вероятности, за
собой право верховного собственника на царскую землю. Но по-
томки Аминты (Пилэмен, OGIS 533) остаются богатыми людьми.
Очевидно, часть земли была им оставлена. Об императорских
имениях в Галатии материалы случайны и невыразительны.***
Наличие рабов и вольноотпущенников Августа и Ливии с име-
нем Amyntiani, раба Калигулы с именем Palaemenianus сви-

* «An economic survey of ancient Rome», v. IV, стр. 884.

** Там же, стр. 815.

*** См. O. Hirschfeld, Der Grundbesitz der römischen Kaiser
in den ersten drei Jahrhunderten, Kl. Schrift., стр. 516 сл.; T. R. S. Broug-
hton, An economic survey of ancient Rome, v. IV, стр. 587 сл.
Много внимания уделяет вопросу об императорских имениях в своих
многочисленных исследованиях Малой Азии W. M. Ramsay.

детельствует, что земельные владения Аминты и его сына Пилэмена вместе с рабами достались императорам. Прокуратор Августа в Галатии, надо полагать, был управляющим императорскими имениями. В надписи IGRR III, 335 сообщается, что прокуратор Л. Пупий Презент (64 г.) произвел размежевание земель, «чтобы находящаяся справа была отнесена к сагалассийцам, а слева — к селению тимбрианассийцев». В ликаонской надписи (ibid. 240) назван «верна (раб-выкормленник) господина цезаря, иринарх». Полицейская должность иринарха была литургией, которую выполняли местные граждане. Иринарх = царский раб может означать только представителя полицейского надзора в императорском имении. Об императорском имении, возникшем путем «наследования» или конфискации частного владения, говорит надпись, опубликованная J. G. C. Anderson'ом;* здесь говорится о сооружении храма со статуями на средства прокуратора Клавдия Валериана, экономом (= вилик) χωρίων Κωνσταντίνου. Очевидно, императорским имением было (при Адриане) земельное владение, принадлежавшее раньше Консидию, — *praedia Considiana*. В Ликаонии ряд надписей свидетельствует о существовании там императорских имений. «Вольноотпущенник прокуратор Августа» воздвигает надгробие рабу (θρεπτῷ) (IGRR III, 243). Другая надпись (ibid. 250) посвящена вольноотпущенникам Августа Элием Тertiем ἀπελευθέρῳ καὶ θρεπτῷ Гермофилу. Верна (раб, выращенный в доме) Августа καγκελλάριος (*cancellarius*) посвящает надпись отцу Аврелию Хрисанфу и матери рабыне (δοῦλῃ) господина (т. е. императора) (ibid. 256). В Иконию стелу воздвигает Ὁνήσιμος Καίσαρος, т. е. раб Цезаря (ibid. 266). В некоторых надписях упоминается верна без указания его владельца (ibid. 253, 254); но само применение латинского термина οὐρανός говорит о его принадлежности римскому владельцу, скорее всего императору.

Что касается крупного частного землевладения, то о нем прямых сведений еще меньше. Конечно, мы вправе утверждать, что лица, обогатившиеся, по словам Страбона, разведением овец, не перевелись при империи. Благодетели, раздававшие населению масло, хлеб, устраивавшие за свой счет игры и т. д., могли извлекать свое богатство только из эксплуатации земельных владений. Есть и прямые свидетельства. Кроме уже упоминавшихся *praedia Considiana*, известны и *praedia Quadratiانا*, перешедшие во владение императора. Надпись (CIL III, 265) упоминает Юлия Фортуната, прокуратора Флавия Аудакса. О размере земельного владения Сергия Павла можно судить по тому, что относящиеся к нему надписи найдены в местах,

* «An imperial estate in Galatia», JRS XXVII (1937), стр. 18 сл.

отстоящих на 20 км друг от друга. Женщина-эконом Валерия [Лон]га упоминается IGRR III, 279. Л. Септимий Аппиан чтит память угодившего ему прагматевта (ibid. 257). Крупное имение называется, как и в других местах, χωρίον или κτήσις.

У нас нет данных о том, как велось хозяйство на земле, каково было положение непосредственных производителей. По всей вероятности, на земле работали прежние λαοὶ βασιλικοὶ в качестве наследственных арендаторов, вносивших свою плату натурой, что давало возможность крупным собственникам, вроде Юлия Севера, царского сына Пилэмена или носителя кельтского имени Альбиорига, сына Атепорига, накапливать большие количества хлеба. Рабы, упоминающиеся в надписях, это — управители, надзиратели, экономы. Раб Комод (δοῦλος) в надписи IGRR III, 252 ставит памятник своему одиннадцатилетнему сыну и одновременно, еще при жизни, себе и жене; он, следовательно, тоже не рядовой раб, а занимает привилегированное положение.

Как жилось земледельцам, мы не знаем; при натуральном характере хозяйства ограниченные потребности покрывались кое-как, а в городах щедроты магистратов, подачки богачей составляли необходимую статью бюджета; при первом стихийном бедствии или неурожая население оказывалось на грани голода. О нужде в хлебе говорит надпись IGRR III, 206; другая надпись говорит о многократно наступавших «тяжелых временах» (ibid. 226). Не малым бедствием были варварские нашествия (βαρβαρικάι ἐφοδοί, ibid. 206) и постоянная война (например, ibid. 173).

Галатия не извлекла существенной пользы от включения в состав империи. Масса населения только переменяла хозяев, получив более искушенных и беспощадных властителей, не желавших считаться со старым патриархальным укладом, но не сумевших поднять экономику страны. Императорский культ объединил высшие круги галатского общества и содействовал их медленной эллинизации; но не видно, чтобы эллинизация или романизация коснулись широких слоев населения. Этим, вероятно, объясняется, что христианство туго прививалось здесь. Хотя, по свидетельству «Деяний апостолов» XIV, Павел вел свою пропаганду в наиболее развитых районах провинции — в Антиохии, Иконии, Листре, Дербе, ему не удалось преодолеть иудейскую пропаганду. «Послание к Галатам» говорит об упорстве, с каким держались здесь ветхозаветного «закона», а к язычникам в собственно Галатии христианство до середины II в., по видимому, вовсе не проникло.

КАППАДОКИЯ

В противоположность Галатии, сохранившей в общественном строе и в быту значительные элементы варварства, Каппадокия, самая восточная провинция Римской империи в Малой Азии, — страна, где цивилизация возникла в далекой древности. Еще в III тысячелетии до н. э. здесь была ассирийская колония. Возможно, что на ее месте возник в эллинистическую пору город Аниса, исчезнувший затем в I в. * Каппадокия составляла важную основную область Хеттского царства. Тем не менее природные условия, изолировавшие Каппадокию как от Черного моря, так и от южного берега Малой Азии и предоставлявшие неудобные пути сообщения с западным берегом, законсервировали Каппадокию, задержали и замедлили ее эллинизацию. После смерти Александра Каппадокия досталась Евмену; но ее еще только предстояло завоевать, так как сам Александр не захватил ее. Эллинизация слегка затронула высшие круги общества, но масса населения сохранила родной язык, старые условия быта. Как показывают немногочисленные надписи из Каппадокии, наряду с официальным греческим языком продолжал применяться арамейский, бывший официальным языком со времен ассирийского владычества в Передней Азии. И в римский период греческий и латинский языки не проникли в Каппадокию дальше городов, а в городах — дальше ограниченного круга лиц, которым приходилось непосредственно иметь дело с римлянами.

В Каппадокии особенно ясно проявляется административная политика римлян в организации провинций, отмеченная Страбоном (XIII, 4, 12); римляне не считались с этническими и с исторически сложившимися политическими делениями. До 17 г. н. э. Каппадокия оставалась под властью царя Архелая, носившего, кроме греческого, местное имя Сисин. После почти

* См. F. Cumont, A propos d'un decret d'Anisa en Cappadoce, REA, XXXIV (1932), стр. 135.

пятидесятилетнего царствования Архелай был смещен Тиберием, а Каппадокия была превращена в прокураторскую провинцию. Хотя Архелай был вызван в Рим для ответа по обвинению в каких-то замыслах против империи (Dio Cass., LVII, 17), но процесс, повидимому, не привел к обвинению Архелая;* упразднение царства в Каппадокии было вызвано внешнеполитическими причинами.

История провинции Каппадокия тесно связана с историей взаимоотношений Рима с Арменией и Парфией. Эти взаимоотношения определяли и изменения границ провинции и ее статус в разное время.

Во время войны против Армении и Парфии при Нероне Корбулон, по сообщению Тацита (Анн. XV, 25), получил чрезвычайные полномочия, почти такие, «какие римский народ дал некогда Помпею, когда ему поручено было вести войну с пиратами». Гражданское управление при этом оставалось незатронутым, Каппадокия попрежнему управлялась прокуратором.** Но, повидимому, к Каппадокии была присоединена Равнинная Киликия, так как в надписи, опубликованной Колдером,*** мы находим посвящение некоему Прокулу, *procuratori Nero[nis Cl]audii Ca[esaris] Aug(usti) Germa[nici] [pr]ovinciae [Capp]adociae et Ciliciae*.

Когда с парфянами был заключен длительный мир, а на престол Армении сел коронованный Нероном Тиридат, не было, казалось, оснований для усиления военной охраны Каппадокии. Однако, как сообщает Светоний (Vesp. 8), Веспасиан «из-за постоянных набегов варваров» дал сюда легионы и поставил во главе провинции правителя консуляра вместо всадника.**** Gwatkin склонен считать, что под «набегами варваров» надо понимать давление со стороны сарматских племен и особенно аланов.***** Гораздо более вероятно, что расквартирование в провинции двух легионов имело целью не защиту против варваров; легионы были предназначены *Armeniae retinendae*,

* См. W. S. Gwatkin, *Cappadocia as a Roman procuratorial Province*, The University of Missouri Studies, V, 4 (1930), стр. 7—16. Что Архелай, возможно, в самом деле был настроен против Рима, можно вывести из того, что в противоположность своим предшественникам, называвшим себя *φιλοφύαιοι*, Архелай в своих надписях (OGIS 357—361) именуется себя *φιλόπατρις*.

** См. W. S. Gwatkin, *ук. соч.*, стр. 41 сл.

*** JRS II (1912), стр. 99 сл.

**** Это обстоятельство подтверждает предположение Ф. Горовица («Le principe de création des provinces procuratoriennes», *Rev. Phil.* XIII, 1939, стр. 47 сл., 218 сл.), что прокураторами управлялись пограничные провинции, в которых не было стоянки легионов. Когда в Каппадокии были размещены два легиона, управление перешло к легату.

***** *Ук. соч.*, стр. 57 сл.

как в свое время именно для этого был назначен Корбулон (Т а с., App. VIII, 8); неудачи во время нероновых войн показывали, что Каппадокия — уязвимое место, что здесь надо постоянно содержать сильное войско и, следовательно, надо из прокураторской провинции превратить Каппадокию в провинцию, управляемую легатом консуляром. Вместе с тем надписи показывают, что Каппадокия была при Флавиях объединена с Галатией, Писидией, Фригией, Ликаонией и другими районами центральной и восточной части Малой Азии. Только после завоевания Армении и образования новой провинции — Армении, быстро, впрочем, ликвидированной, Каппадокия вошла, наконец, в постоянные границы, в которых оставалась до Диоклетиана, под управлением легата консуляра.

Кроме собственно Каппадокии, в состав провинции входили Pontus Galaticus, Pontus Polemoniacus и Малая Армения.

Каппадокия и, особенно, Малая Армения занимали важное место в системе обороны восточных границ империи. Поэтому здесь велось интенсивное строительство стратегических дорог.* Об этом строительстве говорят не только древние географы и итинерарии, но и многочисленные надписи; особенно много этих надписей сохранилось от III в., когда угроза со стороны Парфии, а затем ново-персидского царства Сассанидов стала вполне реальной (CIL III, 12162—12211 и др.; IGRR III, 131). Узлами дорог в Малой Армении были на севере Сатала, на юге — Мелитена, откуда дороги расходились веером во все стороны.

Понятно, что строительство дорог имело последствием усиление связей как внутри провинции, так и с другими областями империи и с Великой Арменией. Вообще же Каппадокия в период империи, как и в период эллинизма, оставалась отсталой страной, где не развилась городская жизнь, а аграрные отношения долго сохраняли многие примитивные черты, свойственные древневосточным обществам.

Источники о Каппадокии очень скудны — случайные упоминания в литературе и очень небольшое число надписей, из коих большинство относится не к Каппадокии в собственном смысле, а к областям Понта, входившим в состав провинции. Лучше представлена Каппадокия в монетах, но этот источник по самому характеру своему мало выразителен.

Каппадокия — страна небогатая. Горное плато отличается континентальным климатом, неблагоприятным для произрастания южных злаков и плодовых деревьев. Страбон отмечает (XII, 2, 1), что Мелитена — единственная область в Каппадокии, занятая садовыми культурами, где растут оливы и произво-

* См. V. Chapot, La frontière de l'Euphrate de Pompée à la conquête arabe, P. 1907, стр. 347 сл.

дится монархическое вино, соперничающее с греческим. О городе Мазаке (позднейшей Кесарии) и его территории Страбон сообщает, что это непригодное для жилья место, ибо лишено воды, а окружающая земля, хотя и равнинная, совершенно бесплодна и не обработана. Скотоводство, повидимому, занимало больше места в сельском хозяйстве провинции (Str. XII, 7, 10). По сведениям Страбона (XII, 17, 8), Каппадокия давала персам ежегодно, кроме денежной подати, 1500 лошадей, 2000 мулов и 50 000 овец. Коневодство было развито в Каппадокии издревле, еще со времен Хеттского царства, и продолжало занимать видное место в хозяйстве провинции. В конфискованном императором Валерианом имении некоего Палматия разводили славившихся своей резвостью equi Palmatii, которые еще в V в. входили в состав grex dominicus, находившегося под управлением особых praepositi.*

В Каппадокии добывалось железо (Plin. NH 34, 142). Учреждение в Мазаке (Кесарии) как бы центра по чеканке римской монеты, притом серебряной, позволяет предполагать, что здесь разрабатывались серебряные руды. В Каппадокии добывались и минеральные краски; особенно хвалит Страбон минерал μέλας (XII, 3, 10). В Каппадокии добывался оникс и какой-то белый камень, цветом напоминающий слоновую кость, из которого изготовляли рукоятки для мечей и зеркала; этот камень экспортировался (ibid.). Этими камнями, которые Плиний (NH 36, 46) называет phengis, Домициан, как рассказывает Светоний (Dom. XIV), облицовывал стены портиков, в которых обычно гулял, чтобы видеть на их зеркальной поверхности, что происходит позади него.

Каппадокия, таким образом, обладала естественными ресурсами, представлявшими значительный интерес для римского правительства, эксплуатировавшего их. Масса же населения должна была существовать на те скудные средства, какие скупой давали земледелие и скотоводство. Хозяйство было в общем бедное и не давало стимула для роста производства и обмена, для развития рабовладельческого способа производства. Включение провинции в состав империи здесь дало не столь заметные результаты в подъеме народного хозяйства, как в других провинциях Малой Азии.

Страбон указывает, что из десяти стратегий, на которые делилась Каппадокия во времена царей, только две имели города — Тианитис и Киликия. В первой метрополией был город Тиана, расположенный «у подножия Тавра перед Киликийскими воротами, где находятся самые удобные и обычные перевалы в Сирию» (XII, 2, 7). Другим городом была Мазака

* W. S. Gwatkin, ук. соч., стр. 22.

(Кесария). Хотя этот город расположен в бесплодной и безводной местности, цари выбрали это неудобное место для города, по предположению Страбона (XII, 2, 9), потому, что здесь был центр района, который имел «и дерево, и строительный камень, и пастбище, в котором они особенно нуждались как скотоводы». Других городов Страбон не знает, даже Мелитены, Страбон называет «укрепленные поселения» (φρούρια ἐρμυνά), «местечко» (πολίχμιον), «укрепление» (ἐρμα), κωμόπολις (XII, 2, 6).

Большое место занимали храмовые территории с крупными центрами полугородского типа. Это, во-первых, Комана Каппадокийская (Гieraполь), центр культа Ма; «там большое множество боговдохновенных (θεοφορητων) и храмовых рабов. Население — катаонцы, вообще подчиненные царю, но повинующиеся больше жрецу. Последний распоряжается храмом и храмовыми рабами, которых во время нашего пребывания там было больше шести тысяч, мужчин и женщин. К храму относится много земли, и доходом пользуется жрец, занимающий второе место в Каппадокии после царя; да и большей частью цари и жрецы принадлежат к одному роду» (Str. XII, 2, 3). В Веназе находился храм Зевса (Агура-Мазды) с «поселением (κωμική) храмовых рабов около трех тысяч и плодородной землей, дающей жрецу годовой доход в пятнадцать талантов» (XII, 2, 6). Третий прославленный храм принадлежал Зевсу Докийскому.

Все это рисует нам картину, гораздо более близкую к древневосточным социальным отношениям, чем к эллинистическим. В дополнение к сообщению, что Каппадокия делилась ранее на десять стратегий, мы узнаем от Страбона, что после победы над Антиохом римляне заключили дружбу с племенами и царями (πρός τε τὰ ἔθνη καὶ τοὺς βασιλέας), и честь эта была предоставлена каждому царю в отдельности и самому народу в целом (καὶ αὐτῷ δὲ τῷ ἔθνει κοινῇ, XII, 2, 11). Отсюда можно заключить, что царская власть здесь не представляла централизованной монархии. «Стратегии», как и выделенные храмовые территории, представляли более или менее независимые области, лишь номинально подчиненные верховной власти царя. Персидская монархия была плохо спаянным конгломератом племен и народов, а в период развала державы Ахеменидов сатрапы фактически стали независимыми правителями. В такой отдаленной и глухой области, как Каппадокия, правители отдельных «стратегий» также больше были связаны с местной территориальной общиной, чем с центральной властью сатрапа. Примитивные формы государственности позволяли этим «стратегам», представителям знатных родов, осуществлять полупатриархальную власть над своими соплеменниками, переда-

вая ее по наследству. О таких наследственных «сатрапах» в Малой Армении пишет Прокопий (*de aedif.* III, 1, 17): «Во главе остальной Армении, которая находится по сю сторону Евфрата, ... стояли пять сатрапов, армяне родом; в эту должность они вступали всегда по наследству и занимали ее до самой смерти. От римского императора они получали только знаки своей власти». О правителях соседней Софены говорится в *Cod. Theod.* XII, 13, 6, что они должны вносить *aurum coronarium* в пользу империи, как и все сатрапы, *secundum consuetudinem moris antiqui* (указ 387 г.).

Независимые фактически храмовые территории с порабощенным населением типичны для малоразвитого восточного общества с примитивными формами рабства. Низкий уровень производительных сил при небогатых естественных ресурсах страны не позволял использовать избыток рабов для расширения производства; храмы, цари и другие владельцы рабов находили больше выгоды в том, чтобы продавать рабов за пределы провинции. О каппадокийских рабах упоминают поэты Гораций, Персий, Марциал, Ювенал. Включение Каппадокии в состав империи содействовало разложению здесь старых более примитивных отношений. Известную роль здесь могло сыграть, наряду с развитием сети дорог, привлечение местного населения к службе во вспомогательных войсках и, быть может, даже в легионах.* Военная служба давала ветеранам римское гражданство, прививала им элементы греко-римской культуры, а поскольку *auxilia* располагались в самой провинции, они становились проводниками новых отношений и среди своих соплеменников. Само собой разумеется, что и в Каппадокии в той или иной степени сказывалась нивелирующая сила империи. Римляне отнюдь не были склонны делить власть с местными династиями и храмами и оставлять в неприкосновенности старый уклад. Но романизация провинции продвигалась туго. Городская жизнь, через которую прежде всего проявлялось римское влияние, в Каппадокии не достигла такого роста, как в соседних более экономически развитых провинциях. Еще и во II в. Птолемей попрежнему находит в Каппадокии главным образом поселения сельского типа — *κῆμαι*.**

Но все же, хоть и слабыми темпами, города в Каппадокии росли. Если Страбон знает только два города Кесарию-Мазаку и Тиану, то во II в. мы находим уже ряд городов, преимущественно в Малой Армении и Каппадокийском Понте: Сатала, Мелитена, Амасия, Севастополь, Севастия, Неокесария, Ко-

* Th. Mommsen, *Gesammelte Schriften* VI, стр. 20 сл.

** E. Kuhn, *Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reiches*, II, стр. 233 сл.

мана. Однако не все эти города чеканили монету, не все они получили тип организаций эллинистических городов.

Как возникали города, об этом дает нам представление рассказ Прокопия (*de aedif.* III, 4, 15—18): «Было местечко в так называемой в древние времена Малой Армении, недалеко от реки Евфрата, где стоял гарнизоном отряд римских воинов. Это местечко называли Мелитеной, а отряд — легионом. Здесь в прежние времена римляне выстроили укрепление в виде четырехугольника, на ровном месте. Оно было вполне достаточным для воинов как убежище, и здесь они хранили свои военные знамена. Впоследствии по воле римского императора Траяна это место получило звание города и стало столицей здешней страны. С течением времени город Мелитена стал большим и многолюдным. Так как строиться внутри стен было уже невозможно (как я сказал, это укрепление занимало очень небольшое пространство), они стали строиться на равнине около этой крепости; здесь они выстроили себе храмы, здания, правительственные учреждения, торговую площадь, лавки для различных товаров; они проложили всюду городские улицы, выстроили галлерей, бани, театры и вседругое, что служит для украшения большого города».*

Недостаточность имеющихся в настоящее время источников не позволяет установить, в какой мере в новых городах утвердился греческий тип их организации. Ничтожное количество надписей, найденных до сих пор в Каппадокии, само по себе может служить показателем слабого развития городской жизни. Почти нет вовсе надписей, восхваляющих щедрость магистратов. Единственная большая надпись в этом роде — OGIS 529 (Себастополь). *βουλὴ καὶ δῆμος* засвидетельствованы для Команы — Гиераполя (IGRR, III, 121, 125); здесь же засвидетельствованы пританы со смешанным именем Юлий Антоний Митра Аппа (125) и с чисто местным именем Майбузан (124), гимнасиарх, коллеги пританов и эпимелетов,** агораном (IGRR III, 115); архонты, *βουλὴ* и *δῆμος* упоминаются в Себастополе (*ibid.* III, 113, 114) и Себасте (*ibid.* 119). Амасия на монетах титулуется 'Αδριανεῖα Σεουηρεῖα 'Αντωνινιανὴ 'Αρχαία Μητρόπολις Νεωκόρος πρώτη τοῦ Πόντου. Неокесария также фигурирует на монетах как метрополия (ср. IGRR III, 115), а также, конечно, Кесария-Мазака и Комана. Некоторые незначительные поселения получили звание колоний, но нет данных о том, как в них было организовано управление. В надписях упоминаются понтархи, руководители *κοινά* в Pontus Polemoniacus (IGRR III, 115,

* Перевод С. П. Кондратьева, ВДИ № 4/9.

** «Anatolian Studies presented to sir William Ramsay», Manch. 1924, I, стр. 399 сл.

116) и армениарх (ibid. 132), но каппадокарх, упоминаемый в Дигестах (XXVII, I, 6, 14), в надписях не встречается. Повидимому, единственным действительно эллинизированным городом была Тиана, которую Филострат (V. Ар. I, 4) характеризует как «эллинский город», отмечая, что это был богатый город; это определялось, надо полагать, его местоположением у Киликийских ворот и связями с Азией и Киликией.

О том, в какой мере Каппадокия как римская провинция втянулась в торговый оборот, можно судить лишь по случайным данным эпиграфики и нумизматики. Заранее можно предположить, что страна, бедная ресурсами и с низким уровнем производства, вряд ли могла занять сколько-нибудь серьезное место в торговле. Монеты из Кесарии-Мазакки найдены в отдаленных местах — на Балканах и в Дунайских странах, в Палестине и на Кавказе, в Коринфе и Дура-Европос. Но это объясняется не торговыми сношениями Кесарии, а тем, что здесь был центр чеканки римской и персской серебряной монеты в две, одну и полдрахмы. Эти монеты имеют латинскую легенду, датируются по годам императора и соответствуют римскому стандарту.* Совершенно очевидно, что они предназначены не для местного обращения. Что касается бронзовых монет, то их выпускало немного городов.

Поразительный случай представляют клады монет в Дура-Европос. Здесь из 2817 монет найдено 518 бронзовых монет Амасии, больше, чем антиохийских (356); по количеству монет Амасия уступает только Эдессе (896) и Нисибису (643). Амасийские монеты все относятся к правлению Септимия Севера, и в этом, повидимому, лежит объяснение этого странного факта: в начале III в. в связи с событиями в Сирии чеканка монет для обращения в Месопотамии временно прекратилась и в оборот пошли монеты Амасии; ни до Септимия, ни после него монет Амасии в кладе Дуры нет ни одной.** Сам по себе город Амасия вряд ли имел обширные торговые связи, судя по тому, что этот город на Понте Эвксинском не упоминается в надписях Северного Причерноморья в IOSPE.

В *CIL* III и II встречаются упоминания каппадокийцев далеко от родины — на Балканах, в Италии; но эти случаи чрезвычайно редки. В надписи из Севастополя (*IGRR* III, 112, время Траяна) говорится о лице, построившем на свои средства портик и торговые ряды (*ἐργαστήρια*).

Все эти данные недостаточны для категорических выводов, но сама их недостаточность в некоторой мере показательна.

* Head, *Historia numorum*, стр. 752 сл.

** A. R. Bellinger, *The eighth and ninth Dure Hoards*, N. Y. 1939, стр. 2, 68 сл. и табл. к стр. 14.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в Каппадокии пока не найдено ни одной надписи, упоминающей распространенные в Малой Азии коллегии.

Римское владычество должно было внести изменения в земельные отношения. Прежде всего смещение Архелая привело к конфискации его земельных владений. По словам Тацита (Ann. II, 42), Тиберий, превратив Каппадокию в прокураторскую провинцию, уменьшил вдвое сбор с торгового оборота (*centesima rerum venalium*), рассчитывая, что его доход от новой провинции покроет ущерб, который получит *aerarium militare* от этого уменьшения сбора. Земля составляла основной доход Архелая, который позволил ему накопить сокровище, укрытое в сильно укрепленном *ἔρρια* — Норе (Нероассе). Архелай написал даже трактат о земледелии, на который ссылается Плиний Старший (NH 18, 73). Вероятно, были конфискованы частично и во всяком случае реорганизованы храмовые владения. Надписи показывают, что Комана была превращена в полис (IGRR III, 124, 125) и, следовательно, земледельческое население частично переходило на положение приписанных к полису и даже, может быть, проживавших в нем земледельцев. Созданные римлянами новые города также, конечно, получили свои земельные территории. При этом многочисленные *φροῦρία*, принадлежавшие раньше «частью царям, частью их друзьям» (Str. XII, 2, 9), упразднялись, хотя, как мы видели выше, владельцы крупных имений и «сатрапы» сохранились еще и в поздней империи. К сожалению, конкретных материалов, рисующих процесс изменения аграрных отношений и их приближения к римскому типу, источники не дают. Можно лишь предположить, что темп этих изменений был таким же медленным, как и темп роста городской жизни. В Каппадокии, надо полагать, и в римское время сохранилось немало элементов общинного и патриархального уклада, облегчивших здесь переворот, поведший к установлению феодальных отношений на Востоке.

Дух времени, однако, сказался и в Каппадокии. В стихотворной эпитафии из Амасии (IGRR III, 103) сообщается, что покойник Кисомброт был выдающимся юристом (*ἐν νομικῇ προῦχοντα*) и был судебным заседателем при правителе Вифинии. В другой стихотворной эпитафии из Себастополя (*ibid.* 118) говорится об ученом грамматике Максиме. * Новая религия, христиан-

* Для романизации провинции могла бы служить примером единственная в своем роде надпись IGRR III, 109 (Зела), где штраф за нарушение покоя могилы устанавливается в 474 сестерции. Нам представляется, однако, что здесь дело не в романизации. Странная цифра 474, по всей вероятности, представляет числовое значение букв арамейского имени или священного, магического слова; так как 474 драхмы

ство, также получила распространение в провинции, хотя позже, чем в других областях Малой Азии. В середине III в. каппадокийская церковь в Кесарии становится одним из центров христианского богословия, и Киприан состоит в переписке с епископом кесарийским Фирмилианом.

В течение III в. Каппадокия сильно пострадала от военных нашествий. Нашествия варваров, о которых говорит Светоний, случались и раньше. Надпись 137 г. из Себастополя восхваляет знаменитого историка Арриана, который в качестве легата провинции отразил набег аланов и в связи с этим написал свое произведение *"Εκταξίς κατ' Ἀλανῶν*. В III в. Каппадокия часто становилась ареной военных действий. В 231 г. Ардашир, новый владыка Персидского царства, начал войну против Рима и при этом опустошил Каппадокию. Нашествие на Каппадокию совершил Ардашир и в 240 г., а его преемник Сапор I — в 257 г. После пленения императора Валериана персы заняли значительную часть Каппадокии и при этом разгромили метрополию провинции Кесарию. Одновременно понтийские области провинции подвергались опустошительным нашествиям с севера народов, которые в источниках называются готами и скифами. Каппадокия, как и другие области Малой Азии, была включена в Пальмирское царство Зенобии; когда Аврелиан вновь завоевал страну и уничтожил Пальмирское царство, Тиана оказала ему сопротивление, и император грозился отдать город солдатам на разграбление; он, впрочем, не привел в исполнение своей угрозы.

Все эти военные события могли бы окончательно подорвать силы провинции, и если в дальнейшем Каппадокия сумела оправиться, то в известной мере она обязана этим своему включению в состав единой империи.

История Каппадокии как римской провинции мало известна. Возможно, что дальнейшие открытия позволят яснее видеть перемены, какие произошли здесь под влиянием Рима. Но можно и сейчас считать, что из всех малоазиатских провинций Каппадокия меньше всего преобразовалась под римским владычеством.

или денария показались автору надгробия слишком высокой суммой, он заменил драхмы сестерциями. Наряду со столь низкой цифрой штрафа надпись из Тианы (Rev. Phil. XIII, 1939, стр. 210) назначает штрафа в 10 000 денариев.

СИРИЯ

Сирия была одной из важнейших римских провинций. Управление ею считалось честью. Биограф Пертинакса (II, 14) отмечает, что он «заслужил Сирию» успешным управлением другими провинциями. Домициан, осыпая почестями Агриколу, намечает его в управители Сирии, которая «оберегалась для крупных людей» (*maioribus reservatum*, Та с., *Agric.* 40). Сирия по территории не уступала царству Селевкидов в период наивысшего его расцвета, занимая до 20 000 кв. км с населением до 10 млн., с очень крупными городами. Надпись Кв. Эмилия Секунда (ILS 2683) сообщает, что он, по поручению Квинтилия произвел в Апамее перепись, которая дала 117 000 граждан; можно поэтому считать, что население Апамеи составляло при Августе, вероятно, 400—500 тыс. Антиохия не уступала по занимаемой территории Александрии и имела к началу н. э. 300 тыс. населения. Селевкия на Тигре, население которой в I в. достигало 600 000, еще при Марке Аврелии имела 300—400 тыс. человек. До восстания 66—70 гг. в Иерусалиме было около 100 тыс. жителей. Городское население составляло, по-видимому, значительный процент общего населения провинции, что свидетельствует о развитии городской жизни. Сирия славилась своими богатыми естественными ресурсами; в панегирике Юлиану (362 г.) Мамертин называет Сирию богатой и плодородной. Сирия была важнейшим центром торговли с Востоком, и этой роли Сирии как посреднику между Востоком и римским Западом империя придавала огромное значение; ею в значительной мере определялась восточная военная политика империи. Наконец, многие области Сирии представляли страны с очень высокой культурой, не только эллинистической, но и самобытной, унаследованной от более древних времен.

Но как раз все эти условия, делавшие Сирию важнейшим звеном в системе Римской империи, затрудняли римлянам ос-

военные страны. Исторически сложившиеся на территории Сирии государства и вольные города сохранили значительную устойчивость и с трудом поддавались нивелирующей силе Рима. Колонизация римская здесь не имела серьезных успехов. Римские торговцы натывались всюду на опытных и энергичных местных конкурентов. Вначале римляне третировали сирийцев как варваров. Цицерон называл их «народом, рожденным для рабства», и для характеристики низких людей сравнивает их с «продажными сирийцами» (de or. II, 60). Но эти «варвары» были носителями высокой культуры, и римлянам не удалось вытеснить не только греческую, но и семитскую культуру народов Сирии; мало того, они сами подверглись культурному влиянию Сирии; «Сирийский прежде Оронт впадает уже в Тибр», жалуется Ювенал (III, 62).

Конкуренция между сирийцами и римлянами не способствовала, конечно, установлению дружеских отношений. Граффито римского солдата на Синае «пусть отступят сирийцы перед латинскими римлянами» (CIL III, 86) или надпись другого солдата на скале в Сирии — «сирийцы — дурной народ» (κακὸν γένος) свидетельствуют о том, что римляне и сирийцы продолжали оставаться чуждыми друг другу.

Трудность освоения Сирии вызывалась еще тем, что народы, жившие на этой необъятной территории, находились на различных ступенях социального и культурного развития, и требовалась особая гибкость для того, чтобы органически слить их в одно целое с империей. Императорская власть прибегала к переделам провинций: то предоставляла отдельным областям автономию, то отнимала ее; не раз приходилось подавлять крупные восстания, а одно время, в III в., в Сирии существовала даже самостоятельная Пальмирская монархия, завладевшая даже Египтом.

Границы провинции Сирия не раз менялись; максимальная территория ее распространения от гор Тавра в Малой Азии на севере (одно время в ее состав входила и южная часть Малой Азии) до Аравии и Египта на юге и от Средиземного моря до среднего и нижнего течения Евфрата на востоке. Политическое единство страны, созданное Александром Македонским и Селевкидами, оказалось непрочным, хотя не прошло совершенно бесследно. Еще во II в. мы находим посвящение совета и народа города Никополя «Александру, сыну Филиппа»,* а в Дуре в документе 180 г. (DP 23) в качестве эпонимов названы жрецы Зевса, Аполлона, предков и царя Селевка Никатора. Такого рода воспоминания свидетельствуют о большом политическом

* L. Jalabert et P. Mouterde. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, t. I, P. 1929, № 163.

впечатлении от попыток объединения эллинистического мира, но сами эти попытки не привели и не могли привести к действительному единству. Сирия оставалась конгломератом разнородных — экономических и политических — областей.

Географические условия Сирии довольно разнообразны. Наиболее культурную область представляет береговая полоса, ограниченная на востоке грядami гор, тянувшихся с севера на юг. На севере отроги Тавра отделяют Сирию от Малой Азии, далее тянутся Баргил и Ливан, покрытый в древности густыми лесами высокоствольных кедров и дубов. Береговая полоса равнины сужается к югу; в Финикии она занимает не более 50 км в ширину, а местами горы подходят вплотную к морю, изолируя города Финикии друг от друга. Цепь гор прерывается проходами, служившими естественными путями связи между Средиземноморьем и странами Востока. Южнее горы Кармел долина расширяется, переходя на юге непосредственно в аравийские степи и пустыни. К востоку от Ливана проходит горная цепь Антиливана.

Источники (Phil. XI, 12, 31) говорят о многочисленных царях, тиранах, династиях и тетрархах Сирии. Иудея с середины II в. до н. э. приобрела независимость, и воинственные цари-первосвященники Симон, Иоанн, Гиркан и Александр Яннай присоединили к своим владениям значительные территории, в том числе прибрежные финикийские и филистимские города. Коммагена образовала самостоятельное государство, где правила династия иранского происхождения, но связанная родственными узами и с Селевкидами.* В Эмесе и Аретузе правила собственная династия Сампсигерама. Восточные и южные окраины находились под властью арабских и племенных вождей, создавших ряд крупных объединений. В горах Ливана итуреи, которых Цицерон (Phil. II, 44, 112) называет «самым варварским из всех племен», образовали государство, которое при Птолемеях — сыне Маннея (ок. 85—40 гг.) простирало одно время свою власть на запад до Средиземного моря, на восток до Дамаска и проникло также в Галилею. На юго-востоке в конце II в. до н. э. сложилось могущественное царство набатеев, занявшее одно время Келесирию и обширную территорию от Дамаска до Петры. Набатейское царство оставило многочисленные архитектур-

* Надпись в Эфесе: βασιλέα Ἀντίοχον δίκαιον ἐπιφανῆ φιλορώμαιον καὶ φιλε... τὸν ἐγ βασιλείῳς Μιθραδάτου Καλλινίκου καὶ βασιλίσσης Λαοδίκης θεᾶς Φιλαδέλφου τῆς ἐγ βασιλείῳς Ἀντίοχου Ἐπιφανοῦς Φιλομήτο.. ὡς Καλλινίκον (Waddington III, 2, 136; ср. OGIS 385 (386, 387, 388). На знаменитом барельефе на Нимруд-Даге дана галерея «предков» Антиоха, начиная с Дария Гистаспа, включая Аршама и Митридата (OGIS 390—402).

турные памятники, а также монеты и надписи, свидетельствующие о его мощи.

Отдельные полисы также приобрели свободу и чеканили монету с обозначением своей новой эры свободы: Тир — с 126 г. до н. э., Сидон — с 111 г., Аскалон — с 104 г., Берит — с 81 г.

Понятно, что сразу освоить столь обширную территорию с разнообразным социальным укладом, с многочисленными государственными образованиями различного типа, имевшими свои собственные исторические судьбы, Рим не мог. В сущности Сирия окончательно так и не была организована как провинция вплоть до Диоклетиана. Помпей, так же как и после него правитель Сирии Габиний, должен был считаться с существующим положением и видел свою задачу на первых порах в том, чтобы подчинить все многообразные области Сирии, не совершая коренной реорганизации их, а лишь раздробляя их и ослабляя их военную мощь.

Коммагена оставалась самостоятельным «царством»; после смерти Антиоха III в 17 г. она была присоединена к провинции, но Калигула вновь восстановил на царстве Антиоха IV, которого сам же вскоре низложил; в 46 г. Клавдий опять посадил его на царство, и только в 72 г. Веспасиан окончательно аннексировал Коммагену, и ее столица Самосата получила прозвание Flavia. Однако еще в 99/100 г. Антиох Филопапп, уже римский магистрат, скромно подписавший под своей статуей свое имя с указанием афинской филы, в общей надписи именуется царем (βασιλεὺς Ἀντίοχος, OGIS 409—413). Конечно, это было лишь суетным титулом, которым римляне, надо полагать, разрешали ему тешиться в торжественных случаях; все же очевидно, что воспоминание о самостоятельности Коммагены было еще свежо.

Иудея также сохранила самоуправление под властью первосвященника Гиркана II, лишенного, однако, светского титула царя или этнарха; но главное — Иудея была введена в очень узкие границы; завоеванные хасмонеями прибрежные города и области в Келесирии и Заиорданье были «освобождены», т. е. отторгнуты от Иудеи, некоторые получили при этом автономию в своих внутренних делах, уплачивая налоги и неся обычные повинности перед империей. Иосиф Флавий (Ant., XIV, 4,4) называет главнейшие города, «освобожденные» Помпеем: Гадара, Гипсос, Скифополь, Пелла, Дий, Самария, Марисса, Азот, Ямния, Аретуза; из приморских городов — Газа, Яффа, Дора, Стратонова башня (будущая Кесария). Список Иосифа Флавия далеко не полон, так как монеты, выпускаемые другими городами, входившими ранее в состав Иудеи, датируют эрой Помпея; они, следовательно, также были им «освобождены». По

всей вероятности, уже при Помпее было организовано объединение городов Заиорданья, известное под именем Десятиградья. По Плинию (NH V, 18, 74), сюда входили: Дамаск, Филадельфия, Рафана, Скифополь, Гадара, Гипсос, Дий, Пелла, Гераза, Каната. Но Десятиградье — название условное; сюда в разное время причисляли многие другие города. Не ограничиваясь резким сужением территории Иудеи, Габиний внутри уменьшенной Иудеи произвел дальнейшее деление и вместо центрального синедриона в Иерусалиме «учредил пять синедрионов и разделил весь народ на пять округов, так что одна часть иудеев имела свое управление в Иерусалиме, другая в Гадаре, третья в Амафунте, четвертая в Иерихоне, а пятая в Галилейском Сепфорисе» (Jos., Ant. XIV, 5, 4).

Наступившая в Риме вскоре после завоевания Сирии гражданская война, осложнившаяся на Востоке борьбой с Парфией, еще более затруднила Риму непосредственное управление покоренной страной. Неудивительно поэтому, что в 40 г. с согласия Антония и Октавиана сенат объявил Ирода царем иудейским, предоставив ему самому управиться с внутренними неурядицами. Август впоследствии еще расширил владения Ирода, присоединив к ним Гадару, Самарию, Гипсос, Газу и другие приморские города, Иоппе, Стратонову башню, области Трахонитиды, Батанеи, Авранитиды, тетрархию Зенодора, к северу и к северо-востоку от Генисаретского озера. В 6 г. Август счел своевременным обойтись без услуг царя: сын Ирода был смещен, и Иудея была подчинена непосредственно римскому прокуратору (лишь на короткое время был опять объявлен царем Агриппа, 41—44 гг.), либо находившемуся в подчинении легату Сирии, либо управлявшему ею самостоятельно. Но грандиозная иудейская война 66—73 гг., восстание 115—117 гг. и героическая борьба Бар-Кохбы в 132—135 гг. свидетельствуют, что подчинение Иудеи оказалось для Рима делом чрезвычайно трудным.

Итурея также сохранила под владычеством Рима своих правителей; после казни Лисания по распоряжению Антония в 34 г. царство Птолемея — сына Маннея — распалось. Часть его досталась сыну Ирода Филиппу, затем Агриппе I и Агриппе II, который владел ею до своей смерти.* Центр итурейских владений — Халкида — оказывается при Клавдии во владении внука Ирода, тоже Ирода; последний имел титул царя. После его смерти в 48 г. Халкида досталась тому же Агриппе II до

* Дату смерти Агриппы II, которую обычно относят к 100 г., вероятно, надо определить не позже 96 г. См. А. Н. М. Jones, *The cities of the eastern Roman provinces*, стр. 460.

53 г. По некоторым нумизматическим данным Халкида включена непосредственно в Сирию в 92 г.

Хотя Помпей и пропретор Сирии Сквар хвалились, что покорили Nabateyskoe царство (была выпущена монета с изображением коленопреклоненного набатейского царя Ареты III и легендой *Lex Aretas M. Scaur. aed. cur. ex SC*), но дело ограничилось обещанием уплатить контрибуцию. Только в 106 г. Nabateyskoe царство было покорено сирийским правителем Корнелием Пальмой и выделено в отдельную провинцию Аравию.

По сообщению Плиния Старшего (V, 23, 82), в Сирии существовало еще «17 тетрархий... с варварскими названиями».

Приведенного достаточно, чтобы судить о медленности и трудности органического включения Сирии в Римскую империю.

В конце концов Септимий Север в 194 г. разделил Сирию на две провинции — Келесирию, под которой понимали северную Сирию, и провинцию Сирия-Финикия; последняя доходила на севере до Апамеи и Лаодикеи, на востоке — до Дамаска и включала даже отдаленную Пальмиру. Главным городом Сирии-Финикии был Тир.

Вновь объединилась Сирия в период кризиса III в. Пальмирский династ Оденат принял титул царя * и, действуя формально в качестве «корректора всего Востока» от имени римского императора, фактически завладел не только Сирией, но и Аравией и частью Малой Азии, а его сын Вабаллат вместе с матерью, царицей Зиновией, приняли титул августов, завладели Египтом и почти всей Малой Азией, создав в сущности независимое от Рима восточное государство. В 271—273 гг. император Аврелиан в двух кампаниях разбил Вабаллата, восстановил власть Рима на Востоке, а Пальмиру разрушил столь основательно, что она уже никогда больше не оправилась.

Завоевание Сирии римлянами облегчил развал царства Селевкидов, от которого больше всего страдали наиболее развитые города и области. Эллинистические монархии перестали удовлетворять задачам, во имя которых они были созданы, задачам сохранения изживавшегося рабовладельческого общества путем создания новых, более обширных политических и экономических объединений, взамен пришедшего в упадок самодовлеющего, ограниченного полиса. Развал эллинистических государств был неизбежен. Эллинизм был резким толчком, подвинувшим вперед зашедшее в тупик рабовладельческое общество, он создал новую своеобразную культуру, втянул в сферу эллинского влияния многие народы Востока. Но путь

* В Пальмирской надписи (Lidzbarski 462 № 14) Оденат титулуется *mlk mlk*, — царь царей.

эллинизма вел в новый тупик, так как без коренной революции не могло быть выхода на простор. Римское завоевание было в этих условиях для эллинистических стран новой передышкой, оно давало возможность вновь преодолеть кризис и на столетия отодвинуть окончательный крах рабовладельческого строя общества. Этот исторический процесс не был, конечно, осознан современниками. Субъективно он воспринимался как жажда покоя после непрерывных смут с середины II в. до н. э., желание восстановить и расширить экономические связи, оживить торговлю, привить варварам более высокий тип производства. Поэтому торговые города побережья приняли римскую власть без сопротивления, и только прибрежная полоса с самого начала управлялась непосредственно римским легатом.

Другое дело — отдельные восточные районы и те области, где потребность в объединении не ощущалась или где существовали исторически сложившиеся еще устойчивые государства. Здесь римлянам пришлось опереться на местных правителей. К тому же создание аппарата управления столь обширной провинции, как Сирия, требовало многих десятилетий, даже столетий.

Конечно, все цари, тетрархи и т. д. по существу были лишь римскими уполномоченными, и замена, например, прокуратора Иудеи Маруллы «царем» Агриппой, на смену которому пришел опять прокуратор Куспий Фад, не меняла реально структуры отношений между Римом и Иудеей. Да и сами «цари» были таковыми, может быть, в глазах своих подданных, но для римского чиновника они были лишь варварами, в лучшем случае — римскими гражданами далеко не высшего ранга. Светоний отмечает (Aug. 60), что дружественные и союзные цари покидали свои царства, чтобы в Риме или в провинции при проезде императора выразить ему свою преданность, являясь при этом без знаков царского достоинства, а в простых тогах, как клиенты. Характерный эпизод, в котором выражается пренебрежение к «царям» и вместе с тем недоверие к ним, приводит Иосиф Флавий (Ant. XIX, 8, 1); к Агриппе I в Тивериаду съехались Антиох, царь Коммагены, Сампсигерам, царь Эмесы, Фелемон, владетель Понта, и, наконец, его собственный брат Ирод, царь халкидский. В это время прибыл сирийский наместник Вибий Марс. Агриппа в знак почтения выехал вместе с гостями навстречу важному гостю за семь стадий от города. Но Марс посмотрел на эту встречу с другой точки зрения. Съезд царей показался ему подозрительным, «так как он полагал, что столь тесное общение нескольких правителей между собой не может быть особенно полезно в римских интересах». Он поэтому послал к каждому из царей своего чиновника с предложением немедленно вернуться в свои владения.

Трудно было также совладать с арабами-кочевниками, жившими еще родовым строем. Втягивая их постепенно в круг более цивилизованных народов и привлекая к оседлой жизни, римляне долгое время не разрушали внутреннего уклада их жизни и использовали их племенных вождей в качестве проводников римского влияния и власти. Так, в надписи IGRR III, 1254 упоминаются οἱ ἀπὸ ἔθνους νομάδων; во многих надписях упоминаются в качестве представителей власти арабские шейхи (ibid. 1247, 1298, 1171 и др.); в сирийских надписях часто встречается титул, повидимому, наследственный: 'srtg, т. е. греч. στρατηγός; в надписи времен Адриана — Антонина Пия назван «этнарх стратег номадов» (OGIS 616).

Все эти царьки, как вновь назначенные, так и наследственные, получали свою власть от Рима, который мог в любой момент ее отнять. Набатейские цари в своем титуле называют себя между прочим ḡḡn 'm', что по-гречески можно передать φιλόδημος, подчеркивая этим народный источник своей власти. Но римляне мало считались с такими притязаниями. Реальная власть царя определялась общей политической ситуацией и даже личным влиянием и связями. И уже во всяком случае царь не мог передавать по наследству корону по своему усмотрению. Даже Ирод, «друг и союзник», должен был представлять на утверждение Рима свои завещания и семейные распоряжения. Цари были лишены права вести самостоятельную внешнюю политику — заключать союзы и договоры, вести войны. Они имели право чеканить только бронзовую монету (привилегия, которой пользовались и незначительные города). Во внутреннем управлении они пользовались самостоятельностью, поскольку, конечно, цари не нарушали римских интересов. Их юрисдикция не распространялась на римских граждан. В особо важных случаях даже могущественный Ирод должен был представлять свои приговоры на утверждение Августа. Цари взимали налоги по своему усмотрению и вносили в римскую казну более или менее регулярную подать. Это относится не только к tributarii или stipendiarii, но и к socii, хотя, повидимому, для последних не было установлено твердых норм и сроков. Цари, кроме того, обязаны были поставлять вспомогательные войска имперской армии.

Чтобы удержаться на троне, цари должны были заискивать перед императорами и их фаворитами, перед легатами и их свитой, пускать в ход интриги и подкупы, тратить большие суммы для поддержания внешнего блеска своего правления. В этом отношении был особенно неутомим Ирод Иудейский, возводивший грандиозные постройки и жертвовавший большие деньги далеко за пределами Иудеи и даже Азии. Но величие таких царей покупалось слишком дорогой ценой, и маленькие царьки,

тянувшиеся за большими, настолько выматывали и истощали производительные силы своей страны, что население взирало иной раз на римлян как на избавителей.

Власть царей, стремившихся сохранить изолированность своей страны, сковывала инициативу торгового сословия, заинтересованного в создании единой империи. Поэтому, например, в Иудее во время иудейской войны высшая знать держала руку римлян и была втянута в войну против своей воли. В Коммагене после смерти Антиоха III (17 г.), по сообщению Иосифа Флавия, «простонародье восстало против знати; обе партии послали делегации (в Рим). Знать просила обратить область в римскую провинцию, народ, однако, желал иметь попрежнему своих царей» (Ant. XVIII, 2, 5). Вполне, таким образом, соответствовало положению вещей, когда Помпей свергал «тиранов» мелких областей и освобождал жизнеспособные города от власти царей.

Положение вольных городов Сирии в общем мало чем отличалось от положения других городов империи, хотя некоторые пользовались автономией дольше и имели несколько больше прав, поскольку римская власть в Сирии в целом утверждалась медленно и с трудом.

Положение так называемых *civitates liberae* определялось общими положениями: они были (теоретически) свободны от налогов, имели право чеканки мелкой монеты (бронзы), право устанавливать местные пошлины, сохраняли суд по гражданским и мелким уголовным делам, сохраняли некоторое финансовое самоуправление, некоторые местные обычаи.

Но все эти привилегии постепенно сходили на-нет; общая тенденция империи заключалась ведь в том, чтобы свести все к одному уровню и заменить органы самоуправления бюрократическим аппаратом. Уже в начале I в. остается, по словам Плиния Младшего (ep. VIII, 24), лишь *umbra et residuum libertatis* помен. Дион Хризостом говорит о «так называемой» свободе (Or. XLIV, p. 512), а по поводу спора тарсийцев с соседями указывает, что и те и другие в сущности *ἐμὸδουλοι* (Or. XXXIV, p. 428). Налагая подати на свободные города и подчиняя их власти римского правителя (ἡγεμόν), Веспасиан, по словам Павсания (VII, 17), ссылается на то, что эллины отвыкли от свободы (ἀποπεμαθημένοι τὴν ἐλευθερίαν τὸ Ἑλληνικόν). Плутарх, надо думать, отражает реальное положение вещей, когда пишет (Praes. ger. reipub. XXXII): «Народы имеют столько свободы, сколько им предоставляют власть имущие, и больше, пожалуй, и не стоит». Нет смысла поэтому домогаться титулов и должностей. «В самом деле, чего стоит высокая должность, слава для тех, кто достиг ее? Незначительное распоряжение проконсула сводит ее на-нет или отдает ее другому; а если даже она сохраняет-

ся, она ничего серьезного не стоит. Вступая в должность, высший магистрат должен говорить себе не так, как Перикл, который «всякий раз, как надевал хламиду, напоминал себе: «не забудь, Перикл, ты правишь свободными, правишь эллинами, афинскими гражданами». Но вот что говори себе: «я управляю, будучи подвластным, городом, подчиненным проконсулам, прокураторам цезаря» (ibid. XIII).

Понятно, падение свободы городов совершалось медленно и незаметно. У Рима не было разработанного законодательства, которое могло бы заменить и отменить все местные законы и обычаи. Папиниан, например, указывает, что в его время продолжает действовать закон города Антиохии в Келесирии, по которому Антиохия имеет привилегию при взыскании с имущества покойника (Dig. XLII, 5, 37). Но общие распоряжения правительства отменяли противоречащие ему местные установления. Ульпиан отмечает: «Божественный Адриан установил своим рескриптом штраф в пользу фиска в сорок золотых с тех, кто хоронит покойника в черте города, и с магистратов, допустивших это; место погребения должно быть продано, а труп перенесен. А как быть, если муниципальный закон разрешает погребение в городе? После рескрипта принцепса надо посмотреть, нет ли отступления; ведь рескрипты имеют всеобщий характер, и императорские постановления должны сохранять силу и действовать во всяком месте» (Dig. XLVII, 12; 3, 5).

С течением времени центральная власть все глубже проникает во все мелочи муниципальной жизни, о чем красноречиво свидетельствует переписка Плиния с Траяном. В этом отношении показателен текст Dig. L, 10, 3: «Частному лицу разрешается возводить новую постройку и без предварительного разрешения принцепса, за исключением случаев, когда это ведет к соперничеству с другим городом, или дает повод для раздоров, или если это цирк, театр, амфитеатр. А за общественный счет возводить новую постройку без разрешения принцепса запрещается, как это указано в постановлениях. Не дозволяется на новом здании написать чье-либо имя, кроме имени принцепса или лица, на чьи средства постройка возведена».

Число *civitates liberae* было непостоянным и вообще небольшим. Еще меньше было число городов, имевших титул колоний и пользовавшихся *ius italicum*. Ульпиан перечисляет их: «Надо знать, что есть некоторые колонии италийского права, как, например, в Сирии-Финикии блестящая колония Тир, откуда я родом, знаменитый своими областями, в течение ряда веков древнейший, мощный, весьма крепкий благодаря союзу, заключенному с римлянами: ему божественный Север и наш император даровал *ius italicum* за превосходную и выдающуюся верность государству и Римской империи. И Берит в той же

провинции, — обязанная милости Августа и (как выразился божественный Адриан в одной своей речи) августинская колония обладает *ius italicum*. Также и Гелиополь по случаю гражданской войны получил от божественного Севера общественное устройство италийской колонии. Есть еще колонии Лаодикея в Келесирии, которой божественный Север даровал *ius italicum* за заслуги в гражданской войне. Колония Птолемаида, расположенная между Финикией и Палестиной, не обладает ничем, кроме названия колонии. Также и городу Эмесе в Финикии наш император дал положение колонии и присвоил ей *ius italicum*. Сюда относится и город Пальмира, помещающийся в провинции Финикии, вблизи варварских племен и народов. В Палестине были две колонии — Кесария и Элия Капитолина, но они не обладают *ius italicum*. Божественный Север вывел колонию также в Себасту» (Dig. I, 15, 1). По нумизматическим данным, кроме того, колониями считались Сидон (правление Гелиогабала — Александра Севера), Неаполь (древний Сихем, от Филиппа до Галлиена), Низа, Скифополь (Нерон — Гордиан).*

В надписях и на монетах города нагромождают множество титулов. Тирийцы именуют свой город *ἱερὰ καὶ ἄστυλος αὐτόνομος μητρόπολις Φοινίκης καὶ ἄλλων πόλεων καὶ ναυαρχίς* (OGIS 595); такой же титул дает себе (кроме *μητρόπολις*) также Триполис (OGIS 587); Лаодикея приморская, принявшая название «Юлия», говорит о себе: *ἱερᾶς καὶ ἄστυλου καὶ αὐτονόμου ναυαρχίδος συγγενίδος φίλης συμμάχου κοινῶν δέμου Ῥωμαίων* (OGIS 603). Иной раз титулы настолько обширны, что не умещаются на монете и приходится ограничиться инициалами (например, монета Гадары с легендой, ΙΑΑΓΚΕΥ).

Но пышные титулы часто скрывают пустоту. Права и обязанности городов были различны; центральная власть должна была считаться с местными традициями; даже в выполнении всякого рода повинностей принимались во внимание местные законы и обычаи (*leges cuiusque civitatis et consuetudine longa intellegi potuerunt*, Dig. L, 4, 1, 2). Больше всех самостоятельностью пользовалась Пальмира; ее изолированное положение, торговое значение, близость к Парфии заставляли, надо полагать, римское правительство не очень сильно нажимать на пальмирцев. Можно думать, что наряду с обычными магистратами продолжали существовать неофициально и пользоваться влиянием потомки прежних племенных вождей, из которых вышли в середине III в. властители Пальмиры — Оденат и его потомки. В надписи (двухязычной) 251/2 г. Септимий Аиран, сын Одената, именуется по-сирийски *reš Tadmor* — «глава Тадмора»

* H e a d, *Historia numorum*, стр. 798 сл.

(по греч. *ἐξάρχος Παλμυρηνῶν*). В надписи 266/7 г. Септимий Вород титулуется *ἀρχαπέτης* — термин иранского происхождения (OGIS 645).

Организация управления в городах Сирии известна только по надписям, дающим материал случайный; судя по этим данным, в городах Сирии были те же магистратуры с теми или иными вариациями, что и в других восточных провинциях. Институт объединений городов — *κοινόν*, столь распространенный в Малой Азии, здесь почти не известен.* Το *κοινόν Ἀργαίνης* (IGRR III, 1146) означает просто местную общину местечка Агрэна. Культ императора, повидимому, не пустил здесь корней, и потому и на этой почве объединения, хотя бы культовые, не создавались.

Судя по тому, что в двуязычных надписях слова *βουλή* και *δῆμος* не переводятся на местные семитские языки, а лишь транскрибируются, можно думать, что политическая жизнь по форме греческих полисов здесь не получила развития. Римляне вообще подавляли демократию, упраздняли народные собрания (эκκληсии) там, где они существовали, поддерживали цензовую аристократию. Превращение *honores*, почетных должностей, в *munera*, обязательные повинности, связанные с расходами, требовало от должностного лица определенного имущественного ценза, ставшего в конце концов единственным условием выдвижения на общественную должность.

Часто встречающийся титул *βουλευτής* (IGRR III, 1131, 1134, 1163, 187, 1201 и др.) означает, судя по контексту, не члена функционирующего совета, а такое же звание, как «ветеран» и т. п.

В качестве руководящего лица встречается *πρόεδρος* (IGRR III, 1235, Каната; 1196, Филиппополь; 1321, 1325, Бостра и др.), в колониях — дуумвиры. В Геразе мы встречаем гимнасиарха, восхваляемого за то, что пожертвовал масло и 500 драхм на постройку храма (OGIS 622). Декапроты, в частности в Пальмире, были местным исконным институтом; этим, вероятно, надо объяснить, что в двуязычном пальмирском тарифе в сирийском тексте греческому *δεκάπρωτος* соответствует пальмирское *šrth*. В Геразе упоминается пожизненный декапрот (OGIS 621). Надпись из Филиппополя (IGRR III, 1201) называет синдика; согласно Dig. L, 4, 18, 13, это — лицо, «выбираемое для ведения или защиты определенного дела».

* Чисто религиозное объединение *κοινόν Φοινίκης* встречается на монете города Тира с изображением храма *κοινόν Φοινίκης*. Только после отделения Сирии-Финикии от Сирии при Септимии Севере встречается в надписи *φοινιᾶρχης* (OGIS 596).

Деревня не участвовала в политической жизни и была лишь объектом эксплуатации для города. Встречающиеся в надписях деревенские «стратегы» часто, особенно в семитских надписях, означают родовой титул.

Деревенские собрания не представляли собой организованной βουλῆς, а случайное «сборище»; ὄχλου γενομένου τῆς κώμης ἐν τῷ δεσφτῳ — читаем мы в надписи (IGRR III, 1192). Такое «сборище» могло принимать те или иные решения с общего согласия (ἔδοξε τοῖς ἀπὸ... κώμης ἐκ κοινῆς αὐτῶν) εὐδοκῆς[εως], Waddington, 2535), но эти решения имели частный, а не публично-правовой характер. В отсталых районах, где города были редки, иногда в качестве административного центра и местопребывания гарнизона выделялась крупная деревня, получавшая название μητροκωμία. Но, как правило, сельские территории были причислены к городам, и некоторые города представляли обширные области. Так, Иосиф Флавий сообщает о споре жителей Дамаска с сидонцами относительно правильности границ (Ant. XVIII, 6, 3). Это значит, что Дамаск имел общую границу с отдаленным Сидоном.

История городов Сирии мало известна. В литературе (у Страбона, Иосифа Флавия, Плиния, Тацита, Диона Кассия, в Талмуде и т. д.) встречаются лишь случайные указания; надписей в Сирии сохранилось сравнительно мало; нумизматический материал охватывает значительные периоды истории каждого города в отдельности и содержит ценные данные прежде всего для хронологии; но если легенды монет бывают порой выразительны, они, естественно, очень скупы. Вещественные памятники — развалины городов, храмов и т. п. — иногда богаты, но не всегда изучены систематически. Раскопки последних лет в Джераше (Геразе) и Дуре, ведущиеся в широком масштабе и систематически, сильно обогатили науку. Но о многих городах основными источниками остаются надписи, монеты и случайные упоминания в литературе. Только города, сыгравшие крупную историческую роль, — Иерусалим, Антиохия, Кесария и др. — сравнительно хорошо изучены.

Имеющийся материал позволяет отметить некоторые общие черты городов Сирии.

Свобода «свободных» городов была весьма условной. Нивелирующая сила Рима сказывалась в Сирии, как и в других провинциях. Римский налоговый аппарат действовал в Сирии разлагающим образом, уничтожая местные привилегии, основанные на старинных традициях. Здесь, как и в других провинциях, силу имели лишь приговоры, вынесенные на основе римского права, и потому местное гражданское законодательство, чтобы не оставаться бесплодным, должно было применяться к римскому праву. Как раз из Сирии вышли круп-

нейшие римские юристы — Ульпиан, Папиниан, Павел, а в Берите в III в. существовала юридическая школа, которую Григорий Чудотворец характеризует, как «подлинную академию римского права» («Похвальное слово Оригену», стр. 186, изд. Vossius). Политические права городов, существовавшие вообще лишь формально, постепенно урезывались и отменялись, и большинство городов с самого начала вошли в разряд *ὑποῦχοι* (подданные) и *ὑποτελεῖς* (*stipendiariae*). В частности, привилегия свободы от поставки войск не соблюдалась, и со времен Веспасиана на латинских надписях встречаются *cohortes* или *alae* *Ascalonitarum*, *Canathenorum*, *Damascenorum*, *Sebastenorum*, *Tyriorum*.

Но сирийские города не без сопротивления поддавались нивелирующей силе Рима. Характерно, что ни Селевкиды, ни римляне не могли предать забвению старые имена городов. Нет ничего удивительного в том, что Элия Капитолина вновь приняла священное имя Иерусалима. Но поразительно, что город, в течение столетий официально называвшийся Филадельфией, ныне называется Аммон, т. е. древнее библейское имя Раббат-Аммон не переставало жить и вытеснило в конце концов данное городу Птолемеем II новое имя. Точно так же Эпифания через 800 лет снова вернулась к древнему названию Хамат и теперь носит имя Хама. Ако, переименованный в Птолемеиду, ныне называется Акка. Аполлония теперь называется Артуф, что восходит, вероятно, к древнему имени бога Решеф; Ларисса приняла имя *Shaizar*, связанное с упоминаемым в амарнских текстах городом *Zinzar*. Лаодикея на Оронте, на месте знаменитого в далекой древности Кадеша, теперь называется Кадис. Библейский Бет-Шеан, переименованный в Скифополь, возродился в современном Бейсане. Эта живучесть древних названий говорит об упорстве, с каким сирийское население держалось за старые традиции и отвергало эллинистическо-римские новшества.* Только в тех случаях, когда древний город был совершенно разрушен и выстроен вновь римлянами, давшими ему новое имя, это имя сохранилось. Так, столица Израиля Самария, вновь отстроенная Иродом под именем Себаста, сохранила это имя (*Sebastiya*) доныне. Библейский Шехем (Сихем), возрожденный под именем Неаполя, и теперь называется Наблус; Стратонова башня (эллинизированное название *Migdal-Astart*), превращенная в новый город Кесарию, резиденцию прокуратора Иудеи, сохранила имя *Kaissaria*.

* На это указывает Аммиан Марцеллин (XVI, 8, 5): *quorum (urbium) ad praesens pleraque licet Graecis nominibus appellantur, quae iisdem ad arbitrium imposita essent conditoris, primigenia tamen nomina non amiserunt, quae iis Assyria lingua institores veteres indiderunt.*

На чужбине сирийцы создавали прочные землячества (прежде всего культовые) и сохраняли связь со своим родным городом. Так, в надписи OGIS 591 упоминается Аполлофан, стоявший 33 года во главе сидонян, живущих в Мариссе (Палестина). На острове Делос объединение почитателей Посейдона, выходцев из Берита (τῶ κοινῶν Βηρυτίων Ποσειδωνιάστῶν), купцов, судовладельцев и посредников (ἐγδοχῆων) устанавливает статую богине Рома за благоволение к объединению и к родине (OGIS 591). Пальмирский солдат в далекой Британии, женившийся на местной женщине (natione Catalauna), пишет на гробнице безвременной умершей жены эпитафию на латинском языке, но прибавляет пять слов и на родном языке. Очень интересна надпись 174 г., содержащая обращение тирийской колонии в Путеолах к своей метрополии и ответ тирийцев (OGIS 595). Путеольская колония жалуется на плохие времена; им трудно стало платить 250 драхм за помещение для святилища богов. Раньше они были многочисленны и богаты, теперь их мало. А ведь есть еще расходы по устройству агона, по ремонту общинного помещения (στᾱτιῶνος) к торжественным дням господина императора. Нет теперь таких доходов от мореходства и торговли, как у тирийской колонии в царственном Риме. Они поэтому просят субсидии в 250 драхм, обещая с остальными расходами справиться. В Тире обсуждается прошение путеольцев; вопрос ставится так: либо путеольцы получают от Рима 250 драхм, либо римская колония передает свои доходы (от членских взносов) путеольцам, и последние в этом случае содержат за свой счет обе στᾱτιῶνες. Отсюда видно, что Тир в известном смысле руководил землячествами в чужой стороне.

Города Финикии, торговые par excellence, больше всего подверглись эллинизации, а филистимские города совершенно эллинизировались и окончательно утратили родной язык. На своих монетах они подчеркивают свою связь с эллинизмом, изображая сцены из греческой мифологии; на монетах Птолемаиды императорского периода мы встречаем Триптолема с колосьями, похищение Персефоны, Персея и Медузу. Сидон дает изображение Дидоны, Кадма, Феникса. На монетах Тира встречается даже сцена, показывающая Кадма, дающего грекам алфавит, что должно подчеркнуть древность финикийской культуры. Само собой разумеется, что, поскольку монеты были римские (а раньше — селевкидские), на них обязательно имеются обычные римские символы, портрет или имя императора, легата и т. д. Тем поразительнее, что на монете Берита II в. до н. э. мы находим финикийскую легенду ll'dk' 's bkn'n: «Лаодикеи, что в Ханаане»; на автономной монете Библа I в. до н. э. — финикийская легенда lgb l qdsth («священного Гебала»),

храм Астарты, Изиды. В Газе встречается на монетах императорского периода семитская буква «ш» (вероятно, инициал имени бога Marna). На монетах Гиераполя мы находим изображение Атаргатис на льве или храма со статуями Астарты и Baal-Kewan'a с надписью: θεοὶ Συρίας. Судя по монетам и надписям, а также некоторым литературным данным, Газа имела собственный календарь.* Хотя монеты сирийских городов применяют римскую дату — эру «свободы», т. е. покорения их Помпеем, эру Акциума, эру присвоения прав колонии и т. п., но в надписях и частноправовых документах не только на местных семитских языках, но и на греческом применяется эра Селевкидов и другие местные эры (иногда наряду с имперской).

На Западе латинский язык, а в большинстве стран Востока Римской империи греческий язык вытеснили местные языки; от развитых языков Малой Азии, имевших свою письменность (лидийский, ликийский), остались лишь следы. Между тем в Сирии в период империи возникает собственная письменность (древнейший сирийский текст 243 г. — торговая сделка — найден при последних раскопках в Дуре, DP 120) и развивается новый литературный язык.

Все это говорит опять-таки о том, что Сирии Рим не освоил до конца. Помимо исторических условий, причину этого явления надо видеть в том, что только в прибрежной полосе включение в Римскую империю действительно содействовало развитию экономики и было в интересах господствующего класса, использовавшего воссоединение наследия Селевкидов для расширения торговли. Другие области, особенно на северо-востоке и юге, испытывали лишь гнетущую силу Рима, которая не оккупалась экономическими выгодами.

Сведения об экономике Сирии очень скудны и разрозненны. Много сведений содержится в Талмуде; но казуистический характер изложения заставляет относиться к талмудическим данным осторожно; не всегда, кроме того, можно установить, относится ли то или иное сообщение к Палестине или к Парфии. Греческие и латинские авторы сведений об экономике Сирии дают чрезвычайно мало, так же как раннехристианская литература. Основное, что подчеркивается в римской литературе, это благотворные последствия римского права и объединения вселенной под единой властью. В панегирике, произнесенном перед Марком Аврелием, Элий Аристид восклицает: «Возможен ли лучший и более полезный общественный строй, чем нынешний? Ныне всякий может без боязни отправляться, куда хо-

* См. E. Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes*, B. II, стр. 116 сл.

чет, всюду все гавани для него открыты, горы дают путешествуящую такую же безопасность, как города своим жителям».* Плиний Старший восхваляет за это Италию: она «кормилица и вместе с тем родительница всех земель, избранная божественным соизволением, чтобы сделать само небо ярче, соединить разбросанные страны, смягчить нравы, слить в языковом общении разнообразные грубые языки стольких народов, дать людям (литературную) речь и гуманность, короче, стать единственным отечеством всех народов во всем мире» (NH III, 39). Через несколько столетий ту же мысль повторяет поэт Клавдиан (Cons. Stil. II, 154): «Этим мирным нравам мы обязаны тем, что чужестранец чувствует себя на чужбине как дома, что мы всюду пьем из Родана и черпаем из Оронта, что все мы — один народ». Мы видели уже, что к Сирии это не совсем применимо. Оронт и Родан действительно встречались; сирийских рабов, солдат и купцов мы находим в отдаленных уголках римского мира. Но слияния Востока с Западом не получилось; в частности, Сирия сохранила и местные языки и местные особенности в своей экономике.

Естественные ресурсы распределены в Сирии неравномерно, в соответствии с разнообразием географических условий. Горы Ливана были богаты строевым лесом, который служил предметом вывоза, как и во времена фараонов. В долинах произрастали лавр, финиковая пальма, фиговое дерево, гранат, сикомора. Пальмами славилась особенно долина Иерихона; на иудейских монетах обычно изображалась пальма или пальмовая ветвь. Фиги — свежие и сушеные — занимали большое место в пищевом режиме в Сирии и Палестине: Почти повсеместно распространено было масличное дерево; оливки занимали важное место в хозяйстве, и остатки оборудования для выжимки масла сохранялись во многих местах, ныне пустынных. Виноград произрастал всюду, больше всего славились вина долины Оронта, Финикии и Палестины. Евсевий называет Авилу в Десятиградье «городом виноносным». Всевозможные фруктовые деревья культивировались в садах Сирии. Предметом вывоза были и цветы; славились лилии Антиохии и Аскалона. Огромное разнообразие растений, содержащих ароматические масла, при большом спросе в античности на ароматические вещества давало заработок многим жителям Сирии; почти монополично производила Сирия бальзам, нард, стираксу. По сообщению Страбона (XVIII, 800, 15), иудеи искусственно ограничивали производство бальзама, чтобы держать цены на высоком уровне.

* См. M. P. Charlesworth, Trade-routes and commerce of the Roman Empire, Cambr. 1924, стр. 3.

Земледелие было возможно только в долинах рек, где ячмень и пшеница при низкой технике обработки земли давали баснословные урожаи;* сеяли также кормовые травы, лен, пеньку. Земледелие требовало, однако, искусственного орошения при помощи колодцев, цистерн и каналов. Земледелие было выгодным промыслом; равнины запретили в Палестине разводить мелкий скот (Баба Кама VII, 10), считая это, очевидно, нерациональным использованием земли. В пустынных и полупустынных местах и в горах разводили крупный и мелкий рогатый скот, ослов, а на востоке и юге, главным образом, верблюдов. Сирия производила некоторые дорогие сорта шерсти. В числе «апофорета», предметов для подарков, Марциал (XIV, 159) называет также тирийскую шерсть. Льняные ткани производились во многих областях Сирии и вывозились через финикийские порты; *ἱμάτιον τυριακόν* упоминается в египетском папирусе I в. (BGU VII, 1666). В эдикте Диоклетиана о ценах названы и ткани Библа.

Финикийское побережье издавна славилось рыбой, которая вывозилась в сушеном и соленом виде. Внутри страны рыбы было мало, так как немногие сирийские реки имеют слишком быстрое течение, а в Мертвом море рыба не водится. Навейное евангелием представление о большой роли рыболовства в Палестине может быть в некоторой степени оправдано лишь для небольшого района Тивериадского озера.

Большое место занимало в хозяйстве, особенно Финикии, красильное дело; кроме растительных красок (шафран, хна у Аскалона), здесь, у Тира, из раковин *murex* и *buccinum* добывалась не знавшая себе равных краска всех оттенков — от голубого до пурпурного. В окраске тканей Финикия занимала первое место. Как дорого ценились окрашенные в пурпур ткани, можно судить по сообщению Плиния, что *purpura dīarpha* стоили 1000 денариев фунт. В Тир и Берит привозили из Китая шелк-сырец для обработки и окраски.

Минералами Сирия была бедна. Некогда финикийцы ввозили железо и медь из своих колоний в Испании и на Кипре. В римский период металлы доставлялись из Индии и Малой Азии. Однако в Сирии были искусные мастера; и дамаская сталь, финикийские художественные изделия из драгоценных металлов пользовались заслуженной известностью. Высоко

* В папирусах I в. упоминается сирийская пшеница с квалификацией *πρώτος*; в папирусе II в. при распределении семенной пшеницы арендаторам упоминается сирийская пшеница *δευτερος*. См. C. Vagg i, *Siria e siri nu documenti dell'Egitto greco-romano*, «Aeg.», XVII (1937), стр. 29 сл.

ценились сидонские стеклянные изделия, в производстве которых финикийские мастера достигли высокого совершенства.

Все эти природные богатства были сосредоточены на побережье Средиземного моря и в плодородной культурной полосе к западу от Ливана, да и то неравномерно. Необходимо, однако, отметить, что возделанная площадь в древности, благодаря тяжелому труду, искусственному орошению и военным мероприятиям римского правительства, была гораздо шире, чем в позднейшие века. Последующие поколения не сумели сохранить наследие прошлого, и пустыни вновь надвинулись на некогда культурные области.

Население занималось прежде всего земледелием, виноградарством и садоводством, в меньшей степени скотоводством и рыболовством; имели значение ремесла и торговля, главным образом посредническая. Хотя Сирия, как мы видели, производила много продуктов для вывоза, но основу богатства и значения сирийских народов составляла именно посредническая торговля.

Земля в Сирии, как и в других римских провинциях того времени, концентрировалась в руках крупных владельцев, прежде всего императора и членов его семьи. После покорения Иудеи в 70 г. вся земля была конфискована. Точно так же были конфискованы Севером владения неудачливого претендента на престол Песценния Нигера. Антоний отдал Клеопатре финикийское побережье «от реки Элевтера до границ Египта, исключая Тир и Сидон, которые, как он знал, издавна пользовались автономией» (I o s. Ant. XV, 4, 1). Клеопатра получила также в дар «часть Аравии и окрестности Иерихона. Эта область дает наилучший бальзам, имеет также множество прекрасных финиковых пальм». Ирод заарендовал у нее эти области (XV, 4, 3). Саломея, сестра царя Ирода, по сообщению Иосифа Флавия (ibid. XVIII, 2, 2), оставила в наследство императрице Ливии «Ямнию, всю топархию, расположенный на равнине город Фасаилиду и город Архелаиду, где находились огромные плантации пальм с наилучшими плодами». Фиску принадлежали сады Эн-Гадди близ Иерусалима, дававшие ценный бальзам. Бальзам вообще был монополией императорской казны. Надпись IGRR III, 1077 называет прокуратора, т. е. управляющего императорскими имениями в Сирии. Эти имения, как и крупные латифундии частных лиц, послужили впоследствии источником для одарения церкви.

Частные лица также владели в Сирии обширными землями. Смещенные династы сохраняли владетельные права на землю. Из Мишны мы знаем о баснословных имениях Элеазара бен Азарья, Тарфона, Нехуны, патриарха Иуды I и др. В имении

Элиезера бен Харсом работало такое множество рабов, что многие из них даже в лицо не знали своего господина.

Масса крестьян вынуждена была поэтому арендовать землю.

Аренде земли посвящена специальная глава в талмудическом трактате Баба-Мециа. Мишна и Тосефта в этом трактате различают два вида арендаторов: сохер и хокер. Первый вносит арендную плату деньгами, второй — натурой по твердой ставке; арендатор, снимающий поле не за определенную цену натурой, а из доли урожая, назывался арис. В арендном договоре арис пишет: «Я встану, вспашу, посею, скошу и свяжу в снопы, смолочу и провею и сложу в кучу для тебя, и тогда ты придешь и возьмешь половину, а я за свои труды и издержки — половину». Срок аренды был обычно семь лет. Поэтому Мишна запрещает арендатору, снявшему землю на более короткий срок, сеять лен, истощающий землю. Арендатор не считается юридическим владельцем не только земли, но, вероятно, и урожая (до расчета с хозяином). Поэтому хокер не обязан отдавать жрецу первинки, «но возношения и десятину платит и хокер и арис» (Бикк. 12, II, 3). Арендатор обязан обработать землю в соответствии с обычаем данной местности. «Некто арендовал поле у ближнего и не хочет полоть и говорил ему (владельцу): какое тебе дело до этого, раз я даю тебе арендную плату? Его не слушают, ибо тот может возразить: завтра ты уйдешь, и поле будет давать мне сорные травы» (Б-М. IX, 4). В договоре арис пишет: «Если я оставлю поле пустовать и не обработаю его, заплачу лучшим» (ibid. IX, 3). Скидки с арендной платы по случаю стихийного бедствия предусматриваются лишь в том случае, если бедствие имеет всеобщий характер: «Некто арендовал поле у ближнего своего, и оно поедено саранчой или побито ветром; если это бедствие страны, то он сбавляет ему арендную плату, а если это не бедствие страны, то не сбавляет ему арендной платы. Р. Иуда говорит: если поле арендовано за деньги, то ни в том, ни в другом случае он не сбавляет аренды» (IX, 6). Если снят в аренду участок, на котором имеется источник или дерево, и источник высох или дерево срублено, то скидка за это не дается (Б-М. IX, 2). Арендатор участвует также в расходах по оплате землемера, эконома, мелиоратора (Б-М. IX, 14). Кроме аренды на срок, Талмуд знает и наследственную аренду земли (Тос. Тер. II, 11).

Мы можем с полным основанием предположить, что такие же арендные условия существовали не только в Палестине, но и в других земледельческих районах, так как талмудические нормы сходны как с вавилонскими, так и с римскими.

Конечно, наряду с земельными арендаторами были и частные владельцы мелких участков земли, считавшейся собствен-

ностью городов или императорской казны. Вряд ли положение селевкидских λαοί существенно изменилось. Мелкие владельцы обязаны были платить за свои участки подать верховному собственнику земли. Существовала круговая порука. О сохранении некоторых форм общинной организации деревни говорят такие надписи, как IGRR III, 1146: τὸ κοινὸν Ἀρχαίνης; 1154: Σωραυτηνῶν γεωργοὶ ἀνέθηκαν (конец II — начало III в.).

Латифундии и императорские имения не всегда сдавались в аренду, а обрабатывались также при помощи рабов. Из зеноновских папирусов известно, что птолемеевский диойкет (заведующий финансами) Аполлоний владел большим имением в Палестине и вывез туда из Египта своих слуг и рабов. Нет оснований думать, что в римский период этот способ эксплуатации земли не практиковался. В Талмуде (Иома 35) говорится о многочисленных рабах Элиезера бен Харсом именно в имении. И в других случаях Талмуд говорит о многих рабах, не только домашних, но и занятых в сельском хозяйстве.

Переходившие к оседлости кочевые племена, жившие еще родоплеменным бытом, создавали, надо думать, сельские общины, обязанные податью и повинностью своим шейхам, или 'srhg'-ам, как они именуется часто в семитских надписях.

Какое место занимала мелкая частная земельная собственность в землевладении Сирии, об этом данных нет. Но такая собственность, несомненно, существовала, что видно хотя бы из талмудического законодательства. Имеются также акты о продаже мелких участков ценой в 54, 55 драхм (виноградники). В Дуре найдены документы о продаже более крупных участков за 700—2000 драхм. В одном документе речь идет о продаже дома с относящимися к нему фруктовыми деревьями за 175 денариев (Par. 101, 227 г.). К сожалению, в этих документах, так же как и у Филострата (V. Ap. VI, 39; ср. E u s., HE III, 20), размеры участков не указаны и потому цена земли неизвестна. Необходимо еще иметь в виду, что владельцы «царской земли», не будучи собственниками ее, possessores, все же могли покупать и продавать свои участки.

Ремесло в Сирии получило большое развитие. Производство стекла, шерстяных и шелковых тканей, окраска их, производство металлических изделий было поставлено в широких масштабах и достигло высокого уровня. Грандиозные строительные работы свидетельствуют об обилии квалифицированных строительных рабочих и искусных мастеров.* В семитских

* Надпись в Алеппо 226 г. называет несколько лиц, связанных совместной работой на строительстве: надзирателей ἐπιτελετῶν, мраморщиков и строителей (см. Ф. И. Успенский, Археологические памятники Сирии, «Известия русск. арх. ин-та в Константинополе», т. VII, София, 1902, стр. 164; ср. IGRR III, 1009, 124 г., Kefr-Nebo).

надписях упоминаются десятки профессий, в том числе и городские свободные занятия: врачи, рассказчики, переводчики, писцы, счетоводы, маклеры, астрологи. Весьма вероятно, что профессии передавались, как мы это знаем для более раннего времени из книги Хроник, по наследству. В талмудическом трактате Иома III, 11 говорится: «Следующие лица упоминаются с порицанием: члены дома Гарму не хотели передавать искусства приготовления хлебов предложения; члены дома Автинас не хотели передавать искусства приготовления курения; Гогрос Левит знал искусство петь, но не хотел учить других».

Ремесленники, как и купцы и мореходы, создавали свои объединения, в первую очередь на почве общих культовых интересов. В надписи IGRR III, 1031 (258 г.) названо объединение (συντέλεια) золотых и серебряных дел мастеров; в палмирском тексте этой двуязычной надписи (Lidzbarski 462, № 13) греческому слову συντέλεια соответствует tgm', тоже греческое слово (τάγμα), прочно вошедшее в палмирский язык, свидетельствуя, что ремесленные и профессиональные объединения были явлением широко распространенным.

Основу процветания городов Сирии составляла внешняя торговля. Предметами торговли служили прежде всего продукты собственного производства: крашенные ткани, стекло, металлические изделия, строевой лес, вино, масла, сушеные фрукты, благовония. Вывоз бальзама составлял монополию фиска; в пятый год после покорения Иудеи доход казны от бальзама Палестины составил 800 000 сестерциев (P l i n, NH XII, 111 сл.). Вывозились, конечно, и случайные второстепенные товары; мы видели, например, сирийскую пшеницу в Египте, хотя Сирия в общем едва покрывала собственную потребность.*

Размеры торговых операций были чрезвычайно разнообразны. Мелкую торговлю можно было вести с «капиталом» в 50 драхм (М. Пеа, VIII, 9); с другой стороны, были крупные торговцы, ведшие обширную торговлю. Тексты различают купцов, ведущих заморскую торговлю (ναύκληροι и ἔμποροι), внешнюю и внутреннюю торговлю (πραγματευταί и negotiatores), посредников (ἐγδοχεῖς). Купцы соединялись в компании, даже для незначительной внутренней торговли. В Скифополе, например, отмечен ἄμφωδος σειτικῆ — объединение торговцев

* В семитских языках большое количество названий животных, растений, рыб заимствовано из греческого языка. Отчасти это можно объяснить тем, что греки и римляне впервые стали эксплуатировать некоторые виды сырья (например, лекарственные растения). В основном же причину этого надо видеть в том, что местные продукты (например, рыба), имевшие местные, притом разные названия, должны были получить общее обозначение, когда поступили в торговый оборот.

зерном (SEG VIII, 43). Торговые операции финансировались обладателями денежных средств, предоставлявшими длительный кредит. В качестве образца кредитной сделки можно привести казус, придуманный юристом, но, конечно, из материала торговой практики: «Каллимах получил взаймы деньги на морскую торговлю от Стиха, раба Сея, в провинции Сирии, в городе Берите до Брундизия. Деньги даны в кредит на все двести дней плавания под залог и заклад товаров, приобретенных в Берите для доставки в Брундизий, и тех, которые он предполагает купить в Брундизии, с тем, чтобы ввезти их в Берит. Между ними состоялось соглашение, что, когда Каллимах прибудет в Брундизий, он до ид ближайшего сентября, закупив новые товары, отправится оттуда сам в Сирию или, если он к этому сроку не закупит товаров и не отплывет от того города, он немедленно возвратит все деньги, как если бы операция была закончена, и возместит все расходы лицам, которые получают эти деньги, чтобы доставить их в Рим» (Dig. XIV, 1, 122, 1). В дальнейшем между прочим говорится, что купца сопровождает в качестве представителя финансиста другой его раб. В этом тексте интересно, что финансовые операции ведут за своего господина рабы. То обстоятельство, что деньги, уплаченные в Брундизии, доставляются в Рим, а не в Берит, свидетельствует о существовании вкладных и переводных операций.

Сделки в Сирии, как и вообще на Востоке, совершались в письменном виде. «Кто дает деньги без свидетельства и документа, вводит в искушение должника» (Б-М. 756).

Торговая прибыль была, надо полагать, высока, так как в условиях древней торговли купец прежде всего утилизирует чувствительную разницу в цене товара на месте его производства и на месте потребления. Даже в близких между собой районах разрыв в ценах был очень велик. Иосиф Флавий в своей автобиографии (13, 74—75) обвиняет Иоанна из Гиссалы, что он использовал огромную разницу в ценах на масло в Галилее и в Кесарии.

Но самую большую выгоду давала купцам, торговым городам и государству торговля с Востоком. Оттуда ввозились драгоценные товары: мирра и ладан для богослужения, драгоценные камни и ароматические вещества из Аравии; пряности, жемчуг, тонкие ткани, выделанные кожи, слоновая кость, бриллианты из Индии; оттуда же привозили и рабов; основным предметом ввоза из Китая был шелк. Это была посредническая торговля; потребителями восточных редкостей была итальянская знать, императорский двор. Концентрировалась она, с одной стороны, в приморских городах (Газа, Аскалон, Иоппе, Птолемида, Кесария, Тир, Сидон, Библ, Берит,

Триполи, Лаодикея); с другой стороны, громадное значение в этой торговле имели города, от которых непосредственно начинались караванные пути: Дамаск, Петра, Бостра, Пальмира, и промежуточные этапы: Габала, Гераза, Филадельфия и др.

От портовых городов дороги шли к основным центрам торговли с Югом и Востоком. Через Петру, а после завоевания Траяном Аравии — через Бостру шли караванные пути к Персидскому заливу наперерез пустыне и к Красному морю. Во II в. главным центром восточной торговли была Пальмира; отсюда шли караваны на юг в Аравию и, главное, на Восток, к Евфрату; через Дуру на Евфрате купцы спускались к устью Евфрата и Тигра, к гавани Спасину Харакс, куда прибывали корабли из Индии, и к Форату или к Вологезиане, Селевкии на Тигре, Ктесифону и далее в Иран, Индию и Китай. Другой путь шел от Селевкии Приморской и Антиохии к Зевгме в верхнем течении Евфрата и оттуда либо по Евфрату вниз, либо через Эдессу и Низибиду в Армению и далее к Черному и Каспийскому морям. Дорога вдоль Оронта связывала Антиохию с Пальмирой.

Караванная торговля была делом трудным и рискованным. Приходилось содержать значительную охрану для защиты караванов от нападений арабских шейхов. Необходимо было преодолевать и стихийные трудности и бедствия. Арабские племена, через территорию которых проходили караваны, требовали выкупа под видом пошлин, платы за право выпаса, за защиту от нападений. Римское правительство, покорившее и замилившее кочевые племена Сирийской пустыни, сделало караванную торговлю из опасной авантюры регулярным промыслом. Были проложены дороги и приняты меры для их благоустройства и безопасности. Частично сохранилась доньше дорога, ведшая от Антиохии к Халкиде и далее к Вавилону и восточным торговым центрам. Дорога была вымощена большими каменными глыбами. Через короткие промежутки были станции, находившиеся на попечении ближайших городов. Кое-где сохранились остатки станционных зданий, представлявших небольшие строения с примыкающими к ним стойлами для ослов и верблюдов. В городах, через которые пролегал караванный путь, были большие гостиницы со складскими помещениями.

Пальмирские надписи дают нам представление об организации каравана — *συνοδία*, по-пальмирски *šjrth*. Во главе его стоял синодиарх, *rb šjrth*. Интересно, что члены караванной компании называются по-пальмирски *šjrth* «сыновья каравана»; можно думать, что первоначально караван составлялся из членов одного племени; синодиархи также принадлежали большей

частью к одной фамилии не только потому, что в ее руках сосредоточилось богатство, но и в силу родовой привилегии. Так, надпись 193 г. (Lidzbarski 458) прославляет синодиарха Таймарсу и его сыновей; такая же надпись (OGIS 638) составлена в честь его брата Иаддая; синодиархом был и его отец. Часто сообщается о том, что синодиарх принял на себя хлопоты и расходы по обратному путешествию каравана из Фората, Вологезианы, Спасину Харакса; упомянутый Таймарса дал, кроме того, своим спутникам 300 золотых денариев старой чеканки ('thjqjn).

Исключительная роль Пальмиры в восточной торговле создала ей и особые политические привилегии. Отделенная и от Сирии и от Парфии пустыней, Пальмира чувствовала себя достаточно независимой от обеих держав. Римляне нашли целесообразным не подавить окончательно автономию Пальмиры. Здесь сохранилась герусия с *πρόεδρος* во главе, народные собрания, архонты, декапроты. Римский прокуратор в Пальмире принадлежал к высшему рангу и получал 200 000 сестерциев. Септимий Вород в надписи (OGIS 646) именуется дученарием, прокуратором Августа и *δικαιοδότης μητροπολιτικῆς*, исполнявшим также должность стратега и агораномы и председателя священных трапез (*συμπόσιάρχης*) жрецов бога Зевса-Бела. Некоторые должности носили в Пальмире семитские названия и являются доримскими (декапроты — 'šrth; агораном — rb šwq). Население делилось на филы, еще хранившие родовые традиции. В надписи OGIS 635 (178/9 г.) названы *οἱ ἐν γένους Ζαβδιβωλείων*. В пальмирской двуязычной надписи 21 г. (Lidzbarski, стр. 457) восхваляется Хашам, которому воздвигли статую bnj kmr' (сыны Камара, в греческом тексте — *φυλὴ Χαμαρηνῶν*) и bnj mthbwl (сыны Матбола, в греческом тексте опущено). Иногда прямо применяется термин pḥd — племя.*

Адриан дал Пальмире права колонии и *ius italicum*. Вряд ли пальмирцы особенно дорожили своим званием колонии; хотя официально город стал называться 'Αδριανή, но в частных документах попрежнему именуется Тадмор и никогда — Пальмира; в пальмирском тексте знаменитого тарифа греческому пышному *στρατηγὸς λαμπροτάτης κολωνείας* соответствует скромное 'srtg' dj qlnj'.

Наиболее яркой иллюстрацией автономии Пальмиры служит найденный Абамелек-Лазаревым большой, хотя плохо сохранившийся, текст на греческом и пальмирском языках, содержащий таможенный тариф города Пальмиры, установлен-

* J. Cantineau, Tadmorea, «Syria», XIV (1933), стр. 191 и др. Ср. Lidzbarski, 478, № 2, 3.

ный в 137 г. До того не было твердо определенных ставок, откупщики налогов руководствовались обычаем, что при усложнившейся торговле вело к спорам между откупщиками и торговцами. Новый тариф должен был внести ясность в систему обложения. Тариф установлен пальмирским народным собранием, взыскивали налоги и пошлины пальмирские откупщики, наблюдали за ними архонты, декапроты и синдики, и взысканные суммы поступали в городскую казну; об этом можно судить, между прочим, по тому, что в том же указе устанавливается и плата за пользование водоемами, налог на право продажи соли в Пальмире (очевидно, соль была монополией) и некоторые другие статьи, несомненно относящиеся к местному бюджету. Это, конечно, не значит, что римская казна не получала дохода от пальмирских налогов и пошлин; она лишь предоставила пальмирцам самим установить ставки налогов и пошлин и взыскивать их своим аппаратом, но получала от Пальмиры либо твердую сумму ежегодно, либо известную долю дохода. В самом тарифе дается в одном месте ссылка на рескрипт Германика, в другом месте прямо говорится: «За каждого верблюда, ввозимого порожняком, он (откупщик) взыщет 1 денарий, как взыскивал вольноотпущенник (прокуратор) Цезаря Килик».

Что касается товаров, на которые налагается пошлина, то их перечень невелик: это главным образом пурпурная шерсть, вино и масло; больше всего дифференцирована пошлина на масло: за верблюжью поклажу масла в алебастровых кувшинах — 25 денариев, в козьих мехах — 13 денариев и т. д. Кроме того, упоминаются кожи, сухие фрукты, а также рабы; последние делятся (как и в Дигестах XXXIX, 4, 16, 3) на две категории: молодых ($\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$ n'r) и ветеранов (пальмирский текст здесь тоже дает *vtrn*). Вероятно, тариф содержал и другие важные статьи, но и греческий и пальмирский тексты сильно попорчены, и многие строки не поддаются разбору.*

Население Сирии, как и прочих провинций, обязано было налогами и повинностями в пользу Рима. Основные налоги — подушный (*tributum capitis*) и поземельный (*tributum soli*) были введены с самого начала и не были ничем новым, так как они взимались и до римского завоевания. Даже городские колонии не были свободны от этих налогов. «Божественный Веспасиан сделал Кесарию колонией, не прибавив, чтоб они пользовались также *ius italicum*, но освободил их от *tributum*

* Текст тарифа — OGIS 645; Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, стр. 461 сл. На русском языке (извлечение) — А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства.

capitis, но божественный Тит истолковал это так, что свободна от налога и земля» (Dig. L, 15, 8, 7). Каракалла «сделал Антиохию колонией, сохранив подати» (Dig. L, 15, 8, 5); это значит, что даже «свободная», «автономная» и т. д. столица Сирии платила подати. Подушному налогу в Сирии подлежали мужчины от 14 до 65 лет, женщины — от 12 до 65 лет (Dig. L, 15, 3, pr.). По сообщению Аппиана (Syr. VIII, 50), «сирийцы и киликийцы подлежат ежегодному налогу в размере $\frac{1}{100}$ удостоверенной собственности каждого человека». Этот имущественный налог — *djmwspn'* часто встречается в талмудических текстах под названием *djmwspn'*. Иудеи после 70 года должны были платить, сверх того, поголовную дидрахму в *fiscus iudaicus*. Кроме денежного налога, существовала и подать натурой — *anpona* ('*gnon*' талмудических текстов). Существовал квартирный налог (Ios. Ant. XIX, 6, 3) с «дыма» (в Антиохии, по свидетельству Малалы); о «безжалостном» налоге с ввозимых на базар товаров сообщает Иосиф (Ant. XVII, 8, 4); Вителлий ввел налог на плоды (ibid. XVIII, 4, 3). IGRR III, 1080 сообщает о *κοινὸν τῆς τριαχίδος* — союзе сборщиков какой-то *tricesima* ($\frac{1}{30}$). *Χρυσόρυτρον* — налог на ремесло — также засвидетельствован для Сирии.

Кроме случайно нам известных, существовали, наверно, и другие, главным образом местные налоги, о которых сведения до нас не дошли. Так, при недавних раскопках в Дуре найдены документы о местных налогах на рабов, на платье, кожи, мясо, за пастьбу скота, за пользование водой оазиса и др. *Augur soropagium* — «добровольный взнос» на венки императору, о чем свидетельствует между прочим Талмуд (Баба Батра 143а). Немалый расход составляла и *anpona militaris* — содержание и снабжение проходящих войск и путешествующих сановников или самого императора. И здесь, как и в других провинциях, встречаются надписи с благодарностью благодетелям, взявшим на себя расходы по встрече именитого гостя (IGRR III, 1054, Пальмира, 130 г.).

Немалую брешь в бюджете населения создавали штрафы и контрибуции. Слово *ζημία* — «штраф» вошло в арамейский язык (*zmjwn*).

Налоги взыскивались со всей беспощадностью римского фискального аппарата. В Мишне сборщик налогов приравнивается с точки зрения форс-мажор к разбойнику (Б. Кама X, 2; Нед. III, 4). Хабер (фарисей), ставший сборщиком, исключается из хаберства и не заслуживает доверия (Тос. Демаи III). «Не платят «милостыни» ни из кассы сборщиков, ни из кошель воров, ибо это грабленные деньги» (Б. Кама, 113а). Известна из евангелий ненависть бедноты к «мытарям». Но выколачивать подати и налоги не всегда удавалось, и за

плательщиками оставались недоимки; слово *λεῖψανον* вошло в арамейский язык (*lps*). Недоимщики подвергались жестоким репрессиям и окончательно разорялись.

Кроме налогов, в Сирии были и повинности — личные и имущественные. Эти *mipnaga* были не менее тягостны, чем налоги. Ангарии рассматриваются в Мишне (Б-М. VI, 3) как стихийное бедствие. Население обязано было поставлять рабочий скот, перевозочные средства по требованию властей, содержать в порядке дороги, почтовые станции: ангарии были прообразом барщины. Немалым бедствием были постои и «угощения» войск и чиновников. Злоупотребления здесь были особенно чувствительны. Чтобы ввести эту повинность в рамки законности, население вскладчину устраивало заезжие дома, но и эта мера, видно, не избавляла от злоупотреблений. В надписи конца II — начала III в. легат Сирии Юлий Сатурнин пишет жителям крупного села (*μητροπολίς*) Фэнии и Трахонитиде: «Если к вам насильно вселится солдат или же частное лицо, донесите мне, и вы получите удовлетворение; вы ведь не обязаны никакими взносами для приезжих, и, имея заезжий дом, вы не можете быть принуждены принять проезжих в свои дома» (OGIS 603).

Личные повинности — несение службы в качестве литургии с личной имущественной ответственностью — были таким же бичом для средних и малоимущих слоев населения, как и в других провинциях. Талмуд, всячески ограничивающий выезд евреев из Палестины, разрешает, однако, эмиграцию, если она вызвана необходимостью избежать литургии или избрания в буле. Притом римское правительство сдирало две шкуры. «Если ты родом из Библа, а заявляешь себя жителем Берита, то тебя правомерно привлекают к исполнению повинностей в обоих городах» (Cod. Just., de muneribus originariis, 10, 39, 1. Ср. Dig. L, 1, 29: «Поселенец обязан подчиняться и тем магистратам, у которых живет, и тем, у которых является гражданином; и он не только подвержен юрисдикции в обеих муниципиях, но и обязан выполнять все общественные повинности»). Такое двойное подданство было особенно чувствительно для сирийцев, которые по своим торговым делам часто уезжали из родного города и селились в других городах не только Сирии, но и за пределами провинции.

Тяжесть налогов в Сирии отмечают авторы разных времен. Тацит отмечает (Ann. II, 42), что при Тиберии Сирия и Иудея были задавлены бременем налогов, Аппиан указывает на особую тяжесть налогов на Иудею (Syr. VIII, 50). Биограф Песценния Нигера сообщает (VII, 9), что на просьбу уменьшить ставшие невыносимыми подати тот ответил: «Если бы я мог, я бы обложил и ваш воздух».

При таких условиях жизнь массы населения должна была быть тяжелой. «Римский мир» позволял богатым богатеть, а бедных ввергал в нищету. Мы можем судить о бюджете средней и малоимущей семьи по нормам, предусматриваемым Мишной для содержания жены (Кет. V, 8): «Кто выдает жене своей пропитание через посредника, тот должен дать ей в неделю не менее 2 каб пшеницы или 4 каба ячменя (р. Иосе сказал: только р. Измаил, который жил около Идумеи, назначал женам ячмень) и дает полкаба стручковых плодов и пол-лога масла и каб сушеных смокв или мину смокв свежих; а если у него этого нет, то он назначает ей соответствующее количество из других припасов; и дает ей кровать, миппац (цыновку), плетенку и дает ей покрывало на голову и пояс на бедра, пару башмаков к каждому празднику и платья стоимостью 50 зуз ежегодно; при этом он не дает ей нового платья летом, а подержанного осенью, но дает ей платье стоимостью 50 зуз осенью, потому что она летом надевает обноски». * Тосефта к этому разъясняет: «И он дает ей кубок, котел, кувшин, светильник и фитиль; вина он ей не дает, так как жены бедняков не пьют вина; подушки ей не полагается, так как жены бедняков не спят на подушках». Таков был идеальный (по закону) жизненный уровень рядового трудящегося. А в случае стихийного бедствия — неурожая, с которым при низкой технике сельского хозяйства борьба была невозможна, масса населения переживала все ужасы голода. Богатым городам приходилось иной раз бедствовать.

На монете Сидона имеется изображение модия (хлебная мера) с надписью: *aeternum beneficium* — воспоминание о помощи населению во время голодовки. Такое же изображение с такой же легендой имеется и на монете Лаодикеи. «Пусть я так увижу утешение, как я видел подбирающую ячмень изпод лошадиных копыт в Акко», — восклицает р. Элизер (Тос. Кет. V, 9). Евсевий рисует жуткую картину голода, охватившего Восток в 312 г. Если учесть, что Евсевий преувеличил ужасы из ненависти к гонителю Максимиனு и из желания показать во всей силе карающую десницу божью, все же картина получается достаточно грозная: «... одна мера пшеницы продавалась по 2500 аттических драхм. Бесчисленное множество народа умерло в городах, а еще больше того в селах и деревнях, так что списки податных людей, до того времени заполненные многочисленными именами землевладельцев, теперь состояли едва не из одних помарок, потому что почти все те жители

* Каб = 2.2 л; лог = 0.55 л; мина (в тексте поясняется, что «все это — италийской мерой», $\mu\eta\eta\ \eta\lambda\iota\kappa\eta$) = 358.5 г; зуз — драхма (сирийская драхма = $\frac{3}{4}$ денария).

истреблены голодом и заразой. Одни принуждены были отдавать богатым людям самые любимые свои вещи за небольшое количество пищи; другие, мало-помалу прожив все свое имение, дошли до крайней нищеты; иные растирали малые клочки сена, питались без разбора вредными растениями и погибали от болезни... Другие, высохшие ... не могли стоять на ногах и падали среди улиц. Лежа вниз лицом, они умоляли о куске хлеба и, находясь при последнем издыхании, жаловались на голод, хотя и для произнесения этой самой жалобы были уже слабы. А люди, казавшиеся богатыми, раздав много пособий, в конце концов напуганы были толпами просителей и пришли в состояние бесчувственности и жестокосердия, ибо ожидали, что вскоре сами должны будут переносить одинаковые бедствия с просящими. На городских площадях и улицах мертвые обнаженные тела, в течение многих дней оставаясь непогребенными, представляли самое печальное зрелище; а некоторые из них даже пожираемы были псами» (Hist. eccl. IX, 8).

А в то же время отцы церкви рисуют роскошную жизнь кучки богачей, строивших свое благополучие на нищете масс. Социальные противоречия достигли небывалой остроты.

Значительная доля народного дохода тратилась на строительство, благоустройство и украшение городов. Первое место в этом отношении занимала, естественно, Антиохия, резиденция легата Сирии. Многие императоры подолгу жили в этом городе, одаряли его своими милостями. Антиохия пользовалась автономией, на своих монетах называла себя *Ἀντιοχέων μητρόπολις* (впрочем, сбоку помещались буквы SC, указывавшие на зависимость Антиохии). Она выпускала не только бронзу, но и серебряные тетрадрахмы невысокой пробы; антиохийская тетрадрахма равнялась лишь трем римским денариям. Привилегия чеканки серебряной монеты объясняется тем, что в Антиохии находилось отделение монетного двора. До римского завоевания четырехградие — Антиохия, Апамея, Лаодикея, Селевкия Приморская — выпускало бронзовую монету сообща.

Столица царства Селевкидов была крупным городом; при римлянах продолжалось расширение города, его украшение. Древняя Антиохия не изучена археологически, но имеются ее описания у древних авторов, особенно у Иоанна Златоуста. Центральная улица Антиохии представляла широкий проспект, тянувшийся с востока на запад на 6 км. Улица была сплошь застроена трех- и пятиэтажными домами из массивных каменных блоков. Вдоль улицы с обеих сторон тянулись крытые колоннады, где под защитой от зноя и дождя протекала жизнь улицы. Перекрестки украшены были арками; самая роскошная была в центре, откуда расходились главные улицы.

Город имел водопровод и канализацию, по ночам освещался. На всех улицах были роскошные храмы, общественные здания, бани, амфитеатры. Колонны дворцов и храмов покрывались листовым золотом, всюду виднелись статуи богов и удостоившихся почета политических и общественных деятелей. Частные дома соперничали с публичными зданиями в красоте и роскоши. Дома имели портики с золочеными колоннами. Стены внутри и снаружи были выложены мрамором, украшены статуями, мозаикой, картинами, драгоценностями, художественными изделиями. Здесь в передних толпились многочисленные рабы, пока хозяйка и гости развлекались и пировали. Беднота была вытеснена на окраины, где ютилась в жалких лачугах, подчеркивая роскошь и праздность богачей.

В предместье Антиохии — Дафне, утопавшей в зелени лавров и кипарисов необыкновенной красоты, находилось построенное Селевкидами святилище Аполлона со знаменитой статуей Аполлона работы Бриаксея; здесь были и храмы Артемиды, Зевса и Исиды. Здесь находился и стадион, на котором совершались олимпийские игры с такой же торжественностью, как в Олимпии. Руководитель игр — алитарх — был высшим сановником, и функции его не раз выполняли императоры.

В честь Дианы и Афродиты устраивалось в мае празднество, длившееся 30 дней. Название его — Майума — неясно. Это было разгульное, веселое празднество, и даже христианские императоры вынуждены были его разрешить, несмотря на его языческую непристойность. Эдикт Аркадия и Гонория от 25 апреля 396 г. гласит: «Нашей милости угодно, чтобы провинциалам была возвращена радость Майумы, с тем, однако, чтобы соблюдалась благопристойность» (С. Theod. XV, 6, 1). С такой же мотивировкой («чтобы от чрезмерного их ограничения не породилась печаль») эти же императоры в 399 г. вновь разрешают *ludicres artes*, но не Майуму — «гнусное и неприличное зрелище» (С. Theod. XV, 6, 2). Антиохийцы заслужили в древности репутацию людей веселых, преданных всякого рода наслаждениям, любителей игр и развлечений, задорных. Во время пребывания императора Юлиана в Антиохии в городе распространяли язвительные памфлеты против него, где между прочим высмеивали даже его «философскую» бороду. Интересно, что на эти выпады Юлиан ответил не репрессиями, а ... тоже памфлетом «*Misorogon*» — «Брадоненавистник».

Антиохия задавала тон и другим эллинизированным городам средиземноморского побережья. Храмы, дворцы, цирки, театры, роскошные частные дома воздвигались на средства частных лиц, императорами, царьками, тетрархами, искавшими, подобно Ироду, популярности в крупных и влиятельных политических центрах. В Апамее также была своя цен-

тральная улица, длиной более 1.5 км, с крытой колоннадой вдоль обеих сторон; белые колонны в 9 м высотой, увенчанные коринфскими капителями, украшены были фигурным орнаментом. В центре находилась обширная базилика. Храм Бела, отождествленного с Зевсом, представлял грандиозное сооружение из громадных каменных глыб, связанных железными креплениями. Когда при императоре Феодосии вышло повеление о разрушении языческих храмов, пришлось прибегнуть ко всем достижениям тогдашней осадной техники, чтобы ниспровергнуть храм Бела в Апамее.

В Пальмире главная улица была несколько короче, чем в Апамее, но гораздо роскошнее; колоннада вдоль улицы состояла из четырех рядов гигантских колонн в 18 м высотой с нишами для статуй; ряды колонн были попарно соединены крышей, на которой местами возвышался второй этаж колонн, образуя аллею для прогулок; на перекрестках, где главная улица пересекалась боковыми колоннадами, сооружены были арки тетрапилы. Сохранившиеся руины храма Солнца свидетельствуют о грандиозности этого сооружения с мраморными или гранитными колоннами коринфского стиля, число которых доходило до четырехсот. Колонны сохранили следы позолоты; они украшены рельефами и бюстами, в нишах стояли статуи.

Архитектура городов Сирии в основном эллинистическая, но многое сохранила от Востока: громадные размеры строений, колонн, чисто восточные мотивы в орнаментировке. Чем дальше от Средиземноморья и торговых центров, тем больше восточных элементов в искусстве Сирии. Характерным в этом отношении является знаменитый храм в Гелиополе (Баалбек), вскрытый археологами. Посвященный семитскому Гададу, почитаемому и в Европе под романизированным именем *Iupiter Heliopolitanus*, храм этот, реставрированный Антонином Пием, считался одним из чудес света и теперь еще поражает своей величием и роскошной орнаментацией. Описанный Лукианом храм Атаргатис, «Сирийской богини», сохранил также все черты восточного храма, так же как и культ этой богини был восточным по содержанию. Хотя Гелиополь был римской колонией (*Colonia Iulia Heliopolitana*), не римляне здесь определяли художественные вкусы, религиозные представления, культовые обычаи.

Только в дорожном строительстве, в проведении водопроводов, в военных сооружениях римляне были законодателями. Эти постройки римского времени во многих случаях сохранились до настоящего времени и частично используются и теперь там, где культурные некогда области не превратились в пустыни.

Вообще романизация коснулась восточных провинций Римской империи чрезвычайно слабо. Даже в крупных городах и римских колониях римское влияние было мало заметно. Прежде всего римляне не могли, конечно, вытеснить греческую культуру.

Эллинизм также не проник во все сферы жизни Востока, во многом сам испытал на себе его влияние и мало затронул массы народа, особенно в глубинных районах. Но господство эллинизма было несомненно, поскольку это была в первую очередь культура господствующего класса. Проводником римского влияния мог быть только эллинизм, сильное воздействие которого испытал и Рим. Правда, Рим пытался навязать и восточным провинциям не только свои порядки, но и свой язык, обычаи, нравы. Дион Кассий рассказывает, что Клавдий при приеме ликийских представителей, обнаружив, что один из них не понимает по-латыни, лишил его римского гражданства, заявив, что нельзя быть римлянином, не зная латинского языка (X, 17; ср. Suet. Claud. 16). А ведь Клавдий был знатком и почитателем греческого языка (Suet. Claud. 42). Римский гражданин, хотя бы и провинциал, мог написать завещание, имеющее силу, только на латинском языке. Аполлоний Тианский жалуется у Филострата (V. Ar. V, 36) Веспасиану, что «Элладой управлял человек, не понимавший греческого языка». Официальным языком для всей империи был латинский, хотя для Востока указы публиковались по-гречески. Латинский язык господствовал в армии. Раскопки в Дуре в последние годы познакомили историков с военным архивом и военным делопроизводством.* Армия, несомненно, была источником распространения того *sermo castrensis*, который послужил одним из исходных пунктов для создания романских языков, и сирийские солдаты составляют свои надписи на латинском языке. В Сирии римляне, как и в других провинциях, составляли свои *conventus*, и местная знать, чтобы войти в сферы влиятельных римских представителей, усваивала латинский язык. Юристам приходилось изучать римское право на латинском языке. Торговые сношения с Италией также требовали знания латинского языка.

Таким образом, были разные пути проникновения латинского языка на Восток, в частности и в Сирию. Но оно было лишь поверхностным и корней не пустило. В то время как количество греческих слов, вошедших в состав семитских язы-

* См. M. Rostowzeff, *Das Militärwesen von Dura*, «Papyri und Altertumswissenschaft», Münch. 1934, стр. 351 сл.; его же, *Les archives militaires de Doura*, CR de l'Acad. d'Inscr. et de belles-lettres, 1933, стр. 309 сл.

ков Сирии, исчисляется тысячами, латинских слов насчитываются сотни. Вышедшие из Сирии многочисленные писатели-ученые, философы писали на греческом языке. Филон пишет об Августе, что он «приумножил Элладу многими Элладами» (Ἐλλάδα Ἐλλάσι πολλὰς παρὰ ἑξῆσας) и эллинизировал варваров (Leg. ad Cai. 22).

Там, где не сказывалась непосредственно военная сила, разрушительное действие налогового аппарата, римского права и суда, римское влияние не шло дальше периферии высших слоев общества. В быту римское влияние выразилось главным образом в распространении гладиаторских игр и цирковых зрелищ. Старые греческие игры получали новые римские названия: Αἰγούστεια, Σεβάστεια, Καισάρεια, Τραιάνηα и т. п. На монетах Гелиополя встречается легенда Cert[amina] sacra Cap[itolina] Oec[umenica] Ise[lastica] Hel[iopolitana]. Но даже и здесь сирийцы предпочитают подчеркивать свою связь с эллинизмом. На монетах Тира упоминаются Ἡράκλεια, Ὀλύμπια, Απαμει—
“Ἡλια πόθια.

Но и эллинизм в Сирии не одержал окончательной победы. Прежде всего греческий язык оставался языком преимущественно городов и высших слоев общества и не вытеснил местных семитских языков. Большое число дошедших до нас двуязычных (греческий и сирийский) и трехязычных (греческий, латинский, сирийский) надписей показывает, что в массе народа живым языком был родной семитский; греческий, реже латинский текст короче, носит более официальный, формальный характер, тогда как семитский полнее и интимнее.* Большое число надгробных надписей составлено только на семитских диалектах.

Но сохранилась не только народная речь: в римский период не прекращалось литературное творчество на семитских языках. Продолжалось составление библейских книг, частично вошедших в христианский канон Ветхого завета: книга Товит, IV книга Ездры, сирийский Апокалипсис Баруха и некоторые другие. В римский период создан монументальный труд на арамеизированном еврейском языке — Мишна и значительная часть Талмуда, а также большое количество мидрашей. После разрушения Иерусалима в 70 г. в городе Явне

* Приведем для примера двуязычную надпись под статуей 21 г. (Пальмира). Пальмирский текст: «Статуя Хашама, сына Неши, сына Булхи Хашама, которую соорудили ему сыны Камара и сыны Матбула за то, что он стал во главе их и сотворил мир между ними и удовлетворил соплеменников всем как в большом, так и в малом, в знак преданности. В месяце канун 333 г.» (эра Селевкидов). Греческий текст: «Малиха Кесая, сына Буллая, по прозвищу Асаса из филы Хомары — народ Пальмиры в знак благоволения» (Lidzbarski 457).

(Ямнии) была создана школа, «академия», где ученые раввины — «талмуд хахамы» занимались комментированием «закона», приспособлением его к новым условиям, созданием новых «галах» — законоположений культового и гражданско-правового характера. Здесь же велась работа по систематизации «галах», результатом чего явился и религиозный кодекс — Талмуд. Такие же академии, как в Явне, возникли и в Лидде, в Сепфорисе, Тивериаде, Уше. Глава академии считался в глазах римлян духовным главой иудеев и пользовался рядом привилегий и иммунитетом.

Одновременно возникает обширная литература, относящаяся к мандейской религии, на арамейском диалекте. Много мандейских текстов дошло до нас также в виде надписей (знаменитые магические чаши). Переводится на сирийский язык четвероевангелие (merharaša), наряду с которым находится в обращении составленная Татианом компиляция из четырех евангелий (Диатессарон). В конце II в. в Сирии действует гностик Еардезан; «человек весьма способный и отлично владевший сирийским языком написал на родном языке диалоги против Маркиона и других... а также очень много других сочинений. Ученики ... перевели их с сирийского языка на греческий» (Eus. HE IV, 30). Особенно часто древние авторы цитируют его произведение «О роке». Если на Западе языком христианской пропаганды был латинский, а на Балканах и в Малой Азии — греческий, то в Сирии этим языком стал сирийский; в этом нашла свое выражение также оппозиция монофизитской и якобитской церкви официальному греческому православию. Эдесса стала центром христианской литературы на сирийском языке.

Меньше всего могло сохраниться оригинальных элементов в области права. Римское право господствовало безраздельно. Но поскольку ни преторское право, *edictum perpetuum*, ни отдельные указы и распоряжения не представляли систематического свода законов, они не могли предусмотреть все возможные случаи требований вмешательства и санкций закона.

Поэтому в области гражданского права оставалось много неясного или непредусмотренного в законе, и провинциалы в таких случаях руководствовались своими местными обычаями и местными законоположениями. По мере возникновения казусов римские юристы давали им соответствующее решение с точки зрения римского права, и эдикты императоров и их представителей по тому или иному вопросу получали силу закона, обязательного для всей империи. Кроме того, по мере роста числа римских граждан все более возрастала категория лиц, на которых распространялись нормы исключительно римского права.

При всем том оставалось значительное поле действия для местного обычного права или для рецепированного на Востоке греческого права.* Да и там, где существовали законодательные нормы, римлянам приходилось считаться с местными условиями. Завещание римского гражданина, написанное по-гречески, было недействительно. Но в провинциях, где господствующим языком был греческий, нельзя было требовать от новопеченных римских граждан, чтобы они владели латинским языком, и приходилось идти на уступки (Dig. XXXVI, 1, 76 pr.)

Если по уголовным делам юрисдикция принадлежала только римскому суду, то по гражданским делам — всякого рода имущественным тяжбам — население, не знавшее римского права, боявшееся римских судей, не понимавшее их языка, часто предпочитало обращаться к старым, доримским судьям и судиться по обычному праву. Правда, решения такого суда имели только моральную силу, но в некоторых случаях эта сила была достаточно велика; в частности, авторитет раввинов при господстве «закона» во внутренней жизни иудеев не уступал основанному на насилии авторитету римских властей. Поэтому разработка гражданского права в Талмуде имела не только теоретический характер.

Понятно, со временем римский суд вытеснил местное право. Еще в первом Послании к коринфянам автор жалуется, что христиане предпочитают обращаться со своими тяжбами в римский суд: «Неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными» (VI, 2). Однако длительное применение на практике норм местного права отражается в документах. Сделки, браки, завещания совершаются в соответствии с греческим правом или местными обычаями или установлениями. Найденный в Гиераполе сирийский кодекс V в. (по всей вероятности, перевод с греческого), содержащий компиляцию главным образом семейного и наследственного права, обнаруживает много черт греческого и восточного права.** В частности, порядок наследования при отсутствии завещания скорее напоминает библейско-талмудические нормы, чем греческие и римские.

Мало того, есть основания полагать, что восточное право оказало влияние на римское. Мишна (δευτέρωσις) была известна римским юристам, и некоторые положения римского права

* Так, продажа раба и половины виноградника в тексте пергамента из Дуры (DP 23, 180 г.) совершена в соответствии с греческим правом. C. Brandford, Die zivilen Archive von Dura, «Pap. u. Altertum.», стр. 379 сл.

** См. L. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreiches, Lpz. 1891.

находят свое обоснование в талмудических законоположениях.*

Можно, таким образом, считать установленным, что в области права Сирия сохранила и в теории и на практике многие элементы доримского права. Меньше всего это относится к западному побережью, где развитая городская жизнь требовала более тесного сближения с римскими установлениями; в Берите даже была создана школа римского права, из которой вышли выдающиеся юристы. Но во внутренних областях и на Востоке римляне не могли вытеснить до конца греческие и местные нормы гражданского права.

Больше всего воздействие Сирии на греко-римский мир сказывается в области религии. Потребность в создании мировой религии как дополнения к мировой империи выражалась в синкретизме, в слиянии греко-римских богов с восточными, в тенденции к созданию монотеистической религии путем перенесения атрибутов многих богов на одного бога. И здесь Сирия сыграла не малую роль.

Прежде всего необходимо указать на роль иудейского монотеизма, сложившегося в эллинистический период; иудейская пропаганда имела несомненный успех не только в Малой Азии и Египте, но и в Сирии, где находился религиозный центр иудаизма. Иосиф Флавий пишет, что в Антиохии иудеи, «привлекая к своей вере множество эллинов, сделали и этих последних в известной степени составной частью своей общины». В конце концов в лице христианского бога-отца единый иудейский бог Ягве победил всех своих языческих соперников. Иудейский монотеизм оказал воздействие на непосредственных соседей евреев, сирийцев, которые восприняли некоторые монотеистические идеи раньше, чем они утвердились в греко-римском культе. Это бросается в глаза при чтении семитских, особенно двуязычных надписей; в семитских надписях II—III вв., как правило, не называется имя бога, а дается отвлеченная формула: «да будет благословлено его имя вовеки, благого и милосердного» (Lidzbarski 477 сл.), в то время как греческий и латинский тексты в тех же надписях обращаются к конкретному божеству. Так, в пальмирской надписи 114 г. (Lidzbarski 474), греческому Δι ὑψίστῳ καὶ ἐπηρόφ соответствует пальмирское lbṛjk šmh l'm': «да будет благословенно его имя вовеки». В другой надписи 134 г. (Lidzbarski 477) греческому Δι μεγίστῳ Κεραννίῳ соответствует lb'l šmn mr' 'lm': «владыке небесному — властителю мира».

* См. S. Meyer, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, Lpz. 1862—1866, особенно II, 204—206, 234, 238 сл.

Сирийские культы получили широкое распространение в западной части империи. На чужбине сирийцы не забывали своих богов. Из надписи 78/79 г. в ПUTEОЛАХ мы узнаем, что выходцы из Тира вывезли сюда по указанию бога статую 'Hλιος Ἀρεττηνός (OGIS 594). Мы уже видели, что на Делосе существует религиозная организация посеидонистов, выходцев из БЕРИТА, что в Риме и ПUTEОЛАХ существуют *στατῖδωες* почитателей тирских богов. Но эти боги начинают претендовать и на мировое господство. Дамасский Ваал, Гелиопольский Гадад, Дольхенский Баал чтятся римлянами под именами Iuppiter Damascenus, Iuppiter Heliopolitanus, Iuppiter Dolichenus. Священный голубь сирийской Атаргатис летает по многим городам (Tib. I, 7, 54), а сама сирийская богиня (dea Syria) — «всемогущая всеродительница» (Ap. Metam. VIII, 25) соперничает с Исидой как владычицей неба и земли.

Триумфом сирийской религии было установление в Риме культа бога города Эмесы — Элагабала. А когда Аврелиан попытался искусственно насадить единую религию Sol Invictus, он в качестве воплощений этого «непобедимого Солнца» установил в его храме вывезенные из Пальмиры статуи Бела.

Сирия имела и местных богов, почитание которых было связано отчасти с пережитками первобытных культов, отчасти с особенностями бытового уклада. Можно указать, например, на пальмирских богов — покровителей караванов, Арсу и Азису,* культы гор, рек, животных. Но не они определяют характер религии народов Сирии; при всем многообразии верований в основном Сирия в религиозном отношении, сохраняя свою самобытность, совершает эволюцию по пути к созданию единой религии империи и сама дает некоторые необходимые для этого элементы.

Сирия внесла немалый вклад в римскую культуру. Она выдвинула ряд философов, ученых, писателей, оказавших громадное влияние на эллино-римскую культуру. Непосредственно перед римским завоеванием мы видим фигуру Посидония из Апамеи, философа, историка, географа, пользовавшегося заслуженным уважением современников и занявшего почетное место в истории древней философии и науки. Философские традиции в Сирии были сильны. Софист Исей, Максим Тирский, киник Эномай из Гадары, пифагореец Никомах из Геразы, платоник-пифагореец Нумений из Апамеи, неоплатоник Порфирий, имя которого — перевод сирийского Малх, и многие другие сирийцы заняли видное место в греческой фи-

* См. M. Rostowzeff, The Caravan gods of Palmyra, JRS XXII (1932), стр. 107 сл. и замечания H. Seyrig, Antiquités syriennes, «Syria» XV (1935), стр. 155 сл.

лософии. Из Flavia Neapolis (др. Сихем) вышел христианский философ и апологет Юстин. Многим обязана историческая наука Николаю Дамаскину, Иосифу Флавию, Гереннию Филону из Библа. Новейшие археологические открытия в Финикии показали, что Филон располагал древними финикийскими источниками для своих мифологических построений. Сирия выдвинула «Вольтера классической древности» — Лукиана из Самосаты. Здесь процветал греческий роман. Наиболее видным представителем этого жанра является Гелиодор («Эфиопия»); переплетение романических мотивов с религиозной экстастикой мы находим в «Деяниях Фомы». Сирия не только дала выдающихся ораторов, но и создала крупные школы риторики в Апамее, Кесарии, Халкиде, Газе, Тире. О юридической школе в Берите уже упоминалось. Берит и Антиохия славились также медицинскими школами. В Антиохии возникла и христианская школа, успешно конкурировавшая с александрийской школой катехетов.

Римская культура, таким образом, многим обязана Сирии. Это вполне закономерно; мировая империя ведь имела своим назначением включить в общий оборот все ресурсы провинций — материальные и духовные; в этом ее историческая роль.

Е Г И П Е Т

Египет занимал в системе Римской империи особое положение. Эта страна древнейшей цивилизации не была организована римлянами по типу обычных провинций, управляемых проконсулом, легатом или прокуратором. В своих „Деяниях“ Август заявляет:» Египет я подчинил власти римского народа» (Aegyptum imperio populi Romani tradidi; Αἴγυπτον δ' ἔμου Ῥωμαίων ἡγεμονίαι προσέθηκα). В действительности он смотрел на Египет, как на свое личное владение, над которым он властвует в качестве преемника Птолемеев и древних фараонов. Он конфисковал в Египте громадные богатства, которые Тенни Франк оценивает в 250 млн. римских денариев, в свою личную пользу, и эти богатства послужили для него источником для тех щедрот, о которых он сообщает в своих „Деяниях“ и о которых рассказывает Светоний (Aug. 41). Управление Египтом было поручено доверенному лицу императора, носившему титул префекта; в I — II вв. префект назначался из всадников. Префект был не столько представителем римского государства, сколько уполномоченным императора, его управляющим, и Филон так и называет его ἐπίτροπος — прокуратор.

Для массы египтян император был попрежнему царем, они дали ему соответствующее фараоновское имя и титулуют его θεὸς ἐκ θεῶν (OGIS 650). В знаменитом папирусе, найденном в 1920 г. в Филадельфии и получившем название Epistula Claudiana, Клавдий пишет александрийцам, что не хочет божеских почестей; но, публикуя это письмо, префект Египта Эмилий Рект в сопроводительном тексте называет Клавдия «наш бог».

Префект Египта был здесь полновластным господином, зависевшим только от императора; поэтому должность эта считалась одной из высших. По свидетельству Ульпиана (Dig. I, 17, 4), Август приравнял ее к должности проконсула, а Страбон пишет (XVII, 1, 12), что направленный в Египет префект

«занимает место царя». Первый префект Египта Корнелий Галл оставил трехязычную надпись, дающую представление о том, каково было значение власти префекта и как устанавливалась власть Августа в Египте. Греческий текст надписи (OGIS 654) гласит: «Гай Корнелий Галл, сын Гая, римский всадник, после уничтожения египетских царей поставленный Цезарем первым над Египтом, в течение пятнадцати дней, дважды одержав победу в бою, победивший восставшую Фиваиду, взявший частью приступом, частью после осады пять городов — Боресиду, Копт, Керамику, Великий Диополь, Офией, убив при этом вождей восстания, переваливший с войском пороги — место, бывшее непроходимым для войска до него, подчинивший всю Фиваиду, не покоренную царями, принявший послов эфиопов в Филах и получивший от их царя проксению, назначивший тирана в одной топархии Эфиопии, Триаконтасхойнос, — в дар отечественным богам и Нилу помощнику». Префект говорит в этой надписи тоном владыки, «первого над Египтом», и в стиле фараоновских славословий. Что касается восстания Фиваиды, то, судя по скорости его подавления, оно вряд ли было значительным. В числе пяти городов, кроме Фив (Διόσπολις μεγάλη) и Копта, названы деревушки и пригороды.* Интересно все же отметить, что Фиваида была очагом восстаний и при Лагидах.

Богатая хлебом страна, игравшая огромную роль в снабжении Италии, имевшая обширные старинные торговые связи, служившая источником громадных доходов для ее владык, давала императору большую экономическую силу, а в руках противника власти императора могла стать опасной. Поэтому Август ревниво относился к своей власти в провинции и запретил сенаторам и знатым всадникам даже въезд в Египет без именного разрешения. Когда Германик в 19 г. посетил Египет в качестве туриста, Тиберий ему за это строго выговаривал (Та с., App. II, 59; Dio Cass. LI, 17).

Август сразу же объявил Египет *ὀπότελῃ* (Dio Cass. LI, 13), т. е. население должно было платить подать. Для него Египет был прежде всего источником дохода. Август и его преемники не давали развиваться здесь муниципальной жизни; унаследованный от Птолемеев бюрократический аппарат избавлял римских правителей от необходимости искать опору в местных муниципальных учреждениях, как это было в других провинциях. Август предписал александрийцам устраивать свою общественную жизнь без *буле* (ἄνευ βουλευτῶν πολιτεύεσθαι ἐκέλευεν; Dio. Cass., l. c.). Что Александрия до III в. не имела *буле*, было известно из указанного сообщения Диона Кассия и из SHA, Sev. 11: *Deinde Alexandrinis ius bouleutarum dedit,*

* См. W. Dittenberger, OGIS, ad locum.

qui sine publico consilio, ita ut sub regibus ante vivebant uno iudice contenti, quem Caesar dedisset. В дошедших до нас александрийских документах до III в. буле не упоминается. Напротив, в надписи в честь Элия Аристида (OGIS 709) мы читаем: ἡ πόλις τῶν Ἀλεξανδρείων καὶ Ἑρμοῦπολις ἡ μεγάλη, καὶ ἡ βουλὴ τῶν Ἀντινοέων νέων καὶ οἱ ἐν τῇ Δέλτᾳ τῆς Αἰγύπτου κτλ, что прямо свидетельствует об отсутствии βουλὴ у Александрии. Диттенбергер в комментарии к этой надписи считает, однако, что βουλὴ в Александрии существовала, и она-то выступала от имени ἡ πόλις τῶν Ἀλεξανδρείων. Открытия последнего времени устранили всякие сомнения на этот счет. Опубликованный Norsa у Vitelli (Bull. de la Soc. Roy. d'Archéol. d'Alex., 25) папирус, вошедший в PSI X, содержит изложение прошения александрийцев, направленного к Августу, об учреждении буле в Александрии. Публикация папируса вызвала оживленную полемику, в которой участвовали крупнейшие египтологи Белл, Шубарт, Фирек, Вилькен и др.;* спор шел главным образом о том, просили ли александрийцы учредить или восстановить буле, т. е. имела ли Александрия буле при Птолемах или нет, упразднил ли Август буле, существовавшую до него, или не разрешил ее новой организации. Получив отказ, александрийцы не успокоились. Как видно из Epistula Claudiana, они ходатайствовали о том же перед Клавдием. Но и Клавдий им отказал, ответив уклончиво: о том, что было при древних царях, он ничего не может сказать (οὐκ ἔχω λέγειν), но что при Августе и его преемниках буле не было, хорошо известно, и потому дело требует серьезного исследования.

Что касается других двух греческих полисов, существовавших в Египте при Птолемах, — Навкратиды и Птолемаиды, то из приведенной надписи в честь Элия Аристида можно заключить, что и они не получили статуса civitas libera и не имели муниципального совета; во всяком случае в найденных до сих пор документах пока упоминания буле в этих городах не встречается до III в. Только основанный Адрианом в память своего любимца Антиноя город Антиноополь был организован по типу греческого полиса.

Греческие полисы в Египте не только не имели самоуправления, они не имели также внегородской территории, находящейся под их управлением (хотя могли владеть землей); номы находились в управлении стратега.**

* См. Н. Idris Bell, JEA XVII (1931), стр. 126; его же, The Problem of the Alexandrian Senate, «Aegyptus» XII (1932), стр. 173 сл.; U. Wilcken, AP IX; Viereck, Noch einmal die βουλὴ von Alexandria, «Aegyptus» XII (1932).

** P. Jouguet, La vie municipale dans l'Egypte Romaine, 1911, стр. 118 сл.

Конечно, Александрия, столица Египта, крупнейший центр мировой торговли и очаг эллино-римской культуры, занимала особое положение. В латинском тексте своей надписи Корнелий Галл называет себя *praefectus Alexandriae et Aegypti*, противопоставляя, таким образом, Александрию Египту; точно так же в надписи OGIS 679 назван верховный жрец Ἀλεξάνδρειας καὶ Αἰγύπτου πάσης. Александрийские граждане имели ряд привилегий, побуждавших домогаться александрийского гражданства. Как видно из переписки Плиния с Траяном (ер. 5—6), принадлежность к александрийскому гражданству была для жителей Египта необходимым условием для приобретения римского гражданства. Содержание «александрийского гражданства», характер связанных с ним прав и привилегий точно неизвестны. Неизвестно даже, были ли александрийские граждане свободны от подушной подати. В Александрии и других полисах граждане делились по греческому образцу на филы и демы — скорее всего по территориальному признаку. В административном отношении Александрия делилась на пять районов, названных первыми буквами греческого алфавита А, В, Г, Д, Е (Псевдокалисфен I, 32 толкует их как инициалы Ἀλέξανδρος Βασιλεὺς Γένος Διὸς Ἔκτισε); эти округа охватывали все население, тогда как в демы и филы включались лишь граждане определенного района. Повидимому, включение в филу и дем было неперенным условием и показателем принадлежности к александрийскому гражданству. Таково же было положение в Птолемаиде и Навкратиде, а затем и в Антиноополе.

С припиской к дему было связано включение в списки эфетов. Для этого отец представлял экзегету декларацию, подкрепленную документами и присягой. Проверка социального положения кандидата и процедура его включения в списки эфетов называлась εἴσκρισις. Пребывавшие в свое время в эфебах именовались ἐφεβευκότες.

Из среды граждан назначались, а там, где была буле, избирались магистраты (ἀρχαί) из состава цензовых элементов. В надписи из Птолемаиды (OGIS 668) от имени города говорят «6470 и прошедшие эфебию (ἐφεβευκότες) во второй год Клавдия»; по всей вероятности, эти 6470 представляют состоятельных граждан.

Кроме этого сомнительного *ius honorum*, граждане (во всяком случае Александрии) были свободны от литургий вне Александрии; в эдикте префекта Тиберия Юлия Александра (OGIS 669, § 6) мы читаем: «Соответствует милостям Августов и то, чтобы прирожденные (εὐγενεῖς) александрийцы, даже живущие в интересах своего дела (διὰ φιλεργίαν) вне Александрии (ἐν τῇ χώρᾳ), не привлекались ни к какой литургии, на что вы ча-

сто жаловались, и я сам буду соблюдать, чтобы никто из прирожденных александрийцев не привлекался к провинциальным литургиям (εἰς λειτουργίας χωρικός).

Жители Александрии, не имевшие прав александрийского гражданства, назывались οἱ ἀπὸ Ἀλεξανδρείας в отличие от граждан Ἀλεξανδρεῖς. Политический статус их был различен. Евреи, занимавшие в Александрии во времена Филона два округа из пяти, составляли отдельную самоуправляющуюся единицу — πολιτεία, имели своего этнарха (или генарха, по Филону) и синедрион (герусию). Иосиф Флавий (Ant. XIX, 5, 2—3) цитирует два указа Клавдия, подтверждающие те привилегии, которыми искони пользовались александрийские иудеи. «Самоуправление», конечно, распространялось только на дела культа и внутренние дела общины.

Что касается прочих городов, метрополий номов, то здесь до III в. никаких элементов муниципальной жизни, оформленных в конституционных актах, не было. Однако и здесь выделялись отдельно «эллины» не столько по этническому происхождению, сколько по имущественному положению; эти цензовые группы, допускавшиеся в гимнасии (οἱ ἀπὸ γυμνασίου), составляли привилегированный слой, пользовавшийся льготой в отношении размера подушной подати и поставлявший кандидатов на местные должности.

Имеются данные, к сожалению, пока недостаточно категоричные, о сохранении значительных пережитков общинного строя в египетской деревне. Деревни не пользовались правом юридического лица, и потому в официальных документах трудно ожидать найти явные следы общинной собственности.* Но во всяком случае организация деревни сохранила пережитки прежнего общинного строя, которые использовались римлянами для эксплуатации земледельческого населения. Связанность земледельца с общиной, основанная некогда на общинном землевладении, превратилась в обязательную приписку его к своей деревне, вместе с которой он должен был нести повинности в пользу государства. Прикрепление к οἶκος (οἶκος) — несомненный пережиток общинного строя, потерявший свою старую экономическую основу. Встречающийся в папирусах термин κοινόν для обозначения сельской организации,** напоминающий οἶκος или δῆμος в надписях сельских общин в Азии, говорит о том, что деревня имела свою старинную организацию, хотя официально, вероятно, не признанную правительством. Наряду с χωρογραμματεὺς (сельский писарь), который был пред-

* См. P. Jouguet, ук. соч., стр. 207 сл., где собран относящийся сюда материал.

** P. Jouguet, ук. соч., стр. 208.

ставителем правительственной власти, продолжали существовать *πρεσβύτεροι* (старейшины) во главе с комархом. Постепенно эти представители сельского населения превратились в агентов правительства, выполняющих его предначертания, а функции комарха сошли на-нет. Но во внутренней жизни села, в распределении налагаемых правительством повинностей, денежных и натуральных, в выдвижении кандидатов на литургии сельская организация играла важную роль. Жители села могли выносить постановления об оказании почестей, об установке статуи и т. п. В надписи в честь префекта Бальбилла (OGIS 666) говорится: *ἔδοξε τοῖς ἀπὸ κώρης Βουσίρεως ψήφισασθαι*, т. е. применяется формулировка декрета буле.

В силу особых условий, в которых находился Египет как провинция, нивелирующая сила империи здесь сказывалась слабее и медленнее. Обычаи, установившиеся здесь в течение тысячелетий, изживались медленно и с трудом. Древняя религия, обычное право, язык сохранялись и под эллинистическим и под римским господством. Римляне застали в Египте бюрократический аппарат управления, вполне пригодный для безудержной эксплуатации богатств страны, и римляне его с некоторыми модификациями использовали.

Во главе управления стояли ближайшие помощники префекта — *δικαιοδότης* (*iuridicus*), *ἰδιος λόγος*, управлявший прежде всего имуществом и доходами патримония через ряд прокураторов, архиерей, архидикаст (верховный судья). Страна делилась на Верхний и Нижний Египет, к которым была присоединена третья область на юге — Гептаномиды. Во главе каждой области стоял эпистратег. Во главе каждого нома стоял стратег, резиденцией которого была метрополия, наиболее крупное поселение в номе. В крупных номах, как Арсиноя, было два-три стратега. Номы делились на *τόποι*; низшей административной единицей были отдельные поселения — *κώμαι*. В метрополиях, помимо прямых агентов центральной власти и ее уполномоченных, были и *ἀρχαί* (*honores*) — должности, замещавшиеся кандидатами из местной знати; стратег представлял их список эпистратегу, который путем жеребьевки назначал кандидатов на должность. Эти *ἄρχοντες* в метрополиях — экзегеты, косметы, гимнасиархи, архиереи, агораномы, *εἰθνηάρχαι*, *ὑπομνηματογράφοι* — были по существу чиновниками, а не муниципальными магистратами. *Τοπογράμματαίς* и *κωμογράμματαίς*, секретари *τόποι* и *κώμαι*, были основными представителями государственной власти в низших административных единицах. Громадный, сильно разветвленный фискальный аппарат держал на учете все многообразные группы населения и был заинтересован в консервировании всех категорий населения, которые сложились здесь в результате македонского, а затем римского

завоевания. Найденный сравнительно недавно «Гномон идиолога» (BGU V, 1), один из важнейших папирусных документов, дает нам ясное представление о том, как сложна была система деления населения Египта на категории по признакам сословным, племенным, локальным.

Гномон («тариф», «справочник»), как указано в предисловии к нему, представляет выдержки из первого гномона, составленного Августом, и позднейших к нему добавлений, разъяснений и распоряжений, изданных императорами, сенатом, префектами Египта и руководителями *ἰδιος λόγος*. «Гномон идиолога» составлен при жизни Антонина Пия (§ 36).

Гномон не имеет характера систематического свода прав и обязанностей аппарата *ἰδιος λόγος*; он дает лишь, как указывает автор в предисловии, справочный материал, касающийся наиболее типичных случаев в практике идиолога.

Гномоном различаются следующие категории населения:

1. Римские граждане, причем особо выделяются лица, получившие гражданство за военную службу, после *honesta missio*.
2. Эллыны; * сюда относятся, надо полагать, граждане греческих полисов — Навкратиды, Птолемаиды и Антиноополя — и «эллыны», т. е. эллинизировавшиеся и смешавшиеся с греками богатые слои населения метрополий, вроде группы «6475» (τῶν ἐν τῇ Ἀρσινόῃ τῃ ἀνδρῶν Ἑλληνῶν ζυσε'), а также владельцы клеров, принадлежавших ранее птолемеевским поселенцам (катакова земля).
3. Александрийцы, имевшие свои особые привилегии, хотя и не имевшие самоуправления по типу греческого полиса. У нас нет данных о том, чтобы прошедшие эфебию (ἐφηβευκότες), как и οἱ ἀπὸ γυμνασίου в египетских метрополиях — Оксирихе, Мемфисе, Гермополе и др., пользовались какими-либо реальными привилегиями, официально установленными; но они занимали почетное положение, и недаром александрийские иудеи домогались права участвовать в играх, устраиваемых гимнасиархами, как это видно из письма Клавдия к александрийцам от 41 г. **
4. Неясна категория ἄστοί, часто встречающаяся в «Гно-

* Поразительно категорическое утверждение Бикермана (Arch. Pap. IX, 1928), будто эллыны в «Гномоне» не упоминаются. Он, очевидно, упустил § 18.

** Так называемая Epistula Claudiana вызвала обширную литературу, главным образом в связи с предполагаемым здесь намеком на христианство. См. H. Idris Bell, *Jews and Christians in Egypt*, L. a. O. 1924; S. Reinach, RA XX (1924), стр. 228—231; Th. Reinach, REJ XXXIX (1924), стр. 113—114; RHR, XC (1924), стр. 108—122; G. de Sanctis, Riv. di Fil. II (1924), стр. 473—513; St. Lösch, Epistula Claudiana, 1930; Ch. Guignebert, RHR 1932, стр. 199 сл.; H. Stuart Jones, Claudius and the Jewish question at Alexandria, JRS XVI (1926), стр. 17 сл.; V. M. Sclamuzza, The Emperor Claudius, Cambr. 1940, стр. 71—78.

моне». Ἀστοί ниже римлян (§ 39), но выше египтян (§ 46, 47); они имеют гражданские права (александрийские?), как видно из § 47; в отличие от граждан Антиноополя они не имеют *connubium* с египтянками.* Естественно было бы отождествить их с александрийцами, так как именно Александрия называется ἄστυ, если бы в § 49—50 они явно не различались как разные категории. Бикерман ** высказал предположение, что ἄστοι обозначает александрийцев, не приписанных еще к определенному дему и потому именуемых пока по локальному признаку. Действительно, П. Мейер указывает (к § 40) на существование в III в. до н. э. категории александрийцев τῶν οὐλοῦ ἐπηγμένων εἰς δῆρον. Однако в Pap. Hal. 1 они имеют специальное обозначение — πεπολιτογραφημένοι.*** Кроме того, ἄστοι занимают в «Гномоне» слишком много места, чтобы можно было их считать случайной переходной категорией. Гораздо вероятнее, что понятие ἄστοι включает граждан греческих полисов и, может быть, неопределенную категорию эллинов οἱ ἀπὸ Ἀλεξανδρείας. 5. Египтяне. Внутри этой категории «Гномон» не делает никаких различий между населением метрополий и κῶμαι. Поэтому можно считать опровергнутым мнение большинства историков Египта о существовании принципиальной разницы в правах городского и сельского населения.

Из перечисления и характеристики названных пяти категорий видно, как сложно и запутанно было деление населения на правовые группы. «Эллины» перекрещиваются с александрийцами и ἄστοι, последние — с александрийцами. Вольноотпущенники подлежат действию тех же правил, что и патроны их; поэтому «Гномон» различает вольноотпущенников римлян, ἄστοι и т. д. Но кроме того, отдельно названы latini (§ 22 и 26) и вольноотпущенники по lex Aelia Sentia (§ 20).

Очевидно, при отсутствии кодекса гражданского права власти руководились разновременными уставами, распоряжениями и разъяснениями императоров, префектов, идиологов, вызывавшими разноречием в терминологии, создававшими бесчисленные поводы для невольных правонарушений и открывавшими широкий простор для административного произвола. «Гномон» на этот счет беспощаден: «Кто титулует себя в деловых документах несоответственно (положению), штрафуется на четверть

* См. протокол заседания Антиноопольского совета, W. 27. Интересно, что притан в своем выступлении рассматривает право *connubium* как привилегию κατ'ἐξαιρέτον, тогда как другой булеут видит в этом *privilegium odiosum*.

** E. Bickermann, A propos des astoi dans l'Egypte grecoromaine, «Rev. de Phil.», N. S., № 1 (1927).

*** См. Dikaionmata, Auszüge aus alexandrinischen Gesetzen und Verordnungen, hrsg. von der Graeca Halensis, B. 1913.

имущества, а их сообщники и соучастники (контрагенты) штрафуются на четверть имущества» (§ 42). «У египтянина, регистрирующего своего сына как якобы эфеба, конфискуется $\frac{1}{6}$ » (§ 44).

Кроме перечисленных основных социальных категорий, «Гномон» называет и чисто этнические и локальные группы: а) жители Крены (§ 11); б) паратонии (§ 57); в) островитяне (§ 48); Шубарт полагает, что это — жители местностей на побережье и на островах между Александрией и Киренаикой; это, повидимому, местное неегипетское население, сохранившее кое-какие привилегии, несколько возвышавшие его над египтянами; г) сирийцы; д) чужие (ξένοι, в папирусах часто ἐπίξενοι), т. е. лица, для которых их местожительство не совпадает с origo.*

Иудеи, составлявшие в Египте около $\frac{1}{7}$ всего населения и имевшие в Александрии свою автономную организацию (πολίτευμα), в «Гномоне» не упоминаются вовсе. Повидимому, в отношении иудеев никаких спорных или трудных казусов в практике аппарата идиолога не встречалось, а вопросы, касающиеся смешанных браков, регулировались александрийскими этнархами и синедрионом. Не упоминаются и Πέρσαι τῆς ἐπιγυνῆς, столь часто встречающиеся в папирусах. Очевидно, Πέρσαι было лишь прозвищем, с которым не связывались какие-либо политические привилегии и которое утратило даже свое этническое содержание.**

Некоторые параграфы «Гномона» закрепляют племенную обособленность отдельных групп населения (§ 34, 35, 37, 112); да и вообще римляне во имя фискальных интересов стремились законсервировать отношения, какие они застали в Египте. Они стремились держать Египет в изоляции от остального мира. Египет сохранил свою низкопробную валюту (египетская драхма = $\frac{1}{4}$ денария) с принудительным курсом. Выезд из Египта был затруднен. Для выезда морем надо было получить разрешение, паспорт (ἀπόστολον) и еще какие-то документы (§ 68) — вероятно, об уплате пошлин. За выезд при наличии разрешения, но без паспорта, виновный платится третью имущества, а если он при этом вывозит рабов без пропуска, у него конфискуется все имущество (§ 66).

* В надписи на базе статуи Зевса, найденной в Помпее, но составленной в Александрии, в 3 г. до н. э., названо *πολίτευμα τῶν Φρυγῶν* (OGIS 658). Очевидно, фригийцы составляли здесь значительную колонию.

** Так, в одном папирусе 59 г. (P. Meyer, Jurist. Pap. № 30) мы читаем: *Πετώς Χελκίου* и его сыновья, *τρεῖς Ἰουδαῖοι Πέρσαι τῆς ἐπιγυνῆς τῶν ἀπὸ Σύρου κόμης*. Повидимому, потомки персидских поселенцев дорожили древностью своего рода.

Приходится тем не менее согласиться с мнением Белла,* высмеивающего весьма распространенное представление о том, что Египет был личным «доменом» императора, не связанным органически с империей. Прежде всего Египет играл громадную роль в экономике империи, в ее снабжении хлебом, в ее восточной торговле. Александрия была мировым портом, александрийский музей — мировым центром культуры. Но и в политической жизни империи Египет занимал немалое место. Провозглашение Веспасиана императором именно в Египте стало датой начала его принципата. Египтяне не раз примыкали к соперникам императора и провозглашали своих императоров. Египет вместе с префектом Мецианом присоединился к движению Авидия Кассия, признал (наряду с Аврелианом) пальмирского Вабаллата,** выдвинул на трон Музия Эмилиана против Галлиена, Фирма против Аврелиана и Ахилла против Диоклетиана. Если Август и Тиберий, быть может, и смотрели на Египет как на свою вотчину, то действительно превратить большую богатую страну с многомиллионным населением в какой-то заповедник было, конечно, невозможно. Стремление выжать из Египта возможно больше дохода побуждало его правителей, как об этом свидетельствует особенно выразительно «Гномон идиолога», искусственно консервировать старые установления. Это замедляло темп втягивания Египта в общую жизнь империи, тормозило процесс уравнивания социально-экономических отношений в Египте с отношениями, господствовавшими во всей империи. Но приостановить этот процесс не было во власти префектов.

Как раз налоговый пресс действовал, вопреки намерениям или планам правителей, в направлении уравнивания всех в бесправии. Могущество и богатство жречества было одной из характерных особенностей Египта. Август лишил жрецов их богатств, конфисковав земельные владения храмов вскоре после завоевания Египта, когда префектом был Петроний в 25—21 гг. (BGU 1200; P. Tebt. 302). Как видно из эдикта префекта Лузия Геты 54 г. (OGIS 664), ретивые администраторы из Арсиной даже пытались привлекать жрецов к принудительным работам на земле (ἔχειν εἰς γεωργίαν). Вместо дохода с земли жрецы стали получать жалованье (συντάξεις), причем в некоторых случаях они получали взамен жалования свою же землю в аренду (P. Tebt. 302).

* H. I. Bell, *Roman Egypt from Augustus to Diocletian, Chronique d'Egypte*, № 26 (1938), стр. 347 сл.

** В папирусе того времени (W 5) дана такая датировка: «Во второй год господы нашего Аврелиана Августа и господы нашего Септимия Вабаллата Афинодора сиятельногошего царя императора претора римского».

Не только римляне, но и александрийцы, как мы видели, были свободны от литургий в пределах *χωρά*; но на практике эти привилегии не соблюдались. В папирусе из Копта 139 г. (W 35) стратег жалуется, что римляне, александрийцы и ветераны не желают выполнять возлагаемые на них фискальные обязанности, заявляя, что их нельзя равнять с «туземными сборщиками» (*τοῖς ἐγχωρίοις πράκτοσι*). На эту жалобу префект наложил резолюцию: «О тех из приставленных к государственным обязанностям, которые не желают подчиняться подобно прочим агентам, ты можешь сделать представление превосходительному эпистратегу, который принудит их выполнять, что им полагается».

Когда в 202 г. Септимий Север даровал Александрии и метрополиям *βουλή* и муниципальную организацию, это было не только мероприятием, имевшим целью вовлечь широкие круги состоятельных людей в аппарат управления и создать новые гарантии поступления налогов. Здесь нашел свое юридическое выражение и тот факт, что Египет «созрел» для того, чтобы быть уравненным в правах с другими провинциями, где к тому времени муниципальная жизнь заглохла, и муниципальные *homoies* потеряли видимость самостоятельности, превратившись в тягостные *тупега*. Реформа Септимия Севера шла в том же направлении, что и мероприятие Каракаллы, даровавшего римское гражданство всему населению империи.

Понятно, муниципальный строй египетских метрополий мало напоминал строй автономных греческих полисов. Вилькен справедливо указывает,* что организованные в египетских метрополиях советы были подчинены стратегу: «Эти автономные по видимости общины не были изъяты из ведения администрации, а скорее подчинены ей». Но таково же было положение и в других провинциях в то время.

Характер «автономий» египетских городов особенно отчетливо проявляется в деятельности учрежденной в III в. новой должности декапротов (= *decemprimi*). Коллегия декапротов, избиравшаяся в метрополии на срок, вероятно, в пять лет, распределялась по районам (*τόποι*), где действовали как агенты правительства по сбору налогов натурой и деньгами, по контролю над отгрузкой хлеба, по надзору за ирригацией. Они были не представителями народа, а пособниками угнетателей. «Декапроты много нам досаждают», — жалуются египтяне (Р. Оху. 1671). Но и самим декапротам жилось не сладко, так как они сами и их наследники отвечали своим имуществом за поступление налогов (W 278). Они поэтому уклонялись от

* U. Wilcken, Grundzüge..., стр. 42.

«ненавистного титула декапротий» (Р. Беауге 4).^{*} Но и в Азии, в Тиатире раздаются жалобы на «весьма тяжкие взыскания декапротов» (IGRR IV, 1290).

В деталях организация муниципального управления в Египте после Септимия Севера известна недостаточно, так как от III в. сохранилось гораздо меньше папирусов, чем от II в.^{**} В общем картина ясна, но новые открытия здесь могут принести иной раз некоторые неожиданности. Так, изданный в 1937 г. Eric G. Turner'ом папирус^{***} р. Ryl. GK Inv. 630 (226 г.) содержит указание на существование в Оксиринхе герусии, что является полной неожиданностью. Текст гласит: «Аврелию Дидиму, он же Диоскурид, бывшему экзегету и булевту, ведающему и сословными организациями (διέποντι καὶ τὰ στέμματα) города Оксиринха, от Аврелия Клавдиана Сабата, сына Серапиона и матери Аммонуты, из города Оксиринха. Достигши уже к настоящему шестому году 68 лет от роду и подлежа внесению в состав членов герусии (τοῖς ἀπὸ τοῦ γερουσίου), достигших того же возраста, чтобы участвовать в привилегиях герусии (τῶν τῆς γερουσίας τιμίῳ), я подаю заявление, прилагая соответствующую выписку из подомовой переписи 24 года, чтобы было сделано надлежащее, как полагается. 6 год императора цезаря Марка Аврелия Севера Александра Счастливого Августа. Прилагаю также выписку из государственного архива из списка проверки (ἐπιχρίσεως) указанного года».

Почти одновременно опубликован небольшой отрывок папируса, ^{****} в котором некий Геракл просит включить его в число вновь присоединенных двухсот геронтов (ἐκ(!) τῶν προσγενομένων διαχοσίῳν [γερ]όντων).

Изданный Турнером папирус оставляет много неясного. Самый термин «герусия» передан в папирусе по-разному: τὸ γερουσίον и ἡ γερουσία. Неясно, о каких привилегиях идет речь: принимают ли в герусию автоматически по достижении определенного возраста, или здесь требуются какие-то особые условия. Главное же — неизвестно, каковы функции этой герусии. По общим соображениям и по аналогии с герусиями, кое-где сохранившимися в других провинциях, надо думать, что то было не политическое учреждение, а нечто вроде клуба, чле-

^{*} E. G. Turner, *Egypt and the Roman Empire. The δεκάπρωτοι*, JEA XXII (1936), стр. 7 сл.

^{**} См., например, С. Сингалевич, Совет г. Оксиринха III века. Харьков, 1913.

^{***} E. G. Turner, *The Gerousia of Oxyrrhynchus*, AP XII (1937), стр. 179 сл.

^{****} U. Wilcken, AP XII (1936), стр. 87; «Aeg.», XV 209 сл. (= PSI XII, 1240).

нов которого связывали религиозные интересы или взаимопомощь.

Но каковы бы ни были детали «муниципальной» организации египетских городов в III в., она означала результат медленной и длительной эволюции, уравнивавшей Египет с другими частями империи. Важную роль здесь, несомненно, сыграл эдикт Каракаллы 212 г. — так называемая *Constitutio Antoniniana*.

Эдикт Каракаллы хорошо засвидетельствован в литературных источниках. Важнейшие из них — Дион Кассий и Ульпиан. Дион Кассий сообщает: «Он сделал римлянами всех своих подданных (πάντας τοὺς ἐν τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ) на словах, чтобы оказать им благодеяние, на деле же, чтобы отсюда притекало к нему больше (налогов), так как перегрины большинства их не платят» (77,9). По Ульпиану (Dig. I, 5, 17), in orbe Romano qui sunt ex constitutione imperatoris Antonini cives Romani effecti sunt. Опубликование в 1910 г. гиссенского папируса (P. Giss. 40), содержащего текст эдикта, вызвало оживленную полемику, не прекратившуюся до последнего времени.* Дело в том, что как раз самые важные строки 7—9 папируса испорчены и читаются так: ... δίδωμι τοῖνυν ἅπα(19—20 букв) ν οἰκουμένην πολιτεῖαν Ῥωμαίων [μ]ένοντος(19—22 буквы) αὐὼν χωρὶς τῶν [δε]διτικίων. Спор ведется по вопросу о том, относится ли изъятие дедитициев к сказуемому δίδωμι или к μένοντος... αὐὼν, о том, кого следует понимать под dediticii и как следует дополнить μένοντος... αὐὼν. Филологический и, главное, исторический анализ текста папируса позволяет восстановить латинский оригинал декрета следующим образом: do igitur omnibus qui in orbe Romano sunt civitatem Romanam, manente omni genere constitutionum, exceptis dediticiis, а греческий текст надлежит читать: δίδωμι τοῖνυν ἅπασιν τοῖς κατὰ τὴν Ῥωμαϊκὴν οἰκουμένην πολιτεῖαν Ῥωμαίων, μένοντος παντὸς γένους συστημάτων χωρὶς τῶν δεδιτικίων, т. е.: «даю поэтому всем живущим на Римской ойкумене

* Кроме основных изданий текста в P. Giss. 40 и в Jurist. Pap. P. Meyer'a см. библиографический обзор в JEA XIV (1928); А. Р а н о в и ч, Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи, ВДИ, 2 (16), 1946; Е. М. Ш т а е р м а н, К вопросу о dediticii в эдикте Каракаллы, ВДИ 2 (16), 1946. E. S c h ö n b a u e r, Reichsrecht gegen Volksrecht?, ZSt 57 (1937), стр. 309—353; J. S t r o u x, Die constitutio Antoniniana, «Phil.» 88 (NF 42), 1933, стр. 227 сл.; A d. W i l h e l m, CA, AJA 38 (1934); E. S c h ö n b a u e r, Rechtshistorische Urkundenstudien, AP XIII, 2 (1939), стр. 117—209; W. S c h u b a r t, Zur Constitutio Antoniniana, «Aeg.» 1940; A. H. M. J o n e s, Another interpretation of the CA, JRS XXVI (1936), стр. 223 сл.; F. M. H e i c h e l h e i m, The text of the CA and the three other decrees... contained in P. Giss. 40, JEA 26 (1940), стр. 10 сл.; H. I. B e l l, P. Giss. 40 and the CA, JEA 28 (1942).

римское гражданство, с сохранением всех видов политических статусов; кроме дедитициев».

Идея уравнивания в гражданских правах всего свободного населения назрела давно. По мере того как реальные права граждан урезывались, число их возрастало, и когда эти права свелись к фикции, осталось сделать один шаг, чтобы уравнивать всех в бесправии. Уже Марк Аврелий, по сообщению SHA (Comm. I, 14), замыслил даровать всем право римского гражданства. Мысль эта навязывалась объективными условиями жизни в империи, и Каракалла лишь завершил официальным актом процесс, протекавший в течение столетий. Римские граждане приняли поэтому без протеста эдикт Каракаллы как новшество, задевавшее, может быть, их самолюбие, но не внесшее радикальных изменений в практику повседневной жизни. Показательно в этом отношении, как Дион Кассий подает читателям этот акт — лишь между прочим, как один из штрихов, рисующих алчность ненавистного ему Каракаллы. А ведь лет за сто до этого издание такого эдикта, если бы какой-нибудь император на него решился, произвело бы потрясающее впечатление. Однако оговорка о сохранении всех прежних политических статусов (разных *политеύματα* и *сυστήματα*) была необходима. Документы показывают, как дорожили всякого рода мишурными привилегиями; александриец смотрел свысока на жителя *χώρας*, а принадлежавшие к группе *ἀπὸ γυνάκιστου* считали себя выше рядового жителя метрополии. Всеобщее уравнивание без оговорок о сохранении старых общественных организаций нанесло бы обиду привилегированным группам и умалило бы значение «благодеяния» императора. Главное же, при существовании различных степеней обложения населения налогами и повинностями и сложного местного законодательства, учитывавшего различия в социальном положении отдельных категорий провинциалов, внезапная отмена всех этих многообразных категорий внесла бы сумятицу в управление провинциями. Поэтому оговорка о сохранении существующих различных *политеύματα* или *сυστήματα* была необходима. Конечно, с течением времени в результате эдикта и в силу общей нивелирующей тенденции империи различия в конце концов сгладились; но это происходило постепенно, путем издания дополнительных инструкций и распоряжений, и без потрясений.

Оговорка насчет *dediticii* также была необходима. Включение в состав граждан также *dediticii*, т. е. только что побежденных силой оружия врагов, варваров, поселенных на римской территории, и вольноотпущенников, ранее запятнавших себя преступлением, было бы воспринято гражданами как обида. Изъятие *dediticii* должно было отдать дань чувству *indignatio* римлян по отношению к этой категории жителей империи.

Со времени Моммзена, не знавшего гиссенского папируса, утвердилось было мнение, будто гражданство было даровано Каракаллой только привилегированным группам населения. Но и теперь, после издания гиссенского папируса, где прямо сказано *ἅπασιν* (всем), и вопреки Ульпиану (*omnibus qui in orbe Romano sunt*) такие авторитетные папирологи, как П. Мейер, Миттейс, Вилькен, Сегре, Джонс, защищают гипотезу, по которой к *dediticii* относятся все группы населения, обязанные платить подушную подать, и, следовательно, египтяне не подошли под действие нового закона. Для этого никаких данных в источниках нет. Но изучение египетских папирусов, ярко свидетельствующих о приниженном положении народных масс в римском Египте, внушило папирологам убеждение, что рядовые египетские земледельцы не могли стать римскими гражданами, что они считались дедитициями со времен завоевания Египта Августом, за 240 лет до эдикта Каракаллы! Точка зрения этих ученых не выдерживает критики.

Прежде всего, подушный налог (*tributum capitis*) платили ведь не только египтяне. Аппиан сообщает, что иудеи в Палестине платили более тяжелый подушный налог (*φόρος τῶν σωματῶν*), чем окружающее население (*Syr. 50*). Еще определеннее пишет Ульпиан: *In Syriis a quattuordecim annis masculi a duodecim feminae usque ad sexagesimum quintum annum tributo capitis obligantur* (*Dig. L, 15, 3, pr.*). Веспасиан освободил кесарийцев от *tributum capitis* (*Dig. L, 15, 8, 7*). О жителях Африки Иосиф Флавий сообщает, что они *παντοίως φορολογοῦνται* (*B. Iud. I, 16, 4*). Между тем Мейер, Вилькен и другие не причисляют населения Сирии, Палестины, Африки к *dediticii*; было бы слишком нелепо объявить *dediticii* города и области, давно эллинизированные, пользовавшиеся известной автономией, имевшие у себя мировые центры культуры. Но и в Египте городское население, имевшее свои политические организации, усвоившее греческую культуру, создававшее у себя гимнасии и театры, собиравшее и переписывавшее греческих классиков, вряд ли можно равнять с покоренными недавно варварами. За десять лет до эдикта Каракаллы египтяне получили, пусть лишь формально, самоуправление. И еще при Антонине Пие *ἄρχοντες* и *δῆμος* Оксиринах заседают совместно с проживающими здесь римлянами и александрийскими гражданами.*

Сегре, а затем и Джонс предлагают поэтому считать дедитициями только сельское население, но не жителей метрополий. Но это совершенно произвольное предположение. Ведь и го-

* Р. Оху. III, 473-W. 33; [ἔδοξε τοῖς... 'Οξύρυ]χιτῶν ἄρχοσι καὶ τῷ δήμῳ καὶ 'Ρωμαίων καὶ 'Αλεξανδρείων τοῖς παρεπιδημοῦσι.

родское население платило подушную подать — по пониженной ставке для некоторых групп, но все же платило. Белл справедливо по этому поводу вспоминает анекдот о благонравной девице, которая оправдывалась тем, что родившийся у нее ребенок — совсем маленький. Да и вообще источники не знают разделения египтян в социально-экономическом отношении на разряды. В декларации (Р. Оху. V, 180, 132 г.) домовладелец клянется, что, кроме перечисленных жильцов, у него не живет никто: μήτε ἐπίξενος μήτε Ῥωμαῖος μήτε Ἀλεξανδρεὺς μήτε Αἰγύπτιος) μήτε ἀπελεύθερος. Те же самые категории перечисляются в Р. Оху. II, 255 (= W 201, 48 г.). «Гномон идиолога» также знает только одну категорию Αἰγύπτιοι; если бы сельское население (ἐγχώριοι) составляло особую, наиболее бесправную группу египтян, гномон, подробно разбирающий гражданско-правовые отношения между различными категориями населения, не мог бы ее обойти молчанием. Сельские жители могли даже привлекаться к городским литургиям. В папирусе 250 г. (JEA 1935, стр. 244 сл.) сельские жители (κομῆται) жалуются, что город Арсиноя привлекает их к городским литургиям вопреки распоряжению Севера; представители метрополии возражают: ἀεὶ κομῆται παρ' ἡμῖν προβάλλονται εἰς κοσμητείας — «селяне всегда привлекаются у нас на должности косметов».

Наконец, есть и прямые данные о том, что сельские жители Египта получили римское гражданство. Как известно, провинциалы, получившие римское гражданство по эдикту Каракаллы, присваивали себе praenomen Аврелий в честь императора, чье официальное имя было Марк Аврелий Антонин. Путем подробного анализа папирусов и остраков Бикерман в своей диссертации 1926 г. доказал, что египетские селяне именовались Аврелиями и, следовательно, получили по СА римское гражданство. Не оставляет сомнений на этот счет папирус 276 г. (Meuser, Jur. Pap. № 133 = Mitteis 364). Речь идет о найме 56 коз; нанимает Αὐρηλίος Παννεῦτι Σηπίγου ἀπὸ κώμης Θεοξένιδος παρὰ Αὐρηλίου Παβούτον καλάρου ἀπὸ κώμης Εὐημερίας; здесь оба контрагента, судя по именам, египтяне, оба — селяне (ἀπὸ κώμης) и оба — Аврелии, т. е. римские граждане.

Эдикт Каракаллы не означал автоматического освобождения новоиспеченных граждан от подушной подати. В Digestах мы находим ясное указание на то, что освобождение от подати должно было быть оговорено специальным актом: *divus Antoninus Antiochenses colonos fecit, salvis tributis s... Divus Vespasianus Caesarienses colonos fecit non adjecto, ut et iuris italici essent, sed tributum his remisit capitis* (Dig. L, 15, 8, 5—7). Для того чтобы новые Аврелии были освобождены от подушной подати, следовало издать об этом осо-

бый акт, которого Каракалла, очевидно, не издал. И в Египте после Каракаллы документы свидетельствуют о существовании подушной подати; этих документов — единицы, но они есть. Можно, конечно, объяснить остракон O. Theb. 86, 213 г. об уплате подушного налога тем, что это — уплата недоимки за прошедший год. Ἐπίχρισις упоминается до 250 г., а δωδεκάδραχμος (привилегированный плательщик уменьшенного налога в 12 драхм) встречается в поздних папирусах; и это может быть выражением тщеславия египтян, подчеркивающих всякими способами свою принадлежность к привилегированной некогда группе. Но есть все же несколько папирусов, свидетельствующих, повидимому, что λαογραφία, перепись населения для исчисления подати и взыскания подати, продолжалась еще в середине III в. Таких документов пока чрезвычайно мало,* но они заставляют все же думать, что подушная подать в Египте была отменена во всяком случае не сразу. Может быть, на видоизменение прежней κατ'οἰκίαν λαογραφία указывает приводимый Уоллесом папирус середины III в., где говорится об ἑξήκοντάδραχμος μερίσμος εἰς τὸ κατ'οἰκίαν τῆς πόλεως — шестидесятидрахмовой раскладке подомового налога в городе (Гермополь). Джонсон** предполагает, что подушная подать была отменена, но ее компенсировали какими-то другими статьями дохода. Для окончательного выяснения вопроса приходится ожидать открытия новых документов.

Неправильное представление о том, что египтяне не получили права гражданства, привело к столь же неправильному представлению, будто податная реформа Диоклетиана не распространялась на Египет, где capitatio существовало издавна. Это прочно установившееся мнение опровергнуто недавно найденным эдиктом префекта Египта Аристия О(пта)га, опубликованным А. Е. Р. Боак'ом:*** префект в своем эдикте публикует указ всех четырех правителей от 297 г. о введении capitatio в Египте.

Мы можем, таким образом, притти к заключению, что, несмотря на политику изоляции Египта от окружающего мира, общая линия развития политической и общественной жизни империи проложила себе дорогу и здесь. Разными путями шел процесс ломки старых отношений в различных провинциях, но в конечном счете в III в. Египет приравнивается к другим

* Sherman n, Le Roy Wallace, Taxation in Egypt from Augustus to Diocletian, Princeton 1938, стр. 134 сл.; H. I. Bell P. Giss. 40 and the CA, JEA 28 (1942).

** A. Ch. Johnson, Roman Egypt, Balt. 1936, стр. 534.

*** A. E. R. Boak, Early Byzantine Papyri from the Cairo Museum, «Etudes de Papyrologie» II, 1 (1933), № 1. Cp. «Papyri und Altertumswissenschaft», Münch. 1934, стр. 324.

частям империи, получает ту же примерно организацию соответствующую однородным классовым отношениям. Своеобразие всей предшествующей истории Египта и особенности его экономики не могли, однако, быть сглажены нивелирующей силой империи, и они сказались в дальнейшей истории Египта.

Для исследования экономики Египта наука располагает гораздо большим количеством источников, чем для других провинций. Литературных свидетельств чрезвычайно мало; надписей в Египте также найдено сравнительно немного, и за исключением таких выдающихся надписей, как эдикт Тиберия Юлия Александра или Вергилия Капитона, они мало содержательны. Зато Египет сохранил громадное количество папирусов, позволяющих заглянуть непосредственно во все уголки общественной и частной жизни египтян. Количество папирусов, непрерывно возрастающее, настолько велико и содержание их настолько богато и разнообразно, что возникла отдельная наука — папирология. Важным дополнением к папирусам являются остраки — черепки, на которых делали мелкие записи, писали квитанции и расписки.

К сожалению, папирусы при всем своем обилии все же не позволяют восстановить картину экономической жизни Египта во всей ее полноте. Дело в том, что, во-первых, папирус сохраняется только в сухом воздухе; поэтому подавляющее большинство папирусов найдено в районах, прилегающих к пустыне, где почти никогда не бывает дождя и куда не достигали разливы Нила. Густо населенная Дельта меньше всего оказалась пригодной для сохранения папирусов. Во-вторых, папирусы чаще всего находят в мусорных остатках поселений, еще в древности покинутых жителями и занесенных песком. В Александрии, где было сосредоточено управление Египтом и где находились богатейшие архивы документов, учитывавших население, его занятия, доходы, имущество, жизнь не прекращалась, и документы, потерявшие актуальность, естественно, уничтожались. Поэтому Александрия папирусных находок не дает; александрийские папирусы можно найти только случайно вне Александрии. В результате папирусы дают нам очень много частных сведений, но они не содержат обобщающих данных. Мы можем точно сказать, сколько жило людей и каких категорий в каждом доме на улице Гусятников в Оксиринхе в 235 г.; но у нас нет сведений об общей численности населения Египта, хотя каждые 14 лет там производилась перепись: сводные данные, хранившиеся в Александрии, до нас не дошли. Мы имеем очень подробные описания земельных владений с указанием точного размера каждого участка, его качества, категории, ставки аренды, имени владельца; но общий земельный кадастр для всего Египта в папирусах отсутствует. Многие тысячи папирусов и

остраков сообщают об уплате налогов и сборов с точным указанием, кто, когда, кому, какой налог уплатил и какой монетой. Но мы не знаем податного устава, норм и тарифов, действовавших в то или иное время на территории Египта.

Наконец, количество найденных папирусов распределяется хронологически неравномерно; больше всего их для II в., меньше — для I и III вв.

Таким образом, мы располагаем гораздо большим количеством источников для истории римского Египта, чем для истории других провинций, но многие весьма существенные пункты остаются неясными.

По исчислению Иосифа Флавия (В. Iud. II, 16, 4), население Египта в 66 г. составляло 7 500 000 чел., не считая населения Александрии и римских граждан. Иосиф ссылается при этом на получаемый Римом доход от Египта; вряд ли Иосиф производил самостоятельные выкладки, чтобы на основании налоговых поступлений высчитать численность населения Египта; очевидно, он использовал готовую цифру, имевшуюся в официальном документе. Поэтому указанную Иосифом цифру принято считать близкой к истине. Если прибавить к ней население Александрии, составлявшее, вероятно, полмиллиона, и римских граждан, мы получаем 8—9 млн. Эта цифра не покажется слишком высокой, если учесть замечание Филона (in Flacc. 6), что в Египте жило «не менее ста мириад» (1 000 000) иудеев.

Это население занимало территорию около 2 млн. гектаров, или 7 млн. арур (арура = 2750 кв. м), в основном занятых под сельскохозяйственными культурами. Предположительно, за вычетом территорий городов, садов и огородов и выпасов для скота, хлебные культуры, в первую очередь пшеница, занимали 6 млн. арур.

За исключением Александрии крупных городов в Египте не было. Раскопки в Караниде показали, что жилища египтян представляли большей частью тесные мазанки. Там, где дома были побольше, население жило также в нездоровых условиях. О скученности населения говорят документы, касающиеся продажи, заклада и сдачи в наем очень малых частей дома — $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{32}$, $\frac{1}{36}$; в одном случае мы видим, что в одной десятой части дома проживало 26 человек.

Основу египетского хозяйства составляло земледелие. В период империи многое в Египте сохранилось от времен Птолемея: способы землепользования, система ирригации и наблюдения за ней, бюрократическая система управления землей. Но римляне внесли изменения, клонившиеся к уравнению категорий землепользователей, к увеличению роли частного землевладения, к упразднению или видоизменению

пережитков общинного строя. «Царская земля» именуется попрежнему «царской», но наряду с этим появляется термин $\gamma\eta\ \delta\eta\mu\sigma\iota\alpha$ (*ager publicus*). Храмовая земля, как мы видели, была конфискована, а жрецы переведены на жалованье. При даровании городам «самоуправления» в 202 г. к ним, несомненно, были приписаны участки номовой земли, получившей, таким образом, новый статус. Возникшие на территории Египта крупные частные владения, в первую очередь императорские имения, хотя и не образовали, вероятно, больших латифундий, основанных на труде рабов, но изменили прежнюю форму эксплуатации непосредственного производителя, подготавливая исподволь зарождение феодальных отношений.

Все эти изменения протекали незаметно, под старыми еще формами.

В номенклатуре различных категорий земли, какую содержат римские папирусы, сохраняется птолемеевская терминология, но содержание понятий, определяемых старыми терминами, постепенно изменялось. Основная категория земель — «царская» или «общественная» ($\gamma\eta\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\eta$, $\gamma\eta\ \delta\eta\mu\sigma\iota\alpha$); сидящие на этой земле земледельцы называются $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\alpha\iota$ или $\delta\eta\mu\sigma\iota\alpha\iota\ \gamma\epsilon\omega\rho\gamma\alpha\iota$. Распоряжался этой землей диоикет. От «царской» земли документы отличают личные владения императора и членов его семьи — $\gamma\eta\ \omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\kappa\eta$. Управление этими землями, доход которых учитывался в $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma\ \omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\kappa\acute{o}\varsigma$, находилось в руках особого прокуратора — *procurator usiacus*. Хотя храмовые земли в основном были конфискованы, но именовались они попрежнему $\gamma\eta\ \iota\epsilon\rho\alpha\tau\iota\kappa\eta$. Очевидно, римская администрация не нашла нужным внести изменения в старую номенклатуру, к которой чиновничий аппарат привык. Точно так же лишь формально сохранились птолемеевские категории катэковой и клеруховой земли; ведь систему военных поселений или отвода земельных участков воинам римляне не практиковали. В папирусе из Арсинои (Mitteis 220) 83—84 гг. участок в 3 аруры, принадлежавший некоему Птолемею, конфискованный и проданный за долги, переуступлен покупателем новому владельцу; при всем том эта земля продолжает называться катэковой. Катэкова и клерухова земля вместе с «купленной» ($\epsilon\psi\omega\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$) входили в более общее понятие «частной» или «частновладельческой» земли ($\gamma\eta\ \iota\delta\iota\omega\tau\iota\kappa\eta\ \iota\delta\iota\omicron\kappa\tau\eta\tau\omicron\varsigma$). Незначительной была категория «городской» земли ($\pi\omicron\lambda\iota\tau\iota\kappa\alpha\iota\ \omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\iota$), которой владела Александрия, судя по эдикту Тиберия Юлия Александра, а после реформы Септимия Севера, вероятно, и другие города (об Арсиное см. P. Fayumensis 88).

Кроме этих категорий (по признаку владельца), учитывались категории земель по качеству: «орошенная» ($\xi\mu\beta\rho\chi\omicron\varsigma$) и «неорошенная» ($\xi\beta\rho\chi\omicron\varsigma$), искусственно орошаемая ($\epsilon\pi\eta\nu\tau$ -

λημένη), солончаковая, болотистая и т. д. Отдельно учитывалась земля ὑπόλογος, которая по своему качеству или местоположению не включалась в твердую смету казны и сдавалась или продавалась по пониженной цене на льготных условиях.

Наконец, в земельных описях указывалась и доходность (в артабах пшеницы с аруры) каждого участка, т. е. ставка взимаемой с него ренты-налога. В подробных описях перечислялись также и владельцы каждого участка.

Отдельные описи земель сводились в канцелярии сельского писца, затем у стратега нома, и в конце концов все вливались в общеземельный кадастр, который велся в Александрии.

В качестве образца земельной описи можно привести донесение сельского писаря селения Набои (время Адриана), W 341: «Аполлонию, стратегу Аполлонополиты Гентакомии, от Псайта, сельского писаря Набои. На твой запрос относительно находящихся в черте дамбы занесенных в списки по моему сельскому управлению земель как затопленных, так и годных для вспашки, сообщаю нижеследующее [другой рукой]: Всего в черте дамбы Набои зарегистрировано в моем сельском управлении [арур] $668^{39/64}$, в том числе царской земли по $5^{1/12}$ *— $2^{19/32}$, по $4^{1/12}$ — $1^{29/32}$, по $3^{1/12}$ — $55^{9/16}$, по $2^{1/2} + \frac{1}{12}$ — $35^{7/64}$, по $2^{1/12}$ — $127^{1/16}$; итого царской земли $222^{15/64}$. Прочей царской [земли], внесенной в разряд частновладельческой,** по $1^{1/2} + \frac{1}{12}$ — $13^{1/2}$, по $1^{1/12}$ — $15^{1/2}$, по $\frac{11}{12}$ — $87^{1/16}$; по $1^{1/4}$ гор[одской?][†]— $29^{5/8}$, катэковой земли — $237^{61/64}$, купленной — $38^{5/16}$. Итого частной земли в распоряжении диоикета $422^{9/64}$, а царской и частной всего $644^{3/8}$. Жреческой земли, сданной в аренду, — 8, предоставленной для Иераконитиды по $2^{1/2}$ — $13^{15/64}$, по $2^{1/2}$ ячменя — 3; итого жреческой — $24^{15/64}$; а всего жреческой и в ведении диоикета вместе — указанные $668^{39/64}$. Из них подвергшихся разливу — $402^{9/32}$, годных для вспашки — $260^{17/64}$, неорошенных — $6^{1/16}$. Из них владеют поименно: начиная с западной стороны села, Татрей, сын Онофрия имеет гор[одской?] $3^{1/2}$, по $2^{1/12}$ — $1^{1/2}$, катэковой $\frac{1}{2}$, всего $5^{1/2}$, из них затопленной — 1, годной к обработке $4^{1/2}$; Эрронофрий, сын Пахомпсахия, и Пуорий, брат его: по $3^{1/12}$, — $\frac{1}{8}$, по $2^{1/12}$ — $\frac{3}{4}$, катэковой — $\frac{1}{8}$, итого 1, в том числе затопленной — $\frac{1}{4}$, годной к обработке — $\frac{3}{4}$; Панесней, сын Пеки-

* Здесь и в дальнейшем цифра указывает количество артаб с аруры, взимаемых за пользование землей; при этом $\frac{1}{12}$ артабы представляет добавку (προσμετρούμενα) на возмещение возможных потерь и расходов по взиманию арендной платы.

** Повидимому, земля, перешедшая в частное владение из фонда «царской земли» и сохранившая еще некоторые обязательства по отношению к казне. За эту землю платят не 1 ($\frac{1}{12}$), а $1\frac{1}{2}$ ($1\frac{1}{2} + \frac{1}{12}$) артабы с аруры.

сия: по $2\frac{1}{2} + \frac{1}{12} - \frac{3}{4}$ затопленной; Пкамей, сын Орсенуфия: катаковой - $2\frac{1}{4}$, в том числе затопленной $\frac{1}{2}$, годной к обработке — $1\frac{3}{4}$ ».

Кроме регистрации земель для кадастра, ежегодно специальная комиссия производила осмотр (ἐπίσκεψις) полей после окончания наводнения, чтобы установить действительное положение каждого участка: какие остались под водой, какие, напротив, вовсе не подверглись орошению, какие орошены нормально, и т. д. Деятельность этих комиссий не была, надо полагать, безупречной, хотя они, судя по папирусу W 238, получали инструкции действовать добросовестно, без вымогательств, притеснений и шантажа. В Оксиринхском папирусе 219/220 г. (Р. Оху. 1460) Флавия Марцелла указывает на злоупотребления, на внесение в списки фиктивных имен и т. п. Тиберий Юлий Александр называет злоупотреблением «так называемые взыскания «на-глаз», не на основании действительного разлива Нила, а по аналогии с какими-то ранее бывшими разливами». Префект обещает, что впредь «взыскание будет производиться в соответствии с действительными разливами». Однако Адриану пришлось снова издать указ (Р. Giss. 6), что земля должна сдаваться земледельцам по действительной ее стоимости (κατ' ἀξίαν).

О том, как распределялось земельное владение, папирусы позволяют составить только приблизительное представление. Если считать, что площадь земли под полевыми культурами составляла 6 млн. арур, под садами и огородами — 1 млн., то при вероятной численности сельского населения в 6 млн. приходится по 1 аруре пахотной и по $\frac{1}{6}$ аруры огородной и садовой земли на душу. Но эта средняя цифра, конечно, не выражает реального положения вещей. С одной стороны, существовали крупные частные земельные владения, на которых работали рабы и наемные работники; с другой стороны, были земледельцы, работавшие на крохотном участке. В Р. Lond. 604 из Крокодилополя перечислены 150 земледельцев, владеющих 3990 арурами, что составляет в среднем 27 арур на каждого владельца. Но из общего количества земли только 950 арур являются полноценной землей, 3040, судя по низкой таксе аренды — от $\frac{3}{4}$ до 1 артабы, — низкокачественная земля, скупо вознаграждающая за вложенный в нее труд. В папирусе 167 г. из Нiera Nesos названы 11 человек, владеющие в общем по крайней мере 67 арурами, что дает несколько больше 6 арур на владельца; но здесь же назван Херемон, владеющий 85 арурами. В SB 4325 (W 236) 7 человек владеют 36,5 аруры, т. е. по 5,2 аруры; но Анубион имеет 40 арур. За I — II вв. папирусы дают сведения о 37 продажах земельных участков общей площадью в 237 арур; если вычесть отсюда

три сделки на 49, 19, 12 арур, прямо названных в тексте ὑπόλογος, то доброкачественной земли по 34 сделкам продано 157 арур, или в среднем 4,6 аруры. В папирусе 186 г. (W 400) приводится список кандидатов на литургию, имеющих полный ценз (εὑποροι) и надежных (ἐπιτήδαιοι); их ценз — 700—800 драхм, что соответствует стоимости 3—4 арур земли. На основании подобных данных приходится считать среднюю цифру 1 аруры доброкачественной земли на душу сельского населения слишком высокой для рядового земледельца. Если в приведенном выше папирусе W 341 два брата владеют сообща 1 арурой, а другой земледелец — $\frac{3}{4}$ аруры, то это, возможно, рядовое явление, хотя не исключена возможность, что эти лица владели землей еще и в другом месте.

«Царская земля» обрабатывалась крестьянами, жившими на ней несколько веков и фактически передававшими свои участки по наследству. Эти γεωργοὶ βασιλικοὶ или δημόσιοι были преемниками древних общинников, владевших землей сообща и обязанных за нее повинностями верховному собственнику земли — царю или храму. И в римский период, как мы видели, сохранились элементы общинного строя. В некоторых случаях «царская земля» сдается в аренду сельской общине в целом. ВР. Hamb. 12 (209/210 г.)* старейшины села владеют 217¹¹/₃₂ аруры земли. В другом фаюмском папирусе (W 345) времени Антонина Пия также старейшины снимают землю от имени селян, принимающих на себя круговую ответственность за выполнение обязательств. В папирусе 238 г.** сельская община сдает в аренду пастбищную землю. В папирусе W 344 говорится об отпуске посевного зерна общине в целом.*** Но это не значит, что римляне поддерживали общинный строй. Напротив, как и в других провинциях, римское правительство насаждало частную собственность на землю, а на γῆ δημόσια рассматривало крестьян не как старинных владельцев, платящих по древневосточному обычаю дань верховному собственнику, а как арендаторов, вступающих с собственником земли в договорные отношения; старинные права крестьян на землю, которой владели их предки с незапамятных времен, стали рассматриваться лишь как обязательства. Принадлежность к определенной сельской общине — ἰδίᾳ, origo, дававшая когда-то земледельцу прежде всего гарантию

* A. Ch. Johnson, ук. соч., стр. 69 сл.

** Там же, стр. 121.

*** При этом с крестьян берется письменное обязательство (γεωρογραφία) во-время оросить и засеять все участки, не оставив ни одной аруры в пренебрежении, уплатить все налоги и сборы, использовать семена только по назначению, вернуть своевременно семенную ссуду, очистить зерно.

его права на участок земли, при римлянах окончательно превратилась в связанность земледельца обязательствами перед фиском. Все старинные институты были использованы римской властью для укрепления бюрократического управления землей в интересах фиска. Это приводило не к укреплению общины, а к окончательному ее распаду, так как в основе ее лежали уже не условия производства, а лишь интересы римской казны.

Периодически производилась раздача участков в аренду (*διαμίσθωσις*) по устанавливаемому органами диойкета тарифу. Как мы видели, Тиберий Юлий Александр, а впоследствии и Адриан установили, чтобы тариф соответствовал реальной ценности участков в зависимости от состояния орошения. Оставшиеся нераспределенными среди *δημόσιον γεωργοί* участки сдавались частным лицам на основании их заявлений с предложением цены, причем бывали и случаи конкуренции между претендентами, предлагавшими надбавки к предложенной цене (*ἐπίθεμα*).

По мере того как гнет налогов и повинностей усиливался, аренда царской земли становилась все более тягостной, и правительство стало прибегать к принудительным мерам, чтобы обеспечить обработку земли, особенно низкого качества. Иногда земля отдавалась селению с тем, чтобы селяне сами ее между собой распределяли (*ἐπιμερισμός*), чаще же участки «прибавляли» к владению ближайшего собственника или арендатора (*ἐπιβολή*). И в этом последнем случае, повидимому, сельская община несла ответственность за обработку участка лицом, которому досталась «накидка». Об этом свидетельствует папирус 46 г., содержащий обязательство села в отношении распределения *ἐπιβολή* (*ὁμολογία* ... *διαρέσεως ἐπιβολῆς κώμης*).*

Но и «нормальные» участки часто не находили съемщиков, и аренда становилась наследственной и принудительной. В Оксиринхском папирусе 200 г. (W 364) некая Аполлинарион в прошении на имя диойкета, ссылаясь на свои предыдущие ходатайства, на прецеденты судебных решений и на ряд правительственных распоряжений, просит освободить ее от принудительной аренды земли, которую снимал ее отец. В прошении цитируется решение, состоявшееся в 154/5 г., «распоряжение Тиберия Александра: «воспрещая [привлекать] женщину к обработке земли», от 2 г. Гальбы ... префекта Валерия Эвдемона, вынесшего такое же постановление в 5 г. Антонина... и эпистратега Миниция Кореллиана в 10 г. императора Господа Антонина». Таким образом, только женщины освобождались от принудительной аренды земли, да и то это распоряжение не всегда соблюдалось.

* Н. Idris Bell, САН XI, стр. 654.

Если женщины могли искать законной защиты от привлечения к принудительной аренде, то мужчинам оставался один выход — бегство. В папирусе 167 г. (P. Upps. 7=P. Berliner Leihgabe)* сельский писарь представляет стратегу «именной список земледельцев (γ-φργούτων) вместо ушедших и обнищавших» (ἀνακεχωρηκότων καὶ ἐξησθενηκότων καταστροφῆς); в некоторых случаях участок распределяется малыми долями ($\frac{3}{4}$ аруры) среди нескольких лиц. Немощность (ἀσθένεια) арендаторов царской земли, отдававшая их в зависимость от казны, приводила к тому, что они вынуждены были обрабатывать отведенный им участок на любых условиях. Стратег Арсиноитского нома в 247 г. отдает распоряжение о принудительном задержании на земле в качестве арендаторов ряда земледельцев, задолжавших казне. Reliqua colonorum и в Египте оказываются источником закрепощения. В документах III в. акты аренды царской или общественной земли крайне редки; возможно, что это результат постепенного исчезновения свободных арендаторов, отчасти — уменьшения площади «царской» земли, переходившей к крупным частным собственникам.

Личные императорские земельные владения — οἰσία, возникшие в результате конфискаций, находились в ведении особого управления — λόγος οἰσιαχός, но здесь применялись те же методы, что на и γῆ δημοσία. Уже Тиберий Юлий Александр в своем эдикте обещает (§ 1) впредь не принуждать к аренде императорских имений; очевидно, принудительная аренда применялась и здесь. Наряду с этим были и латифундии, где применялся труд рабов и наемных работников.

Жреческая земля эксплуатировалась так же, как и царская, хотя и сохранила прежнее название ἱερατικῆ.

Папирусы сохранили ряд приходо-расходных книг частных крупных земельных владений. Рост крупного частного землевладения наблюдается особенно с III в. С одной стороны, обесценение денег в III в. побуждало богатых людей помещать свои деньги в земельную собственность. С другой стороны, возраставшие трудности взыскания с земледельцев тяжелых податей и содержания в порядке ирригационной сети заставляли, надо полагать, и правительство содействовать мобилизации земли в руках крупных владельцев. Да и сами крестьяне чувствовали себя спокойнее под защитой владельца имения, ограждавшего их от произвола и вымогательств чиновников. Рост частного землевладения вместе с тем показывает, что обнищание непосредственных производителей в Египте вызывалось не стихийными бедствиями, истощением земли или ухудшением условий орошения, а исключительно экономиче-

* «Uppsala Universitets Årsskrift», 1932.

ской политикой римских правителей. Крупные земельные владения, имевшие силу сопротивляться гнету налогового и административного аппарата, давали хозяевам, как видно из сохранившихся отчетов, значительные выгоды. Сама по себе египетская земля, «дар Нила», продолжала оставаться плодородной, бедствием был социальный и политический строй Египта.

Основным сельскохозяйственным продуктом Египта была пшеница. Далее следует ячмень, который вывозился для нужд римской армии, но главным образом служил для приготовления пива — дешевого напитка для бедноты. Египет производил также полбу, чечевицу, клевер, разного рода овощи. Большое место в сельском хозяйстве занимала культура льна. Масличное дерево и финиковая пальма были широко распространены в Египте. Плиний, впрочем, отмечает, что египетские финики суховали и невелики. Кроме плодов, финиковая пальма давала пальмовое вино, а из волокон ее листьев изготавливали веревки. Масло выжимали из оливок, сезама, кротона, клещевины. Касторовое масло применялось для освещения, но бедняки, по сообщению Страбона, употребляли его и в пищу.

Египет был почти монополистом в производстве папируса. Плиний сообщает, что папирус использовался не только для изготовления писчего материала; корни его использовались как топливо и для всякого рода поделок; стебли служили для изготовления лодок, а из наружного слоя их делали паруса и циновки, а также одежду, одеяла и веревки; египтяне также жевали папирус сырым и вареным, но проглатывали только сок. По сообщению Страбона, владельцы болот, где произрастал папирус, искусственно ограничивали производство готового продукта, чтобы держать цены на высоком уровне. Отсюда можно заключить, что производство и торговля папирусом были сосредоточены в руках немногих крупных предпринимателей. В частности, такими предпринимателями были Ливия Августа и наследники Германика.

У нас нет прямых данных о сохранении в римском Египте в полном объеме монополий, существовавших при Птолемах; но во всяком случае ряд производств находился под контролем правительства. В «Гномоне идиолога» (§ 102) устанавливается: «Если у гимнасиархов города нехватает [масла] для умащений, разрешается ввезти в округ масло и продать излишек по существующей в городе цене, в противном случае они лишаются масла и уплачивают штраф в 20 талантов». В 1937 г. А. Е. Р. Воак опубликовал мичиганский папирус 47 г., содержащий соглашение солеторговцев в Тебтунисе. Они избирают эпилета с обширными полномочиями, вплоть до ареста нарушителя соглашения, определяют, кому, где, по какой цене

и каким именно товаром торговать.* Повидимому, соль в то время составляла монополию государства и сдавалась на откуп. Римляне, однако, предпочитали заменить монополии косвенными налогами, падавшими на потребителя.

Государственной монополией оставалась эксплуатация недр. В Египте добывались в незначительных количествах медь, железо, золото, драгоценные и полудрагоценные камни (агат, оникс, топаз, изумруд, аметист, берилл, халцедон, гранат и др.) и минералы (алебастр, порфир, диорит, кварцит, мрамор, стеатит и др.). Недра разрабатывались непосредственно казной через специально для этого назначенных чиновников, имевших в своем распоряжении воинские части. Об ужасных условиях труда рабов на этих рудниках красочно пишет Диодор (III, 13). Иногда работы на каменоломнях и в рудниках отдавались на откуп.

Естественные богатства Египта эксплуатировались римским правительством хищнически. Конечно, правительство заботилось о сохранении в порядке оросительной сети, о правильном севообороте, указывая, где и что сеять, давало вперед семенное зерно, боролось со злоупотреблениями чиновников; но все благие намерения не достигали цели, поскольку Египет с самого начала его включения в состав империи рассматривался прежде всего как источник доходов для императорской казны. Интересы населения приносились в жертву требованиям фиска, а по мере того как нужда в деньгах возрастала, все туже завинчивался налоговый пресс, истощая экономические силы непосредственных производителей. Бюрократический аппарат отвечал на падение производительности труда и неплатежеспособность населения все более тяжелыми репрессиями, и даже призыв к самостоятельности населения путем организации при Септимии Севере муниципальной жизни свелся к расширению бюрократического аппарата, так как новые муниципальные учреждения и магистратуры были фактически включены в государственный аппарат и выполняли его задания.

Мы не знаем точно, сколько хлеба вывозили из Египта ежегодно для снабжения Рима. Аврелий Виктор сообщает (*Epit.* I, 6), что при Августе Египет давал ежегодно 20 млн. модиев (6 000 000 артаб) хлеба (главным образом пшеницы), а также ячменя и чечевицы. Но в то время в Египте еще были обширные частные латифундии и жреческие земли, свободные от обложения. В дальнейшем количество так или иначе облагаемой земли возросло и ставки налога и аренды казенной земли были увеличены.

* A. E. R. В о а k, An ordinance of the salt merchants, *AJPh.* LVIII (1937), стр. 210 сл.

Кроме хлеба, Рим получал от Египта и денежный доход в виде налогов, пошлин и других статей. По сообщению Страбона (XVII, 1, 13), Цицерон определил доход Птолемея Авлета в 12 500 талантов; но если тогда, пишет Страбон, в правление такого дурного и бездеятельного царя, Египет давал такой доход, «что следует сказать о нынешнем положении», при столь рачительном управлении римской администрации? Если принять цифру Цицерона в серебряной валюте, она соответствует 300 млн. египетских драхм. По мере усиления административного и хозяйственного аппарата извлекаемые из Египта доходы, как указывает Страбон, возросли. В 66 г. Агриппа, уговаривая иудеев не восставать против Рима, указал между прочим на то, что Рим получает от одного Египта в месяц больше дохода, чем дает Иудея за год (I o s., B. Iud. II, 16, 4). Если это не просто риторический прием, то отсюда можно путем некоторых выкладок заключить, что в 66 г. доход от Египта составлял 400 млн. египетских драхм, или около 50 драхм на душу населения. Правда, в цифру дохода входят торговые пошлины на ввоз и вывоз товаров, не затрагивающие непосредственно населения Египта; зато необходимо учесть, что население должно было содержать громадный бюрократический аппарат, войско, пути сообщения и т. д.

Рим извлекал доходы из Египта, помимо непосредственной эксплуатации земли и ее недр, путем бесчисленных налогов и сборов. Частновладельческая земля была обложена налогом в 1—2 артабы пшеницы с аруры. С казенной земли, кроме аренды, взимался ряд сборов натурой. Выше уже упоминался сбор *проσμετρομενα* — $\frac{1}{12}$ артабы с аруры. Земледелец должен был также оплачивать натурой стоимость доставки взыскиваемой с него натуральной арендной платы или налога до места погрузки на корабль. Для дальних расстояний взыскивался, сверх того, дополнительный сбор (*διὰφορον φορέτρον*) в размере 1—9% стоимости зерна. Далее взыскивался добавочный налог (*πρόσθεμα*) от 12 до 15½%. В остраках и папирусах до сих пор зарегистрировано более 50 различных натуральных сборов и налогов, взыскивавшихся в разные времена в том или другом номе.*

Денежных налогов в Египте существовало огромное количество. Единой системы налогов и сборов не было. Каждый ном имел свои налоги, размеры которых не всегда были одинаковы. Больше 450 разных налогов и сборов названы в доку-

* Перечень известных налогов и сборов дан в I т. книги U. Wilcken, *Griechische Ostraka aus Agypten und Nubien*, Lpz. 1899. По новым данным более полный перечень дан Джонсоном в «Roman Egypt».

ментах. Обложены были все виды промыслов, предметы потребления, даже исполнение религиозных обрядов; кроме всякого рода τέλη и φόροι, существовали и разные раскладки (μερισμοί) на содержание полиции, транспорта, налоговых сборщиков и других представителей фискального ведомства, на общественные сооружения, на «венки», статуи и подарки и т. д.

Главное место занимала подушная подать (λαογραφία, ἐπιεφάλαιον; некоторую разновидность ее представляет συντάξιμον). За исключением римских граждан все мужчины, в том числе рабы, с 14-летнего возраста подлежали действию этой подати. Так как до сих пор не найдено ни квитанций об уплате подати женщинами, ни женских деклараций, то предполагают, что женщины были свободны от подушной подати, хотя от нее не освобождали даже рабов. Размер подати был различен для различных категорий населения и для разных номов. В Оксиринхе привилегированные группы городского населения платили 12 драхм и назывались δωδεκάδραχμοι. В Арсиное ставка была от 20 до 40 драхм; основная масса населения платила, повидимому, συντάξιμον в 44 драхмы, куда включались еще какие-то сборы. Каждые 14 лет производились ценз, перепись и пересмотр списков налогоплательщиков — вычеркивались умершие, вписывались подросшие дети. Ценз составлялся на основании деклараций самих налогоплательщиков, а позднее — домовладельцев. За неподачу декларации или сокрытие кого-либо виновный, согласно «Гномону идиолога» (§ 58), наказывался в первый раз штрафом в размере $\frac{1}{4}$ имущества, во второй раз — $\frac{1}{2}$. Поэтому налогоплательщики аккуратно подавали свои декларации, указывая не только полное имя, возраст и местожительство, но и приметы. В одном оксиринхском папирусе (W 201) вольноотпущенница 65 лет, сообщая в декларации о жильцах дома, указывает при этом свои приметы: рост средний, цвет волос медовый, черты лица вытянутые, шрам на правом колене. Или вот образец декларации, заблаговременно сообщаящей о смерти ребенка, чтобы он впоследствии не попал в списки: «Исидору, царскому писцу участка Темиста в Арсиноитском номе, от Сотела, сына Иосифа и Эротиион, внука Теомны, живущего в селении Аполлониаде. Мой сын Иосиф от моей жены Сарры, малолетний и не внесенный еще в списки по подушному налогу, умер в месяце тибι сего 4 г. Траяна Цезаря господа. Поэтому прошу внести его в список умерших». В конце декларации обычно налогоплательщик приносит клятву о правдивости своего сообщения, которое подтверждается также свидетелями.

Лица, имевшие право на уплату налога по пониженной ставке, должны были пройти проверку (ἐπίκρισις) в специальной

комиссии, куда надо было представить документы и свидетелей. 'Επίκρισις подвергались и рабы, так как в отношении подушной подати рабы следовали статусу своего господина.

Обложению подлежал и скот, — и тщательность, с какой подавались декларации, показывает, как жестко работал налоговый аппарат. Так, в декларации от 24 июля 66 г. крестьянин пишет: «Паписку, бывшему косметом города, стратегу Оксиринхского нома, Птолемею, царскому писарю, и писцам нома от Артемисия, сына Петосириса, от матери Дидимы, дочери Диогена, из селения Фтохис, восточной топархии. Я указал в настоящем 12 г. Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика императора по вышеуказанному селению Фтохис приплод от скота, который я имею, двенадцать ягнят. Ныне я указываю прибавившийся к моменту настоящей вторичной декларации: семь ягнят — всего семь ягнят. Клянусь Нероном Клавдием Цезарем Августом императором, что я не утаил. Будьте здоровы. [Другой рукой]: Аполлоний по поручению стратега Паписка удостоверяю: 7 ягнят. 12 г. государя Нерона, 30 эпиф.» (Р. Оху. II, 246).

Для взыскания налогов и сборов был создан чудовищный бюрократический аппарат, в который все больше вовлекались представители населения, исполнявшие обязанности сборщиков в качестве повинности — литургии. Сдача налогов на откуп практиковалась редко. При взыскании натуральных сборов все операции от съемки урожая до сдачи зерна на склад (θήσαυρός) и погрузки на корабль тщательно проверялись специально приставленными к этому делу лицами и за каждую операцию — взвешивание, проверку качества зерна, доставку тары и т. п. — взимался с плательщика особый сбор.

Римляне старались установить, где это было возможно, круговую поруку плательщиков и сборщиков. К литургиям привлекали людей относительно состоятельных, которые могли бы покрыть недоимки из своих средств. Естественно, что сборщики (πράκτορες) ни перед чем не останавливались, чтобы полностью взыскать все налоги и не оставить недоимок. В документах сохранились жалобы на жестокость и произвол сборщиков. В папирусе BGU 515 (=W 268) 193 г. жалобщики пишут, что из 10 артаб пшеницы, причитавшихся с них в качестве добавочного налога, они внесли уже 9. «И вот из-за оставшейся одной артабы, когда я находился в поле, ко мне в дом вошли сборщики хлебного налога Петесий, сын Ткела, и Сарapiон, сын Марона, и их секретарь Птолемей с прислужником Аммонием и сорвали с моей матери платье.. ее бросили... Так как она в результате слегла... прошу вызвать их к себе».

Филон Александрийский указывает, что тяжелые подати и налоги доводят население до крайности, а в сборщики вы-

бирают безжалостных и жестоких людей (de spec. leg. II, 92—93). В другом месте (III, 159—162) Филон рисует картину деятельности налогового сборщика: «Недавно некий энологист, назначенный к нам, когда некоторые недоимщики вследствие бедности своей бежали из страха жестоких наказаний, насильно привел их жен, детей, родителей и прочую родню, стал их бить, поносить и всячески мучить, чтобы они либо указали местонахождение беглеца, либо уплатили за него. Но они не могли выполнить ни того, ни другого, так как не знали, где находится бежавший, и были сами не менее нищи, чем бежавший. Тогда он, предварительно подвергнув мучениями и пыткам, предал их изощренным казням. Привязав веревки к корзинам, наполненным песком, он вешал им на шею эту неимоверную тяжесть, чтобы они сами изнемогали от жестокой муки, от непогоды и солнца, от стыда перед прохожими, от привешенной тяжести и чтобы зрители заранее предвкушали [предстоящее и им] наказание. Некоторые, сильно потрясенные этим зрелищем, сами как бы переживая муки других, заранее лишали себя жизни посредством меча, яда или петли; при таком бедствии они почитали за счастье умереть хотя бы без мучений. А кто не успел покончить с собой, тех, как это бывает при жеребьевке, стали приводить по очереди — сначала ближайшего по родству, потом вторых, затем третьих, затем самых дальних. А когда уже не осталось никого из родственников, бедствие обрушилось и на соседей, а в некоторых случаях на целые села и города, которые скоро опустели и лишились жителей, выселившихся и рассеявшихся всюду, где рассчитывали остаться нераззысканными».

О том, что Филон в данном случае дает картину из жизни Египта, а не художественный вымысел, свидетельствуют дошедшие до нас документы. Бегство крестьян с земли стало в Египте столь обычным явлением, что был установлен специальный сбор, *μερίσμος ἀναξωρηκότων*, раскладка недоимок сбежавших на их односельчан; до нас дошло много документов о взыскании этого своеобразного налога.* Наряду с этим встречается *μερίσμος ἀπόρων* — раскладка недоимок неимущих, с которых, очевидно, взыскание было признано безнадежным. В 56 г. сборщик налогов в селении Филадельфии указывает в донесении, что у него оказалось 44 *ἄποροι ἀνέρητοι*, неимущих, оставшихся нераззысканными. В 57 г. в той же Филадельфии отмечаются недоимки 43 лиц *ἀναξωρηκότες* *ἄποροι* в сумме 5948 драхм 4 оболов; еще 54 лица бежали «в неизвестном направ-

* Материал собран в статье Нафтали Льюиса, Из истории римского гнета в Египте, ВДИ 1(6), 1939, стр. 19 сл.

лении».* В папирусе 168/9 г. из Мендеса (BGU III, 902) сообщается, что «люди большей частью исчезли, ибо раньше в селе было людей 85, теперь же [число их] уменьшилось до 10, а из них 8 человек ушло». В другом папирусе (BGU III, 903) старосты ходатайствуют о снижении общей суммы налога; «когда, говорят, была установлена подлежащая уплате сумма налога, села были многолюдны, ныне же все почти, кроме немногих, исчезли, от очень большого числа остались немногие, да и из них большинство вследствие незаможности ушли». Сборщики подушной подати по шести селениям Арсиноитского нома ходатайствуют перед префектом Египта Балбиллом (55—59 гг.) об отсрочке платежей, так как «число жителей в упомянутых деревнях, бывшее прежде высоким, теперь сильно упало, часть их обеднела и бежала, другие умерли без законных наследников».** О том же говорит и Р. Fröhner-Wilcken.*** Как видно из BGU III, 903, префект Бассей Руф вынужден был снизить общую сумму подлежащего взысканию налога. Что такие явления не случайны, показывает между прочим то обстоятельство, что квитанции об уплате *μερίσμος ἀνάγει* *ὑφ' ἑκαστοῦ* дошли до нас за большой период времени — от 114 до 160 г.

Конечно, крестьяне продолжали брать в аренду землю, продолжали работать и платить налоги, снабжать Рим хлебом, обогащать своих египетских эксплуататоров, крупных предпринимателей, торговцев, ростовщиков, чиновников. Но они постоянно находились на грани нищеты, а часто переходили за эту грань, превращаясь в нищих, бросая свой дом и хозяйство и убегая куда глаза глядят. Указание Энгельса, что «налоговое бремя и проистекающая из него нужда в деньгах... порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до нищеты бедных», больше всего подходит к Египту.

Что разорение крестьянства было неизбежным массовым явлением, показывает анализ бюджета крестьянского хозяйства, который можно с некоторой вероятностью восстановить по документальным данным.

Как мы уже видели, хотя в среднем на душу населения приходилось по 1 аруре пахотной земли, масса земледельцев владела участками меньшими, чем эта теоретическая средняя норма. Поэтому семейство, состоящее из трех работоспособных (в том числе одна женщина) и одного ребенка и владеющее

* Н. Idris Bell, The social crisis under Nero, JRS XXVIII (1938).

** Н. Льюис, ук. соч., стр. 21.

*** «Festschrift für Otto Hirschfeld», В. 1903, стр. 125.

4 арурами доброкачественной земли, можно считать в хозяйственном отношении благополучным. На основании нынешней урожайности земли в Египте принято считать, что с одной аруры доброкачественной земли при нормальном орошении можно было снять 25 артаб пшеницы, или с участка в 4 аруры — 100 артаб. Если владелец участка был *δημόσιος γεωργός*, снимал казенную землю, он должен был платить на нее налог натурой. Ставка аренды была самая разнообразная в зависимости от качества земли, от состояния оросительной системы, от разлива Нила. В упомянутом кадастре 167 г. из Ниега Несос 16 303 артабы получалось с 3429 арур царской земли, что дает 4,7 артабы с аруры; но в том же папирусе на обороте в столбцах III—XII средняя стоимость аренды царской земли — $6\frac{2}{3}$ артабы, а в имениях Лурия, Германика, Сенеки ставка доходит до $14\frac{1}{3}$ артабы. Джонсон с необходимыми в таких случаях оговорками на основании документов об аренде вывел для 26—100 гг. среднюю стоимость аренды частной земли $7\frac{3}{4}$ артабы, для 100—150 гг. — $6\frac{3}{4}$, для 150—200 гг. — $4\frac{1}{2}$, для 200—285 гг. — $5\frac{1}{4}$ артабы. Необходимо иметь в виду, что «царская земля» сдавалась сплошными участками, включая *ὑπόλογος*, неорошенную и другую малоценную землю. Поэтому, если принять стоимость аренды доброкачественной «царской земли», вместе с добавочными налогами натурой, 6 артаб с аруры, это будет ставка скорее ниже, чем выше нормальной. Владелец 4 арур с урожаем в 100 артаб пшеницы должен, таким образом, израсходовать: на посев 4 артабы и 24 артабы на уплату всех натуральных сборов. Далее, по свидетельству документов, норма потребления хлеба составляла 1 артабу в месяц на человека (около 700 г в день). Поэтому цифра 40 артаб в год на четырех человек не будет преувеличенной. За вычетом этих 40 артаб в хозяйстве остается $100 - (4 + 24 + 40) = 32$ артабы пшеницы стоимостью 256 драхм. Из этих денег надо уплатить по крайней мере за двоих (не считая жены домохозяина) подушный и прочие налоги, составлявшие обычно около 60 драхм на человека;* всего 120 драхм; принято считать, что на еду, кроме хлеба, *ὀψώνιον* надо затратить столько же, сколько на хлеб, в данном случае 320 драхм. Совершенно очевидно, что после уплаты налога у крестьянина не остается и половины этой суммы.

* Р. Tebt. II, 353 (W 269) 192 г. из Файюма представляет квитанцию об уплате налогов за четыре года вернувшимся после *ἀναχώρησις* налогоплательщиком. Сверх подушной подати, которую он уплачивает по пониженной ставке, он платит в год разных налогов от $15\frac{1}{2}$ до 20 драхм. Если принять за норму подушной подати для Нижнего Египта 44 драхмы, то общая сумма денежных налогов составит не менее 60 драхм, особенно если учесть разные нерегулярные сборы, которых было большое множество.

А ведь есть еще расходы на жилище, на кое-какой инвентарь, на одежду (одежда раба стоила в год 20 драхм), на потребности культа.

Если земледелец владел землей на правах частной собственности, он платил только по 1 артабе с аруры, и у него, следовательно, освобождалось еще $24 - 4 = 20$ артаб пшеницы стоимостью в 160 драхм, и его денежный доход мог составить 416 драхм; за вычетом 120 драхм на налоги у него остается 296 драхм, не покрывающие стоимости нормального опсонион.

Гораздо хуже было положение наемного работника. Из приходо-расходной книги имения Эпимаха за 78/79 г. (P. Lond. CXXXI) мы знаем, что наемный работник получал 3—4 обола в день. Если считать, что он имел работу 330 дней в году и получал 4 обола в день, его годовой заработок составлял 220 драхм, а за вычетом налогов — 160 драхм. На эти деньги он должен был приобрести 10 артаб хлеба (Эпимах продает пшеницу по 10 драхм) стоимостью 100 драхм, опсонион, одежду и т. д. Было высказано предположение, что наемный работник получал от нанимателя харчи. Но это предположение опровергается тем, что в отчетах не показан расход на продовольствие для наемных работников. В P. Flor. 101 группа работников, нанимающихся на жатву, оговаривает, что наниматель должен снабжать их питьевой водой, а по окончании работы — выставить керамий пива.

Таким образом, положение непосредственного производителя было в Египте чрезвычайно тяжелым. Не меньшим бичом, чем тяжесть налогов, были для населения литургии (*munera*) — повинности как личные, так и имущественные. Помимо привлечения к обработке пустующей и низкокачественной земли на условиях принудительной аренды, источники приводят случаи мобилизации крестьян на полевые работы, для обозначения чего выработался даже термин — *ἀγεσθαι εἰς γεωργίαν*. Мы видели, что в 54 г. префект Лузий Гета освободил жрецов от этой повинности (OGIS 664). В одном файюмском папирусе жалуются «Теофил иудей, говоря, что я, мол, уведен на полевые работы, а я хочу вернуться к Сабину». * P. Lond. II, 322 (W 358) 214/5 г. содержит раскладку расходов по доставке работников в Сокнопайу Несос из соседней Бакхиады.

Хотя крестьяне платили специальный налог на содержание ирригационных дамб (*χωματικόν*), около 7 драхм, они обязаны были сами выполнять все необходимые работы по содержанию в порядке и охране оросительной сети.

* M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, Lpz. 1910, стр. 195.

Одной из самых тяжелых повинностей была транспортная — поставка вьючного скота (быков, ослов, верблюдов) и пловучих средств передвижения для перевозки хлеба, камня и руды, земли, вынутой при расчистке каналов, для багажа императора, войск, префекта и других сановников.* Германик, посетивший Египет в 19 г., издал эдикт, запрещающий реквизицию для него вьючного скота и лодок без ордера его секретаря Бебия, и предлагает уплатить за реквизиции по таксе (SB 3924). Но, понятно, не все путешественники были столь любезны, как гость Египта Германик. Кроме этих ἀγγαρεία, в которых Энгельс видит прообраз барщинных повинностей, население обязано было брать на постой и содержать проезжающих солдат, полицейских, чиновников. Против злоупотреблений этими ξένα издавались специальные указы (префекта Эмилия Ректа, W 489; Вергилия Капитона, OGIS 665; М. Петрония Мамертина, PSI 446), но уже самый факт неоднократности издания таких указов свидетельствует о малой эффективности их.

Величайшим бедствием для населения были литургии, число которых постоянно возрастало. Как мы уже отмечали, римские власти постепенно превращали все honores в munera, все больше нажимая при этом на литургов в смысле усиления их ответственности за регулярное поступление доходов казны. Муниципальные магистратуры, появившиеся в городах в результате реформы Септимия Севера, фактически были литургиями (W 402). Из 109 должностей, о которых собрал весь материал Эртель, только четыре не были литургиями. «Чем больше разлагалась империя, тем выше становились налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и выжимали чиновники».** Чтобы усилить круговую ответственность, личную и имущественную, населения, все большее число людей стали привлекать к литургиям. В папирусе (P. Upps. 6, 166/7 г.) приводится список должностных лиц одной деревни, содержащий 71 имя; поражает количество полицейских должностей: 3 νομοφύλακες, 20 νυκτοφύλακες, 12 φύλακες, 2 μαγδωλοφύλακες, 11 πεδιοφύλακες, 4 εἰρηνηφύλακες.

Власти не считались ни с возрастом, ни с привилегиями и иммунитетами. Хотя эдикт Домициана 87/8 г. (W 463) предоставил ветеранам свободу от литургий, впоследствии эта свобода была ограничена сроком в пять лет, а в папирусе 172 г. (W 396) ветеран жалуется, что его привлекают к литургии уже начиная с третьего года, притом в течение многих

* Подробно см. F. Oertel, Die Liturgie, Lpz. 1917, стр. 88 сл.

** Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1934, стр. 131.

лет подряд, а это запрещается даже в отношении египтян. Выше мы видели, что префект предлагает эпистратегу насильно привлечь к литургиям римских граждан, александрийцев и ветеранов в Копте (W 35). В качестве меры понуждения применялось и физическое насилие. В папирусе 281 г. PSI 807 некий Гераклий пишет, что подает жалобу, «желая сохранить тело свободным и не поруганным» (ἐλευθέρων καὶ ἀνύβριστον). О том же говорится и в другом папирусе III в.* В Р. Оху. 1405 (III в.) сборщику обещают, что он не подвергнется телесному наказанию за отказ от литургии.

Литургии не только отнимали все время у человека, но лишали его состояния, так как литург отвечал своим имуществом за порученное ему дело. В прошении префекту врач из Файюма пишет, что в результате четырехлетней литургии он совершенно разорился и просит смилостивиться над ним и распорядиться сложить с него обязанности (W 395). Назначенный опекуном просит освободить его от этой обязанности, так как он обнищал от литургий (Mitt. 322). Оксиринхский папирус 202 г. содержит прошение александрийского сановника Аврелия Гориона (W 407): «Некоторые села Оксиринхского нома, о человеколюбивейшие императоры, в которых я и мои сыновья владели землями, сильно разорены, притесняемые ежегодными литургиями фиска и местного гарнизона, и существует опасность, что они и для казны погибнут и бросят вашу землю необработанной. Поэтому я, руководясь человеколюбием и пользой дела, хочу для их поддержки учредить некий небольшой фонд в каждом селении на прикупку земли, доходы с коего будут предназначены для прокорма и на издержки тех, кто будет в соответствующий год выполнять литургии». Императоры Септимий Север и Каракалла утвердили проект Гориона, тем самым признав официально нормальность такого положения вещей.

От литургий спасались, как и от налогов, прежде всего бедством. В папирусе 186 г. (W 400) старейшины села Сокнопайу Несос обращаются к стратегу: «Взамен Трифона, сына Семпрония, Паветиса, сына Пеката, Пнеферота, сына Соты, и Гарпаисия, сына Гарпагата, которые при жеребьевке на должность сборщика денежных налогов в нашем селе не оказались налицо (т. е. скрылись еще до жеребьевки), мы указываем нижеследующих лиц, имеющих ценз и надежных, с тем, что они будут присланы на жеребьевку к превосходительному эпистратегу»; следуют имена четырех лиц с указанием их ценза — от 700 до 800 драхм. В другом папирусе 216 г. (W 408)

* M. Rostowzew, *Storia economica e sociale del Impero Romano*, стр. 567.

жалобщик пишет: «После этого, когда я был назначен на очень тяжелую литургию, я ушел из села, не будучи в состоянии выдерживать тяжесть литургии».

В III в. ряд документов свидетельствует о новом способе избавиться от литургии — *sessio bonorum*; кандидат отдает свое имущество тем, кто его назначил (получая затем обратно одну треть), с тем, чтобы получивший имущество взял на себя литургию. В папирусе из Гермополя 250 г. (W 402) Гермофил, недавно закончивший срок своей должности космета и потерявший на этой должности значительную часть своего состояния, предлагает отдать все, что у него осталось, только бы избавить сына, назначенного на ту же должность, от этого бедствия. Гермофил при этом ссылается на «законы и божественные (т. е. императорские) распоряжения». Действительно, *ἐκτασις*, отказ от имущества, чтобы избавиться от литургии, был официально признанным институтом. Р. Оху. 1405 содержит, повидимому, декрет, относящийся к *ἐκτασις* и регулирующий связанные с этим отношения; наконец, в папирусе 200 г. (Mitt. 375) мы имеем рескрипт Септимия Севера и Каракаллы об этом институте, к сожалению, сильно фрагментированный.

Но и эта крайняя мера не всегда спасала от литургии, как видно из чрезвычайно интересного папируса, опубликованного Т. С. Skeat и Е. Р. Wegener.* Префект разбирает дело о неправильном назначении селян на городскую литургию. От имени обеих сторон — городского притана и селян — выступают адвокаты; один из них указывает между прочим, что Арсиноя «некогда была густо населена, а ныне арсиноиты окончательно впадают в нужду, побыв в должности два дня»; в качестве примера он приводит случай, когда некто отдал свое имущество, чтобы избавиться от литургии, но ему тем не менее пришлось вступить в должность. Интересно в этом папирусе всеобщее признание упадка египетских городов. Представитель города отводит ссылку противной стороны на запрещение Севером привлекать селян к городским литургиям, заявляя: «Север издал этот закон в Египте, когда города еще были богаты» (*εὐπόρων*). На это префект возражает: «Рассуждение насчет богатства или перехода к бедности относится одинаково и к селам и к городам».

Римские власти беспокоились не о том, чтобы облегчить участь литургов, а лишь о том, чтобы казна не потерпела ущерба. С *ἀναχώρησις* литургов оно боролось посредством сомнительных амнистий и новых репрессий. Опубликованный в 1936 г. в Р. Oslo. 79 (134/5 г.) указ префекта Мамертина пред-

* T. C. Skeat and E. P. Wegener, A trial before the prefect of Egypt Appius Sabinus c. 250 a. D., JEA XXI (1935), стр. 224—247.

писывает литургам впредь не покидать своих $\dot{\iota}\delta\acute{\iota}\alpha$ и вместе с тем требует, чтобы взамен уже бежавших представили других кандидатов, вполне надежных. Более пространный эдикт префекта Марка Семпрония Либералия от 154 г., констатируя, что многие, «бежав от литургий из-за их тогдашней нужды, теперь еще находятся на чужбине», предлагает в течение трех месяцев со дня опубликования декрета вернуться по домам (W 19). Аналогичный эдикт издал префект Субатиан Аквила (W 354). Уходившие из родных мест могли стать бродягами, разбойниками, нищими; в лучшем случае они могли получить где-нибудь временную поденную работу. Многие пробирались в Александрию, где можно было затеряться в массе населения и найти кое-какой заработок. После резни, учиненной Каракаллой в Александрии в 215 г. (Dio Cass. 78, 22), император издал указ против египтян, проживающих в Александрии (P. Giss. 40, II): «Все египтяне, находящиеся в Александрии, особенно крестьяне, которые бежали из других мест и могут быть легко обнаружены, должны быть высланы, за исключением свиноотгоовцев, речных перевозчиков и поставщиков тростника для топки бань... Мне известно, что в праздник Сараписа и в другие праздничные дни и даже в будни египтяне обычно приводят быков и других животных для жертвоприношений. В этом им не должно препятствовать. Выслать надлежит тех, кто бежал из родных мест, чтобы избежать земельных повинностей, а не тех, кто скопляется здесь, чтобы насладиться зрелищем славнейшего города Александрии, прибывают сюда ради прелестей городской жизни или по случайным делам».

Политика репрессий и жестокого гнета не зависела от злой воли императора; такова была установившаяся система. Даже Адриан, который пытался предоставлением льгот привлечь земледельцев Африки к обработке пустопорожних земель (*lex Hadriana de rudibus agris*, Bruns, FJR, ed. 7, 115) и которого в Египте считали чуть ли не благодетелем, не хотел отказаться ни от одной крупницы египетского дохода. В восстановленном ныне эдикте Адриана 136 г. (P. Oslo. 78) император после ряда оговорок предоставляет земледельцам, пострадавшим от неурожая вследствие недостаточного разлива Нила, лишь рассрочку уплаты недоимок на 3—5 лет.

Беспоощадная эксплуатация трудящихся неуклонно вела к истощению ресурсов богатой страны, к расстройству оросительной системы, к сокращению посевов, уменьшению народонаселения. В начале IV в. регистрация земли в районе Теадельфии показывает, что из 500 облагаемых налогом арур возделываются только 200; в районе Филадельфии из 80^{5/12} — 33^{21/32}. В P. Rain. 58 комиссия по $\epsilon\pi\acute{\iota}\sigma\kappa\epsilon\upsilon\iota\varsigma$ сообщает: «По

прибытии на место мы обнаружили, что все оно лежит впусе (ἐν χέρσῳ) и не используется». * Запущенность оросительной сети заставляла правительство прибегать опять-таки к репрессиям. Указ 228 г. (Р. Оху. 409) предписывает мобилизовать всех землевладельцев на ремонт ирригационной системы, угрожая, что пренебрегающие этой повинностью ставят на карту не только свое достояние, но и жизнь. В III в. Египет уже не может обеспечить своих поставок хлеба для Италии, и правительство начинает все больше ориентироваться в этом отношении на Африку.

Низкий и все более снижавшийся уровень жизни сельского населения Египта не мог, конечно, содействовать росту применения труда рабов в сельском хозяйстве. И все же римское владычество и в Египте вело к усилению роли рабского труда в хозяйстве. При случайности и скудости данных, какие можно извлечь из папирусов и остраков, было бы рискованно делать какие-либо обобщения или пытаться установить процент рабов по отношению ко всему населению. ** Но вполне правдоподобно, что в появившихся здесь крупных частных или императорских земельных владениях работали наряду с наемными работниками и рабы. В небольшом (20 арур) имении Эпимаха (Р. Lond. 131 v.), кроме раба-управляющего, постоянно работают 4 раба, а если под *παῖδες* понимать, как обычно, рабов, то к временным работам привлекается еще 6—10 рабов, нанимаемых от их владельца за пониженную плату ($2\frac{1}{2}$ оболы в день при плате свободному работнику 3—4 оболы). В имении Гераклида в 258 г. большинство работников, повидимому рабы, так как в отчете (Р. Lond. 1170 v.) не показан расход на заработную плату для большинства работников. К сожалению, в других отчетах не дается наряду с денежной отчетностью также перечень работ, и нельзя установить, в какой мере здесь применялся труд рабов. Джонсон *** собрал около ста папирусов и остраков, где упоминаются продажи, манумиссии и заклад рабов. В декларациях, в списках плательщиков налога и лиц, выполняющих натуральные повинности, упоминаются и рабы; в одном хозяйстве (Р. Fior. 4) названы 6 рабов. В «Гномоне идиолога» из 116 сохранившихся статей 8 говорят о вольноотпущенных, 9 — о рабах. Но тенденция к закреплению сельского населения, очевидно, тормозила

* См. М. R o s t o w z e w, *Storia economica e sociale del Impero Romano*, стр. 559 сл.

** См. Л. Вестерман, *История рабства в Римской империи* (в приложении к А. Валлон, *История рабства и античном мире*, 1941, стр. 590—591).

*** Ук. соч., стр. 279 сл.

процесс развития трудового рабства. В городах рабы занимались главным образом ткацким ремеслом.*

Работорговля была ограничена законом: экспорт рожденных в доме рабов (οἰκογενεῖς) без специального разрешения был запрещен («Гномон», § 66, 67); за эту категорию рабов взимался особый налог (ἀπαρχή). Имеются документы об обучении рабов ремеслу и даже скорописи (W 140). Вообще в Египте рабы, как и в других странах Востока, не были столь бесправным «говорящим орудием», как это было установлено римской практикой и законодательством. Больше всего, надо полагать, рабство получило распространение в Александрии, но от Александрии, как известно, меньше всего сохранилось документов. Во всяком случае Александрия была типичным для рабовладельческого общества крупным центром, и естественно ожидать, что рабство занимало здесь не меньше места, чем хотя бы в Эфесе, уж не говоря о Риме. Известное значение должно было иметь расширение ремесленного производства в связи с развитием торговли (главным образом внешней) в результате включения Египта в состав империи.

Страбон отмечает, что с присоединением Египта к Риму сильно возросла торговля с «троглодитами» (эфиопами) и Индией. «Раньше даже двадцать кораблей не решались проникнуть в Аравийский залив так, чтобы выйти за пролив, теперь же большие флотилии снаряжаются вплоть до Индии и крайних пунктов Эфиопии, откуда привозят в Египет ценнейшие грузы и отсюда опять развозят в другие страны. От этого получают двойные пошлины — ввозные и вывозные; а за дорогие товары и пошлина высока. К тому же Египет обладает и монополиями; ведь одна только Александрия является получателем и экспортером такого рода товаров» (XVII, 113).

Мировые связи существовали у Египта и при Птолемеях. Агатархид (fr. 66), в частности, отмечает, что легкие грузовые корабли, отправляясь из Меотийского озера, «на десятый день причаливают в Родосскую гавань, оттуда во благовремени на четвертый день прибывают в Александрию, откуда, плывя против течения вверх по реке, еще через десять дней прибывают без труда в Эфиопию». Но мировая Римская держава имела гораздо больше возможностей для расширения восточной торговли, и внешняя политика империи ставила себе также задачу содействовать росту внешнеторговых связей. Походы в Эфиопию и Южную Аравию при Августе, несомненно, диктовались соображениями экономического характера. Август и Тиберий заботились об улучшении в Египте дорог, ведущих к гаваням на Красном море. CIL III Suppl. 6627 говорит о ремонте дорог

* Л. Вестерман, ук. соч., стр. 607.

на Миос Гормос и Беренику, откуда товары перевозились в порт Левке Кома на восточном берегу Красного моря. На Ниле главным складочным и перевалочным пунктом для идущих с Востока товаров был Копт. «Некогда, — пишет Страбон, — торговцы на верблюдах совершали переходы ночью, руководствуясь звездами, как моряки, и возили воду с собой. Теперь же [по дороге от Копта к морю] вырыты глубокие колодцы, а цистерны накапливают воду от редких, хотя, дождей» (XVII, 1, 45). Август впервые принял посольство из Индии. О торговых связях с Индией при Августе и Тиберии свидетельствуют найденные в Индии римские монеты, большинство которых относятся ко времени правления Августа и Тиберия. В Индии чеканится монета римского образца.* О росте восточной торговли свидетельствует расширение географических познаний древних. Птолемей знает уже много географических названий не только на западном, но и на восточном берегу Индостана и в Индо-Китае; между тем во времена Страбона лишь очень немногие доплывали из Египта до Ганга и сведений о восточной Индии было мало (XV, 1, 4). Для II в. данные Птолемея и китайских летописей говорят о непосредственных сношениях Египта с Китаем.** От ввоза предметов роскоши римляне переходят к ввозу товаров широкого потребления — хлопка и хлопчатобумажных тканей, что подтверждается находками римских монет (начиная с Флавиев) главным образом в районах Индии, производящих хлопок.***

Ввозились с Востока главным образом пряности, ароматические вещества, шелк и ткани, рабы из Эфиопии, предметы роскоши. Плиний расценивает годовой импорт из Индии и Аравии в 50 млн. сестерциев; но сколько приходится из этой суммы на долю Египта, нельзя установить. Египет экспортировал главным образом льняные ткани, папирус, рыбу, стеклянные изделия, лекарственные растения, финики и даже хлеб, несмотря на то, что громадные количества зерна вывозились в качестве сбора с земледельцев.

Крупнейшим торговым центром не только Египта, но и во всей империи была Александрия. Дион Хризостом (Or. XXXIX, 40) указывает, что в Александрии можно видеть не только греков и италийцев, не только людей из ближних стран — Сирии, Ливии, Киликии — и более отдаленных Эфиопии и Аравии, но и бактрийцев, скифов, персов, индийцев. В апокрифическом письме Адриана к Сервилиану (SHA, Saturn. 8) Александрия

* М. М. Хвостов, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907, стр. 301.

** Там же, стр. 399.

*** Там же, стр. 402—403.

характеризуется как богатый, преуспевающий город, где каждый занят каким-нибудь делом — производством стекла, папируса, льняных тканей, для всех находится работа, даже для слепых. «Единственный бог у них — деньги. Христиане, иудеи — все поклоняются этому богу».

Плиний считает, что цена восточных товаров на месте производства на всех промежуточных звеньях до потребителя возрастала во 100 раз (NH, VI, 104). Немалая доля этих прибылей доставалась александрийским купцам. Импортируемые в Александрию продукты частично подвергались здесь последующей обработке (ароматические вещества, ткани), а расширившийся рынок сбыта стимулировал рост производства местных изделий из стекла и цветных камней, льняных тканей и т. д. не только в Александрии, но и в других городах Египта.

Для внешней торговли Египет имел свой флот, для постройки которого дерево импортировалось.

Расцвет торговли Египта не привел, однако, к подъему хозяйства страны вследствие общей политики римских властей. Вывозя реальные ценности, Египет получал взамен обесцененные египетские драхмы, а непосредственный производитель отдавал свой труд и добытые трудом ценности даром. Конечно, торговцы на своих операциях наживались, но и здесь размеры прибылей ограничивались вследствие особой финансовой политики Рима в Египте, валютную изоляцию которого римские правители строго сохраняли; здесь чеканилась и находилась в обращении только низкопробная монета (египетская серебряная драхма фактически равнялась только $\frac{1}{4}$ денария). «Гномон идиолога» запрещает разменивать деньги по курсу выше официального, чтобы не допустить проникновения в страну более ценной валюты. Однако, несмотря на мероприятия правительства по поддержанию принудительного курса египетских денег, цены на продукты в III в. начинают катастрофически расти. В конце III в. в Египте отмечается неслыханное в древности обесценение денег, напоминающее инфляцию после первой мировой войны (P. Oslo. 88; P. Оху. 1223). В папирусе 297 г.* приводится соглашение о замене призванного на работу на ирригационном канале другим лицом за поденную плату 200 драхм; в I—II вв. работник получал в день 3 обола.

Под римским владычеством рабовладельческий способ производства античного типа, проникавший в Египет со времен Птолемеев, сочетался с восточными формами экономической эксплуатации, с азиатскими методами ограбления собственных

* A. E. R. Boak, Early Byzantine Papyri, «Et. de Papyrol.» III (1934), стр. 1 сл., № 15.

подданных. Поэтому включение Египта в единую Римскую империю привело в конечном счете к экономическому упадку и превратило эту благодатную землю в одну из самых бедных и отсталых. И все же было бы неправильно видеть только мрачную сторону римского господства в Египте. Идрис Белл с грустью констатирует, что в результате трех с половиной веков владычества римлян плодородная страна с трудолюбивым населением была разорена, среднее сословие обеднело, крестьяне порабощены, и вновь опустели обширные территории, отнятые было у пустыни Птолемеями.* Но этой дорогой ценой Египет все же кое-что приобрел; хоть и не в такой мере, как другие провинции, Египет втянулся в общую жизнь империи, изжил многие примитивные черты в своей экономике, особенно в формах земельной собственности, создал предпосылки для феодального способа производства, поднял свою духовную культуру, притом не только на эллино-римской, но и на самобытной основе.

Египетский народ нашел в себе силу сопротивляться нивелирующей силе Рима, его политическому и экономическому гнету и найти свои формы для освоения новых явлений в идеологической сфере.

Египтяне оказывали не только пассивное сопротивление Риму, бросая свое хозяйство и уходя в бродяжничество и разбой (*ἀναχώρησις*). Они нередко выступали и активно. Уже вскоре после Акциума произошло в Фиваиде восстание «из-за податей» (*Str.* XVII, 1, 53). В 34/5 г. префект Флакк издал эдикт, запрещающий египтянам ношение оружия (*μαχαροφόρα*, *W* 13), а от Филона (*in Flacc.* 11) мы знаем, что египтяне были под подозрением в революционных замыслах (*πρὸς νεωτεριστὸν ὕποπτος*), так как часто восставали. В 152—154 гг. произошло серьезное восстание, стоившее жизни префекту.** О последствиях этого восстания, охватившего, повидимому, значительный район, мы узнаем из эдикта М. Семпрония Либералия, который говорит, что «некоторые из-за происшедшей смуты покинули родной дом» и «остаются на чужбине в страхе перед только что совершившимися проскрипциями»; он обещает беглецам, если они покаются и вернутся на свои места, что лица, над которыми «еще тяготеет обвинение, почувствуют милость и доброту величайшего императора, предписывающего не производить о них никакого следствия ни относительно других, по какой бы причине они ни были внесены в проскрипционные списки стратегами». В начале II в. эдикт Петрония Квадрата говорит о конфискации имущества каких-то смутьянов, а в 122 г. в Александрии происходят какие-то беспорядки в связи с Аписом.***

* «Chronique d'Egypte», № 26 (1938), стр. 300.

** SHA, Anton, 5. 5; Malal. XI, 367.

*** Reinmuth, ук. соч., стр. 126.

Хорошо известно грандиозное восстание буколов в 172/3 г. под предводительством жреца.* В 213 г. префект Л. Бебий Юнций требует от стратегов большей бдительности против злонамеренных элементов и укрывателей разбойников. С конца II в. и в течение III в. Египет, как уже упоминалось, выдвигал не раз своих императоров. Дионисий Александрийский у Евсевия (НЕ, VII, 24) под 260 г. рисует, сгущая, конечно, краски, но все же довольно убедительную картину развала в Александрии во время бывшего тогда «возмущения»: «Подлинно, с моими детьми, с членами моей семьи и с братьями-единомышленниками, с членами одной и той же церкви я должен сноситься посредством писем и даже не придумаю, как пересылать их. Легче было бы совершить путешествие не только в чужие края, но даже от востока до запада, чем пройти из Александрии в Александрию же».

Конечно, в условиях того времени восстания против военной мощи Рима были обречены на неудачу. Но они свидетельствуют о сохранении в народе живых сил, способных отстоять в какой-то степени свою культуру.

В III в. прекращается иероглифическое письмо, демотическое представляет уже редкость, но возникает новая, правда, на греческой базе, коптская письменность, продолжающая египетскую литературную традицию. И при римском владычестве Александрия продолжала оставаться культурным центром. Александрийская библиотека и музей попрежнему привлекали ученых всего мира. Здесь жил и писал Филон, «отец христианства», здесь Аммоний Сакка основал школу неоплатоников. Но Александрия стала также одним из важнейших очагов новой религии—христианства; здесь в конце II в. возникла первая христианская школа «катехетов», во главе которой в начале III в. стояли Климент и Ориген. В религиозной области больше всего сказалось значение самобытной египетской культуры. Потребность дополнить мировую империю мировой религией выразилась, в частности, в том, что египетский, хотя и эллинизированный, Сарапис и египетская Изиды стали универсальными богами, культ которых распространился во всей империи. Значение египетской религии в формировании христианства еще требует углубленного исследования; но во всяком случае не подлежит сомнению, что египетский гностицизм оставил глубокие следы в христианском богословии и культе, египетские древние верования нашли свое отражение в христианской мифологии. Причудливое смешение эллинистических и египетских религиозных учений в герметической литературе не только использовало ряд образов и идей христиан-

* А. Дмитриев, Буколы, ВДИ, № 4, 1946, стр. 92 слл.

ства, но и в свою очередь воздействовало на христианскую литературу: достаточно сравнить предисловие к Mandata «Пастыря» Гермия с началом первой главы герметического Пэмандра или главу 28 того же Пэмандра — с христианскими текстами. Египет стал родиной монашества, для которого предпосылки были даны в институте *хатоуи* Сараписа.

В самой христианской церкви Египет занимал самостоятельную позицию, создав свою коптскую церковь и коптскую церковную литературу. Александрийская церковь в лице Климента и Оригена впервые по-настоящему разрабатывает христианское богословие, пытаясь дать новой вере философское обоснование и примирить ее с эллино-римским миром. Возникшая в Александрии арианская ересь также была попыткой не только отдать дань античному рационализму и отвергнуть церковный принцип *credo quia absurdum*, но и отстоять самостоятельность александрийской церкви.

Исключительное положение, в которое поставила Египет экономическая политика Рима, дало здесь своеобразное направление общей линии развития империи. Искусственно поддерживая в фискальных целях всякого рода сословные и этнические перегородки, римское правительство вместе с тем своей налоговой политикой содействовало нивелированию населения, разделению его на те же классы, что и в других частях империи. Используя пережитки общинной организации в качестве гарантии выполнения сельским населением повинностей и уплаты податей и налогов, римская власть лишила, однако, эту общинную организацию ее экономической основы, сделав доминирующим принцип частной земельной собственности. Создав в Александрии центр эллино-римской культуры, распространившейся по всей стране, римляне тем самым вдохнули живые силы в местную культуру, оказавшую значительное обратное воздействие на культуру империи, особенно в религиозной сфере. Так противоречиво шло развитие Египта в течение первых трех веков господства Рима; изменения, происшедшие здесь за этот период, оказались глубже и темп их несравненно быстрее, чем за многие предшествовавшие века.

КИРЕНАИКА И КРИТ

Киренаика и Крит от времени Августа до Диоклетиана составляли одну сенатскую провинцию. Связь между этими двумя областями была чисто формальная. Крит исторически и географически тяготел больше к материковой Греции, чем к африканской Киренаике. Крит сохранил в своей культуре и быте многочисленные греческие традиции, тогда как Киренаика испытывала сильное экономическое и культурное влияние Востока, и вполне естественно было, что в период поздней империи Киренаика была включена в состав Восточной империи. Составляя одну провинцию, Крит и Киренаика не представляли единого политического целого. Крит имел свое отдельное общественное объединение (*κοινόν*), которое чеканило свою монету. Монеты, выпускаемые проконсулом, имели различные изображения и символы для каждой из областей. В найденных в 1927 г. в Кирене эдиктах Августа * речь идет о «провинции Киренаике», хотя упоминаются «те, кто будут управлять провинцией Критом и Киренаикой».

Крит под владычеством Рима представлял собой глухую провинцию, которая медленно угасала, отражая общее разложение рабовладельческого общества. Благодаря медленному темпу жизни здесь дольше, чем в других провинциях, сохранились и медленнее отмирали старые традиции. Метрополия (столица) острова — Гортина, а также Кносс и некоторые другие города выпускали свою монету, во всяком случае до середины I в. В критских надписях упоминаются старые магистратуры (*ῥοτοί*) и совет (буле). Но эти старинные институты, как и соответствующие учреждения в Азии, были лишены реальной политической власти, занимались лишь вопросами городского благоустройства, устройством зрелищ и игр, организацией культа императоров и т. п. Верховный жрец — *sacerdos provinciae*.

* См. Н. А. М а ш к и н, Эдикты Августа из Киренаики, ВДИ, № 3(4), 1938, стр. 180 сл.

сiае — был служителем императорского культа. Долгое время на Крите процветали овеянные ореолом старины культы Зевса, Гермеса, Диктинны. По сообщению Филострата (V. Ар. IV, 34), храм Асклепия в Лебене привлекал в III в. паломников не только со всего Крита, но и из Ливии.

У нас нет полных сведений о римских поселениях на Крите. Известно, что в Гортине существовало объединение (*conventus*) римских граждан. Земли города Кносса были приписаны к Капуе в Италии. Имеются сведения о существовании на Крите императорских имений и крупных частных земельных владений, принадлежавших римлянам. Повидимому, крупные земельные собственники расхищали земли на территории критских городов; надписи говорят о земельных спорах городов между собой и с частными владельцами.

Как и во всех провинциях, римляне в I—II вв. на Крите прокладывали дороги, строили водопроводы, возводили общественные сооружения. Раскопки в Гортине обнаружили театр римского времени, дворец проконсула, одеон, построенные при Августе. Строительство продолжалось и при Тиберии. После разрушительного землетрясения 46 г. в ряде критских городов велись восстановительные работы, особенно в правление Траяна. Но размах римского строительства на Крите был относительно невелик.

Основным занятием населения было земледелие, и римские власти принимали меры к подъему земледельческой техники. Но эти мероприятия не могли приостановить упадок производительных сил, вызванный общим кризисом рабовладельческого общества. Крит хирел, хотя, повидимому, без особых взрывов и потрясений. Судьба Киренаики была гораздо более изменчива.

По своему географическому положению на африканском побережье Средиземного моря Киренаика была связана скорее с Востоком — Египтом и Азией, чем с Грецией. Города здесь были расположены вдоль побережья. Окруженная с востока и запада пустынями, Киренаика на юге переходила в степи, где кочевали воинственные варварские племена. В городах Киренаики поэтому находились постоянные римские гарнизоны. Римская власть здесь сильнее и быстрее разлагала старые политические порядки. В памятниках Киренаики не сохранилось упоминания о *κοινόν*, местной организации, представляющей всю область. В вышеназванных эдиктах Августа из Кирены упоминаются, правда, посольства киренцев, о таких же посольствах, делегациях сообщает и Тацит, но нет оснований считать, что эти делегации к императору были официальными уполномоченными представительного учреждения, *κοινόν*. В надписях упоминаются различные должностные лица. Но это, повидимо-

му, не облеченные властью магистраты, а лишь почетные титулы, присвоенные жреческим и общественным должностям такого типа, как гимнасиархи и т. п.

Население Киренаики было пестрым по составу. Римлян было немного. В эдикте Августа от 7/6 г. говорится, что и в провинции Киренаике римлян всех возрастов, имеющих ценз в 2500 денариев, проживает всего 215 человек. Римляне не имели в Киренаике своего *conventus*, хотя составляли какие-то «тайные сообщества». Но римское г р а ж д а н с т в о постепенно распространялось среди всего населения, по мере того как гражданство утрачивало свое значение; уже до эдикта Каракаллы 212 г. значительная часть городского населения Киренаики пользовалась сомнительными правами римского гражданства.

Наиболее многочисленную привилегированную группу населения городов составляли «эллины»; это термин не столько этнический, сколько публично-правовой. Эллинам был открыт доступ в гимнасии и эфебии, они имели свою организацию (*σβῶμα*, *coetus*), которая несла ответственность за государственные повинности своих членов. Сельское население состояло, вероятно, преимущественно из коренных жителей страны. Наконец, значительную часть населения составляли иудеи; они имели свою организацию (*πολίτευμα*, *IGRR I, 10—24*), носившую скорее характер землячества, чем политического учреждения.

Налоговой пресс римского владычества давил Киренаику, как и другие восточные провинции. Все население было привлечено к несению повинностей и налогов в пользу империи. Хотя эдикты Августа имеют целью создать некоторые привилегии для эллинов Киренаики, однако император предписывает, чтобы и те эллины, которые получили права римского гражданства, несли повинности наравне с прочими и платили налоги с имущества, приобретенного после получения прав гражданства. Римские проконсулы к тому же непрочь были и сами поживиться за счет населения. Во всяком случае Тацит сообщает о трех случаях привлечения управителя провинции к ответу за вымогательство — при Тиберии, Нероне и Веспасиане. Людей с достатком в Киренаике было немного. В одном из эдиктов Августа высказывается предположение, что не найдется достаточного количества людей с цензом в 7500 денариев, «чтобы заполнить число судей, какие должны быть назначены».

Эдикты Августа предоставляют киренцам некоторые судебные привилегии. По делам, грозящим подсудимому смертной казнью, судьи должны быть не только из римлян, но и из эллинов. Но эдикт касается только эллинов; кроме того, неизвестно, как долго эта временная мера (ее временный характер подчеркивается в самом эдикте) имела на практике силу закона; а в

эдикте более общего характера, изданном в том же 7/6 г., Август оговаривается: «за исключением преступлений, караемых смертной казнью, каковые тот, кто управляет провинцией, должен разбирать и выносить по ним решение сам» (по римскому праву).

Таким образом, имеющиеся данные позволяют утверждать, что военная сила, налоговой пресс, налоговой аппарат действовали разрушительно в Киренаике, сводя все к одному уровню.

Относительно социального состава населения Киренаики Страбон, цитируемый Иосифом Флавием (Ant. XIV, 7, 2), сообщает весьма нечеткие данные: по словам Страбона, «четыре рода жителей было в городе Кирене: граждане, земледельцы, метэки и иудеи» (сообщение касается времени Суллы). Это деление, конечно, неточно. Под «земледельцами» (γεωργοί), в соответствии со словоупотреблением того времени, надо понимать мелких земледельцев и главным образом арендаторов бывшей царской земли. Приняв перешедшую к Риму по наследству от Птолемея Апиона Киренаику, римский сенат превратил здесь царскую землю в *ager publicus*. Но в период гражданских войн эта земля была захвачена местными крупными земельными собственниками. По сообщению Тацита (Ann. XIV, 18), император Клавдий поручил претору Страбону восстановить права казны. Страбон на месте решил все споры в пользу казны. Это вызвало волнения в провинции, так как владельцы в силу давности считали захваченную землю своей. В правление Веспасиана сенат представил дело на суд императора, который признал действия Страбона правильными, но, чтобы не создать осложнений, оставил землю за захватчиками.

У нас нет данных об условиях аренды земли в Киренаике, но вряд ли они были лучше для арендаторов, чем в Египте. Упадок сельского хозяйства сказался между прочим в полном исчезновении сильфия. Это редкое растение настолько высоко ценилось за свои ароматические, вкусовые и лекарственные свойства, что в римской казне оно хранилось наравне с золотом и другими ценностями. Киренаика должна была ежегодно давать Риму в качестве налога 30 фунтов сильфия. Сильфий часто изображается на монетах Киренаики.* Полное исчезновение сильфия лишило страну важной статьи дохода.

Основным занятием сельского населения было земледелие, в помощь которому в первом веке империи возводились кое-какие ирригационные сооружения. Для поднятия торговли бы-

* Сильфий (лат. *laserpicium*) подробно описан Плинием, Теофрастом и другими античными авторами, и точные изображения его дошли до нас на монетах. Однако ботаники не сумели его обнаружить; повидимому, культура этого растения исчезла навсегда.

ла проведена дорога из Кирены в Аполлонию. Но торговлю Кирены забивала Александрия.

Жестокий удар экономике Киренаики нанесло иудейское восстание 115—117 гг. Уже иудейская война 66—73 гг. нашла отклик в Кирене. В 115 г., когда Траян находился в походе в Месопотамии, разразилось восстание иудеев в Египте и Киренаике, о котором рассказывают Дион Кассий и Евсевий. Аппиан сообщает,* что ему в связи с этим восстанием пришлось бежать из Александрии. Восстание перебросилось на остров Кипр и в Месопотамию. Оно было подавлено с большим трудом и с большой жестокостью. Но еще Адриану пришлось подавлять некоторые очаги восстания. В Киренаике гражданская война, по сообщениям Диона Кассия и Евсевия, носила весьма упорный характер и повлекла за собой много жертв и разрушений. Надо считать преувеличением число жертв, указываемое Дионом Кассием (по его словам, иудеи перебили в Киренаике 220 000 человек), и зверства воюющих сторон (LXVIII, 32). Но во всяком случае разрушения были произведены ужасные. Надпись свидетельствует, что Адриан восстановил бани с портиком и прилегающие здания, «которые были разрушены и сожжены во время иудейского мятежа». По свидетельству другой надписи, в 117—118 гг. была восстановлена дорога из Кирены в Аполлонию, «которая при иудейском мятеже была разворочена и испорчена».

Императоры, особенно Адриан, пытались оживить экономику провинции; проводили дороги, воздвигали храмы, построили даже город (Адрианополь). Но в условиях общего упадка хозяйства Киренаики не могло окрепнуть; напротив, здесь сильнее, чем в других провинциях, сказывались разрушительные силы разлагающегося рабовладельческого общества. И в области искусства наблюдается в Киренаике неустанный упадок; варваризация, грубость стиля, эклектизм характеризуют архитектуру и скульптуру Киренаики императорского периода.

В Киренаике создались благоприятные условия для успеха христианской пропаганды. В середине III в. «епископ пентапольских церквей Василид» находится в переписке с Дионисием Александрийским. Но и в церковной жизни Киренаика серьезной роли не играет. В списке участников Никейского собора представителей Киренаики нет.

* Th. Reinach, Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme, стр. 153.

ГРЕЦИЯ (АХАИЯ, МАКЕДОНИЯ)

Киренаика и Крит представляют уже собственно не восточную провинцию, так как здесь, особенно на Крите, не было восточных традиций, никаких остатков или пережитков древневосточного строя общества. Эта провинция может служить как бы связующим звеном с чисто греческими провинциями, унаследовавшими культурные традиции классической Греции. Восточные провинции втянулись в эллинистическо-римский мир после многих веков господства в них своеобразного типа рабовладельческого общества, которое Маркс и Энгельс выделяют в особую группу «азиатских», отличающихся исторически сложившимися особенностями — в первую очередь отсутствием частной собственности на землю. В системе эллинистических государств, а затем римской мировой державы эти страны поднялись на более высокую ступень общественного развития, что выразилось в экономическом и культурном росте. Другое дело — Греция. Здесь производственные отношения были того же типа, что и в римском государстве, но к моменту захвата Греции Римом возможности развития были уже исчерпаны. Ожесточенная классовая борьба, происходившая в Греции в течение эллинистического периода, свидетельствует о стихийном стремлении найти революционный выход из кризиса; но этот выход был тогда закрыт, так как не было класса, способного на революционное переустройство общества. Поэтому включение Греции в состав эллинистического мира, а затем римского мирового государства не пошло на пользу Греции в смысле длительного хозяйственного подъема.

В классический период передовые греческие полисы по уровню экономического развития, общественному строю и культуре резко возвышались над окружающим миром, который греки третировали как «варварский». Созданное Александром и его преемниками новое политическое и экономическое объединение привело к тому, что эти «варвары» не только сами усвоили чер-

ты античной Греции, но и оттеснили ее на задний план. В новой системе организации ойкумены Греция отнюдь не занимала доминирующего места ни по своему географическому положению, ни по естественным богатствам, ни по численности населения, ни по высоте техники производства. Обнаружилось, что Греция — страна бедная ресурсами, где старый принцип автаркии отдельных полисов не был преодолен и дальше образования непрочных враждующих между собой союзов политическое объединение не пошло, где социальные противоречия достигли величайшей остроты. А римское завоевание, подавившее и в дальнейшем подавлявшее демократию, не давало выхода революционным силам, что вело к разложению и застою.

Конечно, превосходство греческой культуры было бесспорно. Греция дала завоевателю-Риму основные элементы, на базе которых сложились римская религия, литература, искусство, философия. Греческий язык стал языком стран Востока и языком образованных римлян. Но политическое и экономическое значение Греции в системе римского государства было не только относительно, но и абсолютно ниже, чем в классический и даже эллинистический период.

Немалую роль в упадке Греции сыграли войны I в. до н. э. Митридатова война и гражданские войны второй половины I в., происходившие на территории Греции, принесли с собой страшные разорения. В частности, Афины,* принявшие сторону Митридата против Рима, Помпея против Цезаря и Антония против Октавиана, испытали тяжелую руку Рима. Правда, ни Сулла, ни Цезарь, ни Октавиан не решились разрушить центр тогдашней мировой культуры; Цезарь и Октавиан отнеслись к Афинам довольно милостиво. Но разрушение Пирея, разграбление городов, тяжелые контрибуции подорвали благосостояние также Афин. В переписке Цицерона сохранилось часто цитируемое письмо (*ad fam.* IV, 5, 4) Сервия Сульпиция (45 г.), в котором он утешает Цицерона в его горе по поводу смерти любимой дочери: «Когда я, возвращаясь из Азии, плыл от Эгины в Мегару, я начал оглядывать местность вокруг себя: за мной были Эгина, впереди — Мегара, справа Пирей, слева Коринф. Эти города, бывшие некогда цветущими, лежат теперь перед моими глазами уничтоженные и разрушенные (*prostrata et diruta*). Я начал сам с собой рассуждать: «Да, мы, людишки, негодим, если погиб или убит кто-либо из нас, чья жизнь неизбежно кратковременна; а здесь валяются трупы стольких городов». Коринф в следующем 44 г., после того как он сто лет лежал в развалинах, вновь был отстроен Цезарем как римская

* С. А. Жебелев, Из истории Афин, 229—31 гг. до Р. Х., СПб, 1898.

колония. Пирей также не был окончательно разрушен. Кое-какая жизнь в нем теплилась.* Картина разрушения, рисуемая Сульпицием, несколько, может быть, преувеличена в соответствии с характером его письма. Но во всяком случае следующие события довершили разорение страны.

Во времена Страбона Греция представляла печальное зрелище. «Лаконика бедна людьми по сравнению с прежним многолюдством. В самом деле, не считая Спарты, остаются какие-то городишки (πολίχυται), числом около тридцати, а в древности, говорят, ее называли стоградной». Мессения — страна «большей частью пустынная» (VIII, 5, 11, 362). Об Аркадии Страбон не считает нужным распространяться, так как она целиком разорена. «Из-за частых войн исчезли города, некогда славные, а землю земледельцы покинули еще с того времени, когда большинство городов объединилось в так называемый Мегалополис. Ныне же и сам этот «Великий город» испытал то, о чем говорит комический поэт: «пустыней стал великий город», и там теперь обширные пастбища... Мантинею прославил Эпаминонд... Но и она, а также Орхомен, Герей, Клитор, Феней, Стимфал, Метидрий, Кафиии, Кинефа или вовсе не существуют, или от них остались едва заметные следы и признаки» (VIII, 8, 1, 389). Не лучше обстоит дело в Бэотии: «Из бэотийских городов теперь существуют только Феспии и Танагра; от остальных остались только развалины и названия» (IX, 2, 25, 410). «В Этолии города Калидон и Плаврон, ныне измельчавшие; а в древности эти поселения были красой Эллады» (Str. X, 2, 3, 450).

Если даже смягчить эти описания Страбона, поскольку он писал на основании главным образом литературных источников, склонных к преувеличениям, все же картина получается безотрадная.

И дело не в одних только разорениях, принесенных войнами. Наступивший после Акциума мир не принес Греции заметного улучшения. Упадок Греции был вызван, как мы видели, серьезным затяжным социально-экономическим кризисом. Одним из показателей упадка было падение численности народонаселения. Уже Полибий указывает для своего времени, что «всю Грецию охватила низкая рождаемость и вообще малолюдство, вследствие чего города опустели и земля не приносит урожая, хотя нас не постигали частые войны или мор» (XXXVI, 17, 5). Но и через триста лет, в период расцвета империи, Плутарх указывает, что «вся Греция ныне едва могла бы выставить три тысячи гопплитов — столько, сколько доставила одна Мегара в Платею» (de def. orac. VIII). Это заявление Плутарха

* О Пирее см. J. D a y, An economic history of Athens under Roman domination. N. Y., 1942, гл. IV—V.

пытались смягчить, толкуя его в том смысле, что резко упала численность только среднего слоя населения, из которого некогда выходили гоплиты.* Но Плутарх говорит вообще о κοινὴ ὀλιγαρχία, о всеобщем обезлюдении, а не только о среднем слое.

Да Плутарх и не одинок. Дион Хризостом рисует (и довольно красочно) картину упадка Греции в конце I — начале II в. В Фивах, сообщает он, сохранилась только Кадмея, прочее — пустое место (Ог. VII). В Аркадии долина Ладона, в Фессалии долина Пеней — пустыни. Пелла, бывшая столица Македонии, представляет груды битого кирпича (Ог. XXXIII, 401—403). Конечно, здесь сгущены краски. Лукиан изображает Пеллу жалким городишком, но все же существующим. Но нет основания сомневаться в правильности общей картины запустения и упадка, рисуемой Дионом. Особенно интересна его речь VII (Εὐβοικός ἢ κυνηγός, Venator). Здесь в виде беседы дается яркая картина упадка. «Надо негодовать не против тех, кто заселяет и обрабатывает общественную землю, а против тех, кто ее губит. Ведь и теперь... почти две трети земли пустуют из-за пренебрежения ею и малолюдья; да вот и я имею много плефров, как и, вероятно, другие, не только в горах, но и на равнинах, и если бы кто ее захотел обрабатывать, я бы не только отдал ее даром, но с удовольствием приплатил бы... Мне поэтому кажется лучше побудить, сколько сумеете, горожан занять и обрабатывать общественную землю: у кого есть средства — побольше, кто беден — сколько ему будет по силам. Таким образом, у вас и земля не будет лежать впусте и желающие из горожан избавятся от двух величайших зол — праздности и бедности. Пусть они получают землю на десять лет бесплатно; после этого срока пусть отдают малую долю с урожая плодов, со скота же ничего. А если земледелием займется кто-либо чужой, то такие пусть пять лет ничего не платят, а после этого — вдвое больше, чем граждане... Ну, теперь давайте рассмотрим жите и занятия бедняков в городах, как им жить и чем заняться, чтобы не жить в нищете и не хуже тех, кто занимает под высокие проценты... Не могут не быть для них скудными городские ремесла, требующие вложения средств извне, когда и за помещение надо платить и все необходимое покупать, не только одежду, инструменты и хлеб, но даже дрова... Так что мы, пожалуй, вынуждены будем в самом деле выселить из городов упорных нищих» (Ог. VII, 33—107). Здесь же сообщается, что внутри городских стен расположились пастбища, а в Халкиде место,

* Например, G. F. Herzberg, Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, Halle, 1868, B. II, стр. 192 сл.

где находился гимнасий, распахано, и колосья закрывают оставшиеся там статуи богов.

О том же свидетельствуют документальные данные. Пригород Мегалополия в Аркадии — Ликурасия в надписи 42 г. в честь благодетеля, жреца «Владычицы» между прочими благодеяниями его отмечает, что в год олимпиады, когда из-за этого никто не прибыл на местные религиозные торжества «и не поступило доходов от мистерий, он из своих средств уплатил фиску» причитавшуюся с города подать (SIG³ 800). В 118 г. Адриан пишет Астипалее, что ознакомился с *φύσιμα* города о том, что они без средств и не могут уплатить *τὸ ἐπαγγελητικὸν ἀργύριον* — «доброхотный» взнос на «подарки» (*στέφανος*) в связи с восшествием императора на трон (SIG³ 832). Рекомендуемый Дионом Хризостомом рецепт — сдавать землю на льготных условиях, на несколько лет бесплатно, действительно проводился в жизнь, как видно из надписи SIG³ 884. Это — распоряжение о порядке сдачи земли в аренду с правом отчуждения путем передачи в наследство или на иных основаниях (эмфитевза). Речь идет о садовой земле; она дается гражданам небольшими участками, с обязательством засадить ее (*φύτευειν*), на пять лет бесплатно, только с шестого года начинает взиматься плата.

Помимо внутренних причин в обеднении Греции немалую роль сыграло римское господство. Несмотря на известное уважение к Греции, как к колыбели культуры, в частности и римской, несмотря на «благодеяния» некоторых римских императоров и меценатов, общая политика империи, политика подавления демократии и самостоятельности, жестокая податная система, — все это еще больше погружало Грецию в нищету и экономическое бессилие.

История Греции в период империи освещена в источниках недостаточно; особенно это относится к истории экономики. Литературные источники содержат мало материала, притом не всегда надежного. Археологические раскопки ведутся на территории Греции и островов Эгеиды довольно интенсивно — в Аттике, Фессалии, Фокиде, Македонии, на Пелопоннесе. Особенно энергично ведутся с 1931 г. раскопки афинской агоры, давшие, помимо архитектурных и художественных памятников, уже более 5000 надписей, пока еще не опубликованных. Продолжается издание материалов раскопок Коринфа. Но подавляющее число надписей и археологических памятников относится к классической и эллинистической эпохе. Для римского периода наука не располагает таким богатым собранием документов по экономической истории, какими являются для III—II вв. делосские надписи. Поэтому история Греции периода империи не может быть представлена с достаточной полнотой и

отчетливостью. Лишь общие черты истории балканских провинций могут быть охарактеризованы более или менее ясно.

В 27 г. до н. э. была создана самостоятельная провинция Ахайя, отдельно от Македонии, причем обе провинции были сенатскими.* Но ни границы провинций, ни их статус не оставались постоянными. Уже в 15 г. Тиберий, по сообщению Тацита (Ann. I, 76), «решил облегчить положение Ахайи и Македонии, жаловавшихся на тяжесть бремени, и передать их временно из ведения проконсулов в распоряжение Цезаря». При этом объединенные в одну императорскую провинцию Ахайя и Македония были отданы в управление правителю Мезии. В 44 г. Клавдий «вернул сенату Ахайю и Македонию» (Suet., Claud. 25). Нерон в 67 г. провозгласил свободу Греции. Надпись из Акрефии (SIG³ 814) сохранила нам речь Нерона в Коринфе, в которой он заявляет: «Получайте свободу и освобождение от податей (ἀντισφορίαν), чего все из вас не имели даже в счастливейшие времена». «Другие освобождали города, Нерон — провинцию». Эта «свобода» продолжалась недолго; Веспасиан восстановил сенатскую провинцию Ахайю (Suet., Vesp. 8).

Менялись и границы провинций. Так, Фессалия первоначально входила в состав Ахайи, а с середины II в. включена в состав Македонии. Образование в то же время новой провинции Эпир привело к значительному сокращению Ахайи. Перемещения и изменения происходили и внутри отдельных областей и территорий городов. Антоний присоединил к Афинам острова Эгину, Кеос, Ик, Скиат и Пепарет. Но обиженный Афинами Септимий Север (SHA, Sev. 3, 7) отнял у них Скиат, который в надписи SIG³ 875 выступает как независимый от Афин полис. Адриан подарил Афинам остров Кефаллению (Dio Cass., LXIX, 16), но затем этот остров вошел в состав провинции Эпир.

Права и привилегии отдельных городов были различны. В Ахайе было около 100 городов.** Из них только Афины Тацит называет *foederi socia* (Ann. II, 53, 3); «союзным», возможно, был и Никополь, основанный Августом в память об Акциуме. О других «союзных» городах в период империи сведений нет. Некоторые города — Коринф, Мегара, Патры, Дима в Ахайе, Кассандрия, Диррахий, Филиппы, Пелла в Македонии — получили статус колоний, около 20 городов в обеих провинциях были *civitates liberae****. Однако неизвестно, как долго города

* История управления Грецией подробно разбирается в исследовании С. А. Жебелева. В области древностей провинции Ахайи. СПб, 1903.

** E. Kuhn, *Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs*. В. II, стр. 65 сл.

*** J. A. O. Larsen, *Roman Greece*, в «*Economic survey of ancient Rome*», v. IV, стр. 446 сл.

сохраняли свои привилегии. Из того факта, что Траян, Адриан и другие императоры подтверждают, например, свободу Дельф, можно заключить, что эти свободы были условны и precarious. «Народы имеют столько свободы, сколько им уделяют правители, и больше, пожалуй, не было бы лучше» (Plut., praes. ger. reip. 32, 8).

Что касается содержания этой «свободы», то и в период республики, когда Ахайя не была римской провинцией и формально считалась свободной, она фактически находилась под властью правителя Македонии. Л. Флакк в качестве легата проконсула Македонии Метелла управлял Афинами, Спартой, Ахайей, Бэотией, Фессалией (Cic., pro Flacco, 26); в 67 г. легат Помпея Сизенна назван у Диона Кассия (XXXVI, 1) ὁ τῆς Ἑλλάδος ἄρχων. Цезарь «привлек к суду Долабеллу по обвинению в вымогательстве в провинции, и многие города Эллады представили ему свидетельские показания... Чтобы отблагодарить Элладу за усердие, он взялся вести дело, которое она возбудила против Публия Антония за взяточничество» (Plut., Цез. 4). В речах Цицерона против Пизона, в защиту Сестия и других не раз говорится о налагаемых на «свободные» города тяжелых денежных и иных взысканиях (Achaia exhausta; Thessalia vexata; laceratae Athenae), об установлении ежегодных податей с ахейцев. Это квалифицировалось как злоупотребление властью; но власть эта существовала, и «злоупотребления» были системой. Организация провинции Ахайи легализовала подавление политической самостоятельности и нормальную эксплуатацию провинции.

И все же престиж Эллады, ее славного прошлого, ее великодушных памятников, ее литературы, философии, искусства, ее священных игр, религиозных мистерий и оракулов побуждал римских императоров, как и восточных царьков и династов, покровительствовать старым культурным центрам и их святыням, школам, старинным, овеянным славой установлениям.

Римские императоры стремились во всяком случае казаться филэллинами, охотно посвящались в эллинские мистерии, занимали всякого рода магистратуры в прославленных эллинских городах, участвовали в общеэллинских играх. Не только безумный Нерон, но и Тиберий получает почетное звание победителя на олимпийских играх (SIG³ 782). В надписи 125 г. Адриан назван ἄρχων τὸ β' в Дельфах (SIG³ 836), ту же должность занимает в Дельфах Антонин Пий (SIG³ 848), а Коммод даже вступает в род Эвмолпидов (SIG³ 873). В этом отношении интересна надпись 177—180 гг. из Элевсина в честь Л. Муммия, названного ἐπιτελετῆς γυμνασιαρχίας θεοῦ Ἀδριανοῦ (SIG³ 872); это надлежит понимать в том смысле, что Адриан занимал должность гимнасиарха в Элевсине только honoris causa, а факти-

чески исполнял должность его представитель или местоблюститель. Но если Муммий по возрасту мог еще быть таким ἐπιμελητής при жизни Адриана, то упоминающийся в надписи IG IV, 10 такой же ἐπιμελητής под 209 г. мог занимать эту должность уже только после смерти Адриана, которому, таким образом, должность была присвоена на вечные времена.

Филэллинство не мешало римским правителям обращаться с греческими провинциями не лучше, чем с другими, и третировать греков как Graeculi. Преклонение перед эллинским искусством выражалось в усиленном вывозе из Греции памятников искусства императорами, проконсулами, легатами и всеми властью имущими. А уважение к греческой философии, которое, несомненно, было вполне серьезным у таких людей, как Цицерон или Марк Аврелий, в массе римских богачей выродилось в моду держать при себе философов в качестве нахлебников, стравлять представителей разных школ и потешаться над их спорами.

Лишив Элладу политической независимости, систематически подавляя демократические группы и учреждения, римляне сохранили в Ахайе и Македонии большинство старых учреждений, лишившихся реальной власти и значения. Сохранились также старые союзы, κοινά, функции которых стали постепенно чисто религиозными, причем первое место в деятельности этих κοινά занимала организация императорского культа.

Давно миновало то время, когда на требование Александра Македонского воздавать ему божеские почести Демад насмешливо ответил: «Предоставим Александру, если ему этого хочется, называться богом». Греки теперь воздавали ревностно божеские почести не только императорам, но и членам их семей; по свидетельству надписей и монет культ воздавался Друзу, сыну Тиберия, Германику и даже Псевдо-Друзу.* Жрецы Нерона Клавдия Друза, умершего в 9 г. до н. э., упоминаются в надписях до времени Адриана.** Надпись из Гереи, опубликованная в свое время М. Ростовцевым*** и вновь проверенная и исправленная Л. Робером,**** восхваляет «пожизненно верховного жреца августов и агонотета союза македонян (τοῦ κοινού Μακεδόνων) Гая Попилия Пифона, ездившего послом ради отечества Береи к божественному Нерве [с ходатайством], чтобы только этот город имел неокорию августов и титул метрополии».

Для раболепия афинян характерна длинная надпись об организации празднества в связи с привлечением Септимием

* G. F. Herzberg, ук. соч., т. II, стр. 16—21.

** W. Dittenberger k SIG³ 790.

*** «Известия русского археологического института в Константинополе», IV, 170.

**** L. Robert, Hellenica, «Journ. Phil.» XIII (1939), с р 131.

Севером и Каракаллой в качестве соправителя также Геты; здесь мы читаем: «Ввиду того, что священнейший и совершеннейший из всех дней и для всех долгожданный [день] возведен в общем оповещении всем людям великими царями благодаря бессмертному единомыслию священных царей, [день] когда они своим небесным постановлением и решением привлекли к императорской власти божественнейшего императора цезаря П. Септимия Гету»... и т. д. (IG II—III³, 1077). Юлия Домна, *mater castrorum*, при жизни была обожествлена и отождествлена с самой Афиной Полиадой.*

Низведение лиг и союзов (*κοινά*) на степень культовых учреждений совершалось постепенно. Фессалийская лига, *τὸ κοινὸν τῶν Θεσσαλῶν*, чеканила монету и занималась не только вопросами культа. В надписи времени Тиберия (Le Bas II, 1184) речь идет о тяжбе между двумя фессалийскими общинами, которая разбирается в синедрионе в Лариссе, состоящем из 324 членов. Решение синедриона передается, правда, на суд легата, все же компетенция фессалийского *κοινὸν* включает, очевидно, и дела, не относящиеся к культу. Такое положение сохранялось еще при Адриане, о чем свидетельствует текст Dig. V, 1, 37: «Если дело идет о насилии и владении, то раньше нужно расследовать о насилии, чем о собственности, как указал божественный Адриан в рескрипте на греческом языке τῷ κοινῷ τῶν Θεσσαλῶν».

Надпись времени Калигулы — Клавдия (SIG³ 796a) составлена от имени Ἀχαῖοι καὶ Βοιωτοὶ καὶ Φωκεῖς καὶ Εὐβοεῖς καὶ Λοκροὶ καὶ Δωριεῖς. За исключением Δωριεῖς это же объединение упоминается IG VII, 2711. Хотя здесь Ἀχαῖοι означает не всеахейскую, провинциальную, а лишь местную лигу, такую же, как Εὐβοεῖς или Λοκροί, но по существу перечисленные местные *κοινά* выступают здесь совместно, а в SIG³ 796b Т. Статилий Тимократ выступает как секретарь объединения, избранный на эту должность «после возвращения нам свободы» (непонятно, о какой свободе идет речь, так как надпись относится к 35—36 гг.).

Существование ахейской лиги, *κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν* засвидетельствовано в литературе, в надписях и на монетах. Организация этого *κοινὸν* не совсем ясна, так как нельзя с полной уверенностью установить, представляют ли различные упоминаемые в надписях и на монетах титулы *στρατηγὸς* *πρόστατης* *ἀρχιερεὺς* *ἐλλαδάρχης* *διὰ βίου τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀχαιῶν* действительно различные должности с различными функциями, или же это различные наименования одной и той же должности. Ве-

* J. H. Oliver, *Julia Domna as Athena Polias*, «*Athenian Studies presented to W. S. Ferguson*», Cambr. 1940, стр. 521 сл.

роятнее всего, что ἀρχιερεὺς означает титул верховного жреца культа августов, другие титулы обозначают руководителя κοινόν по организации игр, празднеств, обладавшего, может быть, также некоторыми административными функциями. Что касается элладарха, то он, очевидно, означает то же, что азиарх, вифиниарх и т. п., и заменяет выражение ἀρχιάρχης. Титул элладарха носил также руководитель более широкого объединения — κοινόν τῶν Ἑλλήνων, охватывавшего не только область Ахайю в Пелопоннесе, но всю провинцию Ахайю. На этой основе, по видимому, Адриан создал κοινόν τῶν Πανελλήνων (Dio. Cass. LXIX, 16). * Теоретически в этот всеэллинский союз входили и эллины, жившие вне Эллады. Центром его были Афины, где пребывал архонт союза; он же был верховным жрецом культа императора Адриана и устройтелем учрежденных Адрианом панэллинских празднеств. Панэллинский союз существовал еще в 248 г.

Κοινόν Ἀρχαδῶν засвидетельствовано в надписи SIG³ 882 еще при Каракалле. В приведенной выше надписи из Береи мы находим Г. Попилия Пифона τὸν διὰ βίου ἀρχιερέα τῶν Σεβαστῶν καὶ ἁγωνοθέτην τοῦ κοινοῦ Μακεδόνων.

О живучести старых религиозных организаций может свидетельствовать надпись 125 г. в честь Адриана от имени «эллинов, собравшихся в Платее» для жертвоприношений в память победы над персами при Платее (οἱ εἰς Πλαταιὰ συνιόντες Ἑλληνες, SIG³ 835; ср. SIG² 393: τὸ κοινόν συνέδριον τῶν Ἑλλήνων τῶν εἰς Πλατῆας συνιόντων).

Многообразные κοινά, районы действия которых иногда перекрещивались, могли существовать параллельно, не нарушая прерогатив и интересов выше или рядом стоящих, именно потому, что они были лишены настоящих политических и административных функций. Все дело сводилось к культу, и потому можно было принадлежать одновременно к ахейскому, бэотийскому и панэллинскому союзам. Учреждение Адрианом панэллинских игр, постройка храма панэллинскому Зевсу и, главное, культ Адриана были достаточной базой для существования панэллинского союза.

При таких условиях понятно, что, несмотря на силу традиций о славном прошлом, старые племенные различия и соперничество между полисами постепенно сглаживались. Чего не удалось добиться эллинистическим политикам — искоренения партикуляризма, то завершила тяжелая рука Рима. Греки, принадлежавшие к состоятельным группам, добивались римского гражданства и становились «ромеями»; этот, надо полагать, классовый термин, отмечавший принадлежность к

* См. Fouge, s. v. Koinon у Daremberg — Saglio, стр. 848 сл.

высшему классу, вытеснил впоследствии этническое название эллина. Это явление, наблюдающееся и в азиатских провинциях, наиболее яркий внешний показатель нивелирующей силы Рима.

Конечно, Греция должна была дольше и сильнее сопротивляться этой силе, она даже навязывала Риму свои обычаи, но при этом происходил процесс взаимной ассимиляции. Старые греческие учреждения, как дельфийская амфикифия, олимпиады, оракулы, потеряли свой прежний чисто эллинский характер вместе с потерей политической роли, которую они некогда играли.

Даже родовые предания потеряли реальное содержание, хотя они кое-где и сохранились. В Спарте, например, где давно исчезло деление на спартиатов, периеков и илотов, оберегали еще, повидимому, родословные, восходившие к знаменитым деятелям классического периода; Август оказал снисхождение провинившемуся перед ним спартиату, узнав, что он — потомок Брасида. Но и здесь родовитость стала условной; в надписи 257 г. (SIG³ 893) выходец из Аркадии, ставший мессенцем, восхваляется как «истинный Гераклид».

Вопрос о податном обложении Ахайи и Македонии не вполне ясен, поскольку вообще податная система Римской империи в деталях неизвестна. Но во всяком случае греческие провинции в той или иной форме были подвержены обложению *tributum soli* и *tributum capitis*. Этому не противоречил принцип «свободы». Во-первых, римляне умели, когда нужно, найти благоприятную форму для получения налогов. Свободная Спарта во времена Августа «ничего другого не платила, кроме дружеских взносов» (φιλικὼν λειτουργιῶν, Str. VIII, 5, 5, 365). Во-вторых, свобода, как уже отмечалось, не обязательно влекла за собой иммунитет (Dig. L, 15, 8). В речи о свободе Эллады Нерон отмечает отдельно ἐλευθερίαν и ἀνισφορίαν, свободу и иммунитет; но совершенно недвусмысленно свобода и иммунитет различаются как независимые одна от другой привилегии в выступлении Эпаминонда по поводу благодеяния Нерона: προσθεῖς... καὶ ἀνισφορίαν ἢ οὐδεὶς τῶν προτέρων Σεβαστῶν ὀλοτέλῃ ἔδωκεν (SIG³ 814)— «д о б а в и в [к свободе] также освобождение от налогов, чего не дал ни один из предшествующих августов». Тацит сообщает, что Тиберий освободил пострадавший от землетрясения город Эги от подати (*tributum*) на три года. Что вся земля в Греции была обложена податью, не подлежит сомнению. Подушная подать, возможно, взималась не всегда и не повсеместно. Афины от подушной подати были свободны.

Что касается Македонии, то подушная подать там засвидетельствована цитированной выше надписью из Береи: Попилий Пифон в бытность свою верховным жрецом заплатил за

провинцию подушную подать (τὸ ἐπιχεφάλαιον). В надписи ILS 1046 засвидетельствован censitor в Македонии. В Ахайе, по-видимому, переписи для взимания подушной подати не производили, как в Египте или Сирии, подать взималась единовременно с общины в целом.

Кроме tributa, население Ахайи и Македонии платило, конечно, всякие общеимперские и косвенные налоги и было обязано всевозможными мunerа. Надпись из Гераклеи в Линкестиде (Македония), опубликованная в ВСН XXI, 161—164, содержит отрывок указа о привлечении средств населения на расходы по прокладке дорог: «... а владельцы земель * пусть будут обязаны повинностями (λειτουργίας), только падающими на [их владение]; а каким способом мостить дороги, я разъяснил в общем указе. Приказываю, чтобы и антаны вместе с вами участвовали в расходах, внося треть: взнос должен быть сделан теми антанами, которые проживают в Македонии».** Интересно, что по этому указу повинности несет наряду и в равной мере с местным населением также пришлое, даже, может быть, не проживающее в провинции (οἱ κεκτημένοι).

Об экономической жизни Греции в период империи сведения настолько скудны, что даже попытки установить лишь в общих чертах хотя бы только относительное движение экономики оказываются несостоятельными. Дэй *** справедливо критикует Грендора, который хотел на основании одного, притом неполного, списка γεννηται рода Аминандридов в Афинах установить численность населения Афин. Но и сам Дэй, хотя со всевозможными оговорками, действует по тому же методу. Он исходит из числа эфэбов, засвидетельствованных в надписях в разные годы. Для времени от Августа до Траяна всего имеется пять таких надписей со следующими цифрами:

13/2	г. до н. э.	130
45/6	г.	102
41/54	..	96
84/93	..	94
100/1	..	60

Для времени от Траяна до смерти Марка Аврелия данных больше:

100/1	до 111/2	52	142/3	54
110	..	120	145/6	106
112/3	..	21	150/1	70
116/7	..	4	155/6	79+

* Οἱ κεκτημένοι означает здесь лиц, не принадлежащих к местному населению, но приобретших землю в Линкестиде.

** См. J. Keil, САН, XI, стр. 569; Larsen, ук. соч., стр. 458—459.

*** J. Day, ук. соч., стр. 275 сл.

157/8	133	167/8	26 (27)
158/9	106+	172/3	80
164/5	143+	175/8	106
166/7	95		

Совершенно очевидно, что из пяти надписей за период в 113 лет нельзя извлечь вообще никакого вывода; и даже 15 надписей за 80 лет не позволяют делать вывод, выходящий за пределы частного вопроса об эфебах. Между тем из этих шатких данных Дэй (со всякими оговорками) заключает, что от Августа до Траяна Афины лишь медленно оправлялись после тяжелых ран, нанесенных Греции в период гражданских войн, зато от Траяна до Адриана включительно наблюдается возрастание. Однако нетрудно видеть, что абсолютные цифры первой таблицы несколько не ниже цифр второй таблицы. Мало того, средняя цифра в первой таблице — 96, во второй — 80.

О производстве в Греции в этот период сведения ограничиваются случайными упоминаниями в литературе и чрезвычайно редкими надписями. В классическую эпоху Греция ввозила хлеб. Возможно, что вследствие уменьшения народонаселения и общего падения жизненного уровня греческие города кое-как сводили концы с концами, но хлебный вопрос все же был для таких городов, как Афины, довольно сложным. Сильно фрагментированная надпись 209/240 г. (IG II—III², 1118), повидимому, регулирует продажу хлеба, судя по сохранившимся отдельным словам — $\tau\epsilon\iota\lambda\acute{\alpha}\varsigma \sigma\acute{\iota}\tau\omicron\upsilon$, $\rho\upsilon\tau\alpha\rho\acute{\omicron}\nu$, $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha \epsilon\nu\omicron\chi\lambda\omega\varsigma\iota$. Другая надпись (ibid. 1119), судя по сохранившимся остаткам текста, также представляет какое-то суровое распоряжение (начало III в.), касающееся регулирования продажи хлеба. В надписях IG II—III², 3504—3505 упоминаются $\sigma\iota\tau\omega\nu\iota\kappa\acute{\omicron}\nu \tau\alpha\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ (хлебное казначейство), $\tau\alpha\rho\iota\acute{\alpha}\iota \tau\omicron\nu \sigma\iota\tau\omega\nu\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$, $\sigma\iota\tau\omega\nu\alpha\iota$. По сообщению Диона Кассия (LXIX, 16, 2), Адриан внес деньги на ежегодную раздачу хлеба афинянам. В жизнеописании софиста Лоллиана Филострат (V. soph. I, 23) рассказывает, что однажды прибыл в Афины из Фессалии груз хлеба, но городская казна была пуста, и Лоллиан, занимавший должность стратега, собрал среди своих учеников деньги на выкуп груза. В другой раз Лоллиана собирались побить камнями за то, что он не мог обеспечить снабжение города хлебом.

Вероятно, знаменитый гиметтский мед попрежнему находил сбыт за пределами Греции. Об экспорте оливкового масла мы узнаем благодаря сохранившемуся почти целиком указу Адриана (IG II—III², 1100), озаглавленному $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\alpha\iota\omicron\nu \nu\omicron[\mu\omicron\nu] \theta[\epsilon\iota\omicron\tau\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon] \text{ 'Αδριανού}$:

«Производящие оливковое масло пусть вносят одну треть или — владеющие землями Гиппарха, проданными фиском, — одну восьмую: только эти последние имеют эту привилегию.

Пусть вносят одновременно со сбором урожая частями, из расчета собираемого урожая (*συγκομιζομένων*)* елеонам, которые всегда заботятся об общественных нуждах.** Пусть они подадут декларацию... сбора урожая [казначаем] и герольду... А декларация пусть будет клятвенной — сколько всего собрано, и что — через такого-то раба или такого-то вольноотпущенника. А если владелец участка продаст масло, или земледелец, или скупщик [пусть заявят]. Пусть к ним же подаст заявку и продающий на вывоз — сколько, кому, и где стоит корабль. А продающий на вывоз без заявления, хотя бы он внес полагающееся городу, пусть будет лишен проданного. А составивший ложное заявление либо относительно урожая, либо о вывозе или внесший одну восьмую за участок, которого не купил у фиска и который не является гиппарховым, пусть подвергнется конфискации, а донесший пусть получит половину. А кто [купит] [масло], о котором не было заявлено... пусть удержит у себя половину цены, если еще не сдал, или же пусть заберет [половину масла], половина же пусть перейдет к казне. Пусть и купец напишет, что он вывозит и сколько от каждого. Если же он будет уличен, что отплывает, не подав заявления, масло будет конфисковано. Если же он успел отплыть и о нем донесли, пусть демос напишет об этом на его родину и мне. Дела об этом до 50 амфор пусть судит только буле, а сверх того — вместе с *δῆμος*. А если донесет кто из команды, пусть стратег неукоснительно на следующий день созовет совет, а если предмет доноса больше 50 амфор — эक्лессию. И пусть даст уличителю половину. А если кто апеллирует ко мне или к проконсулу, пусть демос назначит синдигов. А чтобы дела о наказаниях злодеев не были неизбежны, пусть вносится в казну по цене, какая существует в стране. Если же когда-либо вследствие хорошего урожая окажется от взносов одна треть и одна восьмая больше, чем требуется для общественных надобностей, пусть будет дозволено земледельцам, сделавшим [об этом] вторичное заявление, в зависимости от того, сколько требуется для общественных нужд, сохранить у себя масло, все или часть, которое елеоны или аргиротамии не желают у них принять...»

Как видно из этого указа, вывоз масла был выгоднее для производителей, чем продажа его городу, и городу трудно было закупать масло на вольном рынке. Масло вывозилось относительно большими количествами (50 амфор = 1300 л). Из этого указа видно также, что афиняне сами творили суд —

* О чтении этого места см. В. С. Welles, *AJA* XXXIX (1935), стр. 424.

** Елеоны заботились о снабжении маслом гимнасиев и других общественных учреждений.

конечно, в пределах предназначений императорской власти. Владельцы участков, купленных у казны, конфисковавшей крупное земельное владение Гиппарха (деда Ирода Аттика), пользовались привилегией.

Предметом торговли была, вероятно, достопримечательность Элиды «тонкий лен (βύσσος), который растет только здесь и нигде в другом месте Эллады» (Павс. V, 5, 2).

О размерах торговли мы можем судить лишь по случайным упоминаниям в литературе. В «Метаморфозах» Апулея рисуется тип мелкого торговца: «Я родом из Эгины, объезжаю в разных направлениях Фессалию, Этолию и Бэотию с медом, сыром или другим каким товаром для трактирщиков. Узнав, что в Гипате, одном из самых больших городов Фессалии, продается по очень сходной цене отличный на вкус свежий сыр, я поспешил туда, собираясь закупить его весь оптом. Но как часто бывает, в недобрый час я отправился, и надежды на барыш меня обманули. Накануне все скупил оптовый торговец Луп» (I, 5, перевод Кузьмина).

Оптовый торговец здесь носит римское имя Луп. Чужеземцы, надо полагать, занимали немалое место в торговле, особенно более крупной. В надписи в честь жены Ирода Аттика (SIG³ 856) из 27 подписавшихся пирейских *πραγματευταί* 16 — с демотикон, остальные 11 — чужестранцы. Такой же вывод можно сделать из роста числа найденных надгробий чужестранцев в Аттике. За время с 403 г. до н. э. до Августа таких надгробий опубликовано 183, принадлежащих выходцам из Вифинии, Понта и Пропонтиды, за период империи — 128; зато число надгробий жителей Малой Азии возросло со 125 до 469, сирийцев — с 39 до 118.*

Как это обычно бывает при слабой и бедной торговле, на товар, доставляемый на рынок, набрасывались скупщики и перекупщики, чтобы заработать 2—3 обола на пропитание. Указ Адриана 124/5 г. (IG II—III², 1103) освобождает от пошлин «рыбаков в Элевсине, когда они продают в Элевсине на рынке», и предлагает привлекать к ответственности перекупщиков, особенно покупающих из вторых рук; «пусть продают или сами привозящие или первые покупающие у них».

Одной из важнейших статей вывоза из Греции была некогда керамика. Спрос на греческую керамику упал уже в эллинистическое время, а в период империи не только вывоз керамических изделий сошел на-нет, но в I в. Афины, по археологическим данным, наводнены ввозными итальянскими и другими изделиями, особенно аретинскими сосудами. Итальян-

* J. Дау, ук. соч., стр. 214.

ские лампы вытеснили коринфские даже в самом Коринфе.* Дело здесь не в том, что Коринф, римская колония, культивировал римские вкусы; прежние потребители греческих сосудов научились производить массовые керамические изделия не хуже и даже лучше греков.

Грандиозные постройки римских императоров вызвали значительный спрос на греческий мрамор, некоторые сорта которого особенно ценились. Но вывоз мрамора ничего не давал грекам, так как каменоломни, как видно по многочисленным надписям, составляли монополию римского правительства.**

Что касается рудных богатств, то, по свидетельству Страбона, знаменитые серебряные рудники иссякли, и работающие в них находили для себя более выгодным вновь выплавлять металл из отбросов старых разработок, чем разрабатывать руду (Str. IX, 2, 23, 399). На равнине Леланта добывалась руда, содержащая «одновременно железо и медь, что, говорят, нигде в другом месте не встречается. Но ныне нет ни того, ни другого» (Str. X, 1, 9, 447).

О земельных отношениях в Греции интересный материал содержит надпись IG II—III², 2776, содержащая список 89 земельных владений. Дата надписи не может быть установлена точно. Поскольку названные в ней римские граждане в подавляющем большинстве носят имена: Клавдий, Юлий, Випсаний, Флавий, надпись может относиться ко времени, непосредственно следующему за династией Флавиев — может быть, ко времени Адриана. К сожалению, надпись лишена заголовка, и о ее назначении можно лишь гадать. Надпись построена по следующему типу:

ΚΛ Πάγνος χωρ(ίου) Ἰωνιδῶ πρὸς τῷ	*,ΕΧΠΖ<
Ἀνδροφόνῳ κώνῳ *,ΑΦΕΒΙ	
ἐσχατίας Ὀρεαδῶ *ΧΚΕ	
Σχαστηρίῳ Βατῆς *,ΑCΝ Ἀετοῦ	
πρὸς τῷ Κορυθαλάῳ *, ΑΡΝς ΔΡΑΣ	
ἀμπελουργῶν καὶ συκαμείνου	
Ἀθμονοῦ *, ΑΝΓΔΡΔS	Μ
.	
ΦΛ Φίλα Κυπρίων, Λαμπατράσι	*,ΑΡΚΕ
* ΣΠΑΔΡΑΣ Θράσωνον Λαμπατράσι *ΤΙΒ<	

* J. D a y, ук. соч., стр. 153. Раскопки в Коринфе дали находку италийской лампы на Акрокоринфе, «Corinth, Results of excavations», v. III, p. II, Cambr. 1936, стр. 124.

** J. A. O. L a r s e n, ук. соч., стр. 462 сл.

Θριώσιω πρὸς τῷ Μύρμηκι καὶ ἄλλου

χωρίου) μέρους τρίτου *ΦΛΑΔΡΑΣ Μ

ΦΛ Δωρόθεος Φλ Φιλότειμος Φλ Λολλία *ΧΠΖ<

ΦΛ μεγίστη κήπου πρὸς τῇ

Ἀχαρνικῇ πύλῃ προσαγορευομένου

κειονίου

В начале каждого параграфа указывается имя (или имена) лица (или лиц) в именительном падеже; затем идет название участка в родительном падеже (χωρίου, κήπου, ἐσχατίας); далее — подробное указание местоположения участка (πρὸς τῷ Μύρμηκι, πρὸς τῇ Ἀχαρνικῇ πύλῃ — у Ахарнских ворот); вместо географического указания или наряду с ним указывается прежний владелец (Ἐπαφροδίτου, ἀμπελουργῶν) или иное прозвание места (προσαγορευομένου κειονίου). Флавия Фила владеет, кроме точно указываемого участка, еще третьей долей в «другом участке».

За обозначением участка следует число, выражающее в денариях и его долях некоторую сумму. Кроме обычного обозначения римского денария (*) применяется знак < для обозначения $\frac{1}{2}$ денария; следующей единицей является ΔΡ (очевидно, драхма, составляющая одну шестую денария и, следовательно, соответствующая реально оболу); ΔΡΑ, ΔΡΒ и т. д. означают соответственно, таким образом, $\frac{1}{6}$, $\frac{2}{6}$ и т. д. денария. Для более мелких единиц приняты обозначения: S = $\frac{1}{12}$ денария; — = $\frac{1}{36}$; > = $\frac{1}{72}$. Дробь, как обычно, обозначаются в виде суммы дробей с числителем 1: ΔΡΑΣ = $\frac{1}{6} + \frac{1}{12} = \frac{1}{4}$ денария; ΔΡΕ — > = $\frac{5}{6} + \frac{1}{36} + \frac{1}{72} = \frac{7}{8}$ денария.

Таким образом, в Афинах в то время в ходу римская монета, а пониженная в цене аттическая драхма фактически приравнена к прежнему оболу. С этим интересно сопоставить постановление дельфийской амфикинии 96 г. до н. э. (SIG³ 729): «Пусть все эллины принимают аттическую тетрадрахму по четыре серебряные драхмы»; тогда еще эллины пытались отстоять свою валюту против внедрения римского victoriatu.

Справа сбоку в первой строке каждого параграфа указана сумма всех отдельных цифр, если одному владельцу или группе владельцев принадлежит несколько участков. В этом случае внизу справа стоит знак Μ, означающий ἐμὸς («итого»).

Максимальная цифра по одному участку составляет 2687 $\frac{1}{2}$ денария, минимальная — 208; по группе участков максимальная цифра — 15 750.

Подавляющее большинство чисел кончается цифрами 12 $\frac{1}{2}$, 25, 37 $\frac{1}{2}$, 50 и т. д. до 87 $\frac{1}{2}$, т. е. прогрессия с разностью

$12\frac{1}{2}$, или $6\frac{1}{4}$, $18\frac{3}{4}$, $31\frac{1}{4}$, $43\frac{3}{4}$, т. е. в такой же прогрессии. Совершенно очевидно, что если эти числа помножить на 8 ($= 100 : 12\frac{1}{2}$), получится круглое число. Отсюда Моммзен * заключил, что 8% этих чисел представляли какой-то взнос, вероятно, алиментарный; он поэтому полагает, что надпись представляет obligatio praediorum. Однако это представляется маловероятным, уж не говоря о том, что гораздо целесообразнее было указать самую цифру взноса и не подгонять искусственно цифру стоимости участка таким образом, чтобы 8% составляли круглое число. Совершенно невероятно, чтобы, например, последний участок Панноя был оценен в *ΑΝΓΑΡΔΙΣ, 1093 $\frac{3}{4}$ денария. Поэтому, независимо от назначения таблицы, гораздо приемлемее предположение Дау'я, что указанные в надписи числа представляют какой-то процент стоимости участка, выраженной более или менее круглым числом. Этот процент мог быть $6\frac{1}{4}$, $8\frac{1}{3}$, $12\frac{1}{2}$ или 25; греки и римляне охотно выражали проценты в виде дробей (vicesima = 5%, πεντήκοστη = 2% и т. п.); и в этом случае $6\frac{1}{4}\%$, $8\frac{1}{3}\%$, $12\frac{1}{2}\%$ составляют простые дроби $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{8}$; это говорит в пользу предположения Дау'я.

Если, исходя из этого, восстановить стоимость участков наиболее крупных владельцев, получается такая таблица.**

	в надписи	при 25%	при $12\frac{1}{2}\%$	при $8\frac{1}{3}\%$
Аррия Афинион (8 участков)	6968 $\frac{3}{4}$	27875	55750	83625
Кл. Паннихий (5 участков)	5687 $\frac{1}{2}$	22750	45500	67250
Фл. Фила (3 участка)	1125	4500	9000	13500
Вибуллий Пемтеид (3 участка)	21467 $\frac{5}{8}$	8587 $\frac{1}{2}$	17175	25766 $\frac{1}{2}$
Филаргирион (7 участков)	2510 $\frac{5}{8}$	10042 $\frac{1}{2}$	20085	30127 $\frac{1}{2}$
Флавий Метр (12 участков)	15750	63000	126000	189000
?	3750	15000	30000	45000

У нас нет данных о ценах на землю в этот период, да и размеры участков в надписи не указаны; к тому же по качеству участки самые разнообразные: здесь и сад, и лес, и персиковый сад, и пустырь, и огород и др. Но во всяком случае, если принять как наиболее вероятные цифры второго столбца ($12\frac{1}{2}\%$), мы видим здесь значительные состояния. Интересно, что крупные землевладельцы приобретают не сплошные латифундии, а небольшие участки в разных местах. Римское правительство также не заводило сальтусов, и конфискованная земля Гиппарха была распродана, как свидетельствует IG II — III²,

* Th. Mommsen, Athenische Stiftungsurkunde, «Hermes», V (1871), стр. 129 сл.

** J. Daу, ук. соч., стр. 234.

1100. Крупнейший афинский богач II в. Прод Аттик владел землями не только вне Аттики, но и вне Греции, в Италии.

Многие землевладельцы получили, судя по именам, римское гражданство; они-то и составили, надо полагать, ядро «ромеев». Надпись позволяет заключить о концентрации земли в руках «ромеев».

О Македонии сведения еще более скудны. Во всяком случае здесь аграрные отношения сильно отличались от отношений, типичных для Эллады. Хотя в Македонии существовали крупные города — Диррахий, Фессалоника, Филиппы и др., но их было немного и значительная часть земельной территории не была приписана к полисам и находилась в распоряжении племенных организаций, *ἐθνη*, которые приближались по структуре к организации полиса, управлялись политархами, привлекали население к литургиям. В одной надписи *ἐθνος* оrestов жалуется, что *ἐπαρχικοί* (провинциалы) загладевают у них земли, нарушая этим права племени.* Повидимому, в Македонии римская власть еще меньше, чем в Азии, сумела нивелировать сельское население и город не успел оказать свое влияние на глубинные районы, где цивилизация носила внешний характер и не разрушила старых аграрных отношений.

О рабстве в Греции в период империи данных почти нет. Аргюи можно предположить, что упадок производства привел к уменьшению роли рабов в хозяйстве. Плутарх (*de educ. prae. VII*) возмущается современной ему практикой, когда «наиболее порядочных рабов назначают на земледельческие работы, моряками, торговцами, экономами, ростовщиками; а когда попадаетея им раб пьяница и обжора, непригодный для какого-либо дела, они поручают ему воспитание детей». Сочиненная Филостратом защитительная речь, которую он вкладывает в уста Аполлония Тианского (*V. Ar. VIII, 7, p. 163 Kayser*), говорит о том, что «здесь можно купить только понтийских, лидийских и фригийских рабов»; чтобы купить раба в Аркадии, надо туда специально снарядить корабль; но аркадцы рабов не продают, Аркадия сама «нуждается во множестве рабов, ибо она велика и лесиста как в горах, так и на равнине. Она нуждается в многочисленных работниках — пастухах для лошадей, рогатого скота, овец и свиней, во множестве дровосеков, с детства занятых в этом промысле». Вряд ли, однако, в словах Филострата можно найти что-нибудь, кроме чистой риторики. Гораздо важнее пункт указа Адриана об обязательной сдаче масла, где земледельцам предлагается

* О городах и *ἐθνη* Македонии см. Е. Куп, ук. соч., стр. 388—453 (в связи с отношениями в Галлии и Африке); L a r s e n, ук. соч., стр. 443 сл.

указать в декларации точно, кто именно из рабов или вольноотпущенников работал над производством масла. Несомненно, также большие количества рабов были заняты в домашнем услужении у богачей, живших, по-римски, на широкую ногу. Мы можем, во всяком случае, предположить, что в Греции раньше, чем в других областях империи, наступило положение, когда в мелком земледелии и мелком ремесле, к которому свелось производство, не было места для большого числа рабов.

Во всех римских провинциях финансы городов базировались в значительной степени на щедротах богачей, которые своими пожертвованиями на общественные нужды, раздачами населению, организацией игр и развлечений, поддержкой культовых учреждений, строительством общественных сооружений как бы возвращали эксплуатируемым часть добытых их трудом богатств и тем пытались смягчить классовую ненависть трудящихся. В этом отношении Греция с ее прославленными культурными центрами находилась в особо благоприятном положении. Не только местные богачи, но и чужестранцы считали для себя честью удостоиться почетного декрета афинян, купить за деньги афинское гражданство, увековечить свое имя в дельфийском святилище, получить посвящение в элевсинские мистерии, принять участие в олимпийских или пифийских играх и т. д. Восточные царьки стремились таким путем приобщиться к эллинистико-римской культуре. В частности, Ирод, царь иудейский, одарил Афины и Лакедемон.*

Римские императоры также всячески выражали свое уважение к славному прошлому Эллады и ее старинным установлениям. Особенно много сделал для Греции, и в частности для Афин, император Адриан. В надписи 125 г. (SIG³ 835) τὸ κοινὸν συνέδριον τῶν Ἑλλήνων обращается к Адриану как к «спасителю, освободившему и вскормившему с в о ю Элладу». Сам Адриан в послании к Афинам 131/2 г. (IG II—III², 1102) пишет: «Знай-те, что я пользуюсь всякими предложениями, чтобы благодетельствовать городу в целом и каждому афинянину в отдельности. Вашим детям и юношам даю гимнасий на украшение городу и вдобавок...». Адриан не только поднял престиж Греции своими милостями, своими неоднократными наездами в Афины, принятием почетных магистратур, но и заботился об упорядочении администрации, издав ряд специальных законов в этом направлении. Главное, Адриан много сделал для украшения Афин и благоустройства города, что дало повод именовать Адриана на монетах *restitutor Achaiae*. В числе возведенных Адрианом в Афинах сооружений значатся храм Геры и Зевса панэллинского, библиотека с драгоценной мраморной обли-

* E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes, I⁴, стр. 391.

цовкой, гимнасий с 100 мраморными колоннами, мост через Кефис, водопровод (он был закончен уже при Антонине Пие). Адриан закончил храм Зевса Олимпийского, постройка которого началась еще при Писистрате. В Афинах был построен новый роскошный квартал с прекрасными виллами (Адрианополь, Новые Афины). На арке Адриана на фасаде, обращенном на запад, надпись гласила: «Это — Афины Тезея, прежний город», на восточном фасаде: «Это — город Адриана, не Тезея».

Но даже щедроты Адриана, особенно его строительная деятельность, вызывавшая спрос на строительный материал и на рабочие руки, могли поднять на время благосостояние Афин, но не отразились на общем положении Греции, пришедшей в состояние застоя и упадка. Павсаний часто мимоходом рисует картины упадка греческих городов. «Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский город Панопей, если его вообще можно назвать городом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги» (X, 4, 1). Фивы со времени Митридата «впали в крайнюю степень слабости. В мое время весь нижний город был безлюден, оставались одни только храмы, а заселенным был один только акрополь, который они называли Фивами, а не Кадмеей» (IX, 7, 6). Мегалополь «лишен всего своего величия и былого благосостояния и в наше время по большей части лежит в развалинах» (VIII, 33, 1). «В Платейской области на Кифероне... находятся развалины Гиский и Эритр. Некогда это были богатые города, и теперь еще среди развалин находится полузаконченный храм Аполлона» (IX, 2, 1). Упоминаются «развалины города Гармата и Микалесса» (IV, 27, 5), развалины города Онхеста (IX, 26, 3).*

Такое положение вещей вполне понятно: благотворительность не может служить базой для прочного существования страны; Греции оставалось только эксплуатировать свое прошлое, которого она, конечно, не могла сохранить и поддержать, так как исчезла его экономическая основа. Упадок Афин особенно заметен после 86 г. до н. э. Смирение и послушание становятся основой их политики. Сулла прекратил грабеж солдат, заявив, что он щадит живых ради мертвых. Своим прошлым Афины жили и во времена Империи. Никто не оспаривал, что те идеи в искусстве и литературе, которые казались тогда достоянием вечности, родились в Афинах. Счита-

* Перевод С. П. Кондратьева.

лось, что лучше всего можно научиться в той роде, где учил Платон. Афины превратились в своего рода университет, но и в этом отношении роль их была довольно скромной.

Греки старались поддержать престиж своей культуры и выступать в качестве ее верных хранителей. В постановлении панэллинского союза (между 138 и 160 г.) прием Магнесии на Меандре в союз обосновывается ссылкой на то, что магнесийцы — первые переселенцы в Азию, что они «часто боролись вместе с ионянами, дорийцами и эолийцами» (IG II—III², 1091). «Мессеняне,— пишет Павсаний (IV, 27, 5),— не забыли и своего дорического диалекта, и до сих пор из всех пелопоннесцев они сохранили его в наибольшей чистоте». Но творческие силы эллинов иссякли. Уже Цицерон отметил (*de orat.* 3, 43): «В Афинах давно уже погибла образованность самих афинян, в этом городе остается лишь местопребывание научных занятий, которыми граждане не занимаются, а предаются им лишь иностранцы, как бы плененные именем и авторитетом города. Однако любой невежественный афинянин превзойдет самого ученого азиата не содержанием, но акцентом речи, умением говорить не столько хорошо, сколько приятно».

Но даже чистота греческой речи постепенно исчезала. В середине II в. появляется школа аттицистов, ставящая себе задачей возрождение классического греческого языка. Это в известной мере было достигнуто в выступлениях ораторов и в литературных упражнениях писателей. Однако живая речь народа, переставшего играть руководящую роль, неизбежно должна была подвергнуться влиянию восточных диалектов и *κοινή*, отразившей нивелирующие тенденции империи. В начале III в. Филострат пишет (*V. Soph.* 553), что в Афинах уже нельзя учиться чистому греческому языку.

Как бы то ни было, Афины продолжали считаться *domicium studiorum*, как прозвал этот город Цицерон. Афинская школа риторики была официально учреждена Антонином Пием, а Марк Аврелий отпустил государственные средства на содержание в Афинах четырех основных философских школ. Если эти школы не дали больше крупных философов, которые могли бы хоть отдаленным образом идти в сравнение с великими мыслителями классического периода, они во всяком случае привлекали в Афины учащихся, дававших кое-какой заработок местному населению.

Множество людей привлекали в Грецию старинные религиозные центры. Празднование элевсинских мистерий вызывало наплыв приезжих (*Philost.*, *V. Ar.* IV, 17); оракул Трофония, повидимому, был источником благополучия Лебадеи; Дельфы, впавшие во времена Страбона (IX, 3, 8, 420) в крайнюю бедность, также постепенно оправились; жаждущие

исцеления стекались в храм Асклепия в Эпидавре.* Немало приезжало людей из разных мест на традиционные игры. Императоры своим участием в играх и подчеркнутым уважением к греческим святыням подавали пример подданным.

В Грецию приезжали также на отдых и для лечения. Плутарх описывает курорт на Эвбее (Quaest. conv. IV, 4, 1 сл.): «Эдепс на Эвбее, где теплое купанье представляет природное место, обладающее многими условиями для вольных наслаждений, застроенное жилищами и столовыми, является как бы общим обиталищем Эллады... Больше всего это место посещается в разгаре весны» (ср. Plut., de frat. amore 17).

Наконец, Грецию посещали туристы, не только для научных целей, но из любознательности и для развлечения.

Все это давало заработок населению, которое предоставляло приезжим пищу и помещение, всевозможные развлечения, продавало им предметы античного искусства, на которые спрос был довольно велик. Греческие саркофаги, греческие статуи были предметом оживленной торговли. В жизнеописании Аполлония (V, 20) Филострат рассказывает о стоявшем в Пирее корабле, готовом к отплытию в Ионию; корабль был нагружен отправляемыми на продажу статуями богов, частью из золота и камня, частью из слоновой кости и золота.

Конечно, частная благотворительность, неверный доход от приезжих не могли служить основой для здоровой экономики. Бедность масс населения была общепризнанным фактом. Лукиан в похвальном слове, которое в одном из его диалогов произносит Нигрин, пытается даже возвести эту бедность в добродетель; он хвалит «Элладу и афинских людей, что они воспитаны на сочетании философии и бедности и нисколько не радуются при виде горожанина или чужестранца, пытающегося ввести к ним роскошь» (Luc., Nigr. 12).

Но рядом с бедностью существовали у отдельных лиц колоссальные состояния. Наиболее известен благодаря Филострату и многочисленным надписям владелец несметных богатств знаменитый ритор Ирод Аттик. Это был богач потомственный. Его дед Гиппарх владел состоянием в 100 млн. сестерциев (Suet., Vesp. XIII). Домициан конфисковал его имущество. Но, по видимому, Гиппарх сумел припрятать многое, и его сын, уже после смерти Домициана, «открыл клад», положивший начало новому богатству. Когда внук Гиппарха Ирод Аттик, будучи корректором (διορθωτής) Азии, допустил перерасход при по-

* С. А. Жебелев, Религиозное врачевание в древней Греции. СПб, 1893.

стройке водопровода в Александрии Троаде, отец из своих средств покрыл перерасход в 4 млн. Умирая, он завещал всем афинянам по mine в год каждому. Ирод Аттик, впрочем, не захотел выполнить это завещание и предложил афинянам вместо этого выплатить каждому по 5 мин одновременно. При выплате он удерживал с получателей причитавшиеся ему долги; а так как все были у него в долгу, ему почти ничего не пришлось платить.

Ирод Аттик затратил огромные средства на строительство, прежде всего в Афинах; особенно прославился построенный им панафинейский стадион, облицованный пентеликонским мрамором, а также крытый одеон. И в других городах он возводил общественные постройки, водопроводы и т. п. Ирод Аттик покровительствовал наукам, будучи и сам виднейшим оратором и софистом, одним из родоначальников аттицизма. Авл Геллий описывает свое пребывание на одной из его вилл: «Ирод Аттик, человек одаренный и греческой образованностью и званием консуляра, часто приглашал нас, когда мы учились в Афинах, на свои пригородные виллы, меня, Клавдия Сервилиана и многих других соотечественников наших, которые прибыли из Рима в Грецию, чтобы изощрить свой ум. И вот, когда мы находились у него на вилле, называвшейся Кефисия, в самое знойное время начала осени мы укрывались от тягостной жары в тени огромных рощ, совершая прогулки длинные и медленные, причем всюду были расположены постройки для освежения, купания с обильной, чистой и прозрачной водой; мы наслаждались прелестью всей виллы, где со всех сторон раздавалось журчание фонтанов и пение птиц» (I, 1, 2).

Каков был источник богатств Ирода? Конечно, не доход с научной и литературной деятельности, хотя он получал колоссальные гонорары за свои выступления. Прежде всего Ирод владел многочисленными земельными участками не только в Аттике, но и за ее пределами. Во-вторых, он, повидимому, занимался ростовщичеством, судя по тому, что все афиняне были у него в долгу. Возможно, что он занимался и торговыми операциями. Нагрузить корабль золотыми и хризалефантинными статуями могло быть по средствам только очень богатому человеку.

Ирод Аттик не был единственным представителем крупного богатства. Наследственным богачом был и упоминавшийся Эпаминонд из Акрефии. Попилий Пифон, заплативший подушную подать за всю провинцию Македонию, был, надо полагать, очень богатым человеком.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что в Греции происходила концентрация землевладения и другой недвижимости и денежных богатств в руках немногих семей. Эти богатые семьи фактически забрали в свои руки и тот остаток власти, который

римляне предоставили греческим городам. Несколько десятков ареопагитов представляли олигархию, которая опиралась на поддержку Рима. В I в. Эллион занимает должность стратега семь раз, Тиберий Клавдий Новий — восемь.* Известный историк Геренний Дексипп занимал должности наследственного жреца, архонта эпони́ма, архонта базилевса, глашатая ареопага, агонотета панэллинских празднеств, панегириарха (IG II—III², 3665). Он же при нашествии герулов командовал отрядом, выступившим против врага. Во второй половине III в. даже должность архонта занимает одним лицом несколько раз.**

Общественная жизнь в Греции замирает, как и в других провинциях. Общественные должности, связанные с расходами, становятся недоступными рядовому гражданину, и кучка крупных землевладельцев, экономически подчинивших себе своих сограждан, сосредоточила в своих руках и власть.

В обстановке кризиса, охватившего в III в. империю, интерес к греческим древностям в значительной степени остыл и значение Греции как центра просвещения и музея древностей упало. В III в. развивающееся в александрийской и антиохийской школах христианское богословие все более успешно конкурирует с эллинской философией, и даже в самих Афинах выступает первый христианский апологет Аристид (уже при Антонине Пие), а позднее — в 177/8 г. — Афинагор Афинский.

Вероятно, падение доходов от приезжавших в Афины туристов и учащихся (с конца III в. правительство прекратило выплату жалованья преподавателям афинской школы) побудило греков восстановить производство керамики на вывоз. Третий век дает находки коринфских ламп в Сицилии, Египте и Северном Причерноморье. Но вряд ли можно говорить о серьезном хозяйственном подъеме. Общий кризис империи и рост христианской пропаганды привели к падению спроса на основной предмет вывоза — статуи, саркофаги, надгробные стелы. С середины III в. прекращаются археологические находки этого рода. Хозяйственный упадок выразился и в прекращении выпуска монеты со времени Галлиена.

Греция стала захолустьем, где только в крупных приморских городах — Коринфе, Афинах, Фессалонике, Диррахии — билась кое-какая жизнь.*** Возможно, что именно в силу своей бедности Греция без особых потрясений перенесла кризис III в.

* J. Дау, ук. соч., стр. 239.

** Первым таким архонтом был Т. Флавий Мондон, «Hesperia» II (1933), стр. 505—511. См. J. Дау, ук. соч., стр. 261.

*** В частности, раскопки в Коринфе показали, что дороги там в этот период содержались в порядке.

Но Грецию постигло другое бедствие. В 267 г. герулы вторглись с моря в Грецию. Их опустошительный набег причинил греческим городам тяжелый ущерб. Виднейшие города Греции: Афины, Коринф, Аргос и Спарта были разграблены и разрушены. Об этом свидетельствуют литературные источники, а последние раскопки на афинской агоре вскрыли следы разрушений, принесенных герулами и другими варварами, действовавшими вместе с ними.

Римское владычество в Греции привело к тому, что эта страна, так цепко державшаяся за свою былую славу и свои традиции, сравнялась в конце концов с другими провинциями. Была сломлена демократия и гражданственность, окончательно преодолены сепаратистские тенденции, стремление к автаркии; свободное крестьянство, на котором покоилось эллинское гражданство и господство города над деревней, превратилось окончательно только в подданных империи, попало в экономическую зависимость от крупных землевладельцев и ростовщиков.* Даже мощная эллинская культура растворилась в общей эллино-римской культуре, чтобы со временем уступить место христианской теологии, вполне соответствовавшей экономическому, политическому и духовному уровню империи.

* В надписи III в. (IG II — III², 1168) в декрете филы устанавливается, что за землю вносится арендная плата в три срока — в начале года, в месяце гамелион и в месяце таргелион — казначею и эпимелету филы; при неуплате, согласно *συγγραφή*, залог поступает к казначею и эпимелету.

Ф Р А К И Я

Фракия организована как отдельная императорская провинция только в 46 г. Фракийское царство фактически находилось под властью Рима и помогало Риму одолеть сопротивление непокорных горцев. После убийства Реметалка III Фракия была изъята из ведения наместника Мезии и передана в управление прокуратора. Только город Византий остался в системе провинции Вифинии. Не вошел в состав новой провинции и фракийский Херсонес.

Подчинение фракийских племен было нелегким делом. Тацит посвящает несколько глав описанию борьбы фракийских горцев за свою независимость в 26 г. (Ann. IV, 46—51). Римский полководец Пoppей Сабин в союзе с царем фракийских одрисов Реметалком II должен был предпринять правильную осаду неприятеля. Осажденные, лишенные воды, страдая от голода и жажды, от невыносимого запаха разлагающихся трупов павшего от голода скота, не только стойко сопротивлялись атакам римлян, но и совершали вылазки, наносившие римлянам тяжелый урон. За победу над горцами Пoppей Сабин получил триумф.

Фракийцы, как известно, занимают большое место в античной литературе. В соответствии с распространенной в древности идеализацией первобытного строя жизни фракийцам приписывали многие явления греческой культуры (например, Str. XI, 3, 16—19, 721—723). Некоторые религиозные представления и обычаи греков, в частности культ Диониса, действительно фракийского происхождения. Но традиции о миграциях фракийцев и плохо понятые явления первобытного строя общества фракийских племен побуждали античных историков преувеличивать роль и значение фракийской культуры.

Само понятие «фракийцы» не было четким; под это наименование подводили самые разнообразные этнические категории, так же как под понятие «скифы». Эллины считали гетов фракий-

цами. Они жили по обоим берегам Истра, как и мисийцы, являющиеся тоже фракийцами, которых ныне называют мезийцами; от них произошли мисийцы, ныне живущие между Лидией, Фригией и Троадой. Сами фригийцы — это бриги, некое фракийское племя, так же как мигдоны, бебрики, медовифинцы, вифинцы и тины и, как мне кажется, мариандины. Последние все окончательно покинули Европу, остались только мисийцы» (Str. VII, 3, 2, 453). Страбон отмечает, что многие географические названия в Троаде совпадают с фракийской топонимикой (XIII, 1, 21, 883). Фракийцы проникли и за Кавказ и участвовали в борьбе против амазонок (XI, 5, 354). Некогда «фракийцы» владели и Аттикой (VII, 7, 1, 321).*

С другой стороны, Страбон указывает на смешение фракийцев с другими варварскими племенами. Скифы, бастарны, савроматы переходили Дунай, поселялись на островах и во Фракии и смешивались с фракийцами (VII, 3, 13, 304).

Вопреки идеализации фракийцев как носителей древнейшей культуры древние источники рисуют различные племена, объединяемые названием фракийцев, как племена, еще не вышедшие из стадии варварства и стоявшие лишь у порога цивилизации. Свободолюбивые горные племена, не имеющие городов, управляемые старейшинами, рисуются у Тацита в описании похода Пуппея Сабина. Гораций, говоря о суровых гетах, причисляемых к фракийцам, отмечает у них общинную собственность на землю с периодическими ежегодными пределами земли:

Campestres melius Scythae
Quorum plaustra vagas rite trahunt domos,
Vivunt et rigidi Getae.
Immetata quibus iugera liberos
Fruges et cererem ferunt
Nec cultura placet longior annua
Detunctumque laboribus
Aequali recreat sorte vicarius.
(Hor., carm. III, 24, 9—16)

Горные племена занимались скотоводством, на равнинах фракийцы истари занимались земледелием. Допустимо предположить, что русское слово «рожь» и немецкое Roggen — фракийского происхождения.** Как обычно бывает на пороге цивилизации, грабеж и война для грабежа стали у некоторых фра-

* Такой же разницей в отнесении тех или иных племен мы находим, например, в двуязычной надписи SIG³ 710 (Дельфы) в честь Минуция Руфа, победившего τοὺς πρὸς Γαλάτας Σχορδίστας καὶ τὸν πρὸς Βεσσοὺς καὶ τοὺς λοιποὺς Θράϊκας.

** Г. И. К а ц а р о в, Битът на старите траки според класическите писатели, «Сборник на българската Академия на науките», кн. I (1913), стр. 18.

кийских племен нормальным промыслом. Бессов «даже разбойники называют разбойниками» (Str. VII, 5, 12, 318). О принятой у фракийцев татуировке также сообщает Страбон (VII, 5, 4, 483). Презрение к жизни, смелость и отвага в бою делали фракийцев очень ценными солдатами, которых особенно охотно вербовали в войска. В римских надписях отмечены 24 фракийские когорты и 9 ал конницы.*

Фракийцы не создали своей письменности, хотя древним была знакома фракийская народная поэзия и мифология. Овидий (Ep. ex Ponto, 4, 13, 19) пишет, что, к стыду своему, он написал произведение на гетском языке:

Ah pudet ! Et Getico scripsi sermone libellum
Structaque sunt nostris barbara verba modis.

Но отсюда нельзя делать вывод, что существовало «гетское» письмо.

Наконец, о примитивном общественном строе фракийских племен свидетельствуют сбивчивые сообщения о полигамии (Менандр у Страбона VII, 3, 4, 297) и безбрачии фракийцев (Посидоний у Страбона VII, 3, 3, 296). Очевидно, форма брачных отношений у фракийцев была грекам непонятна и подала повод к кривотолкованиям.

Конечно, сведения античных авторов о первобытном строе общества у племен Фракии относятся к отдаленным временам и у Страбона представляют скорее хронологически смещенные книжные данные, чем живые наблюдения. К моменту организации провинции племена Фракии сохранили много пережитков примитивного общественного строя, но этот строй к тому времени успел в достаточной степени разложиться; об этом, в частности, говорит существование царства одрисов. Разложение первобытно-общинного строя облегчило римлянам освоение провинции, а самим фракийцам — быстрое усвоение греко-римской цивилизации. «Под римской властью завершилась эллинизация Фракии. Судя по господствующему в стране греческому языку и по памятникам искусства, можно с уверенностью сказать, что со II в. фракийцы были эллинизированы, о чем свидетельствуют и известные слова римского императора Юлиана: *οἱ περὶ τὴν Θράκην καὶ τὴν Ἰωνίαν οἰκοῦντες Ἑλλάδος ἔσμεν ἑκγονοὶ* (I u l., Or. III)».**

Для истории провинции Фракии источники сводятся в основном к надписям, главным образом III в.; для I—II вв. и

* Г. И. Кацаров Там же, стр. 34.

** Μυρτίλον Ἀποστολίδου. Περὶ τῶν ἀρχαίων Θρακῶν. «Θρακικά», т. I, 1928, стр. 86.

этот род источников представлен чрезвычайно скудно.* Лишь в самых общих чертах можно восстановить социально-экономическую историю провинции.

Во главе провинции первоначально стоял прокуратор. Со времени Траяна до конца III в.— *legatus Augusti pro praetore*. Плиний Старший (IV, 40) насчитывает во Фракии 50 стратегий, Птолемей (III, 11, 6)— 14. Это противоречие в характеристике административного деления провинции устраняется благодаря надписи Мёл., стр. 317 (время Клавдия): *στρατηγὸς Ἀστικῆς τῆς περὶ Πέρινθον Σηλητικῆς ὀρίνης Δευθελητικῆς πεδιασίας*; стратегии, оказывается, имели подразделения, что и создало расхождение в счете между Плинием и Птолемеем. Херсонес имел отдельного прокуратора — *procurator Augusti regionis Chersonesi* (CIL III, 726).

Для взимания налогов и податей существовали специальные прокураторы: *procurator Augusti XX hereditatum* (Мёл. 97^a 114 г.), *procurator provinciae Thraciae* (Мёл. 13^b, 120 г.), *ἐπίτροπος τῶν Σεβαστῶν* (Мёл. 72^b, 111^{c4}); *censitor provinciae Thraciae* назван в CIL, V, 7784.

Городская жизнь во Фракии не получила широкого развития. Города были главным образом на побережье. Они, видимо, лишь постепенно принимали греческий облик и получали принятый в восточных городах Римской империи тип организации. Термин «метрополия» встречается только с III в. Обычную организацию — *βουλή* имели Сердика (ныне София, IGRR I, 683), именующая себя *λαμπροτάτη* (ibid. 691), Филиппополь (ibid. 718; город именуется «метрополия», ibid. 712; «славнейшая метрополия», ibid. 719 сл.), Траяна Августа (ibid. 749 и др.), Анхиал (ibid. 771), Гераклея-Перинф (783 сл.), Эн (ibid. 827), Каллиполь (ibid. 815). Иногда встречается термин *χερουσιαστῆς* (ibid. 735, 743).

Во главе городского управления стояла коллегия архонтов (*συναρχία*, ibid. 683, 741, 751 и др.) под руководством первого архонта — протарха (ibid. 750). В Филиппополе засвидетельствован политарх (Мёл. № 40)— должность, обычная в Македонии. Далее встречаются обычные в восточных провинциях городские должности — иринарх, ситарх (IGRR I, 698), агораном (ibid. 799), грамматевс (ibid. 798), гимнасиарх (ibid. 815), эдик (ibid. 729), *σιτοφύλαξ* (уполномоченный по снабжению хлебом, ibid. 797), казначей (ibid. 729). Случайная должность арбитра по размежеванию владений двух общин *κριτῆς καὶ ὁροδέτης* упоминается IGRR I, 709.

* Первый свод археологических памятников Фракии дал Дюмон: «*Mélanges d'archéologie et d'épigraphie*» (A. Dumont—Th. Homolle), P. 1892, стр. 308—582; в дальнейшем в тексте цитируется «Мёл.».

Функции городских управлений в надписях охарактеризованы неотчетливо, но вряд ли города Фракии существенно отличались от других малозначащих провинциальных городов. Единственный раз встречается в надписи (IGRR I, 707) из Филиппополя фракарх; но о существовании фракийского κοινόν сообщает Ульпиан, приводящий (Dig. XLIX, 1, 1) рескрипт Антонина Пия к τὸ κοινόν τῶν Θρακῶν относительно права апелляции. Вероятно, должность фракарха совпадала с должностью архиерея (IGRR I, 745). Неокорат также известен во Фракии (ibid. 719, 786).

Проживавшие в фракийских городах и селах чужеземцы держались, повидимому, особняком и имели свою организацию. Так, жертвенник и статую Матери богов посвящают «эллины-вифины» (ibid. 705); в надписи из Филиппополя названо τὸ κοινόν τῶν ἐ[πὶ] θραικῆς Ἑλλήνων (ibid. 732); культовая организация почитателей Вакха — выходцев из Азии (βακχεῖτον Ἀσιανῶν) существовала в Перинфе (ibid. 787); здесь же выступают как организованная группа александрийские негоцианты (Ἀλεξανδρεῖς οἱ πραγματούμενοι ἐν Περὶνθῳ, ibid. 800).

Но городская жизнь охватывала далеко не всю территорию Фракии. Сельская территория не вся была приписана к полисам. Села имели свои организации, комархии (ibid. 721, 728); кометы выступают от своего имени с постановлениями и ходатайствами (ibid. 674, 721, 728, 738). Наряду с этим существуют племенные организации, филы (ibid. 721, 730, 731 и др.) с филархом во главе (ibid. 721, 728).

Промежуточное положение между κώμη и πόλις занимал τόπος, управляемый топархом (ibid. 766). Римляне не находили нужным стимулировать здесь городскую жизнь. В этом отношении интерес представляет большая надпись из Пиза (SIG³ 880 = IGRR I, 766) 202 г. Речь идет в ней о создании нового эмпория по распоряжению императора.

В начале надписи воздается хвала императору и всему его дому в связи с основанием эмпория, куда переселился ряд лиц, список которых приводится. Список содержит 288 имен (некоторые вычеркнуты, к другим приписано «с братом») с указанием села, откуда происходят переселенцы. Далее следует указ правителя провинции:

«К. Сициний Клар, легат августов pro praetore, говорит. Радуюсь предвидению будущего поселений, наши государи, величайшие и божественнейшие императоры, желая, чтобы их провинция оставалась в течение всей их жизни в том же благолепии, предписали, чтобы существующие эмпории были лучше, а не бывшие раньше — возникли; и стало так. Итак, ввиду того, что возникающие по божественному дару должны быть счастливее и по организации руководителей, я приказал послать в эти

эмпории не демотов эмпория, а булевтов топархов, дав им печать для бумаг и право судопроизводства и заповедав им управлять жителями не путем обид и насилия, а при помощи справедливости и милосердия... А чтобы эти эмпории были счастливее, я убедил почтенных людей переселиться в них из окружающих сел и убедить других переселиться в эти эмпории; при этом я наметил, что желающие сделать это добровольно получают великие дары от божественной фортуны августов, а именно свободу от взноса на продовольствование города (πολεϊτικῆς σί[τ]ου [ἀν]-εισφορίαν) и освобождение от заботы о бургариях, пограничной службы и ангарий. Вот что относится к назначению топархов и к освобождению от литургий лиц, которые добровольно переселяются или будут переселяться».

В дальнейшем легат устанавливает порядок постройки и оборудования жилищ для переселенцев, причем для этого используются военные постройки под ответственностью топархов и архонтов.

Как видно из терминологии надписи, переселенцы не получают гражданства в эмпорионе, они именуются не πολῖται, а οἰκῆτορες или ἐνοικοῦντες; хотя в надписи упоминаются архонты, но самоуправление эмпорий не получил, туда легат назначил οἱκ ἐμπορικῶς δημότας, ἀλλὰ τοπάρχους βουλευτάς, т. е. администрация назначена из τοπός'а.

Из этой же надписи мы узнаем также кое-что о повинностях населения: участие своими взносами в восполнении анноны, несение службы в пограничной охране и ангарии (транспортная повинность). Освобождение от литургии не означало, однако, освобождения от налогов и податей.

Хотя Фракия была провинцией пограничной, она не имела у себя легионов и была в военном отношении под наблюдением Мезии. Но в Перинфе стоял отряд морского флота (κλάσσης Περινθίας, IGRR I, 781). Забота о содержании военных дорог выражена в распоряжении Нерона (61 г.) «построить на военных дорогах таверны и претории» (CIL III, 6123). О том же говорят милевые столбы с соответствующими надписями. В виде исключения Марк Аврелий дал городу Филиппополю крепостные стены (CIL III, 7409; IGRR I, 712). Римляне высоко ценили военные качества фракийцев, которые сохранили свою воинственность и в период поздней империи (Amm. Marcell. XXVII, 29).

Каковы были аграрные отношения во Фракии в период империи, источники не сообщают; трудно сказать, писал ли Гораций об общинной собственности у «гетов» на основании реальных данных или он следовал литературному трафарету. Но что значительные территории не были приписаны к полисам и находились если не в собственности, то во всяком случае в ведении

племен и сельских общин, доказывается не только наличием комархий, но и надписями о межевании полей (ὄροι Κορτο-κοπίων φυλῆς Ῥοδοπῆδος, IGRR I, 709; ἀγροῦ Σε[ι]ο... τηνῶν ὄρος, *ibid.* 813). Надпись на скале у Траянополя ὄρος ἱερᾶς χώ-ρας (Mél. № 108) может относиться к жреческой или император-ской собственности.

О положении крестьян, об их податях и повинностях неко-торое представление дает известная надпись IGRR I, 674, со-держащая прошение на имя Гордиана, 238 г. В начале надписи дано введение на латинском языке: «В добрый час. В консуль-ство Фульвия Пия и Понтия Прокула, в XVII день до январ-ских календ * списано и удостоверено из Книги рескриптов, данных государем нашим, имп. цез. М. Антонием Гордианом Пием, Счастливым Августом и выставленных в Риме в портке терм Траяна, в нижеследующих словах. Дано через Аврелия Пурра, солдата X претор. когорты [P(iae) F(elicis) G]ordia-на [e et] Proculi, односельчанина и совладельца». Отсюда видно, что прошение подано крестьянами через их односельчанина-солдата, который затем позаботился о снятии копии с резолю-ции императора и о составлении надписи. Случаи, когда солдат оказывал услуги своим землякам, были, вероятно, нередки. В другой надписи (IGRR I, 738) кометы выражают благодар-ность преторианцу за какие-то заслуги.

За латинским введением в надписи следует греческий текст:

«Императору цезарю М. Антонию Гордиану Пию Счастли-вому Августу прошение от селян скаптопаренов, они же гре-ситы»... «Мы живем и владеем землей (κεκτῆμεθα) в вышеназван-ном селе, весьма благоустроенном благодаря обладанию горя-чими водами и своему расположению между двумя находящи-мися во Фракии лагерями. Издревле жители оставались без обид и потрясений и без напряжения вносили подати и выпол-няли прочие распоряжения; когда же со временем кое-кто на-чал прибегать к силе и производить насилия, тогда и село на-чало приходить в упадок (ἐλαττωσθαι). Когда в двух милях от нашего села совершаются прославленные празднества, прибывающие туда на пятнадцать дней ради празднества не остаются на месте празднования, но оставляют его, прибывают в наше село и заставляют нас предоставлять им помещения (ξενίαι) и многое другое для их надобностей, без уплаты денег. Вдобавок сол-даты, посылаемые в другое место, отклоняются от собственных дорог, прибывают к нам и тоже принуждают нас предоставлять им помещения и провиант, не давая никакой платы. Прибывают же большей частью для пользования водами правители провин-

* 16 декабря 238 г.

ции, а также твои прокураторы. И вот, представителей власти мы очень часто принимали по необходимости, прочих же мы не в силах вынести и многократно обращались к правителям Фракии, которые, следуя божественным предписаниям, приказали не чинить нам обид, ибо мы заявили, что не можем больше выдерживать, но намерены оставить свои отчие очаги из-за чинимых над нами насилий, ведь воистину от большого числа домохозяев мы дошли до чрезвычайно малого. И некоторое время распоряжения правителей возымели действие, и никто нас не притеснял ни в смысле постоев, ни в отношении предоставления провианта; но с течением времени очень многие опять дерзнули вступить к нам, презирая наши частные интересы. И вот, так как мы уже не в силах сносить тяготы и воистину мы рискуем бросить, как и остальные, свои отчие очаги, мы ради этого просим тебя, непобедимый Август, чтобы ты своим божественным предписанием приказал каждому идти своими путями, а не, оставляя прочие селения, прибывать к нам и не заставлять нас даром выдавать им провиант и предоставлять помещение, чего мы не обязаны делать, так как правители многократно приказывали, чтобы не предоставлять помещений никому, кроме лиц, присылаемых правителями и прокураторами по делам службы. Если же нас будут притеснять, мы убежим со своих родных мест и казна понесет величайший ущерб; удостоившись милосердия твоего божественного провидения и оставшись на своей земле (ἐν τοῖς ἰδίοις), мы сумеем платить священные подати и вносить прочие платежи». В заключение просители выражают желание выставить благоприятную резолюцию императора для всеобщего сведения в виде надписи.

Далее в надписи следует материал о расследовании дела. Отсюда мы узнаем, что селение находилось в округе города Лавталии, что здесь были горячие ключи, куда приезжали для отдыха и лечения, что ежегодно с 1 октября здесь происходило пятнадцатидневное празднество, что жалобы крестьян справедливы, так как в результате постоев и вымогательств крестьяне дошли «до крайней нужды».

В заключение в надписи приводится резолюция императора (на латинском языке), предлагающего передать жалобу для расследования легату провинции, прежде чем вынести решение по ней.

Из этой надписи мы узнаем, что крестьяне платили подать (φῆρος) и другие налоги, обязаны были повинностями, в частности, обязаны были содержать прибывающих к ним представителей власти, что они действительно страдали от постоев и вымогательств, что ἀναχώρησις было не только египетским явлением, так как и скаптапарены прибегали к этому методу пассивного сопротивления.

Фракия была страна по преимуществу сельскохозяйственная. Эксплоатация рудных богатств составляла одно из основных занятий горных племен, достигших в этом деле большого совершенства. Вегеций сообщает, что при осадах «делают под землей ход, наподобие тех шахт, которые бессы, занятые ремеслом добывания золота и серебра, прокладывают, отыскивая жилы этих металлов» (IV, 24; ср. II, 11).

О ремеслах во Фракии говорят надписи коллегий кожевников (IGRR I, 717), каменщиков (τέχνη λιθοργῶν, *ibid.* 807), мастеров по производству «сирийской» верхней одежды (τέχνη σιροποιδῶν, *ibid.* 1482, Филиппополь), охотников (τὸ κυνηγῶν κοινόν, *ibid.* 731). Объединение цырюльников (συναγωγὴ τῶν κουρέων) упоминается *ibid.* 782, грузчиков (ἡ τέχνη τῶν σακχοφόρων) *Mél.* № 66 (Перинф).

Торговля, по всей вероятности, находилась в руках вифинцев, александрийских *πραγματευόμενοι*, «эллинов», имевших, как мы видели, в городах свои организации. Иноземцем (из Лаодикеи) был и историк Т. Клавдий Андроник, оставивший свое надгробие в Каллиполе (IGRR I, 818).

Фракия сохранила многое от своей древней культуры, особенно в области религиозных верований. В частности, во Фракии сохранился обычай хоронить покойников в колесницах и насыпать над ними курган.* Христианство, отразившее всеобщее уравнивание населения, не добилося в этой провинции успеха. И все же Фракия также поддалась нивелирующей силе Рима, в основном стала эллинско-римской, если даже в отдаленных от городских центров районах сохранились самобытные черты общественного строя и культуры.

* САН XI, стр. 573.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозрение восточных провинций Римской империи показывает, как разнообразны были пути, по которым шло объединение в единое государство стран и народов, различных по своей культуре, по своему историческому прошлому, по уровню социально-экономического развития. Но хотя конкретные исторические явления индивидуальны и неповторимы, в них проявляются исторические закономерности, которые именно в силу конкретности и индивидуальности их разнообразных проявлений приобретают полнокровность и силу, позволяющие видеть за случайными отдельными фактами движущие силы истории.

Так называемая прагматическая история ограничивается описанием последовательных событий и их взаимной связи. При этом большое место отводится действиям, побуждениям и целям отдельных политических деятелей и групп. В частности, в буржуазной историографии стало общим местом объяснять состояние Римской империи во II в. политикой Траяна, Адриана, Антонина и «век Антонинов» применяется не только как хронологический термин, но и как характеристика существа этого исторического периода. Но такое изучение истории совершенно несостоятельно.

Конечно, «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые умом, страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желанной цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории определяется внутренними общими законами. В самом деле, на поверхности явлений и в этой области, несмотря на сознательные и желательные цели людей, царствует, повидимому, случайность... Но где на поверхности господствует случайность, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скры-

случайность
и
необходимость.

тым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы... Когда заходит речь об исследовании тех причин, от которых, — сознательно или бессознательно зависели побуждения исторических деятелей и которые были, стало быть, истинными последними причинами исторических событий, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых замечательных, сколько те побуждения, которые пригодят в движение большие массы: целые народы или целые классы данного народа. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные движения, причиняющие великие исторические перемены».*

Самые разнообразные цели и стремления, страсти и настроения отдельных лиц, политических группировок и целых народностей сыграли свою роль в создании Римской империи: честолюбие Цезаря и военная беспомощность Помпея, алчность римских купцов, политическая инертность обедневшего, в значительной части обезземеленного крестьянства, продажность деклассированного римского люмпенпролетариата, отчаяние и тупая покорность побежденных римским оружием народов, страх перед революцией рабов и жажда гражданского мира и множество других случайных факторов. Но если в результате столкновения и переплетения самых разнообразных случайных и противоречивых импульсов возникла империя, то это было результатом объективной необходимости укрепить рабовладельческое общество путем создания новой формы политического строя. Кризис рабовладельческого общества в его классической форме мог быть разрешен в условиях того времени только попыткой укрепить позицию господствующего класса путем военной диктатуры, насильственного подавления демократии и создания единства экономики и политического строя всех подпавших под власть Рима стран и народов.

В этом объективно был заинтересован господствующий класс рабовладельцев не только Рима, но и провинций, которые внесли свою долю в строительство империи, причем эта доля все возрастала. Само завоевание провинций стало возможным в результате их внутреннего упадка; не только ослабление военной мощи Египта, царства Селевкидов, эллинистических государств Малой Азии было причиной их покорения Римом; оно было и результатом внутреннего кризиса, разрешение которого в интересах господствующего класса могло быть дано лишь в виде завоевания страны Римом. Обожествление Августа и его культ в городах Малой Азии были выражением не только сервилизма, но и реальных экономических интересов господ-

* Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 667—669.

ствующего класса, его потребности включиться в состав единой империи.

Плутарх возмущается добровольным самоуничтожением руководителей провинциальных учреждений: «Тому, кто делает свое отечество покорным властям, не следует соучаствовать в его унижении, и когда скованы ноги, подставлять еще и шею; некоторые, предоставляя на усмотрение правителей и серьезные и мелкие дела, делают порабощение [отечества] позорным и скорее вовсе упраздняют политику, делая ее робкой, трусливой и лишенной какой-либо власти. Подобно тому как люди, причувшиеся не есть и не купаться без указания врача, не пользуются своим здоровьем даже в той мере, в какой это позволяет природа, точно так же те, кто представляют на суд правителя любое решение, любое собрание, милость или распоряжение, заставляют правителей стать над ними господами в большей мере, чем сами того желают» (Ргаес. ger. geirub. XIX, 815A).

Но моральные увещания здесь бесполезны. Классовый интерес сильнее всяких моральных соображений. Независимо от субъективных целей всех этих стратегов, архонтов, стефанефоров, политархов и т. д., старавшихся путем подчеркнутой угодливости перед римскими властями добиться римского гражданства, включения в привилегированное римское сословие, избежать недовольства властей, подавить самостоятельность масс или просто устроить свои личные какие-либо дела, в основном политика, вернее, аполитичность местных магистратов диктовалась потребностью в установлении единой власти, способной обеспечить классовые интересы экономически господствующих общественных групп.

Конечно, при этом приходилось отказываться от старинных м е с т н ы х привилегий, упраздняемых вместе с упразднением автономии и местной политической жизни. Некоторые представители местной знати, естественно, продолжали цепляться за свои бывшие привилегии, консервировать или возрождать доримские порядки. Плутарх смеется над такими детскими попытками вернуть невозвратимое прошлое. «Когда мы видим маленьких детей, подвязывающих себе отцовские сандалии или в шутку надевающих венки, мы смеемся, а вот в городах управители, безрассудно призывая подражать делам предков, их замыслам и подвигам, не соответствующим уже нынешним временам и делам, возбуждают массы; поступая смешно, они страдают уже далеко не смешно, если только их не оставляют в полном пренебрежении». Плутарх поэтому рекомендует прекратить в школах риторики восхваление Марافона, Эвримедонта и Платей, так как эти воспоминания лишь впустую распаляют воображение (ibid. XVII, 814—815). Но эти воспоминания о прошлом сохранялись лишь в литературе, в риторике, в

школьных упражнениях на тему о гражданской доблести и военных подвигах и в конечном счете вошли в бутафорский реквизит римской имперской идеологии, что особенно ярко проявляется в речах Элия Аристида. Никто не принимал этого всерьез.

Основная историческая задача Римской империи состояла объективно в установлении единства, в уничтожении препятствовавших росту производительных сил племенных, этнических, политических и идеологических перегородок, мешавших установлению этого единства. Эта задача в основном была решена, хотя в различных областях империи методы ее решения и достигнутые результаты были различны. Иногда решение получалось путем уничтожения целых племен. Иудейский народ в течение столетия оказывал упорное сопротивление державному Риму.

В конце концов значительная часть населения Иудеи была уничтожена в жестоких войнах, многие проданы в рабство, другие выселились на Восток, в Двуречье, где создались более или менее автономные культурные очаги иудейства. Но и прямое насилие и политика мирного давления и даже благоприятствования приводили в конце концов к установлению единообразного строя общественной и политической жизни.

Римские императоры подчеркивали свое уважение к греческой старине, покровительствовали греческим городам, их культурным учреждениям и культовым традициям. Отдельным городам Греции была сохранена видимость свободы. Афины и, может быть, некоторые другие города сохранили судебные права (в пределах, конечно, действовавших в империи законов и распоряжений принцепса и его представителей). И все же к началу III в. конституция греческих городов ничем существенным уже не отличалась от городских организаций в других провинциях. С другой стороны, в Египте императоры проводили политику изоляции страны от внешнего мира, искусственно консервировали старые этнические деления и публично-правовые нормы общественной жизни. Но в III в. и здесь была создана та же система местного управления, какая существовала повсеместно в империи. В Греции приведение политической и общественной жизни к среднему уровню шло, так сказать, сверху, путем постепенной ликвидации традиционных учреждений и отмены привилегий. В Египте процесс шел снизу путем незаметного втягивания страны в общую жизнь империи и создания здесь такого же суррогата самоуправления, как и всюду. То обстоятельство, что разными путями и в силу разных субъективных побуждений и целей был достигнут в основном один и тот же конечный результат, позволяет с большей уверенностью определить общую тенденцию политического развития.

Исходным пунктом для нивелирования провинций, их органического объединения было завоевание и насильственное разрушение прежнего политического порядка, а затем и прежних условий общественной жизни. Этот первоначально насильственный характер организации империи, конечно, наложил свою печать на всю историю провинций, где в той или иной мере постоянно чувствовалась тяжелая десница Рима и не угасала ненависть к завоевателю. Даже в Азии, больше других извлекавшей пользу из своего включения в империю, не прекращалась скрытая оппозиция против Рима, получившая выражение в апокалиптической литературе. Со временем эта оппозиция все больше принимала характер социального протеста против эксплуататорского строя общества, жажды не столько восстановления былой независимости или возврата к порядкам разрушенного родоплеменного строя, сколько социального переустройства общества, что отразилось особенно ярко в идеях раннего христианства.

С другой стороны, римское правительство постепенно перестало смотреть на провинцию как на завоеванную силой оружия страну. В сочинениях юристов о правилах и методах управления провинциями (Марцелл, *de officio praesidis*; Павел, *de officio proconsulis*; Мацер, *de officio praesidis*; Венулей Сатурнин, *de officio proconsulis*; Ульпиан, *de officio proconsulis, de officio curatoris reipublicae*) отражаются прежде всего все нарастающие тенденции превращения Римской империи в бюрократическое государство с бесправными подданными. Однако наряду с этим в тех же юридических произведениях даются указания и о необходимости считаться с местными обычаями и установлениями, особенно если они, удовлетворяя то или иное желание провинциалов, не затрагивают интересов императорской власти. Так, Ульпиан рекомендует проконсулу при въезде в провинцию «соблюдать и то, чтобы въехать в ту часть провинции, через которую принято по обычаю въезжать, и соблюдать то, что греки называют *ἐπιδημία* или *κατάπλους*, при выборе первого города для въезда: провинциалы придают большое значение соблюдению у них этого обычая и такого рода прерогатив. В некоторых провинциях установлено, чтобы проконсул прибывал морем, как, например, в Азии, так что наш император Антонин Август по желанию азийцев предписал в рескрипте проконсулу непременно приезжать в Азию морем и из всех метрополий причалить прежде всего в Эфес» (Dig. I, 16, 4, 5).

Так постепенно складывается представление о Римской империи как едином и единственном государстве. Это нашло свое выражение и в юридической формуле: «Рим — общее наше отечество» (Dig. I, 1, 33).

Было ли достигнуто действительное единство, во имя которого господствующий класс в восточных провинциях отказался от своих политических привилегий и защищал верой и правдой режим империи? Было бы неправильно утверждать, что Римская империя представляла какое-то сплошное единообразие, что совершенно исчезли всякие местные различия, что окончательно были подавлены сепаратистские течения, что новый римский народ без остатка поглотил старые этнические различия. Такого единообразия и обезличивания история никогда не знала. Но при сохранении ряда различий в частностях, несомненно, создалось единство в основном — в производственных отношениях, в классовой структуре общества, и местные различия и особенности только позволяют отчетливее видеть основную тенденцию к созданию единого типа социальных отношений во всей империи.

«Общественные отношения в провинциях все больше и больше приближались к общественным отношениям в столице и в Италии. Население все больше и больше разделялось на три класса, составлявшихся из самых разнообразных элементов и национальностей: богачи, среди которых было немало вольноотпущенных рабов (см. Петроний), крупных землевладельцев, ростовщиков, или то и другое вместе, вроде дяди христианства Сенеки; неимущие свободные — в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях же им предоставлялось самим заботиться о себе; наконец, огромная масса рабов».*

Ярким внешним выражением этого процесса было превращение терминов «эллины», «римляне» («ромеи»), «египтяне» из этнических в классовые, возникновение внутри прежних этнических и племенных групп делений по классовому принципу, подчеркиваемых различиями в культе и даже в языке (Египет, Сирия, Фригия).

Римская империя разрушала древневосточные и первобытно-общинные земельные отношения в восточных провинциях. Вместо «царской», храмовой или общинной земли в Египте, Малой Азии, Фракии появляется мелкая и крупная частная собственность на землю. Передача значительных земельных территорий в ведение городов (πολιτικὴ χώρα), появление обширных императорских земельных владений и частных латифундий в короткий срок разрушили земельную общину, державшуюся тысячелетиями, и ускорили процесс классовой дифференциации. Этот процесс, понятно, не везде был доведен до полного завершения. Во Фракии еще в III в. сохранялись наряду с городскими территориями и крупными частными владе-

* Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

ниями сельские общины, выступающие как отдельные административные единицы. В Египте уже не было общинной собственности на землю, но сохранялась общинная организация, служившая одним из средств контроля над выполнением повинностей населения. В Галатии, в горных районах Исаврии или Писидии, у фракийских горцев, у арабских племен Сирии сохранились значительные пережитки первобытно-общинного строя; даже в наиболее развитой провинции Азии имеются следы доримских и доэллинских общественных учреждений. В этом заключалось своеобразие этих провинций, сыгравшее некоторую роль впоследствии в процессе формирования феодализма на Востоке.

Для процесса уравнивания населения империи в отношении его социального строя немалое значение имело то обстоятельство, что в административно-судебной практике римские власти признавали деление только на граждан и неграждан. При таких условиях старые сословные деления, где они сохранились, теряли реальное содержание и превращались в более или менее почетные звания. Менодора в Силлиуме (Памфилия) при раздачах населению назначала различные суммы лицам, принадлежащим к разным категориям — члены буле, граждане (Силлиума), парэки и т. д. В Египте различные категории населения признавались официально, и «Гномон идиолога» регламентирует их обязанности перед фиском. Но со временем эти различия стираются.

Одновременно начинает рушиться грань и между гражданами и негражданами, по мере того как число граждан возрастает, а реальное содержание привилегий римского гражданства все более суживается. В римских юридических текстах II—III вв. все чаще появляется классовое деление на *honestiores* и *humiliores* (параллельно встречаются *altiores*, *potentiores*, которым противопоставляются также *tenuiores*). Хотя первоначально *honestiores* обозначало людей, занимавших какие-либо магистратуры (*honos*), этот термин стал применяться к лицам, вообще отличавшимся знатностью и богатством; поскольку эти лица входили в сословие (*ordo*) декурионов, различие между *honestiores* и *humiliores* совпадало с различием между *ordo* и *plebs* (Dig. XLVII, 18, 2: *honestior* у противопоставляется *plebeius*), и стала возможной юридическая квалификация привилегий *honestiores*. Ряд текстов в «Дигестах» устанавливает разные наказания за одни и те же преступления, в зависимости от того, принадлежит ли преступник к *honestiores* или *humiliores*. В этом отношении текст, например, Dig. XLVIII, 19, 38, напоминает древневосточные кодексы. Характерно, что в числе наказаний для *honestiores* не раз фигурирует конфискация (иногда частичная) имущества, но не для *humiliores*.

liores. Категории *honestiores* и *humiliores* прочно входят в законодательство с III в., когда римское гражданство, дарованное всему свободному населению, потеряло по существу свое социальное содержание.

Одним из обстоятельств, содействовавших упразднению старых общественных условий жизни, была перетасовка, перекраивание провинций, особенно в Малой Азии и Сирии, учреждение судебных округов (*conventus iuridici*) без учета старых этнических и административных делений. Поскольку провинции не совпадали с прежними границами полиса, государства, народности, создавалось новое объединение интересов на почве только территориального единства.

Конечно, старые узы, связывавшие людей между собой, рухнули нелегко. Финикийцы, сирийцы вдали от родины организуют свои землячества, сохраняют организационные связи с родиной, составляют надписи на родном языке или двуязычные. Особенно устойчивы и консервативны были культовые связи. Но именно здесь особенно ярко выразилась нивелирующая роль Римской империи.

Потребность в мировой религии, которая соответствовала бы новому порядку вещей, привела к синкретизму, смешению греко-римских культов с восточными, к соединению в одном многоименном божестве функций многих племенных божеств. Последние «жили лишь до тех пор, пока существовали создавшие их народности, и падали вместе с ними... Старые боги пришли в упадок; этой участи не избежали даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима».* Старые восточные боги, получившие новые атрибуты, вышли за пределы своей родины, и почитатель Митры, или Савазия, или иного крупного восточного божества мог на чужой стороне найти его храм и культовую организацию. Но эти новые синкретические божества или старые боги, оторвавшиеся от породившего их народа или племени, приняв характер мировых богов, недостаточно отразили процесс разложения старых общественных отношений. Изида, пользовавшаяся и вне Египта повсеместным почитанием как владычица небесная, оставалась все же по своим культовым традициям египетской богиней. Митра, культ которого Кюмон проследил в самых отдаленных уголках Римской империи, все же сохранил многие специфические черты персидской религии; Ренан поэтому был неправ, утверждая, что одно время трудно было решить, на чьей стороне будет перевес в борьбе за превращение в единую религию империи—на стороне митраизма или христианства. Христианство, также возникшее на Востоке и

* Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674.

на основе восточной религии — иудаизма, с самого начала имело в своем учении и организации залог победы над митраизмом и прочими древними религиями, так как оно самым решительным образом порвало с прошлым, отвергло различия между людьми и тем самым стало наиболее соответствовавшим условиям того времени дополнением к мировой Римской империи.

Новые религии, и в первую очередь христианство, содействовали ликвидации старых общественных отношений. Известную роль здесь сыграл также императорский культ. Существовавшие на Востоке *κοινά*, во-первых, дали возможность переклестить на службу императорскому культу стремление сохранить какую-то видимость самостоятельности. *Κοινόν* Вифинии или Азии или Панэллинский союз, эти уродливые суррогаты общественной жизни, помогли вытеснить из быта и даже из воспоминаний то реальное содержание, каким некогда была заполнена политическая жизнь этих стран. Кроме того, поскольку основной объект деятельности *κοινά*, различавшихся главным образом по имени, был один и тот же — императорский культ, они также (несмотря на соперничество между ними иной раз) служили элементом, объединяющим разные провинции общим культом и единообразной формой организации. Они поэтому могли послужить базами, на которых создавались христианские митрополии.

Романизация восточных провинций, т. е. их органическое слияние с империей, протекала в форме эллинизации. В этом отношении продолжался процесс, начавшийся вместе с завоеваниями Александра Македонского. Его внешним выражением было господство на Востоке греческого языка как языка официального, языка образованного общества, языка литературного.

Не следует, однако, упускать из виду, что «романизация», «эллинизация» означают не односторонний процесс усвоения «варварами» греко-римской культуры, а взаимопроникновение греко-римской и восточных культур. Это можно проследить даже в судьбе латинского и греческого языков, которые оказали громадное взаимное воздействие друг на друга. Дело не только в том, что чисто латинские идиомы проникают в греческий язык (например, евангельское *ἐργατῶν δοῦναι* — буквальный перевод, «калька» с лат. *operam dare*) и обратно, а в том, что живой греческий язык, как это видно из надписей и папирусов, обогатился и «засорился» до такой степени латинизмами и барбаризмами, что под его воздействием и литературный язык далеко ушел от своего классического прообраза; возникла поэтому школа аттицистов, стремившаяся возродить чистоту литературного аттического языка. Переводы Библии на греческий язык («Септуагинта», Симмах, Акила, Теодотион) ввели не только восточные слова и обороты в греческий язык, но и обогатили его но-

выми понятиями и образами. А получившая быстрое распространение христианская литература на греческом языке не только внесла новые арамеизмы в греческий язык, но и создала новые литературные жанры, распространила в массах религиозные идеи, сложившиеся из элементов восточных религий, главным образом иудейской. Филон Александрийский унаследовал аллегорический метод толкования понятий от стоиков; но свои философские труды он изложил в форме экзегетических комментариев к Библии, несомненно, идя при этом по пути, продолженному еврейскими мидрашами.

Восточная эсхатология и апокалиптика широко распространились в греко-римском мире не только в виде христианской и иудейской литературы, но и в ряде языческих произведений. Восточная астрология стала прочным достоянием греко-римской культуры. Многочисленные дошедшие до нас «магические» папирусы показывают самое причудливое смешение различных восточных и греческих религиозно-магических представлений. Герметическая литература, гностические религиозно-философские спекуляции представляют сочетание египетских и других восточных элементов с греческой мифологией и богословием.

Греческая образованность приняла под влиянием Востока новый вид. Возникшее во II в. христианское богословие не только стремилось к слиянию с греко-римской философией путем усвоения идей греческих идеалистических систем, но и само оказало на него сильнейшее воздействие. Христианские школы в Александрии и Антиохии стали центрами, откуда шло проникновение христианского богословия в греческую философию. Порфирий, вышедший, как и Ориген, из неоплатоновской школы Аммония, пишет (у Евсевия, HE VI, 19), что Ориген, став христианином, «в своих воззрениях на общественные дела и богословие оставался эллиниствующим, приспособляя к эллинским взглядам чуждые им мифы». Но и Порфирий, оставаясь язычником и неоплатоником, по существу усвоил многие идеи христианского богословия, и если Ориген был «эллиниствующим», то Порфирия и других платоников, несмотря на их ненависть к христианству, можно считать «христианинствующими». Недаром и сложилась легенда, будто Порфирий был некогда христианином.

Эллинизация Востока не была полной. Как раз в период империи создается грандиозная литература Талмуда и мидрашей на новоеврейском и арамейском языках. В Сирии создается своя письменность и христианская литература на сирийском языке. В Египте возникает коптская письменность. Арабские языки сохранили свою самобытность. Но сохранение местных языков у народов древней культуры не означает, что эти народы не были втянуты в процесс смешения и уравнивания народов

Римской империи. Сирийская литература была прежде всего христианской, т. е. ее содержание определялось религиозной идеологией, типичной именно для империи, а не для Сирии в отдельности. То же относится и к коптской литературе. Евреи, хотя они искусственно старались отгородиться от ненавистного Рима и его «языческой» культуры, все же испытали сильное влияние не только греческого и латинского языков, но и греческих философских идей, римского права, христианского богословия. Мало того, восточная литература оказалась хранительницей а н т и ч н ы х традиций в период раннего средневековья, что определило в значительной мере расцвет восточной культуры периода халифата и то громадное влияние, какое оказала арабская и арабско-еврейская образованность на средневековую Европу.

Уравнивание провинций и Италии, смешение восточных и западных культур не было последовательным прямолинейным процессом, и результаты его были различны в зависимости от исходного пункта, от конкретных исторических условий.

Главное же, е д и н о о б р а з и е общественного и политического строя, устанавливавшегося в Римской империи, отнюдь, конечно, не означало социального единства. Напротив, оно означало возникновение открытых классовых противоречий там, где до включения в состав империи еще существовал, в большей или меньшей степени разложения, первобытно-общинный строй, и обострение классовых противоречий в тех областях империи, которые имели за собой длительную историю, наполненную классовой борьбой. В период империи происходит концентрация земельных и денежных богатств в руках немногих — в Ахайе, в Египте, в Македонии, в Азии. Обезземеленные крестьяне попадали в полную зависимость от землевладельцев. В городах масса населения бедствовала. Организация империи отдалила, но не разрешила кризис рабовладельческого общества.

Одновременно с объединением государства шел распад рабовладельческого строя. И вот здесь сказалась неравномерность общественного развития. В то время как малоазиатские провинции пережили после крушения эллинизма новый подъем, позволивший господствующему классу упрочить на время свои позиции, Эллада, вошедшая в период эллинизма в полосу тяжелого кризиса, не могла выйти из него и после включения в состав новой мировой державы. Отсталые страны — Галатия, Фракия, внутренние районы Малой Азии — поднялись на новую, высшую ступень социального и экономического развития и не успели еще растратить производительные силы, в то время как Египет с его тысячелетней культурой в результате римского господства пришел в упадок.

В III в., когда империя переживает тяжелый кризис, восточные провинции оказываются в основном мало задетыми. Экономические возможности западных провинций были близки к концу, так как внутренний рынок исчез, а варварская периферия была источником тревог и беспокойства. Между тем города Малой Азии сохранили торговые связи с культурными странами Востока, а Северное и Восточное Причерноморье продолжали оставаться для них источником сырья, рынком сбыта и в некоторой степени оплотом против варварских нашествий.

Таким образом, реформы Диоклетиана, окончательно превратившие империю в полицейско-бюрократическое государство, были неизбежным завершением противоречивого процесса развития, упразднившего разнообразные политические формы античного рабовладельческого общества и создавшего новую организацию его классового строя. Вместе с тем было подготовлено и разделение империи на западную и восточную части, которые пошли по разным путям в силу различия их предшествующего экономического развития. Изучение восточных провинций Римской империи в период принципата подводит к пониманию различия исторических судеб Восточной и Западной Римской империи. Это должно стать предметом специального исследования.

15 марта 1946 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Aeg. — Aegyptus. *Rivista italiana di egittologia e di papirologia*
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh. — American Journal of Philology
AP — Archiv für Papyrusforschung
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BGU — Ägyptische Urkunden aus den Museen zu Berlin. Griechische Urkunden
HCA — Cambridge Ancient History
CIG — Corpus inscriptionum Graecarum
CIL — Corpus inscriptionum Latinarum
CIS — Corpus inscriptionum Semiticarum
DP — Dura Pergament
FJR — Bruns, Fontes juris Romani antiqui
IG — Inscriptiones Graecae
IGRR — R. Cagnat, Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes
ILS — Dessau, Inscriptiones Latinae selectae
IOSPE — Latyschew, Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JHS — Journal of Hellenic Studies
Journ. Phil. — Journal de Philologie

- JRS — Journal of Roman Studies
 Le-Bas — Le-Bas — Waddington, Voyage archéologique
 Lidzbarski — M. Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik
 MAMA — Monumenta Asiae Minoris antiqua
 (tsMitt(ei) — L. Mitteis u. U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, B. II, Juristischer Teil.
 OGIS — W. Dittenberger, Orientis Graeci inscriptiones selectae
 O. Theb. — Gardner, Thompson and Milne, Theban Ostraca
 P. Fior. — Vitelli, Papiri Fiorentini
 P. Gen. — Nicole, Les papyrus de Genève
 P. Giss. — Griechische Papyri im Museum des oberhessischen Geschichtsvereins zu Giessen
 P. Hamb. — P. Meyer, Griechische Papyrusurkunden der Hamburger Stadtbibliothek
 P. Lond. — Greek Papyri in the British Museum
 P. Oslo. — Eitrem and Amundsen, Papyri Osloenses
 P. Oxy. — Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus Papyri
 P. Rain. — Catal. Papyrorum Erzherz. Raineri
 P. Ryl. — Catalogue of the Greek Papyri in the John Rylands Library
 PSI — Pubblicazione della Società italiana per la ricerca dei Papiri
 P. Tebt. — Grenfell — Hunt — Goodspeed — Smyly The Tebtynis Papyri
 Pév. Upps. — T. Kan, Berliner Leihgabe aus dem Berliner Museum
 Rhil. — Philologus
 PA — Revue archéologique
 REA — Revue des études anciennes
 REG — Revue des études grecques
 REJ — Revue des études juives
 RHR — Revue de l'histoire des religions
 Rev. Phil. — Revue de philologie
 RE — Pauly — Wissowa — Kroll, Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 Riv. Fil. — Rivista di filologia e di storia antica
 Röm. Mitt. — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung
 SB — Preisigke und Bilabel, Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten
 SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
 SIG — W. Dittenberger, Sylloge inscriptionum Graecarum
 SHA — Scriptores historiae augustae
 TAM — Tituli Asiae Minoris
 W. — Wilcken, Grundzüge u. Chrestomathie der Papyrskunde, T. I, Chrestomathie
 W. Grundz. — ibid., T. II, Grundzüge
 ZSSt — Zeitschrift der Savignystiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Введение	5
Азия	35
Понт и Вифиния	70
Ликия и Памфилия	85
Киликия	95
Галатия	104
Каппадокия	117
Сирия	127
Египет	166
Киренаика и Крит	211
Греция (Ахайя, Македония)	216
Фракия	242
Заключение	251
Список сокращений	262

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*. Технический редактор *Е. Н. Симкина*. Корректоры *В. К. Гарди* и *М. С. Тепер*

РИСО АН СССР 3152 А—12292. Издат. № 1662. Тип. заказ № 842.

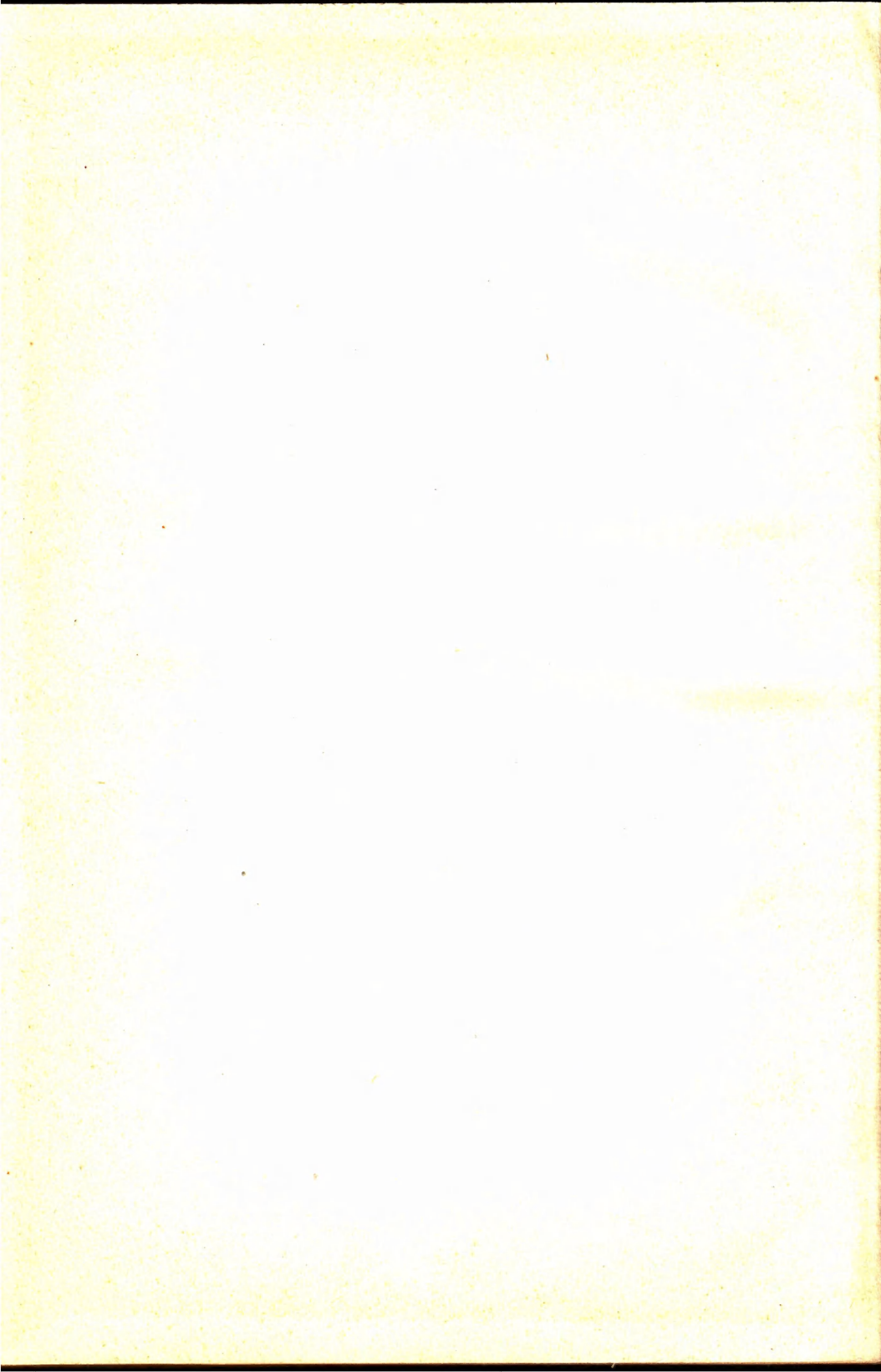
Подп. к печати 17/XII 1948 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 16¹/₂.

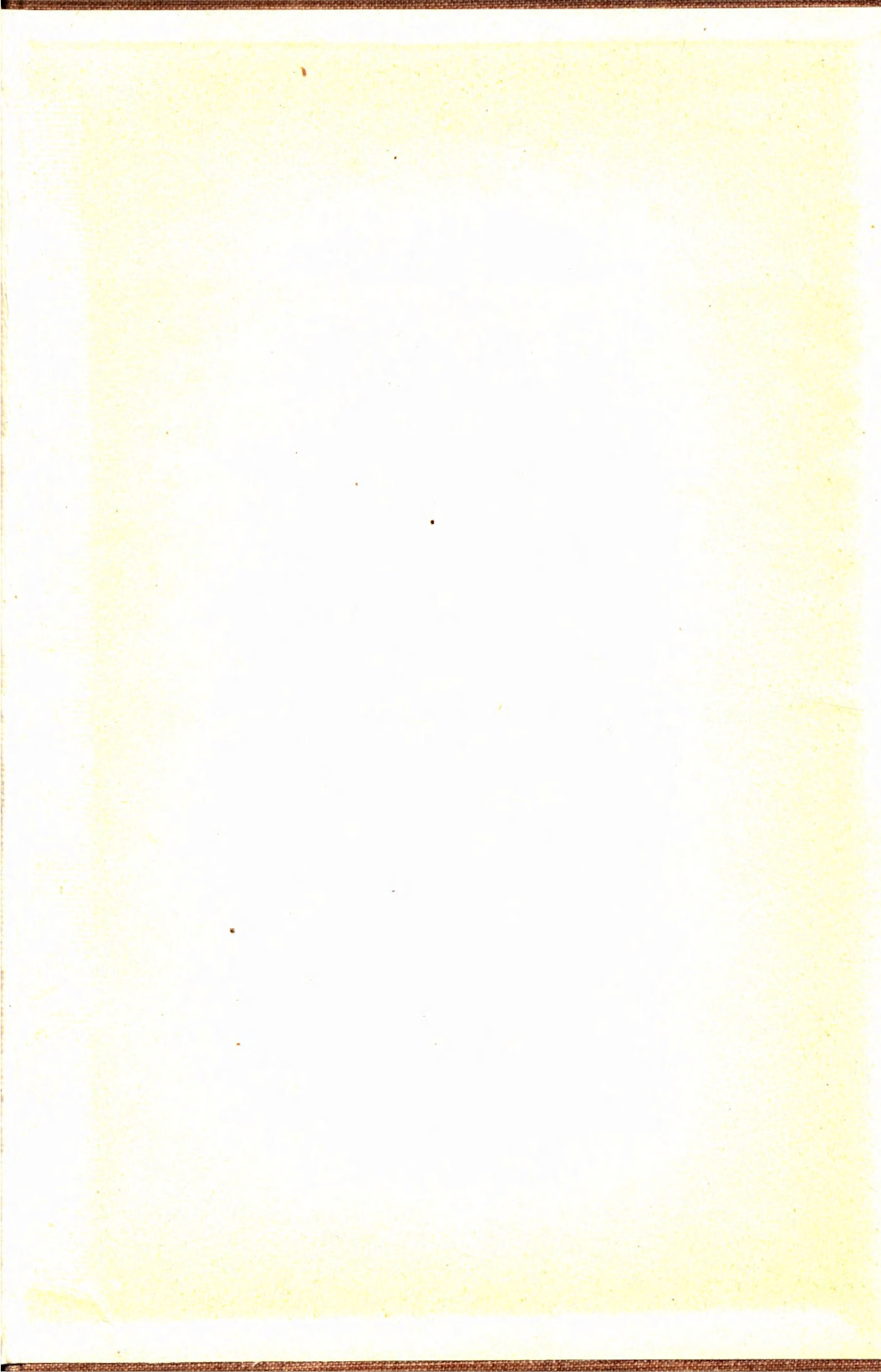
Уч.-изд. 17,5 Тираж 4000. Цена в переплете 17 р.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

66

А. Я. Росковник

ВОСТОЧ-
НЫЕ
ПРОВИН-
ЦИИ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

